Николай Костомаров
Мазепа

Аннотация

Основоположник русской исторической мысли Н.И.Костомаров (1817—1885) одну из своих серьезных научных работ посвятил Мазепе — одноименная монография до сих пор является самым подробным исследованием этой противоречивой личности. С именем Мазепы связан важный период истории Украины — «Гетманщина», который, несмотря на прошедшие столетия, по-прежнему остается одним из самых политизированных, а фигура Мазепы и сегодня является предметом бесконечных споров.

Николай Костомаров
МАЗЕПА

Б. Г. Литвак
«Гетман-злодей»

Имя Ивана Степановича Мазепы известно современному читателю скорее всего как одно из действующих лиц поэмы А. С. Пушкина «Полтава», откуда мы заимствовали чеканную пушкинскую характеристику и вынесли ее в заголовок этого предисловия. Реальная историческая личность, так или иначе связанная с историей петровского времени, Мазепа представляет интерес не только в контексте Северной войны Петра Великого и Карла XII. Эта фигура появилась на горизонте истории украинского народа во время, когда эйфория воссоединения с Россией выветрилась под грубым напором царского кулака, когда взамен польского крепостного ига украинские крестьяне подвергались закрепощению своей же «единокровной» старшиной под эгидой и при усиленной поддержке господствующего класса Российского государства.

Со времени исторической Переяславской рады 1654 г., принявшей решение о воссоединении Украины с Россией, и до 1663 г. все вопросы, касавшиеся Левобережной Украины, решались в канцелярии по малороссийским делам Посольского приказа, т. е. внешнеполитического ведомства царского правительства. В 1663 г. был учрежден Приказ Малыя России, который более известен как Малороссийский приказ. Он был непосредственно

подчинен царю и должен был усилить контроль за деятельностью гетманского управления Украиной. Взаимоотношения России и Украины во времена гетманства Мазепы регулировались так называемыми «Коломацкими статьями», принятыми в 1687 г. Эти статьи подтверждали наделение Левобережной Украины «правами и вольностями их прежними», но фиксировали наличие в Киеве, Чернигове, Переяславе, Нежине и Остере русских воевод и ратных людей «для обороны от неприятелей и чтоб впредь в малороссийских городах замешания и измены ни от кого никакия не было»[1]. Статьи определяли порядок избрания гетмана и генеральной старшины, управлявших Украиной, статус «его царского пресветлого величества войска Запорожского». Без царского указа ни выборы гетмана, ни его устранение не разрешались. То же касалось генеральной старшины, гетманова войска и полковников, в том числе из русских офицеров, высших церковных иерархов.

К моменту избрания гетманом Мазепы Левобережная Украина имела следующее административно-территориальное деление и внутреннее управление. Она была разделена на десять полков: Гадячский, Киевский, Лубенский, Миргородский, Нежинский, Переяславский, Полтавский, Прилукский, Стародубский, Черниговский. Эти административно-территориальные образования, в свою очередь, делились на сотни (примерно до 20 в каждом полку), сотни делились на курени, а последние объединяли несколько селений.

Управление Украиной осуществлялось гетманом, избрание которого подтверждалось царской грамотой. В его руках была сосредоточена не только административная и военная власть, но и высшая судебная: без его санкции смертная казнь не совершалась. При гетмане действовала генеральная старшина в составе генерального обозного, в ведении которого была вся артиллерия, генерального судьи, ведавшего генеральным судом, генерального подскарбия, ведавшего финансовыми делами, генерального писаря, ведавшего канцелярией, двух генеральных есаулов-инспекторов войска и адъютантов гетмана; примерно теми же функциями были наделены генеральный хорунжий и генеральный бунчуковый. Генеральная старшина составляла и внешний слой класса феодалов, — так, Мазепа владел 100 тыс. крестьян на Украине и 20 тыс. в соседних с ней уездах России. Генеральный писарь, а затем генеральный судья Василий Леонтьевич Кочубей, как пишет А. С. Пушкин, был «богат и славен… Его луга необозримы;

Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругом Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра
И на виду, и под замками».

Не отставали от генерального писаря и другие представители старшины. Полковое управление копировало на уровне полка высшее управление. Во главе военно-административной и судебной власти стоял полковник, при нем — полковая старшина: обозный, писарь, есаул, судья, хорунжий. Официально все должны были быть выборными и утверждались гетманом специальным универсалом. Полковнику вручались символы власти: полковничий пернач, знамя и печать. Как свидетельствовал Кочубей, Мазепа «за полковницкие уряды великие берет взятки»[2]. Сотенное управление состояло из сотника и сотенной старшины. Должности также были выборными. Выборы сотника подтверждались универсалом гетмана, после чего ему вручалась «корогва» (сотенное знамя). В состав старшины входили хорунжий, писарь, есаул. За исполнение своих обязанностей они получали денежную оплату в год от 25 до 50 золотых. Это отличало их от полковой и генеральной старшины, которая

[1] Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским. М., 1858. Ч. 1. С. 308—309.

[2] Источники малороссийской истории… Ч. 2. С. 109.

наделялась землей и крестьянами, не считая различных «подарков». На самой низшей ступени администрации стоял куренной атаман, которому подчинялись казаки куреня. Крестьяне и мещане куреней были подчинены войту. Эта стройная иерархия управления дополнялась отдельными волостями (подданными церкви) или староствами (гетманскими автономными владениями) — ими управляли старосты, которых назначал гетман. Таким был политико-административный строй Левобережной Украины во времена Мазепы.

Украинский народ стремился к объединению всех своих земель, но вместе с тем восставал против социального неравенства. Ловкий авантюрист и тонкий политик, Мазепа гетманствовал более 20 лет, что само по себе уже стало выдающимся событием в динамичной истории Украины того времени. Однако он вошел в историю Украины, в сознание ее свободолюбивого народа как «проклята Мазепа» — не как личность, а как символ зла. Если современники и ближайшие потомки в своих народных песнях и сказаниях иначе его и не называли, то в наши дни все громче раздаются иные оценки. В поисках истины всякий интересующийся жизнью и деятельностью И. С. Мазепы должен обратиться к историческим исследованиям о нем. На этом пути он в первую очередь встретится с исследованием Н. И. Костомарова, выдающегося историка, заслуги которого перед мировой наукой и культурой столь велики, что решением ЮНЕСКО год его стопятидесятилетия отмечался во всем мире.

Николай Иванович Костомаров родился в 1817 г. в помещичьей семье в селе Юрасовка Острогожского уезда Воронежской губернии. С 1833 г. учился в Харьковском университете на историко-филологическом факультете, в 1844 г. получил звание магистра. Уже в 1839 г. он издал два сборника украинских песен — «Украинские баллады» и «Ветка». Так началось его становление как литератора и этнографа, великолепного знатока украинской поэзии.

По окончании университета он учительствует в ровенской, а затем в киевской первой гимназии, а в июне 1846 г. его избирают адъюнктом русской истории Киевского университета св. Владимира. Как впоследствии вспоминал Костомаров, процедура избрания его советом университета состояла в том, что он должен был прочесть на совете лекцию на заданную тему. В данном случае она сводилась к вопросу, «с какого времени следует начинать русскую историю». Лекция «произвела самое хорошее впечатление. По удалении моем из зала совета, — писал Костомаров, — произведена была баллотировка, а через час ректор университета, профессор астрономии Федотов, прислал мне записку, в которой известил, что я принят единогласно и не оказалось ни одного голоса, противного моему избранию. То был один из самых светлых и памятных дней моей жизни. Университетская кафедра давно уже для меня была желанною целью, которой достижения, однако, я не надеялся так скоро».

Так началась его научно-педагогическая деятельность на поприще истории России и Украины. И хотя Костомаров в цитированных выше воспоминаниях и писал, что он с этого момента «начал жить в совершенном уединении, погрузившись в занятия историею»[3], он не стал кабинетным ученым, своего рода Пименом, равнодушным к «добру и злу». Он не оставался глухим к зову реалий современной ему жизни, впитывая и разделяя освободительные идеи передовых людей России и Украины, широко распространявшиеся в начале 40-х годов прошлого столетия. Знакомство с первым выпуском «Кобзаря» Шевченко (1840 г.), с его поэмой «Гайдамаки» (1841 г.) и бессмертным «Заповітом» (1845 г.) оказало стимулирующее воздействие на Костомарова и его друзей, организовавших «Славянское товарищество св. Кирилла и Мефодия» (так оно названо в уставе, но известно под названием «Кирилло-Мефодиевского общества»). В 1990 г. вышло трехтомное собрание документов, отражающих историю этой организации[4] и дающих возможность впервые досконально изучить это яркое историческое явление и роль Костомарова в нем. Среди так называемых вещественных доказательств в «деле Костомарова» находим его рукопись (автограф) на украинском языке под названием «Книга буття українського народу» («Книга бытия украинского народа»), где в форме библейского сказания формулируются важнейшие

[3] Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 476.

[4] Кирило-Мефодіівське товариство у трьох томах. Київ, 1990. Т. 1—3.

мировоззренческие позиции автора.

В стихе 10 автор пишет: «И Соломона, мудрейшего из всех людей, попустил Господь в великое безумие, а потому он это сделал, чтобы показать, что хоть какой будет умный, а как станет самодержавно править, то одуреет»[5]. Затем, живописуя уже евангельские времена, автор констатирует, что цари и паны, приняв учение Христа, извратили его («попереверчували»)[6]. Это злодейское деяние Костомаров конкретизирует примером истории Руси, показывая, как свободно жили русичи без царя, а когда он воцарился, «кланяясь и целуя ноги хану татарскому басурману, вместе с басурманами закрепостил народ москалей» (стих 72). А когда «царь Иван в Новгороде душил и топил по десятку тысяч народу за один день, летописцы, рассказывая это, называли его христолюбивым» (стих 73). На Украине же «не сотворили ни царя, ни пана, а сотворили братство-козачество, к которому каждый мог примкнуть, будь он пан или невольник, но обязательно христианин. Там все были равны, и старшины избирались и обязаны были служить всем и на всех работать. И никакой помпы, никакого титула не было между козаками» (стих 75—76). Однако польские «паны и иезуиты хотели насильно повернуть Украину под свою власть… тогда на Украине появились братства, такие, как были у первых христиан», но Украина все же попала в неволю к Польше, и только восстание народа освободило Украину от польского ярма, и она пристала к Московии, как к славянской стране. «Однако скоро увидела Украина, что попалась в неволю, она, по своей простоте, еще не знала, что такое царь, а царь московский это все равно, что идол и мучитель» (стихи 82—89). Тогда Украина «отбилась от Московии и не знала, бедная, куда ей повернуть голову» (стих 90). В результате она была разделена между Польшей и Русью, а это «есть самое негодное дело, что когда-либо случалось в мире» (стих 93). Затем автор сообщает о том, что царь Петр «положил сотни тысяч Козаков в канавах и на их костях построил себе столицу», а «царица Екатерина-немка, курва всесветная, явная безбожница, — доканала козачество, так как отобрала тех, которые были старшиной на Украине, и наделила их вольными братьями, и стали одни панами, а другие — невольниками» (стихи 95—96). «И так пропала Украина, но это только кажется» — заключает автор (стих 97) и намечает выход: — Украина «скоро проснется и крикнет на всю широкую Славянщину, и услышат ее крик, и встанет Украина и будет независимой Речью Посполитою (т. е. республикой. — Б. Л.) в славянском союзе»[7] (стихи 108—109).

Если к этому добавить и стихотворение, тоже на украинском языке, которое было изъято во время обыска на квартире Костомарова и ошибочно приписано жандармами Т. Г. Шевченко, но на самом деле написанное Костомаровым, то можно определить мировоззренческие и историко-философские позиции 30-летнего историка. Многое, конечно, для нас неприемлемо (например, тезис о том, что Екатерина II создала феодальный строй на Украине), однако анализ стихов позволяет определить идеологию Кирилло-Мефодиевского общества как национально-освободительную и демократическую; в формировании ее Костомаров, очевидно, принимал деятельное участие. Отметим, что Костомаров не был, пользуясь современным ходким термином, ни русофобом, ни полонофобом, ни украинским националистом. Он был человеком, глубоко верящим в необходимость братского единения всех славянских народов на демократических началах.

Горе тим, котрі говорють:
Наша власть од Бога,
А без страху над собою
Не знають нікого.
Горе вченим, котрі злее

---

[5] Кирило-Мефодіївське товариство у трьох томах. Т. 1. С. 251 (здесь и далее перевод мой. — Б. Л.).

[6] См. там же. С. 255.

[7] Там же. С. 256—258.

Добрим нарікали,
Тим, що істину святую
Од простих ховали!

…Любітися, діти слави, Любов нас спасае!
Слава-честь тобі вовіки,
Орле наш двоглавий!
Бо ти шпонами своіми
Вирвеш із неволі,
Із поруги давній на світ
Слов'янськую долю![8]

Эти стихи свидетельствуют о надежде автора на освободительную миссию России, чей образ идентифицирован с символом «орле наш двоглавий».

Естественно, что на допросах Костомаров отрицал наличие общества и свою принадлежность к нему, объяснял, что золотое кольцо с надписями «Кирие элейсон» («Господи помилуй». — Б. Л.) и «Св. Кирилл и Мефодий» вовсе не знак принадлежности к обществу, а обычное кольцо, которое носят на пальце христиане в память о святых, ссылаясь при этом на широко распространенное кольцо с надписью в память святой Варвары. Но все эти объяснения не были приняты следователями и, как видно из определения III отделения собственной его императорского величества канцелярии от 30—31 мая 1847 г., утвержденного царем, он был признан виновным (тем более «что он был старее всех по летам, а по званию профессора обязан был отвращать молодых людей от дурного направления») и приговорен к заключению «в Алексеевский равелин на один год» с последующей отправкой «на службу в Вятку, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора; изданные же им под псевдонимом Иеремии Галки сочинения „Украинские баллады“ и „Ветка“ воспретить и изъять из продажи»[9].

Николай I разрешил свидания Костомарова с матерью только в присутствии коменданта крепости, а когда мать начала буквально бомбардировать III отделение прошениями о досрочном освобождении сына и отправке его в Крым на лечение в связи с его болезнью, ни одно прошение не было удовлетворено, на них всегда появлялась краткая, как выстрел, резолюция «нет», начертанная рукой управляющего отделением Л. В. Дубельта.

Когда же Костомаров отсидел год в крепости, то и тогда он вместо испрашиваемой матерью замены ссылки в г. Вятку ссылкой в г. Симферополь был по распоряжению Николая I отправлен в г. Саратов с выдачей ему 300 руб. серебром единовременного пособия. Правда, вовсе не из чувства сострадания, а только потому, что, как докладывал всесильный шеф жандармов и начальник III отделения генерал-адъютант Орлов, надломленный Костомаров «поставил себе первым долгом письменно изъявить живейшую верноподданическую признательность Вашему Императорскому Величеству за то, что Ваше Величество, вместо строгого наказания, по чувствам благости своей, даровали ему еще возможность загладить усердною службою прежнее его заблуждение»[10]. Эта отправка в Саратов не означала еще полного освобождения, так как Костомарова сопровождал жандарм, поручик Альпен, который должен был следить за тем, чтобы его поднадзорный не входил «с посторонними лицами в излишние разговоры». Поручик, так сказать, «сдал» Костомарова саратовскому гражданскому губернатору М. Л. Кожевникову. Правда, Орлов приписал на официальном отношении к Кожевникову: «Прошу быть к нему милостиву, человек с достоинствами, но заблуждался и

---

[8] Кирило-Мефодіівське товариство у трьох томах. Т. I. С. 271.

[9] Там же. С. 308.

[10] Там же. С. 325.

искренне раскаивается»[11], что, впрочем, не помешало ему обратиться к министру внутренних дел Л. А. Перовскому с предложением об установлении над Костомаровым «строжайшего надзора»[12]. Аналогичное распоряжение он отправил начальнику 7-го округа корпуса жандармов Н. А. Ахвердову, чтобы тот установил в подведомственном ему Саратове секретное наблюдение за Костомаровым и докладывал через каждые полгода о его поведении[13].

Саратовская ссылка — важный этап в идейном развитии Костомарова, здесь он сблизился с Н. Г. Чернышевским и историком Д. Л. Мордовцевым, только начавшим в эти годы разрабатывать историю народных движений и самозванства. Работая в губернском правлении, Костомаров имел возможность ознакомиться с секретными делами, среди которых имелись дела и по истории раскола. В Саратове он написал ряд трудов, которые при их публикации уже после ссылки и в условиях общественного подъема 50—60-х годов XIX в. стали широко известны, выдвинув их автора в первый ряд среди тогдашних историков. Особое место в этих исследованиях занимают труды по украинской истории.

В эти же годы Костомаров добивается, говоря современным языком, реабилитации. 31 мая 1855 г. он обращается к недавно вступившему на престол Александру II с прошением, в котором пишет: «В настоящее время, когда Ваше Императорское Величество изволили ознаменовать Ваше вступление на престол делом безмерного милосердия, проливающего луч утешения самым тяжелым преступникам, я дерзаю молить державную благость Вашу, государь, о милосердии ко мне. Если бы надзор надо мной ограничивался единственно наблюдением над моими политическими убеждениями, то я бы и не осмелился желать освободиться от него, ибо я других убеждений не имею, кроме тех, какие предписывает мне закон и любовь к своему монарху. Но надзор полиции, соединенный с необходимостью находиться исключительно в одном месте, стесняет меня в моей служебной и домашней жизни и лишает меня средств к поправлению болезни зрения, которою я страдаю уже несколько лет. Государь-отец! Удостойте оком сострадания одного из заблуждавшихся, но истинно раскаявшихся детей великого Вашего семейства русского, соизвольте предоставить мне право служить Вам, государь, и жительствовать невозбранно во всех местах Российской империи Вашего Императорского Величества»[14]

Коллегия прошений переслала прошение Костомарова в III отделение. 27 июня 1855 г. А. Ф. Орлов в своем письменном докладе поддерживает просьбу Костомарова, попутно сообщая, что «из лиц, прикосновенных к тому же обществу, коллежский регистратор Гулак, который был главною причиною составления общества, а также чиновники Бслозерский и Кулиш, не менее Костомарова виновные, уже получили всемилостивейшее прощение»[15]. На этом документе Александр II карандашом наложил резолюцию «согласен». Но это сравнительно быстрое удовлетворение просьбы Костомарова все же еще не означало предоставления полной свободыдеятельности, так как А. Ф. Орлов, сообщая министру внутренних дел Д. Г. Бибикову о решении царя, предупредил, что Костомарову не разрешается служить «по ученой части». Итак, освобожденный от надзора Костомаров в декабре 1855 г. выехал в Петербург. В это же время он предложил редактору «Отечественных записок» свою работу «Век царя Алексея Михайловича», но цензор журнала потребовал справку о снятии запрещений на сочинения Костомарова, наложенных еще в 1847 г. Костомаров в январе 1856 г. обратился с просьбой о разрешении публикации этой статьи в III отделение и получил разрешение на публикацию с

---

[11] Кирило-Мефодіївське товариство у трьох томах. Т. 1. С. 326.

[12] Там же. С. 327.

[13] Там же. С. 328.

[14] Там же. Док. № 466. С. 350.

[15] Там же. Док. № 467. С. 351.

резолюцией Л. В. Дубельта: «Только строго цензировать»[16].

Из крупных работ Костомаров публикует в 1856 г. в «Отечественных записках» свою работу «Борьба украинских Козаков с Польшею в первой половине XVII века до Богдана Хмельницкого», а в 1857-м — «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России». Эти исследования знакомили широкий круг русской читающей публики с яркими страницами истории братского народа, утверждали неразрывность исторических судеб двух славянских народов. Они явились также заявкой на дальнейшее развитие украинской тематики.

Но и в области русской истории Костомаров продолжал заниматься ранее не исследованными проблемами. Так, в 1857—1858 гг. «Современник» печатает его работу «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях», а в 1858-м появляется на страницах «Отечественных записок» его знаменитый «Бунт Стеньки Разина» — произведение остроактуальное в условиях назревавшей первой революционной ситуации в России.

Но оставалась еще одна преграда его научно-педагогической деятельности. 27 сентября 1857 г. Костомаров пишет новому начальнику III отделения В. А. Долгорукову: «Не сознавая в себе ни охоты, ни способностей к гражданской службе и притом занимаясь с давнего времени отечественной историею и древностями, я желал бы вступить снова в ученую службу по ведомству Министерства народного просвещения… Если милость государя императора, освободившая меня от надзора, не отменяет прежнего высочайшего повеления в бозе почившего государя императора о недопущении меня к ученой службе, благоволите, ваше сиятельство, повергнуть к стопам всемилостивейшего государя императора мою всеподданническую просьбу о даровании мне права вступить в ученую службу по ведомству Министерства народного просвещения»[17]. Князь Василий Андреевич уже 8 октября распорядился переговорить по этому поводу с министром народного просвещения, последний же счел «неудобным допущение Костомарова служить по ученой части, разве только библиотекарем»[18].

Между тем совет Казанского университета в 1858 г. избрал Костомарова профессором; как следовало ожидать. Министерство народного просвещения не утвердило это избрание. Однако в 1859 г. попечитель Петербургского учебного округа ходатайствовал о назначении Костомарова исправляющим должность ординарного профессора российской истории Петербургского университета, о чем свидетельствует отношение товарища министра народного просвещения В. А. Долгорукову. Последний сообщил, что для этого требуется высочайшее разрешение, которое, очевидно, было получено, так как в справке III отделения от 24 ноября 1859 г. читаем: «Костомаров известен своею ученостию по части истории, и первая лекция, прочитанная им на днях в здешнем университете, заслужила общее одобрение слушателей, в числе которых было много посторонних лиц»[19].

Итак, попытка совета Петербургского университета избрать Костомарова экстраординарным профессором по кафедре русской истории увенчалась успехом. Костомаров «завоевывает» столицу благодаря нашумевшей дискуссии с известным историком М. П. Погодиным о крепостничестве в России, а годом позже — в связи с его аргументированным выступлением против так называемой норманнской теории происхождения Руси, разделяемой Погодиным.

В конце 50-х годов прошлого века в связи с подготовкой отмены крепостного права приобрел особое актуальное звучание вопрос о его происхождении. М. Н. Погодин, придерживающийся взгляда «безуказного закрепощения» (т. е. концепции естественного,

---

[16] Кирило-Мефодіївське товариство у трьох томах. Т. 1. Док. № 472. С, 353.

[17] Там же. Док. № 475. С. 355.

[18] Там же. Док. № 476. С. 356.

[19] Кирило-Мефодіївське товариство у трьох томах. Т. І. Док. № 480. С. 358.

природного характера постепенной эволюции свободного крестьянства в зависимое положение, которая позволяла противникам реформы утверждать, что государство не должно законодательно лишать помещиков этого права), в 1858 г. в «Русской беседе» опубликовал статью «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?», в которой пытался доказать, что «личное крепостное право не возникло юридически, а образовалось само собою, вытекая из обстоятельств народной жизни…»[20] Костомаров в ответной статье под тем же заглавием последовательно провел источниковедческий анализ не только указов Бориса Годунова, но и указа от 21 ноября 1597 г. (как и не сохранившегося указа 1592 г.), и пришел к выводу, что «мысль о том, будто Борис не прекращал юрьевского перехода (т. е. права перехода от одного помещика к другому за неделю до Юрьева дня и неделю после него. — Б. Л.) и что это право существовало после него и в XVII веке, — не принимает характера исторической истины после доказательств г. Погодина…»[21] Отметим при этом, что современная литература признает: хотя указы 1601—1602 гг. Бориса Годунова частично разрешали крестьянские выходы, установлены, по крайней мере, три указа о запрещении выхода (1581 г., 1592—1593 гг., 1603—1604 гг.), причем о первом и последнем узнаем из вновь обнаруженной летописи[22], которая не была известна Костомарову. Однако его принципиальная позиция отрицания «безуказного закрепощения» выдержала проверку временем.

Для характеристики степени общественной активности и душевного состояния Костомарова с момента, когда он был освобожден от надзора и ссылки, и до утверждения его профессором Петербургского университета нелишне будет сообщить, что он успел в 1857 г. в течение восьми месяцев посетить Швецию, Германию. Францию, Италию и Австрию, попутно работая в архивах и библиотеках (особо отметим работу в Швеции, давшую материал для монографии о Мазепе), а после возвращения в 1858 г. непосредственно включился в работу по подготовке крестьянской реформы, став делопроизводителем Саратовского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. В 1859 г., когда губернские комитеты фактически прекратили свою деятельность, он переехал в Петербург, заменив ушедшего в отставку профессора Н. Г. Устрялова.

К началу 60-х годов Костомаров прочно утвердился как превосходный лектор и один из ведущих историков. Он опубликовал в «Современнике» в 1860 г. «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях», в «Русском слове» — работу «Русские инородцы. Литовское племя и отношения его к русской истории», и, наконец, в 1863 г. вышло отдельной книгой одно из фундаментальнейших исследований Костомарова «Севернорусское народоправство во времена удельно-вечевого уклада. Новгород — Псков — Вятка».

К этому времени Костомаров, освистанный недовольными студентами, вынужден был покинуть преподавательскую кафедру. Студенты недовольны были, как им казалось, неблаговидным поступком профессора, не присоединившегося к акции протеста против высылки профессора П. В. Павлова. Этот эпизод достаточно подробно описан Костомаровым в его автобиографии. Воспользуемся его рассказом. Когда в 1861 г. в связи со студенческими выступлениями был закрыт Петербургский университет, а в начале 1862 г. много арестованных студентов выпущено из крепости, возникла идея чтения публичных лекций за весьма умеренную плату, чтобы наверстать вызванные закрытием университета потери. Костомаров в начале февраля 1862 г. начал чтение курса русской истории с XV в. По его собственным словам, он не вмешивался в студенческие дела: «Я не принимал ни малейшего участия в тогдашних (1861 г. — Б. Л.) университетских вопросах, и хотя студенты часто приходили ко мне, чтобы потолковать со мною, что им делать, но я отвечал им, что не знаю их дел, что знаю только науку, которой всецело посвятил себя, и все, что не относится непосредственно к моей

---

[20] Собрание сочинений Н. И. Костомарова. Исторические монографии и исследования. СПб., 1903. Кн. 1. С. 217.

[21] Там же. С. 235.

[22] См.: Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 81.

науке, меня не интересует. Студенты были очень недовольны мною за такую постановку себя к их студенческому делу…»[23]. Это был тот фон, на котором разыгрались события весны 1862 г., когда уже функционировал свободный университет, доступный для всех желающих слушать читаемые в просторном зале городской Думы лекции. 5 марта профессор этого университета П. В. Павлов не в здании Думы — официальном месте чтения лекций, — а в частном доме на Мойке, где проходил литературный вечер, прочел свою статью «Тысячелетие России». В тексте, который он накануне показал Костомарову, тот не нашел ничего, что могло бы «обратить неблагосклонное внимание властей»[24] Эта статья, и особенно сопровождавший ее взятый из «Евангелия» рефрен — «имеющие уши слышати, да слышат», вызвала бурный восторг студентов. На следующий день Павлов был арестован.

В ответ на арест часть профессоров под влиянием студенческих требований прекратила читать лекции. Костомаров же возражал против этого, утверждая, что «прекращение лекций не имеет никакого смысла»[25].

Когда Костомаров 9 марта пришел читать лекцию, часть студентов, требовавших прекращения лекций в знак протеста против ареста Павлова, устроила ему обструкцию; другие же, по словам историка, кричали «Браво, Костомаров!». Костомаров написал от имени группы профессоров прошение министру народного просвещения об освобождении Павлова, но оно не дало результатов. Вскоре Павлов был сослан в Кострому, а сам Костомаров, уязвленный неблагодарностью студентов, подал прошение об отставке. С тех пор он не занимался преподавательской деятельностью, целиком сосредоточившись на научной работе.

Ниже мы коснемся только украинской тематики в творчестве Костомарова. Как уже отмечалось, первые публикации его исследовании посвящены истории Украины XVI в.: в 60—70-е годы Костомаров продолжает изучать события в их хронологической последовательности, посвящая свои работы гетманствам Выговского (публикация 1861 г.), Юрия Хмельницкого (публикация 1868 г.). В 1879—1880 гг. он публикует в «Вестнике Европы» свой труд «Руина. Историческая монография, 1663—1687. Гетманство Брюховецкого, Многогрешного и Самойловича» и наконец подходит ко времени гетманства Мазепы.

Следует сказать, что в исторической науке того времени (как, впрочем, и нашего недавнего) эта тема была запретной. Разумеется, официально она не запрещалась, но с того момента, когда Мазепа 12 сентября 1708 г. был предан анафеме одновременно в скромной глуховской Троицкой церкви и величественном Успенском соборе Московского Кремля, его имя оказалось как бы вычеркнутым из истории.

Однако Костомаров, уже имевший опыт исторического исследования, связанного с именем тоже преданного анафеме Степана Разина, взялся за «запретную» тему, что само по себе было смелым поступком. Опубликованное в 1882 г., за три года до смерти автора, исследование «Мазепа» является одним из самых блистательных произведений Костомарова, в котором проявились не только повествовательный талант автора, но его незаурядные источниковедческие способности, высокая археографическая культура. Автор свободно оперирует материалом, почерпнутым из фондов Малороссийского приказа, он глубоко изучил фонды петровских учреждений, шведских и польских рукописных и печатных собраний, всевозможные акты и летописи, работы шведских историков и дневники шведских полководцев.

Учитывая свое положение первопроходца, автор скрупулезно перечисляет все материалы, которые составляют источниковую базу исследования. Этот громадный фактический материал так глубоко проанализирован и так блистательно изложен, что все последующие исследователи, чьи оценки Мазепы не только не совпадают, но даже противоположны концепции Костомарова,

---

[23] Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 547.

[24] Там же. С. 551.

[25] Там же. С. 553.

не могли игнорировать его исследование.

Есть все основания утверждать, что работа над «Мазепой» — настоящий подвиг Костомарова как ученого, 60-летний больной человек, перенесший два инсульта, страдавший серьезной болезнью глаз, начиная с ранней весны 1877 г. напряженно работал в московских архивах.

Ежедневно не менее семи часов в день он разбирал рукописи, копировал или выписывал отдельные тексты, изучал польские и шведские источники, параллельно набрасывая части своей будущей монографии. И так в течение четырех лет. Летом 1881 г. жена Костомарова сообщила Мордовцеву, что она обычно с 12 до 4 часов дня пишет текст «Мазепы» под диктовку мужа, а уже к концу 1882 г. эта работа начала печататься в «Русской беседе»[26].

До последнего времени можно было наблюдать хотя и парадоксальное, но трогательное единство в оценке идейных позиций Костомарова советских историографов и зарубежных националистов. Так, в 1967 г. издательство Мичиганского университета выпускает исследование с характерным названием: «Николай Иванович Костомаров: русский историк, украинский националист, славянский федералист» (Popazian Dennis. «Nickolas Ivanovich Kostomarov: russian historian, ukranian nationalist, slavic federalist»), а семью годами раньше выходит в издательстве «Наука» второй том «Очерков истории исторической науки», в котором на с. 146 черным по белому напечатано: «Костомаров вошел в историографию в первую очередь как выразитель взглядов и интересов зарождающегося украинского буржуазно-помещичьего национализма». Поистине крайности сходятся.

Каким же предстает перед нами автор «Мазепы»? Если бы характеристика Костомарова как украинского националиста соответствовала реальности, то мы бы скорее всего в книге увидели в Мазепе идейного борца за «самостийность» Украины, героя-мученика, потерпевшего поражение. Таким его и рисовали действительные националисты, начиная от основоположника националистической украинской историографии В. Б. Антоновича, не говоря уже о далеком от науки Ф. М. Уманце, авторе апологетического писания «Гетман Мазепа» (Спб., 1897), которое было блистательно раскритиковано выдающимся украинским историком XIX в. А. М. Лазаревским[27]. Несмотря на это, эстафету Ф. М. Уманца подхватили некоторые современные публицисты.

Но Костомаров рисует совсем иной образ Мазепы. Для Костомарова Мазепа — авантюрист, чуждый всякой национальной идее, готовый служить тем, кто обеспечивает его ненасытное стремление к богатству и власти, и до тех пор, пока это ему, Мазепе, лично выгодно. Он вовсе не предатель украинского народа, ибо никогда не был представителем народных интересов, он предатель вообще, по складу своего характера; и в то же время человек незаурядный — незаурядный в своем умении войти в доверие к «сильным мира сего».

Скинув своего благодетеля — гетмана Самойловича и сев на его место не без помощи могущественного временщика, фаворита царевны Софьи В. В. Голицына, он в благодарность за оказанное покровительство преподнес князю 10000 руб., взятых из конфискованной сокровищницы Самойловича. Пользуясь покровительством князя, Мазепа расправился со всеми, кто был близок к Самойловичу, и заодно с теми, кто, по его мнению, мог бы сыграть с ним такую же шутку, как он с Самойловичем. Когда Софья оказалась в опале, а с нею и Голицын, Мазепа сумел очень быстро войти в доверие к молодому царю Петру I. И это доверие было настолько прочным, что Петр, не раздумывая, отметал поток доносов на Мазепу, хотя многие из них содержали честное изложение фактов о граничащих с изменой действиях Мазепы. Он был изобретателен в своей жестокости, коварен по отношению к своим ближайшим сотрудникам — награждая явно, он тайно порочил их в своих донесениях царю, который принимал, как правило, решения, желательные Мазепе. Так разыгралась трагедия

---

[26] См.: Котляр М. Ф. Микола Іванович Костомаров і його життепис політичного авантюриста. — Українськиий історичнии журнал. 1988. № 9. С. 139.

[27] Лазаревский А. М. Очерки, заметки и документы по истории Малороссии. Т. 5. Заметки о Мазепе (по поводу книги Ф. М. Уманца «Гетман Мазепа»). Киев, 1899.

Кочубея, столь памятная каждому, кто прочел поэму «Полтава» А. С. Пушкина.

Мазепа был тонким политиком, но его политика не имела ничего общего с защитой интересов украинского народа, она целиком была направлена на укрепление собственных позиций гетмана, на всемерное обогащение, на ограбление и закрепощение украинских крестьян. Он был беспощаден при подавлении народных восстаний против усиливавшегося крепостнического гнета, яростно защищая интересы украинских феодалов. К моменту своей открытой измены Петру он был самым богатым человеком на Украине, ничуть не уступавшим по своим земельным владениям и количеству крепостных польским магнатам или крупнейшим русским феодалам начала XVIII в. Измена Петру вовсе не была актом покаяния, действием одумавшегося национального героя — это вполне банальное действие азартного игрока, рассчитывавшего погреть руки на показавшейся ему реальной победе Карла XII над Петром. Если бы эта победа не обернулась сокрушительным поражением, то и тогда переход Мазепы на сторону Карла XII и Польши сулил Украине не государственную самостоятельность, а возвращение под иго польской шляхты.

Так что Мазепа был не родоначальником украинской национальной идеи, как об этом громогласно шумят современные апологеты Мазепы, а образчиком той известной категории авантюристов феодальной поры, которые, преследуя свою выгоду, часто меняли своих сюзеренов.

Украинский народ не принимал «своего», с точки зрения современных украинских националистов, «благодетеля». Костомаров пишет, что среди украинцев «всегда было огромное число таких, которые были бы рады, если бы только узнали, что царь его сменяет», и замечает, что когда Мазепа отступил к шведской стороне, неприязненной царю, «тотчас же последовали челобитные, заверявшие о преданности малороссиян московскому престолу, и притом не только из того края, где уже находились великороссийские ратные силы, — подчеркивает он, — но и из таких полков, где их еще не было, — следовательно, нельзя признавать их только действием страха».

Новейшие разыскания советских историков документально подтверждают характеристику Мазепы, данную Костомаровым. Так, М. Ф. Кот-ляр обнаружил в рукописном отделе Ленинградского отделения института истории АН СССР среди бумаг А. Д. Меншикова письмо к нему Мазепы, в котором он настоятельно советует уничтожить Запорожскую Сечь, но сделать это руками русских солдат, так как ему неудобно уничтожить украинское казачество, а царским войскам это можно делать под предлогом необходимости обезопасить южные границы и обеспечить нерушимость мирных договоров с Турцией и Крымским ханом[28]. Это письмо не имело последствий — то ли потому, что всесильный Меншиков не очень доверял Мазепе (единственный, кстати, в окружении Петра), то ли по какой-то другой причине. Этого документа, очевидно, Костомаров не знал, хотя также писал о яростной ненависти Мазепы к «гультаям» Запорожской Сечи.

В своем исследовании Костомаров по-прежнему остается верен идее славянского единства, союзу славянских народов, вовсе не замалчивая факты насилия царской власти по отношению к Украине. На последних страницах книги Костомаров особенно четко формулирует свое понимание истории взаимоотношений России и Украины: «Нельзя сказать, чтобы в те времена народ малороссийский питал какую-то привязанность к Русской державе и к соединению с „москалями“, напротив, мы на каждом шагу натыкаемся, так сказать, на факты взаимного недружелюбия и даже вражды между двумя русскими народностями. Нельзя сказать также, чтобы народ малороссийский не сознавал своей народной личности и не желал национальной независимости. Много было условий, делавших возможным отпадение малороссиян от верности к русскому царю. И однако вышло не то. Народ инстинктивно почуял ложь в тех призраках свободы, которые ему выставляли. Он уже и прежде лучше самого Петра и его министров раскусил своего гетмана, считал его ляхом, готовым изменить царю с тем, чтоб отдать Украину в рабство Польше. Никакие уверения изменника, никакие лживые обвинения, рассыпаемые им на московские власти, не переменили к нему народной антипатии. Народ

[28] См.: Котляр М. Ф. Указ. соч. С. 137.

инстинктивно видел, что его тянут на гибель, и не пошел туда. Народ остался верен царю, даже не из какой-либо привязанности, не из благоговейного чувства к монарху, а просто оттого, что из двух зол надобно выбрать меньшее. Как бы ни тяжело было ему под гнетом московских властей, но он по опыту знал, что гнет польских панов стал бы для него тяжелее».

Такова та историческая правда, которую сформулировал Костомаров как результат своего исследования. Это написано свыше ста лет тому назад, в обстановке начавшейся эпохи контрреформ. В наши дни эта истина никак не устраивает ни украинских националистов, ни русских горе-патриотов. Но она не может быть опровергнута и не устаревает. А мысль Костомарова, завершающая книгу, даже злободневна. Повторим ее: «Если в те времена, когда действительно поступки московских властей возбуждали в народе возможность стать враждебно к Русской державе, народ этот из инстинктивного чувства остался верен этой державе, то невозможно подозревать что-нибудь подобное теперь, когда эти два народа настолько сблизились и соединились, что их расторжение уже немыслимо в силу освященного опытом сознания обоюдной пользы их соединения».

Предлагаемое читателям сочинение Костомарова является первым в советское время переизданием книги. Правда, «Український історичний журнал» начал в 1988 г. со своего восьмого номера перепечатку отдельных глав этой книги. И журнальная публикация, и настоящее издание основываются на тексте, опубликованном в «Собрании сочинений Н. И. Костомарова. Исторические монографии и исследования». Т. 16 (Спб., 1905). В тексте исправлены без оговорок типографские опечатки. В отличие от журнальной публикации, в настоящем издании сохраняются очень важные элементы книги Костомарова: в конце книги публикуется главка «Источники», дающая, как уже говорилось, четкое представление о богатстве и фундаментальности источниковой базы исследования, сохранены краткие изложения содержания, предваряющие каждую главу. Ввиду того что читатель получит подробную характеристику источниковой базы и в связи с полной потерей справочного значения, подстрочные ссылки автора не приводятся. Эти ссылки были двоякого рода: а) указание на местонахождение источника использованного архивного документа, б) прямое цитирование иноязычных источников, текст которых приведен автором в переводе полностью или в пересказе. Эти подстрочные примечания в момент выхода книги являлись важным доказательством научной добросовестности автора и соответствовали правилам издания научной книги. Правомерность отказа от публикации подстрочных примечаний в настоящем издании основывается на том, что все ссылки первой группы потеряли свое справочное значение в связи с реорганизацией системы хранения и, следовательно, перешифровки соответствующих архивных дел. Ссылки же второй группы опускаются потому, что публикатор, тщательно проверив переводы или пересказы документов автором с соответствующими текстами подстрочных ссылок, пришел к выводу об их полной аутентичности при переводе и полном соответствии их содержания при пересказе. Сохранены лишь под цифровыми обозначениями авторские комментарии географического характера. Для того чтобы читатель получил представление о научном оформлении исследования, а также ввиду особого интереса для широкого читателя двенадцатой главы, в которой повествуется о трагедии Кочубея, и изложены реальные исторические факты, получившие художественное воплощение в поэме Пушкина «Полтава», эта глава публикуется со всем научно-справочным аппаратом Костомарова.

Публикатор отказался от попыток интерпретации фактов, изложенных в исследовании Костомарова, ограничившись только необходимыми разъяснениями отдельных терминов и понятий, мало известных или совсем не известных читателю (они даны под звездочками).

Уязвимые стороны концепции Костомарова, особенно касающиеся его оценки народных движений, запорожского казачества, отдельных выдающихся предводителей казачье-крестьянских восстаний, публикатор не счел возможным комментировать, имея в виду, что современную трактовку исторической фигуры И. С. Мазепы и его времени читатель может найти в главе «Измена Мазепы» книги известного советского историка Н. И. Павленко «Петр Великий», вышедшей в издательстве «Мысль» в 1990 г.

Глава первая

Происхождение Мазепы. — Его юность. — Пребывание при польском королевском дворе. — Приключение с Фальбовскими. — Переход Мазепы к козакам. — События в его жизни до избрания в гетманы. — Избрание. — Укрощение своевольств. — Поступок с имуществом Самойловича. — Постройка Новобогородска. — Недовольство запорожцев. — Преследование сторонников Самойловича. — Нерасположение гетмана к митрополиту Гедеону Четвертинскому, его племяннику и некоторым старшинам. — Первый донос на гетмана.

По известию, доставленному в Археографическую комиссию[29] графом Брюэль-Плятером, Иван Степанович Мазепа-Колединский, шляхетного происхождения герба Бонч, родился в 1629 году. Сообщение это имеет вес: граф Брюэль-Плятер — сам владелец архива князей Вишневецких и кроме того всегда находился в сношениях с другими польскими владельцами старинных архивов; но это сообщение, не подтвержденное никакими современными свидетельствами, противоречит шведским известиям тех современников, которые близко видели и знали Мазепу в 1708 году; они говорят, что тогда было ему 64 года от рождения, тогда как ему должно было быть 79 лет, если б он родился в 1629 году. Очень может быть, что оба известия не вполне точны, как это читатель заметит из некоторых черт его жизни.

По общему мнению современников, Мазепа был уроженцем из малороссийского края и увидел впервые Божий свет в селе Мазепинцах, лежащем недалеко от Белой Церкви, на реке Каменке. Это имение пожаловано было в 1572 году королем Сигизмундом-Августом предку Ивана Степановича, шляхтичу Николаю Мазепе-Колединскому, с обязательством отправлять за него службу по старостве Белоцерковскому. Сам Иван Степанович, будучи уже гетманом, сообщал в Малороссийский приказ, что у родителей его было двое детей — сын и дочь, и отец отправил сына, т. е. его, Ивана Степановича, на воспитание ко двору Яна-Казимира, где он был «покоевым». Король послал его в числе трех молодых шляхтичей куда-то за границу для образования на три года: король Ян-Казимир имел обыкновение каждый год высылать с этою целью трех молодых людей шляхетского звания на королевский счет. По возвращении из чужих краев в 1659 году мы встречаем Мазепу в качестве королевского придворного с важным поручением к гетману козацкому Ивану Выговскому, а в следующих годах — к гетманам Юрию Хмельницкому и (в 1663 году) к Павлу Тетере.

Видно, что хотя он был еще в молодых летах, но уже пользовался доверием короля, как человек умный и сметливый. Несомненно, в то время он был верен польской власти. Вскоре с ним случились события, побудившие его удалиться от двора королевского и потом вовсе из Польши.

Рассказывают, что этот молодой человек, по своему времени отлично воспитанный, приобрел при королевском дворе светский лоск и притом, одаренный красивой наружностью, имел способность нравиться женщинам; он завел тайную связь с одной госпожой, но муж последней, подметив это, приказал схватить Мазепу, привязать к лошадиному хвосту и пустить в поле; эта лошадь, еще не обученная и приведенная к господину из Украины, очутившись на воле, понеслась с привязанным к ее хвосту человеком в украинские степи. Козаки нашли его полумертвым от боли и голода, привели в чувство, и он, оправившись, остался между козаками. Другой историк, Стебельский, рассказывает тот же анекдот, прибавляя, что господин, с женой которого был в связи Мазепа, раздел его донага, облил дегтем, обсыпал пухом, посадил на дикую лошадь, привязав его к ней веревками, и пустил на произвол судьбы. Подобное излагается и в истории Отвиновского. Это рассказано подробнее и правдоподобнее в записках Паска, служившего разом с Мазепою при дворе Яна-Казимира и сообщающего несколько сведений о молодости Мазепы. По его известиям, в 1661 году Мазепа, находясь при королевском дворе, оговорил перед королем своего товарища Паска, будто последний, по поручению коронного войска, находившегося тогда во вражде с королем, ездил к войску литовскому подущать его против своего государя. Паска арестовали, разобрали дело,

---

[29] Петербургская Археографическая комиссия учреждена в 1834 г. для публикации документов по истории России.

оправдали, и король подарил ему 500 червонцев, а Мазепа был временно удален от двора, но скоро опять был допущен. В следующем 1662 году Пасек, на забывая причиненного ему оскорбления и будучи навеселе, ударил Мазепу, Мазепа схватился за оружие. Бывшие при этом свидетелями придворные не приняли сторону Мазепы, потому что не любили и не уважали его: он был «козак» и в их глазах «не слишком-то благородный» (nie bardzo nobilitowany). Драка во дворце, да еще в преддверии покоев, где находился тогда король, считалась большим преступлением, но король, услыхавши об этом, сказал: «Клевета показывается больнее раны. Хорошо еще, что не столкнулись между собою где-нибудь на дороге». Он призвал к себе Паска и Мазепу, приказал им перед своими глазами обняться и простить друг другу взаимные оскорбления.

На следующий 1663 год Мазепа вышел из Польши, по выражению Паска, со срамом. Пасек описывает в таком виде приключение с чужой женой и ревнивым мужем. На Волыни была у Мазепы деревушка, по соседству с ним жил в своем имении какой-то пан, по фамилии Фальбовский. Проживая временно в своей деревне, Мазепа втерся в дом к Фальбовскому, понравился жене его и стал бывать там часто в такое время, когда хозяина не было дома. Домашние слуги донесли пану, что Мазепа и пани Фальбовская пересылаются между собой записками, а при свидании наедине беседуют. Пан Фальбовский, не сказавши ничего жене, попрощался с нею, как будто отправляясь куда-то далеко, и выехал со двора. Отъехавши немного, он остановился на той дороге, по которой, как ему донесли, Мазепа ездил к жене его. Вдруг бежит обычный посланец с запиской от жены к Мазепе — это был тот самый слуга, который открыл пану о связи его жены с Мазепой. Пан Фальбовский взял у слуги женину записку и прочитал в ней любезное приглашение Мазепе с извещением, что муж уехал в далекий путь. Фальбовский возвратил записку посланцу и сказал: «Поезжай и проси ответа. Скажи, что пани приказала скорее!» Слуга поехал далее с запиской, а пан остался ждать на месте, так как до Мазепина двора оттуда не было и двух миль. Исполнивши свое поручение, посланец ворочался назад с ответною запискою Мазепы, в которой было обещаниеприехать тотчас. Немного прошло времени, как едет и сам Мазепа. Встретились, повидались как добрые знакомые. «Куда едете, ваша милость?» — спрашивал пан Фальбовский. Мазепа назвал какое-то иное место. «Ко мне прошу заехать!» — сказал пан Фальбовский. Мазепа отговаривался тем, что ему надобно спешить в названное им место, и при этом заметил: «Да ведь и вы, пане, я вижу, также куда-то едете». Тут пан Фальбовский хватает Мазепу за шиворот, показывает его записку к своей жене и говорит: «А это что?» Мазепа стал ни жив ни мертв. Он уверял, что едет к нему в дом в его отсутствие в первый раз. «Хлоп! — сказал Фальбовский слуге, который недавно возил к Мазепе записку. — Сколько раз этот господин бывал в моем доме без меня?» Служитель отвечал: «Столько раз, сколько у меня волос на голове». Фальбовский сказал Мазепе: «Выбирай теперь себе род смерти!» Мазепа просил не убивать его и во всем признался. Фальбовский приказал ему раздеться донага, посадил на собственном коне без седла, оборотивши лицом к хвосту, а затылком к голове лошади, приказал связать ему руки назад, а ноги подвязать веревками под брюхо лошади, потом велел коня, пылкого по натуре, напугать криком и ударами плети да вдобавок произвести у него над самыми ушами несколько выстрелов. Испуганный конь понесся во всю прыть домой по узкой тропинке, которая шла зарослями посреди шиповника, диких груш и терновых кустов. Даже и тот, кто бы держал поводья в руках, должен был, едучи по этой тропинке, беспрестанно нагибаться и уклоняться от колючих растений, иначе могла задеть его по голове ветка или разодрать платье, а каково то было, говорит описатель, голому, посаженному задом к конской голове, сидеть на коне, когда тот от испуга и боли летел что есть духу!.. Мазепу, когда он выехал из дома, провожало двое или трое служителей, но пан Фальбовский не пустил их с господином, чтоб они не могли спасать его. Конь донес Мазепу до ворот его двора еле живого. Мазепа кричит, зовет сторожа; сторож, послышавши голос хозяина, отворил было ворота, но как увидал на коне пугало, тотчас затворился и спрятался. Мазепа зовет дворню: дворня выглядывает из-за дверей и только крестится. Мазепа уверяет людей, что он их господин, но они ему не верят, и с большим трудом мог он объясниться с ними, пока его впустили во двор, прозябшего и исколотого до крови.

Пасек, личный недоброжелатель Мазепы, говорит, что именно после этого происшествия он покинул навсегда Польшу от стыда. Но летопись Величка, сообщающая между прочим, что

Мазепа поступил ко двору Яна-Казимира уже после того, как обучался в Киеве риторике, а потом где-то философии и при своих природных способностях получил всестороннее образование («яко был беглец во всяких речах»), говорит, что Мазепа оставил придворную службу тогда, когда король Ян-Казимир предпринял поход с войском налевую сторону Украины под Глухов и на пути остановился в Белой Церкви, следовательно, в конце 1663 года. Здесь Мазепа отклонился от войска короля и остался при своем старом отце, жившем в своем имении, в селе Мазепинцах. Когда Павло Тетеря, считавшийся с польской стороны козацким гетманом, убежал в Польшу, а козацким предводителем стал Петро Дорошенко, Иван Степанович Мазепа пристал к последнему и тотчас обратил на себя его внимание своими способностями и ловкостью («для своей росторопности и цекавости»). Сперва он сделан был ротмистром гетманской надворной компании, потом получил чин писаря. Будучи у Дорошенка, Мазепа вступил в брак с богатою вдовой Фридрикевич, у которой от первого брака был сын по имени Крыштоф. Брак этот совершился в Корсуне. Нам неизвестно, какое имя носила его жена по родителям, но она была родственница прилуцкому полковнику Горленку.

Дальнейшие события жизни этого человека — его первое прибытие в Переяслав к гетману Самойловичу в качестве посла от Дорошенка, его посылка в Турцию с невольниками, когда он был схвачен на дороге запорожцами, его отправление в Москву, где он, действуя во вред Дорошенку, сумел подделаться в доверие московским боярам, его многолетнее пребывание при гетмане Самойловиче сперва в звании войскового товарища, потом в чине генерального асаула, наконец, его интриги, употребленные им перед всемогущим временщиком князем Василием Васильевичем Голицыным для погубления гетмана Самойловича, — все это изложено в нашем сочинении «Руина», напечатанном в Вестнике Европы в 1879—1880 годах, сочинении, которого непосредственным продолжением должна признаваться настоящая монография.

По низложении Самойловича (20 июля 1687 года) назначен был день 25 июля днем избрания нового гетмана. Накануне, 24 числа июля, перед вечером несколько великорусских полков и стрельцы по приказу князя Голицына двинулись на широкую ровную возвышенность, господствующую над рекою Коломаком близ козацкого стана. Они разбили царский шатер во ста саженях от стана, поставили около шатра стулья и скамьи, а перед самим шатром — небольшой столик, покрытый ковром.

На другой день, 25 июля, около 10 часов утра вышел туда главнокомандующий князь Василий Васильевич Голицын с боярами, а за ними следовали великорусские ратные силы разрядов Рязанского и Новгородского. Разом с ними понесли «клейноты» (знаки гетманского достоинства): бунчук, булаву и царское знамя. Толпы Козаков — конных в 800 человек и пеших в 1200 — приблизились к шатру. Из них вызвано было несколько знатнейших чиновных особ, и они, вслед за боярами, отправились в походную церковь, куда понесли и гетманские «клейноты». В этой церкви совершено было архимандритом, протопопом и священниками непродолжительное молебствие с освящением «клейнотов». После того все вышли из церкви. Клейноты положены были на столе перед шатром, поставили там образ Всемилостивого Спаса, положили крест и Евангелие. Боярин князь Василий Васильевич Голицын стал на скамью и возвестил козакам, что по их челобитью цари и великие государи прислали свой милостивый указ, чтоб Ивану Самойловичу гетманом у них не быть, а на его место избрать другого, кого они, старшины, и все войско излюбят и вольными голосами изберут. Затем была прочтена дьяком царская грамота в таком же смысле.

Козаки крикнули: «Рады за великих государей умирать и кровь свою проливать и в подданстве у них желаем быть вечно».

«Козаки! — сказал Голицын, — по вашему извечному обычаю, изберите себе гетмана вольными голосами, объявите, кого желаете избрать гетманом».

Несколько минут было тихо. Наконец, стоявшие ближе произнесли имя Ивана Мазепы. Они, конечно, знали, что могущественный временщик расположен к нему и желает доставить ему гетманское достоинство. Имя это стало быстро произноситься и по задней толпе. Немногие голоса произнесли было имя обозного, Василия Борковского, но его тотчас заглушили крики: «Мазепа, Мазепа, нехай, буде гетман!» Мазепа, с его изумительным умением влезать всем в душу, успел уже расположить к себе многих, независимо от того, что большая часть готова была признать его гетманом, зная, что того хочет Голицын.

Несколько раз князь Голицын повторял свой вопрос и несколько раз в ответ ему прогремело имя Ивана Мазепы. Затем думный дьяк взошел на скамью и прочел прежде статьи, на которых отдавался Московскому государству гетман Богдан Хмельницкий в Пе-реяславе: эти статьи составляли основной закон, по которому край малороссийский сделался частью русской державы; потом прочитаны были новые статьи: то были царские решения на пункты в челобитной, поданной перед тем козаками. Объявлялось, что новоизбранный гетман со всеми старшинами должен будет подписать эти статьи и сообразно с ними принести присягу на верность. Обозный Борковский, как знатнейшее по чину лицо после гетмана, отвечал от имени целого козачества согласием. Затем старшины подписали предложенные статьи, а новоизбранный гетман перед крестом и Евангелием произнес присягу в знак своего вступления в высокую должность.

После этого совершался обряд, отправлявшийся при избрании каждого гетмана. Государев ближний боярин вручал Мазепе гетманские «клейноты» с приличными изречениями. По окончании обряда все великоруссы двинулись в свой стан, а новоизбранный гетман провожал Голицына и прочих бояр до половины дороги. В один из следующих затем дней новый гетман угощал боярина, всех великорусских начальных лиц и своих старшин. Много было тогда выпито с произнесением заздравных пожеланий, дано было пять залпов из орудий, а по окончании пира одарили 15 знатных особ. 29 июля выступил гетман с козаками и двумя пешими великорусскими полками; сверх того с ним отправился конный полк смоленской шляхты, который для усмирения возникшего в Малороссии своевольства должен был находиться при гетмане до тех нор, пока гетман найдет возможным отпустить его.

Всех новых статей, составлявших прибавление к статьям гетмана Хмельницкого, было 22. Большая часть их повторяет то, что уже постановлялось при избрании прежних гетманов по челобитным от Козаков, всегда добивавшихся сохранения своих вольностей — льгот от всяких податей и повинностей, возлагаемых исключительно на мещан и поспольство[30], неподсудности воеводам, права владеть имениями по жалованным грамотам, права вольного избрания гетмана. Гетман не должен был сменять старшин без царского указа, хотя виновных дозволялось ему казнить смертью по своим правам, донося о том государю. Число войск оставлялось на волю рады, но жалованье реестровым[31]» по 30 злотых рядовому козаку — полагалось только в комплекте тридцати тысяч. Подтверждалось также содержание полка в 1000 человек для укрощения своевольных, которые, оставя свои работы, назывались козаками и производили в крае шатость и измену, а для охранения гетманской особы в Батурине полагалось быть стрелецкому полку, с тем чтобы гетман выдавал на содержание его хлебный запас. Козаки в своей челобитной домогались и теперь, как бывало при прежних избраниях, дозволения принимать иноземных послов; но правительство отказало, и при этом было присовокуплено: так как с Польшею заключен уже вечный мир[32], то гетман и старшины должны смотреть, чтобы жители малороссийского края довольствовались городами, отшедшими в царскую сторону, и отнюдь не вступались бы в те города, которые оставлены по вечному мирному договору под властью польского короля; если же бы с польской стороны оказалась какая-нибудь противность, то гетман и старшины обязаны писать о том к великим государям, но сами не должны нарушать мира с поляками. С крымским ханом русская держава находилась еще в открытой войне и потому малороссийскому правительству вменялось в обязанности по надобности посылать военные силы против татар. Для удержания татарских набегов положено было построить укрепленные города на Днепре против Кодака, на реках: Самаре, Орели и на устьях Берестовой и Орчика, а населять их малороссийскими жителями. Вместе с тем до окончания войны с Крымом запрещалось запорожцам и всем малороссийским

---

[30] Крестьянство.

[31] Т. е. казакам, записанным в официальном реестре.

[32] «Вечный мир» между Россией и Польшей подписан в Москве в 1686 г.

жителям вести торговые сношения с татарами. Старшины в своей челобитной просили, чтоб имущество отрешенного Самойловича отдано было в войсковую казну, но правительство решило отдать туда только половину, а другую обратить в казну великого государя.

Гетман с берегов Коломака отправился к Гадячу, и там появлялись к нему владельцы маетностей[33] и арендаторы с жалобами на буйную чернь, которая многих торговцев и вообще зажиточных людей ограбила, а иных даже и умертвила. Открывалось, что к таким своевольствам получали поспольство те козаки, которые еще до избрания нового гетмана тотчас по отрешении Самойловича ушли из обоза, стоявшего на берегу Коломака. По гетманскому указу полковники и сотники в своих ведомствах принялись ловить своевольных, сажать их в тюрьмы и производить над ними розыски. Тогда в разных полках эти розыски сопровождались большими жестокостями. Тем, которые признаны были главными зачинщиками и возмутителями, ломали руки и ноги, других казнили менее мучительною смертью — отрубали головы или вешали, у иных в наказание отнимали имущество, а некоторых, увлеченных в преступление по неразумению, били палками, выражаясь, что из них выбивали глупость. Наконец, гетман разослал повсюду универсал, которым предоставлял каждому, кто потерпел от кого-либо оскорбление, искать на противнике судом, а не прибегать к самоуправству.

Гетман из Гадяча вместе с генеральными старшинами прибыл в свой Батурин и оттуда отослал данный ему отряд смоленской шляхты, удержавши при себе только тех стрельцов, которые по царской воле назначались оберегать его особу.

Тогда произведен был осмотр и раздел имущества низложенного Самойловича. Из Москвы приехал царский чиновник, который должен был забрать из этого имущества половину, следуемую в казну. Немало было этого имущества; оно, кроме денег, состояло в металлической посуде, мужских и женских одеждах, украшениях, мехах, оружии, сбруе. Раздел длился несколько недель. По свидетельству современника, иное еще и до раздела, а иное и после раздела из этого имущества было самовольно похищено роднёю гетмана и его слугами, некоторые присвоили себе кое-что и с дозволения самого гетмана. Тогда оказались такие особы, которые при прежнем гетмане находились почти в нищете, а при новом гетмане вдруг явились владетелями состояния в несколько тысяч злотых. Величко говорит, что сам он лично знал таких и вспоминает о двух: об одном запорожце, бывшем у гетмана покоевым, а о другом — цирюльнике. Такие счастливцы обогатились от крупиц, падавших к ним из сокровищницы Самойловича, которая в воображении современников принимала баснословные размеры. Недаром несчастного гетмана обвиняли в алчности и грабительстве: обильны были его палаты и кладовые всякого рода драгоценными вещами, как показывает сохранившаяся опись, много было у него экипажей, лошадей, скота и стад. Половина, как говорят, не пошла ни в царскую казну, ни в войсковой скарб. Мазепа не установил особого войскового «скарбника» для наблюдения вообще за войсковою казной, а старшины тоже не обратили тогда на этот важный вопрос внимания, предоставляя новому гетману заведовать войсковою казной по своему произволу, как бывало и при Самойловиче, даром что последнему было поставлено это в вину. У нового гетмана были свои слуги, которым он доверял приходы и расходы, и только в определенные сроки давал отчет собранию старшин и полковников, но те в таких случаях обыкновенно только одобряли поступки гетмана. От этого выходило, что, собственно, с гетманскими доходами обращались очень экономно, а войсковая казна тратилась не только на содержание охотного войска и на жалованье козакам, но и на частные прихоти гетмана и его двора, а также и на всякие подарки. Чтобы расположить к себе старшин, гетман после своего водворения в Батурине учреждал чуть не каждый день пиры для старшин и полковников и обдаривал гостей своих на счет Самойловичевой сокровищницы. Самому князю Василию Васильевичу Голицыну в благодарность за оказанное покровительство при своем избрании Мазепа заплатил 10000 руб. из того же источника.

Вторая половина 1687 года проводилась в веселых пирах и празднествах в Батурине, а с ранней весны 1688 года принялись за построение городков сообразно статье договора,

---

[33] Имений.

утвержденного на избирательной раде. Важнейший из этих городков на берегу Самары начат был в марте, а окончен к августу того же года. Постройкою заведовал сам гетман с Леонтием Романовичем Неплюевым и Григорием Ивановичем Косаговым. Московское правительство думало производить эту постройку, сгоняя на работу малороссийское поспольство, но гетман нашел неудобным отрывать народ от летних работ и предпочел исполнить это дело коза-ками по выбору из шести полков. Работою занято было до двадцати тысяч рук. Городок этот был расположен на русской стороне реки Самары, выше Вольного Брода и ниже другого брода, называемого Песчаным. Гетман доносил, что эта крепость будет «в окрестных государствах явна и славна, великим государям к чести, а неприятелям страх и разорение». Гетман, по царскому указу, приглашал универсалами охотников, как из малороссиян, так из великороссиян, поселиться у новопостроенного укрепления, места для поселения отводились за крепостным валом. В средине городка построена была деревянная церковь во имя Живоносного Источника Пресвятой Богородицы, отчего и городок назван был Новобогородским[34]. Воеводою оставлен был Косагов с тысячью ратных людей, но вскоре заменил его Волконский, а Косагову велено быть снова в знакомом ему Запорожье.

Постройка городка на Самаре произвела волнение между запорожцами. Мазепа это предвидел и потому, собираясь строить городок, старался не допускать об этом вести до Запорожья, но об этом сообщил туда бывший в Москве посланцем из Сечи Липохой. Там сделалось волнение уже весной, и кошевой Григорий Сагайдачный писал гетману, что все Войско низовое бьет челом великим государям, чтобы не строить городков в державе Войска низового, где у запорожцев есть достояние — свои рощи и пасеки. Гетман отвечал, что городок строится ввиду предполагаемых военных действий против татар, как временное складочное место боевых и хлебных запасов, а вовсе не с тем, чтобы постоянно занять край и наносить убытки запорожцам в их рыбных и пчелиных промыслах. Для успокоения кошевого гетман послал ему в дар 1000 червонных. Запорожское недовольство, как всегда бывало, ограничивалось только временными криками. Всегда искали запорожцы повода волноваться, но скоро и успокаивались.

Важнее было то, что каждое волнение в Запорожье легко и быстро отражалось в гетманщине. Городовые козаки не имели таких причин быть недовольными постройкой городков на Самаре, как запорожцы, зато в Украине было немало таких, которых могли возбуждать запорожцы, постоянно шатавшиеся по гетманщине. То были, как и в прежние времена, тяглые рабочие люди, так называемые мужики, самовольно «вбившиеся» в козацкое звание. На этот раз такие люди находились в последнем крымском походе и, ставши случайно козаками, не хотели отрекаться от козацкого звания и возвращаться в мужицкое, а этого от них требовало малороссийское правительство на том основании, что они, будучи зажиточнейшими, выбыли из мужицтва, в мужицтве же остались убогие, на которых исключительно падают все тягости, какие прежде несли вместе с ними и вышедшие из тягла самовольно в козаки. Кроме того, в полках Лубенском и Миргородском запорожцы возбуждали народ к ропоту за утеснение от полковых властей, и гетман доносил, что можно опасаться бунта. По таким донесениям, московское правительство указывало гетману действовать, если нужно будет, и оружием для усмирения запорожцев и укрощения шатости в Украине, при содействии великороссийских войск, а для охранения гетманской особы в Батурин послало еще 300 ратных людей к прежним семи стам. Но гетман сообразил, что известие о беспокойствах в Малороссии может в Москве зародить мнение о неумении его самого держать в повиновении управляемый край, и потому спешил известить, что он уже исправил те оскорбления, которые делал народу бывший гетман, водворил в стране спокойствие и сам совершенно безопасен, особенно под охранением двух стрелецких полков и охотных Козаков. Кошевой уже не противился царской воле, но в Сече все еще раздавались мятежные голоса, толковавшие, что лучше запорожцам мимо царской воли помириться с Крымскою ордой и вести свободно торговлю с Крымом. Однако, толкуя о таком примирении с крымцами, сечевики не прочь были и воевать против крымцев и досадовали,

---

[34] Ныне Новомосковск. Закладка церкви происходила 23 апреля (в пятницу на святой неделе, когда празднуется Живоносный Источник), а освящение церкви и крепости — 1 августа.

зачем Косагов не ведет их на войну, как обещал. «Нас просто обманывают, — кричали запорожцы. — Говорят, будто крепость построена для военного времени, а на войну не идут, и выходит, что ее построили только нам в досаду».

Низложивши Самойловича, Мазепа опасался оставшихся в Малороссии близких его сторонников. Ближе всех по родству с отрешенным гетманом был племянник Самойловича, Михаило Василевич Галицкий, бывший гадяцкий полковник. Отставленный от полковнического уряда[35], он проживал в слободе Михайловке в Слободской Украине. Не оставлял его там в покое новый гетман, поднимал против него обвинения за прежние поступки по управлению полком и, кроме того, за произнесение каких-то «плевосеятельных» слов. Другой сторонник и приятель бывшего гетмана Самойловича был Леонтий Полуботок; и его возненавидел гетман и доносил в Москву, что Полуботок тайно сносится с крымским ханом. Нерасположен был гетман и к митрополиту Гедеону, бывшему в дружелюбных отношениях к Самойловичу, а еще более к его племяннику, князю Юрию Четвертинскому, жениху дочери Самойловича. Гетман боялся, чтобы вызванный в Москву на житье князь Юрий не вредил ему, и писал к своему покровителю князю Вас. Вас. Голицыну, будто до него дошли слухи, что Юрий Четвертинский, живя в столице, говорит о гетмане непристойные речи, хвалится, что бывшего гетмана опять поставит на гетманский уряд, а тот уже отомстит своим недругам — и в малороссийский край князь Юрий «сзывается» к своей бывшей невесте; пристав, поставленный в Москве наблюдать над ним, ему ни в чем не воспрещает потому, что «всегда с ним в подпитии». О самом митрополите Гедеоне Мазепа писал, что это человек злобный и мстительный и гетман от него опасается тайных и явных врагов. Будучи недоброжелателем Гедеона, гетман дружил с архиепископом Лазарем Барановичем, бывшим прежде в ссоре с Гедеоном, и, при содействии гетмана, Лазарь выхлопотал возвращение себе трех протопопий, отобранных Гедеоном и присоединенных к киевской митрополии, причем просил изъять его архиепископию от духовной зависимости киевскому митрополиту и подчинить непосредственно московскому патриарху. В письме своем к царям Лазарь жаловался на бывшего гетмана и радовался, что с избранием нового наступили лучшие времена.

Гетман в своих донесениях чернил не только таких лиц, которые были друзьями и приверженцами бывшего гетмана, но набрасывал тень и на других, даже на таких, которые прежде заодно с ним содействовали гибели Самойловича и которым наружно все еще он оказывал покровительство и благорасположение. Так, Генеральному асаулу Войце Сербину он дал универсал на маетности в селе Подлипном, в Нежинском полку, а полковнику переяславскому Дмитрашке Райче — на село Березань, в полку Переяславском, и сам ходатайствовал в Малороссийском приказе о выдаче им жалованных грамот по своим универсалам. Но тот же гетман тайно писал в Москву о Войце Сербине, что он ему, гетману, нежелателен, а о Дмитрашке Райче припоминал давние дурные дела его еще при Многогрешном и Бруховецком, представлял, что его ненавидят полчане за то, что, будучи волоским[36] уроженцем, ставит сотниками своих земляков, и все полчане просят, чтоб он не был у них полковником и не жил бы в их городе. По донесению гетмана, Дмитрашку Райчу потребовали в то время в Великороссию. Когда гетман отправился на постройку Новобогородска, Дмитрашка, находясь в Севске, жаловался князю Голицыну, что гетман делает стеснения жене его, оставшейся в Малороссии, а гетман по этому поводу писал тому же князю Голицыну, что на Дмитрашку Райчу есть подозрение в изменнических замыслах и следует его препроводить к войскому суду. «Вы десять лет меня знаете, — писал Мазепа, — способен ли я кому-нибудь завидовать и чинить козни на чужое здоровье! Я Дмитрашке Райче не враг, пусть бы он только не сеял плевел, а то вот здесь, по его письмам, твердят, что его скоро приведут с каким-то боярином для принятии некоторого чина». Счел нужным Мазепа набросить некоторую тень и на киевского полковника Солонину, хотя недавно перед тем решил в его пользу спор с киевским воеводой и киево-печерскими старцами. Но вслед за тем он указывал на

[35] Должности.

[36] Валахи (волохи) — народность, вошедшая в середине XIX в. в состав Румынского княжества.

письмо Солонины к гетману, в котором тот просил защитить его от «Москвы». Солонина разумел здесь киевского воеводу, своего личного недоброжелателя. Но Мазепа придал словам его более общий смысл. «Странно, — заметил гетман, — как этот мужик дерзает так писать».

Так Мазепа делал тайный вред своим соумышленникам по делу низложения Самойловича, — он их опасался. Эти люди недавно испробовали, как возможно при посредстве низкопоклонничества пред сильными московского мира свергать своих гетманов; могли они подумывать, нельзя ли и с Мазепой то же сделать, что сделали с Самойловичем. И Мазепа старался заранее сковырнуть тех, от которых мог ожидать вредных против себя интриг, но не зная наверное: удастся ли ему, не хотел допускать на себя упреков в несправедливости. Поэтому он поступал двулично: одним и тем же явно покровительствовал, а тайно чернил доносами, на тот конец, чтоб обеспечить за собою доверие в Москве, когда эти люди вздумают вредить ему.

В Киеве между тем появился первый письменный донос на самого гетмана, открывший собою целый ряд доносов все в одном и том же смысле. Доносчиком был какой-то поп-расстрига из Путивля. В его доносе было сказано, что гетман сносится тайно с поляками, дружит с ними и тайно покупает себе в Польше маетности. Киевский воевода отправил доносчика с товарищем в Москву, а из Москвы их препроводили в Батурин к гетману. «Мню, — писал Мазепа к Голицыну, — что сии оболгатели, по уговору особ на мене враждующих, с баснями послани суть». Сообщая, что он приказал посадить их обоих под караул, гетман уверял князя Голицына в своей простоте, незлобии и неизменной верности престолу.

Глава вторая

Приготовления к новому походу на Крым. — Известия от турецких христиан. — Архимандрит Исайя. — Шакловитый у Мазепы. — Мнения о гетмане в Малороссии. — Поход в степь. — Встреча с татарами. — Возвращение. — Восхваления и награды Голицыну. — Приезд Мазепы со старшинами в столицу. — Переворот в правлении. — Гетман у Троицы. — Прибавочные статьи. — Царские милости.

В конце лета 1688 года в Москве решено было возобновить на следующую весну войну с бусурманами. Пришли от римского императора и от Венецианской республики к московскому правительству побудительные призывы действовать сообща против турок. Извещали, что настает время самое удобное победить и искоренить бусурман и освободить от их ига православных христиан, — туркам приходится худо, со всех сторон потери и поражения, на севере в Сербии потеряли они Белград, а на юге — Селунь (Солунь) и остров Кандия завоеваны венецианцами. Такой счастливой для христиан поры уже тысяча лет как не бывало. В Москву стали приходить обращения прямо из восточно-православного мира, порабощенного мусульманами. От бывшего константинопольского патриарха Дионисия, лишенного своего сана за дружбу с Россией, прибыл архимандрит Исайя. Он привез грамоту от имени всех вселенских патриархов, в которой излагалось то же, что и в грамотах римского императора и Венецианской республики: наступило удобное время с надеждою на успех ополчиться на неверных, — они пришли в крайнее бессилие и сами говорят, что к ним приближается конечная гибель. Но зато они с неистовством озлобились на православных христиан в Румелии[37], Морее[38], Болгарии и Сербии, причинили им много мук и поругании, до трех тысяч истребили, а несчетное множество свезли в Азию и в Египет на поселение; они, с повеления своего султана и своего великого муфтия, намереваются разорить до основания все церкви и монастыри в тех краях, откуда выселили христиан, а оставшихся на прежних местах жительства перебить и

[37] С XVI по XIX в. название территорий бывшей Византии, захваченной османами.

[38] Средневековое название полуострова Пелопоннес.

таким образом искоренить все христианство. «В нашей стране нет ни города, ни местечка, где бы не творились поругания и разорения церквам Божиим, посрамлены архиереи и иереи: крест оплеван, хулится и укоряется имя Христово; неверные все только говорят: если б ваш Иисус был Бог, не оставил бы он своих поклонников в наших руках в неволе». Тот же архимандрит Исайя привез грамоту от волоского (молдавского) господаря Щербана: тот советовал отправить разом два войска — одно на Буджак сухопутьем, другое водою на Дунай, а для удержания крымцев сосредоточить третье войско на Запорожье; затем просил принять всех православных христиан под царскую руку, уверял, что и он сам, и сосед его, владетель мультанский (валахский), с подвластными странами желают поступить в подданство московскому престолу ради единой веры и не замедлят выступить с семидесятитысячным войском на помощь царским силам. С тем же архимандритом прислал грамоту и нареченный сербский патриарх Арсений о том же, но делал предостерегательные внушения насчет союза с западным христианством.

«Западные державы, — писал он, — отняли у турок в Венгрии и в Морее местности, заселенные православным народом, но тотчас стали там вводить унию и обращать православные храмы в костелы. Если повезет им счастие далее и они завоюют Царьград, то православные христиане прийдут в окончательную погибель и вера православная искоренится. Православные христиане с радостью отдадутся под власть великих государей российских, но не под власть папежников[39]».

Списки с привезенных Исайею грамот посланы были на обсуждение гетману Мазепе, и тот в своей грамоте, посланной в Москву, согласно с сербским патриархом, представлял также, что западные союзники только того и желают, чтоб искоренить восточное православие, заменив его латинством в Царьграде и подвластных ему областях. «В том страхе правоверные христиане, яко духовные, тако и мирские, обретаючися, не имеют иного прибежища, токмо великих государей», — выражался Мазепа, вероятно, с целью сказать угодное верховной власти. Гетман, по царскому повелению, сообщил волоскому господарю, что, сообразно договору, заключенному царями с польским королем, войска обоих государств весною выступят на войну с решительною целью освободить всех христиан от мусульманского ига.

19 сентября в Москве был объявлен царский указ всем служилым людям готовиться весною будущего года в поход против крымцев, а 28 сентября Мазепа сообщал, что малороссияне, услышав о предстоящей войне, приняли это известие с большой радостью и «ни в ком не объявится лености». Гетман советовал выступать весною как можно ранее, а чтобы неприятели не сожгли в степи сухой прошлогодней травы и не произвели степного пожара, затруднительного для русских войск, необходимо самим выжечь степь осенью: тогда новая трава скоро и беспрепятственно начнет расти следующею весною, и так русские войска будут идти по самой первой весенней зелени, и для войска это будет здоровее, так как еще не начнутся тягостные летние жары и не успеет явиться моровое поветрие, которое обыкновенно запорожцы через свои походы заносят из Крыма. Тогда бусурманы будут лишены в достатке конского корма; а если у татар лошади не будут сыты, то татары отпора не дадут. Такой совет подал тогда гетман, и, быть может, если б он бы принят и исполнен, то и предположенный поход совершился бы удачно.

В октябре отправился к гетману в Батурин любимец царевны Софии и князя Голицына, Шакловитый, с милостивым словом к гетману, а вместе с тем и с тайным поручением проведать о верности самого гетмана и о степени расположения и доверия к нему подчиненных малороссиян. Шакловитый сообщил в Москву, что хотя в поступках гетмана не замечается наклонности к измене, но малороссияне его не любят, не доверяют ему, твердят, что он весь душою поляк и ведет тайные переписки с польскими панами. От таких известий в Москве не поколебалось доверие к гетману, напротив, оно должно было в то время укрепляться, потому что искренность его предостережений насчет западных держав подтверждалась известиями русского посла в Вене Возницына, доносившего секретно, что цесарское величество положительно хочет заключить мир с Турцией особо, без участия России; то же сообщалось и о другом союзнике — польском короле, хотя последний положительно заявлял, что ни за что не

---

[39] Т. е. католиков.

станет мириться с Турцией без согласия с Россиею.

Поход открылся в марте 1689 года. Великороссийских войск, выступивших в поле, было 112 000 под главным начальством князя Василия Васильевича Голицына. Генерал Гордон советовал в походе держаться берега Днепра и через каждые четыре перехода ставить крепости, а в каждой из крепостей оставлять по нескольку сот человек. Такой способ предлагался в том соображении, чтобы русское войско могло иметь пункты опоры для своего продовольствия и для помещения раненых, а неприятелю могло это возбудить страх, так как ему показалось бы, что у русских очень великие силы. Другие начальные лица говорили, что лучше идти прямо степью к Крыму. Главнокомандующий пристал к последнему мнению, принявши, впрочем, кое-что из мнения Гордонова: положили оставить у Самары часть войск под командою князя Ивана Федоровича Волынского, а со всем остальным идти в поход по левому берегу Днепра быстрым шагом, чтобы не допустить татар произвести степной пожар. Гетмана тогда на совете не было; его совет, данный еще прошлого года, о сожжении сухой травы в предшествовавшую осеннюю пору, остался, как видно, без исполнения. Гетман с целым своим регментом[40] присоединился к главному войску около 20 апреля.

Следуя далее по предназначенному направлению, 11 мая соединенное войско достигло реки Каирки: оставалось еще четыре дня пути до Перекопа. Князь Голицын отрядил часть сил своих к Аслан-Керменю у Днепра и двинулся с целым корпусом далее на Перекоп. 14 мая войско достигло Зеленой Долины. Она была шириною в десять верст, изобиловала водою и травою. Русские расположились станом. Здесь пойманный татарин показал, что хан крымский за день перед тем стал у реки Каланчака, а его орда расположилась впереди, на Черной Долине. Русские по этой вести двинулись далее. На пространстве, отделяющем Черную Долину от Зеленой, появился отряд орды; она шла от Кизикерменской дороги и наступала с правой стороны на русское войско. Произошла битва, длившаяся от трех до четырех часов. С обеих сторон немало было убитых и раненых, но русские принудили татар отступить.

16 мая русские достигли Черной Долины. Тут справа появился сам хан со всеми своими силами. Полился сильный дождь. До полудня перевес был на стороне татар. Они с чрезвычайной быстротой напали на арьергард, загнали русскую конницу и пехоту в обоз, но пушечные выстрелы заставили их отступить. Тогда татары обратились на левое крыло русского войска, нанесли поражение двум слободским полкам, перебив у них много лошадей и людей, хотя и сами потерпели от ружейной и пушечной пальбы. После того уже татары не осмеливались вступать в бой и только издали показывали намерение нападать, а с наступлением ночи совсем скрылись из вида. На другой день, 17 мая, русские подвинулись далее, но главнокомандующий приказал ввести конницу в обоз, находя, что она не в силах будет удержать напор неприятеля, когда он явится. Вскоре татары снова появились, не увидали конницы впереди обоза, а на пехоту нападать не осмелились и ушли кКаланчаку. Русские последовали за ними и к вечеру достигли Каланчака. Там нашли они достаточно травы и воды, но леса для дров не было. 20 мая русские дошли до Перекопа.

Последние два дня перехода от Черной Долины до Перекопа оказались чересчур тягостными для русского войска. Князь Голицын в своем донесении говорит, что от самой Каирки войска шли восемь дней безводною степью: вопреки известию Гордона князь говорит, что в обеих долинах — Зеленой и Черной — воды вовсе не было, а в Каланчаке вода была дурного свойства. Гибли от безводья и лошади, и люди. Начинала чувствоваться скудость и хлебных запасов. Когда наконец русские добрались до Перекопа, то думали было сперва возводить шанцы и стали досматривать, откуда можно доставать воду и корм для лошадей. Оказалось, что все поля были потравлены и выбиты, воды недоставало ни в реках, ни в колодцах; с правой стороны Перекопа было Черное море, с левой — Гнилое, но в обоих вода соленая и для питья невозможная. Около Перекопа все посады и деревни были выжжены татарами. Соображая, что долго стоять под Перекопом будет для войск слишком затруднительно, князь Голицын попытался войти в сношения с ханом: в этом случае он доверял пленному татарину, который показал, что хан желает примириться. Но хан через присланного к

---

[40] Войсковым соединением.

князю Голицыну своего кеман-мурзу Сулешова изъявил готовность мириться не иначе как на условиях Бахчисарайского мира[41]. Это побудило князя Голицына прервать и сношения с татарами и военные действия против них. 21 мая русские стали отступать назад. Впоследствии современники распускали слухи, будто князь Голицын в предшествовавшую тому ночь взял с хана взятку в две бочки золотых.

Гетман Мазепа, как и прочие военачальники, не участвовал в намерении главнокомандующего мириться с неприятелями, а когда князь Голицын послал к нему Венедикта Змиева спросить: не будет ли от такого примирения между козаками смуты, Мазепа, с своей обычной уклончивостью, не стал противоречить сильному временщику, но хотел всеми возможными способами отстранить себя от участия в таком деле, от которого мог ожидать со временем неприятных последствий, он отвечал, что козаки скучают, но измены от них он не ожидает.

На обратном пути целых восемь дней беспокоили отступавших русских татары, однако не причинили им большого вреда. Русские более терпели от безводья, пока им на облегчение не полился проливной дождь. 12 июня достигло войско до Самары. 24 июня Мазепа расстался с главнокомандующим и с берегов Коломака повернул с войском своего регимента в гетманщину. 27 июня сам Голицын распустил все свое войско и с начальными людьми отправился в столицу. Сердечно преданная Голицыну, царевна София спешила перед братьями-царями и перед вельможами выставить подвиги своего любимца в самом светлом виде. Сам князь Голицын в своих донесениях постоянно представлял ход дел в войске так, как будто русские одерживают над неприятелем блистательные победы одна за другою. 27 июля, в субботу, объявлена была похвала и царские милости боярам-предводителям во внутренних дворцовых покоях, а второстепенным начальным людям — на дворцовой лестнице. Бояре получили в дар кубки, кафтаны, вотчины, денежную придачу к окладам жалованья; прочим, второстепенным, давали ковши, материи на одежду, жаловали увеличением денежного оклада и обращением части числящихся за ними поместий в вотчины; иностранцам, бывшим в походе, пожалованы были серебряные кубки, соболи, материи на одежду и месячные жалованье не в зачет, в виде подарка. Имена убитых выставлены были в соборной церкви, дабы отцы, сыновья, братья и ближние родственники имели всегда перед глазами свидетельство о верности и подвигах своих кровных. Всем участвовавшим в походе розданы были на память золотые медали разной величины, смотря по достоинству чина каждого.

Слабоумного царя Иоанна сестре нетрудно было уверить, что ее любимец вел дело блистательно; но не могла София заставить так же думать и талантливого Петра, уже и без того озлобленного против сестры. Правда, 26 июля усиленные просьбы склонили его не препятствовать объявлению милостей и наград; но когда на другой день полководцы и начальные люди поехали в Преображенское благодарить за царские милости, Петр не принял никого, и тогда все поняли, что уже близка гроза и наступит перемена в правлении. Гроза разразилась в августе того же года. Начальник стрелецкого приказа Шакловитый, сторонник Софии, настраивал своих стрельцов против Петра, но двое из этих стрельцов. Мель-нов и Ладогин, прибравши с собою других товарищей, убежали в Преображенское и сообщили Петру, что на него и на его мать. царицу Наталью Кирилловну, замышляется убийство. Ночью с 7 на 8 августа Петр вскочил с постели, едва успел обуться, в одном белье побежал в конюшню, сел на верховую лошадь и ускакал в лес; туда принесли ему платье, и он, верхом на той же лошади, тотчас уехал в Троицкий монастырь. На другой день к нему прибыли мать, жена и несколько ближних бояр, между которыми пользовался тогда особым доверием Петра князь Борис Голицын.

Когда в столице и ее окрестностях происходили такие смуты, в Москву приехал гетман Мазепа с старшинами, полковниками и с большою свитой. С ним приехали тогда генеральные старшины: обозный Борковский, судья Савва Прокопович, писарь Василий Кочубей, асаул

---

[41] Заключен между Россией, Турцией и Крымским ханством в Бахчисарае 13 января 1681г. на 20 лет. Было признано воссоединение Левобережной Украины и Киева с Россией, а также подданство России запорожских казаков.

Андрей Гамалея и бунчужный Евфим Лизогуб; при каждом из этих старшин состояло по пяти Козаков. Прибыли полковники: черниговский — Лизогуб, полтавский — Федор Жученко, нежинский — Степан Забела, миргородский — Данило Апостол и лубенский — Леонтий Свечка. С каждым из них был полковой писарь, а при некоторых еще и полковой судья. При особе полковника состояло по пяти Козаков, а при полковом писаре и при полковом судье — по два козака. Сверх того с гетманом приехали тогда в Москву девять значных войсковых товарищей старших, семнадцать значных войсковых товарищей молодших и восемь канцеляристов. При каждом из этих лиц было по козаку. Затем собственный штат гетмана состоял из восьми дворян гетманских, близких к особе гетмана; при каждом из них также было по козаку. Дворовых гетманских людей было 70 человек, 50 драгунов, 12 музыкантов, — всего при гетмане и при всех знатных особах было 304 человека. Разом с гетманом прибыли в Москву и пять духовных сановников.

Встречать их выслан был стремянного полка полковник стольник Иван Циклер с 500 конными рейтарами и с двумя ротами подьячих Малороссийского приказа. Дьяк Василий Бобынин приехал с царскою каретой для почетного гостя и от имени царей и царевны спросил гетмана о здоровье. Гетман счел уместным похвалить царскую карету и сказать: «Благодарю Бога, что сподобил меня чести сесть в царскую карету!» Гетмана ввезли в Калужские ворота, потом, через плавучий мост, провезли в Москворецкие ворота, а далее, следуя Ильинским крестцом, привезли на большой Посольский двор, где назначено было ему помещение со всеми прибывшими с ним малороссиянами. Гетман не знал еще, что происходит «наверху», не мог предвидеть скорого падения власти Софии и временщика, считал Голицына неизменно могучим, а потому в разговорах с приставами (которые должны были о его речах доносить князю Голицыну) расхваливал подвиги князя Василия Васильевича в крымском походе. «Никогда еще, — говорил Мазепа, — не бывало бусурманам такого страха, как от князя Василия Васильевича, ближнего боярина! Жаль, что за безводными и бескормными местами не успели разорить Перекопа!.. Но ведь в древних хрониках писано: персидский царь Дарий приходил войной на Крым и войска у него было множество, а все-таки не мог он взять Перекопа за безводием и бескормицею и принужден был уйти, и зарок дал, что не пойдет более в тот край!»

На другой день после приезда в Москву гетмана с малороссиянами повезли во дворец для торжественного представления. Думный дьяк проговорил пышную речь, восхвалил славные подвиги князя Василия Васильевича Голицына, нанесшего бусурманам такое поражение, «какого они себе не чаяли и такому подобного не слыхано». И гетману отдавалась похвала как участнику победоносного дела. Тогда гетману даны были от имени государей дары: серебряный рукомойник с лоханью, золотой пояс с турецкими драгоценными камнями, золотая узда с наперстью. Гетман и все малороссияне были у руки одного изгосударей, Иоанна Алексеевича. Петра здесь не было. Потом гетман посетил патриарха Иоакима.

С месяц после того сидели малороссияне со своим гетманом в большом Посольском дворе, а тем временем в столице совершались великие дела. Пошла решительная, последняя борьба между братом и сестрой. Петр из Троицкого монастыря потребовал к себе служилых. София всеми средствами старалась удерживать стрельцов от перехода к Петру, а между тем пыталась посылать к брату сначала бояр, а потом патриарха, с целью как-нибудь уладить возникший спор. Все было напрасно, — и бояре, и патриарх остались при Петре у Троицы. Петр дал приказание всем стрелецким и солдатским начальным людям, под опасением смертной казни за ослушание, прибыть к Троице, взявши с собою по десяти человек простых рядовых из каждого полка, а вместе с ними должны были явиться к государю московской гостиной сотни и всех московских черных сотен с десятью тяглецами из каждой сотни и слободы. Все повиновались. Тогда Петр потребовал выдачи Шакловитого и его сообщников стрельцов, обвиняемых в злоумышлении на жизнь Петра и его матери. София принуждена была уступить, потому что все стрельцы уже перешли на сторону Петра. Шакловитого выдали и казнили. Князь Василий Васильевич Голицын не принимал участия в московских смутах этих дней и запрятался в свою подмосковную вотчину Медведково; но после выдачи Шакловитого 7 сентября отправился к Петру вместе со своим товарищем и другом Леонтием Неплюевым, окольничим Венедиктом Змиевым, Григорием Ивановым Косаговым и думным дьяком

Емельяном Игнатьевым Украинцевым. Князь Голицын приготовился доказывать Петру свою невинность, но его не допустили ни до каких объяснений, а прямо объявили приговор, которым лишали его всех вотчин и назначили ему жить в ссылке в Каргополе: виною ему поставлено было то, что он провозгласил самовольно царевну Софию верховною правительницею, тратил бесплодно государственную казну и совершил два напрасных похода в Крым, ничего не сделавши. Неплюева за обиды, нанесенные севским жителям во время своего управления, за грабительства и разорение Комарницкой волости, лишив всех имений, сослали в Пустозерск. Змиева удалили в его деревни, а Косагова и Украинцева оправдали. Только влиянию любимца Петрова, князя Бориса Алексеевича Голицына, обязан был падший временщик тем, что нс подвергся смертной казни. Впрочем, на другой гол Каргополь был найден слишком удобным для такого преступника: его перевели в Яренск, а еще через год сослали в Пустозерск, потом в Пинегу, где он и умер в крайней бедности, в преклонных летах. в 1713 году.

Казалось бы, с падением временщика должна была постигнуть неблагоприятная участь и гетмана Мазепу, который был, возведен в гетманский сан главным образом по влиянию князя Василия Васильевича и с той поры держался его милостями Действительно, Мазепа уже тогда ожидал себе беды, а бывшие с ним малороссияне советовались между собою, кого теперь придется им избирать в гетманы вместо Мазепы: об отрешении последнего, казалось, не могло быть никакого сомнения. Волею-неволею по царскому приказу отправился Мазепа со своею ассистенцнею[42] к торжествующему царю Петру. 9 сентября, когда он, едучи к Троице, доехал до села Воздвиженского, ему было прислано царское приказание остановиться и ждать, пока позовут его. Страшно, конечно, ему было ожидать этого зова. Но пришлось ему томиться ожиданием недолго. На другой же день, 10 сентября, его позвали. На Троицком посаде малороссияне встретили великолепный шатер, поставленный для приема их гетмана. В тот же день, после полудня, гетман был допущен к царю. Он вошел, одетый в богатый кафтан, окруженный старшинами, за ним козаки несли блестящие дары; то были: золотой крест, осыпанный драгоценными каменьями, сабля в дорогой оправе, стоившая 2000 рублей, и 10 аршин золотного аксамиту ** для царской матери — царицы Натальи Кирилловны, а для царицы Евдокии — золотные ожерелья с алмазами. Молодой царь, статный и красивый, сидел одетый в бархатный кафтан, окруженный боярами, одетыми в байберековые[43] кафтаны. Думный дьяк Украинцев объявил гетману и всем старшинам похвалу за военные походы с Голицыным. Таким образом давалось знать, что немилость царя к Голицыну за его крымский поход не падает на участников этого похода — Мазепу я все войско запорожское, так как козаки в этом походе исполняли толькосвой долг и не могли принимать ответственности за ошибки главного предводителя. Думный дьяк, проговоривши свою речь, сказал гетману, что он может теперь говорить к великому государю, если имеет нужду. Мазепа прежде всего заметил о трудности своего сана, тем более что он, как старик, не может похвалиться здоровьем, но он давал обещание служить царю верно, до пролития последней капли крови, бил челом, чтобы великий государь держал его всегда в своей милости со всеми старшинами и со всем народом малороссийским. Речь Мазепы, вполне до нас не дошедшая, понравилась Петру. Сверх ожидания многих, он принял очень милостиво и ласково гетмана и всех старшин. Ласковый прием придал гетману смелости, и он тут же подал государю челобитную, чернившую Василия Васильевича Голицына и товарища последнего Леонтия Неплюева. Он доносил царю, что Леонтий Неплюев угрозами вынудил у него дать князю Голицыну отчасти из пожитков отрешенного гетмана Самойловича, а отчасти из собственного своего «именьишка», которое по милости монаршей нажил на гетманском уряде, 11 000 рублей червонцами и ефимками, более трех пудов серебряной посуды, на 5000 рублей драгоценных вещей и три турецких коня с убором. Любопытна записка Мазепы, сохранившаяся в делах Государственного архива вместе с письмами царевны Софии, показывающая, что Мазепа после своего избрания в гетманы заплатил князю Голицыну взятку за содействие. В нравственных правилах Ивана Степановича

---

[42] Т. е. с сопровождавшими его лицами.

[43] Виды дорогих материй.

смолоду укоренилась черта, что он, замечая упадок той силы, на которую прежде опирался, не затруднялся никакими ощущениями и побуждениями, чтобы не содействовать вреду падающей прежде благодетельной для него силы. Измена своим благодетелям не раз уже выказывалась в его жизни. Так он изменил Польше, перешедши к заклятому ее врагу Дорошенку; так он покинул Дорошенка, как только увидал, что власть его колеблется; так, и еще беззастенчивее, поступил он с Самойловичем, пригревшим его и поднявшим его на высоту старшинского звания. Так же поступал он теперь со своим величайшим благодетелем, перед которым еще недавно льстил и унижался. И ему на этот раз удалось более, чем все прежние разы. Он заслужил к себе милость царя Петра. Вероятно, теперь ему помогла та природная вкрадчивость, та способность всем нравиться с первого раза, способность, которая живет с человеком и с ним умирает, оставляя мало следов для потомков, задающихся изучением исторического лица. По единогласному свидетельству лично знавших этого человека, ему была присуща в высшей степени такая способность. Петру не представлялось ничего против этого человека. Если он слушался Голицына, то потому, что в руках Голицына была верховная власть. Избран был Мазепа в гетманы по желанию всего войска запорожского вольными голосами; от старшин на него не было челобитных; ничто не возбуждало к нему царского неудовольствия, а заявлением о Голицыне и Неплюеве Мазепа отклонил от себя подозрение крепкой солидарности с Голицыным и его друзьями.

14 сентября думный дьяк предложил гетману и старшинам, не найдут ли они нужным представить соображения к изменению чего-нибудь в статьях договора, составленного на коломацкой раде. Замечено было, что вопрос об арендах на этой раде остался нерешенным, но и теперь оставляли его решить голосом всего народа, которые будут отбираться по вопросам, разосланным в полки. Гетман находил необходимым произвести новую перепись всем козакам, чтоб отделить настоящих Козаков от своевольных мужиков, беспрестанно втирающихся в козаки, а затем надобно будет строго наблюдать, чтобы мужики отнюдь самовольно не вписывались в козачество. Старшины старались не допускать в козаки посполитых, чтобы держать последних у себя в подданстве с их землей. Со старшинами заодно того же домогались все войсковые товарищи, владевшие маетностями. Мазепа, как поляк по воспитанию, мирволил этому «панскому» направлению; но ему хотелось, чтобы «паны», то есть владельцы маетностей, зависели от него, и потому обратил внимание правительства на то, что некоторые малороссияне ездили в Москву и там выхлопатывали себе маетности в Малороссии. Отсюда происходили, как выражался гетман, «трудности и ненадежная докука». Тот, кто недавно получил грамоту в Москве, домогается отвода ему земли во владение, сообразно жалованной грамоте, а тут явится кто-нибудь другой и докучает гетману, указывая, что у него есть более давнее право на владение, сообразно гетманскому универсалу. На это представление гетману отвечали, что вперед не будут выдавать жалованных грамот на маетности без предварительных гетманских универсалов. В этот приезд гетмана в Москву выдано было множество жалованных грамот на маетности, и тогда, можно сказать, более чем в прежние времена положен был фундамент частного землевладения в Малороссии и зачало будущего малороссийского дворянства. Кроме общей жалованной грамоты всему малороссийскому народу на бывшие у каждого лица поземельные владения, самому гетману Мазепе даны грамоты на села Остроч и Ядловку в Баришевском повете Переяславского полка, которые гетман тогда же пожертвовал на содержание богадельни при Киево-Печерском монастыре, на село Кочюровку в Глузовском повете, где у гетмана был двор и водяная мельница на реке Есмани, и на село Самбур в Красненском повете. Всеми этими маетностями владел Мазепа и прежде, в звании генерального асаула, а теперь они отдавались ему в потомственное владение. Еще прежде своего приезда в Москву исходатайствовал гетман утверждение своих универсалов: за генеральным писарем Кочубеем села Диканьки и Ярославца, за генеральным судьею Вуеховичем двух сел в Полтавском повете, за Михаилом Гамалеею на села в Любецком повете, за генеральным бунчужным Евфимом Лизогубом сел: Погребки, Кишки и Крапивное с мельницами на реке Сейме, за басанским сотником Янковичем, нежинским полковником Степаном Забелою и охотницкими полковниками: Герасимом Василевичем, Яворским, Кожуховским и Новицким — на пожалованные им всем маетности. В приезд Мазепы в Москву, по гетманскому ходатайству, даны грамоты на маетности и многим другим лицам.

Гетман покровительствовал тогда и литературным трудам в своем крае. По его рекомендации, еще до приезда его в Москву привозили в столицу старцы Киево-Николаевского монастыря книгу Радивиловского «Венец Христов», а старцы печерские — книгу «Венец от цветов духовного винограда печерского» для поднесения их государям. Разом с гетманом приезжал в столицу глуховский житель Афанасий Заруцкий с книгою «На похвалу великих государей». Он подавал Голицыну челобитную, где изъявлял желание потрудиться и впредь «в начертании книжном к прославлению престола их царских величеств и его князя Голицына, чтоб испытно чином весь летописец о родстве их царских величеств написан был, дабы и в настоящее время мудрым людям было что прочитать». Он заявлял, что до сих пор он писал кратко, но теперь хотел бы написать подробнее, и просил снабдить его летописями, потому что в малороссийском крае таковых нельзя было найти.

19 сентября малороссияне были отпущены из Москвы. На отпуске гетману и старшинам надарили соболей, разных пряностей и лакомств, вина, уксусу и проч.

Глава третья

Волнения в Малороссии в отсутствие гетмана. — Смута из Запорожья. — Писарь Сажка. — Сношения запорожцев с Польшею. — Атаман Лазука. — Подозрения на Польшу. — Недруги Мазепы в малороссийском крае. — Леонтий Полуботок. — Михайла Василевич Галицкий. — Пасквиль на гетмана. — Подсылка Шумлянского. — Доморацкий. — Чернец Соломон. — Выдача их и казнь. — Чалиенко и другие враги гетмана. — Новый пасквиль. — Мать и сестра Мазепы. — Доверие и милость к гетману московского правительства.

Поездка гетмана в Москву не обошлась без некоторых смут в Малороссии. Гетман, отъезжая в столицу, поручил вместо себя управление краем в звании наказного гетмана генеральному судье Вуеховичу, а для защиты рубежей гетманщины от татарских вторжений расставил вдоль Днепра охотных Козаков и засеймские сотни Нежинского полка, давши над теми и другими наказное начальство стародубскому полковнику Миклашевскому. Боялись татар, но тревога наступила от своих, а не от чужих. Гетман получил от Вуеховича известие, что в Ромнах, в Чернухах, в Басани — в Переяславском полку, в Кобыляках и Будищах — в Полтавском полку и во всех побережных городках пошли слухи, что гетмана задержат в Москве со старшинами, отпустятся назад только бывшие с ними незнатные люди; толковали даже, что «некий иной чин имеет быти». Такие слухи распространяли запорожцы, злобствовавшие на гетмана за то, что он запретил малороссиянам ездить на Запорожье для торговли и лишил Запорожскую Сечь возможности получать хлеб и другие предметы продовольствия из Малороссии. Запорожцы ошибались: такие стеснительные меры последовали по воле московского правительства, и гетман, будучи в Москве, ходатайствовал об их отмене. Вуехович писал, что трудно ему удерживать спокойствие, люди его не слушают, властей не уважают и уходят в разные стороны: те на низ в степи, а те к Бугу и иным речкам на правой стороне Днепра. Из полков Гадяцкого, Миргородского и Лубенского поднимается поспольство большими громадами на правый берег Днепра искать новоселья; иные же, доносил Вуехович, думают и нечто новое у себя зачать. Правобережная Украина, по-видимому, начинала для малороссиян левого берега делаться такой же обетованной землей, какой лет пятнадцать тому назад казались для Правобережной Украины Левобережная и Слободской край. «Что можем мы сделать, — писал Вуехович, — с какими-нибудь несколькими тысячами дворян (т. е. гетманской надворной команды) против большого числа непослушных! Не так страшны нам неверные татары, как свои нехристи, которые страха Божия не имеют и начальства не слушают. Множество их порывается на ту сторону Днепра искать себе житья, а запорожцы разглашают, что татар бояться нечего, что татары нам не враги и хан приказал отпустить на свободу всех, которых татары недавно захватили на другом берегу Днепра, когда те ходили за ягодами и за дровами». Вуехович умолял гетмана поспешить на Украину и издать универсал к народу; о том же доносили гетману генеральный хоружий Ломиковский и стародубский полковник Миклашевский: последний писал, что, находясь на страже в Днепровской пристани, он принужден был пропускать несколько возов за Днепр, потому что

весь народ роптал, почему не дозволяют ходить на низ за звериными и рыбными промыслами.

Шатание с места на место, искание льготного жития на новосельях было тогда в нравах малороссийского народа не только в гетманщине, но и в тех краях, где селились выходцы слобожане Путивльского уезда слободы Терновой жители малороссияне, поверстанные службой к севскому воеводе, самовольно убежали со службы, забрали свои семьи и ушли в. село Хоруговку, принадлежавшее Михайлу Гамалее. Владелец объявил у себя новопоселенцам льготы на 15 лет и таким образом переманил к себе из Терновой слободы 40 дворов, а потом посылал делать наезды на Терновую слободу, грабить и бить людей, чтоб от такой «тесноты» переходили к нему терновцы на житье.

По возвращении домой гетман узнал, что вся смута в народе исходит от запорожцев. Был на Запорожье писарь, по имени или по прозвищу Сажка. Он сообщал в Украину секретно гетману, что творится в Сече и как запорожцы, подущаемые татарами, толкуют о том, что надобно вместе с ляхами и татарами воевать москалей. Сажка известил гетмана, что кошевой Гусак, хотя и против своего желания, но по воле товарищества, послал в Варшаву к польскому коронному гетману Прокопа Лазуку с товарищами Забиякою и Кисляковским: они повезли «суплику»[44] от войска низового запорожского с жалобою, чти Москва нарушает их вольности и хочет всех их сделать рабами своего московского царя и его бояр. «Пусть, — обращались они в своей суплике ко всей Речи Посполитой, — пусть святой дух осветит сердца вельможностей ваших и даст вам здравый совет, а наше желание таково. чтобы оба народа, польский и малороссийский, соединились».

Обо всем этом гетман узнал через писаря Сажку и потом через посланного нарочно в Варшаву ловкого киевского торговки Ельца и сообщил в Москву; но там узнали о сношениях запорожцев с Польшею и другим путем. Какой-то шляхтич Подольский сообщил московскому резиденту Волкову о прибытии запорожцев, замечая, что король польский хоть и не примет запорожцев в подданство, но будет рад размолвке запорожцев с царем и с городовыми козаками, потому что король польский, как и все вообще поляки, недоволен уступкою Москве областей, принадлежавших прежде Речи Посполитой. В следующем 1690 году Сажка известил гетмана, что Прокоп Лазука воротился от короля и привез королевский подарок 200 червонцев для раздачи товари-ству. Тогда гетман отправил в Сечь ловкого козака Василя Горбачевского, приказывая сойтись с Прокопом Лазукою и выведать от него, что ему говорили в Польше. Лазука открылся Горбачевскому и говорил: «Меня очень почетно приняли в Польше. Коронный гетман увещевал нас служить королю, а король, отсылая через меня 200 червонцев, обещал еще прислать поболее через посредство каких-то киевских знатных особ, но пусть гетман не доверяет ляхам. Из того, что я слышал от коронного гетмана и других знатных панов, вижу, что они зла желают нашей Украине». Такое предостережение Лазуки скоро стало подтверждаться вестями, приходившими из Крыма, что хан намеревается всеми силами орды своей помогать полякам подчинить себе Украину, а летом 1690 года Мазепа сообщил в приказ, что турецкие послы подали цесарскому величеству статьи о мире и в этих статьях упоминается только о цесарской державе, да о польской Речи Посполитой, да о Веницейской[45], а о царской державе нет и помина. Польский король то и дело что пересылается с крымским ханом, который берется устроить примирение между Турцией и Польшею. «Я имею, — писал Мазепа, — верную ведомость, что от цесарского величества и от польского короля великим государям царям никакого добра надеяться не следует, а, напротив, можно опасаться военных вредительства.

Так расплывались в ничто пышные ожидания успехов, которых, казалось, можно было ждать от союза христианских держав в борьбе с мусульманами. Союзники, вместо того чтобы действовать. поддерживая друг друга, ковали ковы один против другого и каждый поодиночке искал возможности помириться с враждующею стороною с выгодою для себя и в ущерб союзникам. Бдительный гетман, отлично понимавший, что такое польское правительство, следил за ходом дел и в пору указывал московскому правительству неискренность союза

[44] Смиренную просьбу (устаревший польский термин).

[45] Венецианской.

Польши с Россией и тем самым, оказывая ему услуги, располагал к себе его доверие.

Между тем у гетмана были внутри края между старшинами враги. не терпевшие его в равной степени, как не терпел их и он. Главными из них продолжали быть Леонтий Полуботок и Михайло Василевич Галицкий. О Полуботке доносил гетман, что он на-говаривал киевскому воеводе князю Ромодановскому на гетмана, будто он, Мазепа, человек польской породы, посылает в Польшу к сестре своей старицу Липницкую для покупки маетностей и что войско запорожское этого гетмана не терпит и всем малороссиянам он неприятен. Ромодановский подтвердил, что это сообщаемо было Полуботком. Мазепа воспользовался челобитной, поданной на Полуботка некоторыми переяславцами, и испросил в приказе одобрение смены его с полковничьего уряда, назначив вместо него управлять Переявлавским полком Ивана Лысенка.

С другим недоброжелателем гетмана, Михайлом Василевичем Галицким, Мазепа связал дело о появившемся в Киеве подметном письме.

9 марта 1690 года в Киеве стрелец Евстратка в Пятницких воротах Печерского местечка поднял письмо и принес его своему капитану, а последний доставил это письмо царскому киевскому воеводе. Письмо это заключало в себе предостережение от «зло-прелестного гетмана Мазепы». Оно выдавалось написанным жителем правой стороны Днепра, уступленной Польше. Припоминалось, как этот Мазепа когда-то людей православных русских — подольских и волынских — хватал и продавал бусурманам, обдирал в церквах с икон серебряные оклады и отдавал туркам, как после того своего пана гетмана задал в вечное бесславие и бесчестие и завладел его достоянием, с которого потом покупал сестре своей маетности в польских владениях, а на остаток, что горше всего, стакался с Голицыным, хотевшим жениться на царевне Софии и изгнать с престола и со света царя Петра, с тем и приехал в Москву, чтоб, устранивши Петра, устроить на свой счет свадьбу Голицына с Софиею. Они вместе затевали «искоренить, погубить и в ничто обратить престол от века сияющий и страшный всем гонителям на благочестие. Иные из соумышленников уже приняли суд, а его, который есть источник и начало пагубы, вы сохраняете на таком уряде, на котором если первого своего замысла и не учинит, то уже подлинно управляемый им край злою хитростию своей отдаст в нашу сторону, где все церкви Божий и людей вера благочестивая скончаются под игом польским, и вашей власти упадок, и нам кончину, и благочестию православному конец учинит прелестник Мазепа. Доколе же вы этого злодея, губителя будете держать? Ваше царское благочестие промышляете, как бы заграничных врагов победить, а этого домашнего врага бережете на пагубу своему царству! У нас в Короне Польской издавна так и ведется, что умышлявших зло королю казнят смертью и роды их, сеймовыми конституциями обесчещенные, пребывают вечно под банницею[46] и только для того держатся, дабы другие, видя постигшую их от Бога и Речи Посполитой пагубу, каялись и не покушались мыслить зла королю своему; сей же на ваше царское здоровье умышлял и ему как будто все прощено, и он ищет способа, как бы своего достичь! Вот и Шумлянский наш униат, а на самом деле римлянин (папист), изъявляет желание поддаться под власть патриарха московского, а все это для того, дабы через свою волчью покорность, вступивши под власть святительскую, мог вместе с злодеем гетманом учинить пагубу вашему престолу. Мы сердечно скорбим о таких изменнических видах против вашего престола и не желаем, чтобы цел оставался враг, чрез которого пала бы стена благочестия нашего, когда вы сами государи для того и мир с польским королем постановили, чтобы сияло благочестие». На обертке этого подметного письма было написано, что воевода должен передать его самим государям, а не иному кому длявручения, потому что изменник, будучи в Москве, раздавал ближним боярам многие сокровища за то, чтоб те при всяком удобном случае держали его сторону.

Письмо это было переслано в Москву, а из Москвы отправлено в Батурин с дьяком Борисом Михайловым, которому приказано было уверить гетмана в неизменной к нему царской милости. В Москве подозрение падало на некоего старца Одорского, приехавшего в Киев к митрополиту Гедеону посвящаться в сан епископа Мстиславского. Киевские воеводы задержали его и взяли у него какие-то листы польского и латинского письма, которые

---

[46] В изгнании (польск.)

почему-то показались подозрительными и теперь отправлялись к гетману.

Борис Михайлов прибыл в Батурин 8 апреля. Прием ему был очень почетный. За пять верст от города встречал его генеральный хоружий Ломиковский. По прибытии в Батурин царский посланец остановился на постоялом дворе, и гетман прислал за ним свою карету. На гетманском дворе встречали его генеральные старшины и пятьдесят знатных батуринских обывателей, а сам гетман стоял на крыльце своего гетманского дома и поклонился ему до земли.

«У нас, — сказал Мазепа, — так издавна ведется: как приедет к нам лицо от царского пресветлого величества, то генеральные старшины сходятся и радуются, и на радости у гетмана бенкетуют. и тебя, Борис, нам невозможно так же не почтить».

Посланник извинился недомоганием и уехал в той же гетманской карете в свое помещение. Отложили свидание до будущего времени. В назначенный для того день Бориса Михайлова привезли снова. Мазепа встретил его на крыльце и ввел в свои покои. Свидание с царским посланником происходило наедине.

Соображаясь с данным наказом, Борис Михайлов, вручивши Мазепе подметное письмо, говорил гетману: «Кто бы мог быть таким недругом, что подкинул письмо? Не Одорский ли? Не взять ли бы его тотчас из Киева и привезти в Батурин на допрос?»

Дьяк сообщил гетману и другие подозрения: на некоего поляка Искрицкого, недавно приезжавшего в Малороссию и желавшего видеться с гетманом, и на одного священника, который приезжал в Киев просить благословения у митрополита на постройку церкви в Корсуни. «Этому попу, — сказал дьяк, — не следует дозволять строить церкви в Корсуни, а дать бы ему священническое место где-нибудь на левой стороне, для того чтоб отвадить ездить к нам с правой стороны и подговаривать жителей к переселению с левой стороны на правую».

Проглядевши поданное подметное письмо, гетман поднял глаза к образам и произнес: «О, Пресвятая Богородица! Ты зриши мою убогую и грешную душу. Ты веси, как денно и нощно непрестанное имею попечение, как бы их царским величествам до конца живота услужить и за их государское здравие кровь пролить. Мои злодеи не спят и о здравии моем нудятся: ищут, чем бы могли меня поткнуть и погубить. На тебя. Богородица, моя надежда, что верная и истинная служба великим государям и мое радение до сего не допустят».

Затем гетман рассыпался в клятвах и уверениях в том, что никогда не имел помышления делать какой-либо вред великим государям. «Письмо это, — говорил он, — написано не в Польше и не поляком. Это показывают слова, каких в польской речи совсем нет. Думаю, это письмо написано здешними людьми, и притом не одним; в двух местах оно переправлено другим почерком. Это сочинил какой-то малороссийский уроженец левой стороны Днепра, притом часто бывавший в Москве. Подозреваю Михайла Василевича Галицкого: природа у него такая, что влечет к тому, чтобы другим делать зло и в людях посевать смуту. Когда я был в Москве, он всякими способами старался привлечь царя на гнев против меня. Тогда он для себя самого добивался гетманства. И прежде, когда еще я был генеральным асаулом, он составил подметное письмо, в котором написал, будто я гетманского сына Семена и дочь его, что была за боярином Шереметевым, отравил и на самого гетмана болезнь глазную наслал; только бывший гетман не поставил этого ни во что. Будучи гадяцким полковником, он самовольно сносился с крымскими мурзами и бывшего гетмана подбивал, чтобы тот надеялся на дружбу крымцев, а на того же гетмана писал подметные письма. Когда Михайла от полковничества отставили, он жил в Москве, а теперь услыхал я, что его отпустили из Москвы в свои маетности в Лебединском уезде. Думаю, напрасно ему дозволяют жить в малороссийском крае; будет из того вред: он уйдет либо на Дон, либо в Крым, либо в Запорожье — и там затеет такое дело, что после и слышать будет страшно. Пусть бы великие государи приказали поскорее взять его из Лебединского уезда и привезти в Москву. Есть у меня подозрение, что в написании подметного письма вместе с Ми-хайлом участниками были: Дмитрашко Райча и Полуботок. В подметном письме есть выражение: „для милосердия Божия“. Такое выражение в обычае у Дмитрашки Райчи в письмах. Оба — и Дмитрашка Райча, и Полуботок — с Михайлом большие друзья, а Полуботок ему еще и сродни».

Тут гетман постарался набросить вскользь подозрение на Юрия Четвертинского. Мазепа сам, в бытность свою в Москве, исходатайствовал этому человеку возвращение в

малороссийский край. Воротившись, князь Юрий Четвертинский женился на прежней своей невесте, дочери несчастного Самойловича, жил в своей маетности в хуторе, Дунаевце и принял к себе тещу, жену сосланного гетмана. Мазепе это было не по сердцу. Он навел речь на князя Юрия и говорил:

«Вот еще этот князь Юрий Четвертинский, пьяница, рассевает в народе худые слухи на мой счет. Он говорил батуринскому попу Василию: „Где прежде была вода, там опять вода будет. Бывшему гетману уже есть царская милость; увидишь, что с его злодеями станется!“ Да тут же меня помянул: не тайно, а явно знатным особам говорит про меня худое, не зазрясь ни на кого[47]. Живет он, Юрий, под моим урядом, а мне унять его невозможно. Он пожалован стольничеством. Взять бы его с женой к Москве, да и тещу его вывезти бы из малороссийских городов и к мужу отослать, потому что от них умножается мне зло. Взять их отсюда есть пристойная причина: он — стольник и, находясь в таком чине, в дальних от Москвы малороссийских городах ему волочиться не довлеет, а гетманской жене от мужа врознь жить неприлично».

На другой день было новое свидание гетмана с дьяком. Борис, согласно с данным ему наказом, все-таки хотел подозрение в составлении подметного письма свернуть на кого-нибудь из жителей польских владений и говорил об Искрицком. Надобно знать, что еще прошлый год была к гетману подсылка от львовского епископа Шумлянского, принявшего унию. Приезжая к Мазепе, польский шляхтич Доморацкий привез от Шумлянского письмо такого содержания, что всяк, прочитавши его, мог подумать, что между униатским архиереем и малороссийским гетманом ведутся какие-то секретные сношения в пользу Польши и в ущерб царской власти. В этом письме говорилось о прежней посылке к гетману пана Искрицкого. Гетман тогда же сообщил об этом в Москву, подверг Доморацкого пытке и вместе с пыточными речами отправил его самого в Москву. Теперь Борис Михайлов говорил: «Вызвать бы тебе, гетман, этого Искрицкого. С ним бы ты мог разговориться и выведать, кто к тебе его посылал».

«У Искрицкого, — говорил гетман, — здесь есть тесть, Павел Герцик. Искрицкий хотел сюда ехать, да воротился назад, может быть, услыхавши, что Доморацкий задержан. Я призову тестя его, Герцика, и скажу, чтоб он зятя звал к себе. Когда удастся мне Искрицкого заманить и он обличится в связи с Доморацким, я прикажу его вывезти за город Киев и повесить на дороге в польские города. Только напрасно искать составителя подметного письма в польской стороне, — и я, и все старшины подлинно знаем, что письмо это написано Михайлом Василевичем».

В это время пришло известие из Киева о кончине митрополита Гедеона. Царский посланник знал, что гетман не любил покойника, но Мазепа перед Борисом Михайловым, говоря о смерти Гедеона, прослезился и начал расточать похвалы двум скончавшимся тогда иерархам: митрополиту Гедеону и московскому патриарху Иоакиму.

Уже прощаясь, с гетманом, царский посланник дьяк Борис Михайлов попросил назад подметное письмо, которое привозилось гетману для показа. Дьяк объяснял, что это письмо нужно для сыска воров в государевом приказе. Мазепа увидал недоверие к себе, изменился в лице, выслал прочь бывших там и, оставшись с Борисом Михайловым наедине, говорил: «Очень меня печалит то, что во мне сомневаются! Иначе для чего бы это письмо брать назад от меня? Зачем хотят хранить такие клеветы и сплетни про меня? Из этого я догадываюсь, что письму этому верят и о моей голове станут мыслить!»

Борис Михайлов уверял гетмана в неизменной к нему милости обоих государей и объяснял, что подметное письмо требуется обратно вовсе не ради какой-то осторожности от гетмана, а для сыска воров.

Гетман позвал генерального писаря Кочубея и сказал: «Се ще мене щепа в сердце влезла! Борис просит лист назад». «Что с ним будете делать? Разве в наказе у тебя написано, что взять его назад?» — спросил посланца Кочубей.

«В наказе того писать не доводится, — сказал Борис Михайлов, — а мне приказано словесно привезти назад письмо».

---

[47] Не стыдясь никого.

Кочубей по приказу гетмана принес царскую грамоту, где было сказано, чтобы верить Борису во всем, что у него в наказе написано. Прочтена была грамота. Гетман произнес: «Видишь, верить тому, что в наказе написано, а того, чтобы письмо назад отдавать, — не написано, и потому нам отдать письма нельзя. Такие письма подираются и сжигаются, а я, гетман, до их государского указа то письмо сохраню в целости для подлинного свидетельства и сыска и учну до самой крайней ведомости доискиваться, а тебе того письма не отдам».

В разговоре с Борисом Михайловым Мазепа сознавался, что его многие не любят и считают поляком, способным изменить царской державе. «Зазрят мне, — говорил он, — что я когда-то в молодости был покоевым у прежнего польского короля Яна-Казимира и что у меня в Польше есть сестреница (сестра). Оттого чают у меня доброжелательство к польской стороне. Точно, меня в молодых летах отец отправил ко двору Яна-Казимира, только этого не следует мне ставить в подозрение. Лучше же было, что я научался обращению с людьми вблизи королевской особы, а не где-нибудь в корчмах, предаваясь всяким безобразиям. Хоть и был я при польском короле, однако после, по моей прямой совести, перешел на ею сторону Днепра и тут получил себе милости и всякое добро, и дослужился до гетманского чина и с ним до всякого довольства и почета у их царских величеств, а не у польского короля. Теперь вот, по милости их царских величеств, я мало чем меньше польского короля. Чего же мне еще желать? Прежние гетманы помышляли иначе и зато себе восприяли, а я то имею непрестанно в своей памяти. А что моя сестра остается в Польше, так это потому, что она обжилась там и возвращаться ей сюда незачем. Ведь и кроме меня, гетмана, у многих из наших старшин есть сродники в Польше: у обозного Борковского, например, там родной брат… На них, однако, позора за то нет. И меня подозревать не следует, будто я доброжелательствую более польской стороне».

«Я, — заметил Борис Михайлов, — о тебе таких речей не слыхал, да и говорить никто не посмеет. Объяви, гетман, именно, кто о тебе такие речи говорил».

«Я ведь говорил. — отвечал гетман, — об этом, только очищаю-чи себя от подозрений, а не на довод против кого бы то ни было, и объявлять о таких людях незачем. Вот только что нехорошо: нынешние малороссийские люди ездят в Москву и живут по столице в разных местах, а особого двора малороссийского не имеют, по своей воле везде бродят из улицы в улицу, иные покумились и посватались с вашими людми всяких чинов и от них-то идут всякие поговоры и непристойные слова, и если на Москве впредь учинится какое воровство или подметное письмо явится, о том никакими способами розыскать будет невозможно. Пусть бы великие государи изволили указать особый двор для малороссиян, как уже было при царе Алексее Михайловиче».

11 апреля гетман отправил Бориса Михайлова с большим почетом, сам провожал его до кареты, а генеральные старшины, хоружие и асаул[48] проводили его за пять верст от Батурина.

Попытка гетмана заманить Искрицкого, как говорил гетман дьяку, не удалась. Посланный челядник добрался до имения Искрицкого и подал ему письмо будто бы от Доморацкого. Но Искрицкий смекнул хитрость и сказал: «А где Доморацкий? Знаем мы вас, крашеные лисицы! Не будь мирного договора, знал бы я куда деть тебя, листоношу!» И прогнан был челядник и вернулся ни с чем.

Между тем в Польше появилось от Мазепы такое же загадочное лицо, каким являлись из Польши в Малороссию к Мазепе Доморацкий и Искрицкий. Это был человек среднего роста, тощий, бледнолицый, с клинообразною бородкой, с длинными усами, в чернеческой[49] одежде. С виду казалось ему лет около сорока. Он называл себя иноком Соломоном. Он приезжал в Польшу два раза. Первый раз в конце 1689 года; тогда он привез и подал польскому королю в Жолкве письмо гетмана Мазепы, будто бы писанное во время возвращения из похода к Перекопу и порученное этому чернецу, бывшему в крымском походе с образом

---

[48] Высшая военная и гражданская администрация, совет при гетмане — генеральный обозный, генеральный судья, генеральный писарь, генеральный есаул (асаул), генеральный хорунжий (хоружий), генеральный подскарбий и генеральный бунчужный — считались выборными.

[49] Монашеской.

Всемилостивого Спаса. В этом письме гетман жаловался на утеснения, терпимые малороссиянами от Москвы, желал воссоединить снова Украину с Речью Посполитою, обещал расположить к этому Козаков, просил королевской протекции и заявлял, что с ним в замысле татары. Король не вполне поверил подлинности этого письма, задержал чернеца, отправил в Креховский монастырь недалеко от Жолквы, а немного времени спустя приказал отпустить его и выдать ему проезжий лист на обратный путь в Украину как человеку, будто бы бродившему за собиранием милостыни. Весной 1690 года Соломон явился снова в Пельше и направлялся прямо в Варшаву. Не доезжая польской столицы, нанял он какого-то студента и вместе с ним составил «воровские» письма к королю и к коронному гетману будто от имени Мазепы с таким же, как и в прежнем письме, желательством приязни и подданства Польской Короне от войска запорожского и от всего малороссийского народа. Студент, которого подговорил на это Соломон,прежде служил «хлопцем» у какого-то итальянца, а потом учил детей у хозяина того дома, куда пристал Соломон. После составления фальшивого письма чернец остался пьянствовать в Солке, а студент уехал вперед в Варшаву, явился к королю и донес об обмане. Скоро вслед за студентом прибыл в Варшаву чернец Соломон и подал королю письмо, будто бы от малороссийского гетмана, уже переписанное набело. Но король был уже предупрежден, приказал тотчас позвать студента и дать ему очную ставку с Соломоном. Студент обличал плутовство черневыми отпусками письма, написанными его рукою. Присмотревшись в лицо чернецу, король узнал в нем того самого, который уже приезжал к нему с подобным письмом и представлялся в Жолкве в прошлом году. Соломон сначала запирался и вывертывался: но когда ему пригрозили пыткою, то сознался, что оба раза подавал королю от гетмана Мазепы фальшивые письма и делал это самовольно, желая как-нибудь поселить раздор и смятение. После того, когда Соломона содержали под караулом, он, думая как-нибудь вывернуться, вымыслил еще два письма от Мазепы — одно к королю, другое к Шумлянскому, в которых излагалось удивление, почему посланный чернец Соломон нс возвращается. Король на этот раз еще менее мог поддаться обману после того, как этот чернец был уже уличен студентом в составлении фальшивого письма. Припугнутый угрозами пытки, Соломон указал на фальшивые печати, выдаваемые за Мазепины, зарытые им в саду. Король приказал содержать чернеца Соломона под крепким караулим в двойных кандалах и уведомить о том московское правительство и гетмана Мазепу. Король сообщил Мазепе, что из показаний, данных Соломоном, оказывалось, что он был родом из Брод, служил у Доро-шенка, потом ушел в Москву и поступил там в духовное звание. В то время как сам князь Василий Васильевич Голицын находился во вторичном крымском походе, сын князя, управлявший Москвой, посылал Соломона к бывшему гетману Самойловичу, и тот будто участвовал в замысле составить фальшивые письма от имени Мазепы к польскому королю.

Когда Мазепе доставлены были копии с показаний Соломона, он изъявил недоверие в их подлинности и советовал московскому правительству вытребовать Соломона в Москву чрез особого гонца в Польшу. О том же Мазепа писал к коронному гетману польскому, домогаясь отсылки Соломона в Москву. Гетман настаивал на обвинениях Михайла Василевича Галицкого и притягивал к делу некоего Афанасия Озерянского, служившего по разным поручениям у Михайла Василевича и жившего у последнего в Москве. Арестованный в Ахтырке или Лебедине, Озерянский был доставлен в Батурин и там выдавал за неоспоримую истину, что чернец Соломон выслан был в Польшу Михайлом Василевичем. По настоянию гетмана еще 24 апреля велено было препроводить Михайла Василевича в Москву с женой и детьми. но, по осмотру врача, Михайло Василевич оказался страждущим меланхолиею и был оставлен в слободе Михайловке до зимнего пути. Мазепа не давал ему покоя: по гетманскому прошению последовал 10 октября указ Шереметеву непременно взять Ми-хайла Василевича и доставить в Москву. Не помогло Михайлу Василевичу обращение к новоизбранному после Гедеона киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому с просьбой примирить его с гетманом, который заподозревает его без всяких оснований в слагании фальшивых писем. Гетман, с обычным ему видом мягкосердечия, уверял митрополита, что он рад все сделать для Михайла Василевича, но не смеет без царского указа, а между тем продолжал посылать в приказ просьбы о непременном арестовании Михайла Василевича. 30 ноября Шереметев арестовал Михайла Василевича и его повезли в Москву вместе с детьми, оставивши, однако, в имении больную жену владельца. Так

как все предшествовавшее лето шли толки о Михайле Василевиче и можно было предвидеть, что как бы он ни отписывался, а все-таки его повезут в Москву, то Леонтий Полуботок, благоприятель и родственник Михайла Василевича, опасаясь, чтобы по настоянию Мазепы не арестовали и его, решился предупредить беду отважным шагом: в июле 1690 года он сам побежал в Москву, думая добиться личного представления царю Петру и подать ему на письме обличение против гетмана. Царь Петр не допустил его к своей особе, а приказным путем Полуботку трудно было выиграть свое дело, потому что обвинения против гетмана он не основывал ни на каких неоспоримых доказательствах. 23 июля его отправили за караулом в Малороссию, поручили гетману держать его в своей маетности, и гетману «учинилась от того великая, стыдная печаль».

В Москве не имели никакого повода принимать на веру доносы врагов гетмана, тем более когда Мазепа сильно себя выгораживал заранее тем, что домогался, чтобы Соломона препроводили не к нему, а в Москву. Но в Москве в обращении с малороссиянами давно уже усвоили способ держаться, как говорится, себе на уме, поэтому не удивительно, что Михайло Василевич, привезенный в столицу в конце 1690 года, тотчас же в начале 1691 года отпущен был в свою маетность Михайловку, а за поведением гетмана думный дьяк Украинцев секретно поручил наблюдать генеральному писарю Кочубею.

Соломон сидел в кандалах в Польше, а Доморацкий в Москве. Московские бояре обратились к жившему постоянно в царской столице польскому резиденту Довмонту и требовали выдачи Соломона. В сентябре 1691 года польский гонец Ян Окраса передал в подлиннике составные письма и поддельные печати, взятые у Соломона, а затем по королевскому приказанию выдан был и Соломон, взамен которого бояре выдали Доморацкого, сообщая, что король должен приказать казнить его смертью, а вместе с тем произвести розыск над Шумлянским и учинить ему наказание. Об этом униатском епископе Шумлянском в Москву приходили жалобы от киевского митрополита Варлаама в том, что Шумлянский при живом митрополите именует себя киевским митрополитом и самовольно присваивает себе в польских владениях маетности, принадлежащие киевской митрополии.

Выданного поляками Соломона отправили для казни из Москвы в Батурин с царским гонцом Языковым. Мазепа относительно Соломона показал себя сдержанно: он объявил, что без совета со всеми полковниками не станет его казнить: так издавна ведется по войсковым обычаям. Мазепа уверял, что вообще не желает никого казнить смертью и сам будет за своего злодея и клеветника просить милосердия у великих государей.

Удерживая на время Языкова, Мазепа послал созвать старшин и полковников для суда над преступником. Этот преступник, как оказалось, назывался в мире Семен Троцкий; по лишении монашеского сана он предан был мирскому войсковому суду под именем расстриги Сеньки. Царский гонец привез Мазепе самую приятную новость: Михайло Василевич, по указанию на него самого Сеньки, привезен в Москву, жестоко пытан и осужден на ссылку в Сибирь.

Съехавшиеся старшины и полковники подвергли розыску Сеньку Троцкого.

«Помни страшный суд Божий и смертный час свой, — говорили ему, — скажи правду. Кроме Мишки Васильева кто еще был с тобою в соумышлении?»

«Я уже все сказал на Москве, — отвечал подсудимый, — никаких не было соучастников. Если бы кто в сем деле был со мной, я бы еще в Москве все сказал — не стерпел бы таких жестоких пыток с огня».

Его приговорили к смертной казни. Тогда царский гонец сказал: «Итак, мне остается казнить его тотчас».

«Казнить его тотчас нельзя, — возразил гетман, — мы о нем к великим государям писали. Подождем царского указа. Еще надобно дать преступнику время покаяться да и людей собрать побольше, чтобы все видели казнь его. Недурно было бы повезти его по всем городам, чтобы народ везде его увидел. Мишку же Василевича надобно заслать на вечное житие в самые дальние сибирские городы… Скорбно мне то, что злые люди из малороссийских жителей клевещут на меня. будто я служу великим государям неправдою, будто думаю изменить и передаться польскому королю в подданство. Сокрушаюсь, когда я слышу об этом. На прежних гетманов таких наветов не было, как на меня».

До получения царского указа Сеньку Троцкого держали в тюрьме. Царской милости не

последовало. Сеньку казнили смертью 7 октября 1692 года.

Гетман был доволен, что ему удалось уничтожить одного из злейших врагов своих, Михайла Василевича, но ему хотелось также утопить Леонтия Полуботка и сына последнего, Павла. Гетман говорил Языкову:

«Говорил нам миргородский полковник Данило Апостол: как мы с старшинами ехали к Троице по указу государя Петра, Павел Полуботок догнал на дороге ехавшего в карете Апостола и сказал, что был у Михайла Василевича и тот едва ли не исполнит давнишнего намерения своего снять с плеч голову гетману. Дело выходит так: если знал Павел Полуботок про такой замысел, то и отец его, Леонтий, наверное знал. Явно показывается злоба их обоих ко мне: от; знали об умысле на жизнь своего властителя и не предостерегли его».

Войсковой суд решил обоих Полуботков лишить маетностей и держать под стражей.

Дело чернеца Соломона осталось неразъясненным и загадочным. Устрялов, в. своей «Истории Петра Великого», склоняется к такому мнению, что Мазепа в самом деле тайно посылал в Польшу этого чернеца. Но на это нет никаких оснований. Невозможно, чтобы Мазепа, доверивши Соломону такое страшное для себя дело, сам потом добивался, чтобы Соломона выдали в Москву и допрашивали его там, а не в Батурине. Не следует допускать тайной измены в 1690 году на том только основании, что этот человек оказался изменником через 18 лет. Обстоятельства позже были совсем иные, чем ранние. Мазепа действительно был истый поляк по своему польскому воспитанию и шляхетскому происхождению, но раз, отступивши от Полыни к козачеству, он сделался гетманом, получил в козачестве такую высокую степень, которая ставила его, как он сам о себе выражался, мало меньше польского короля; обласканный московским правительством, не имея притом повода опасаться прекращения к себе доверия, Мазепа ничем не мог быть побуждаем к измене: польская сторона не была могущественна, а московская слишком слаба. Мазепа не был еще тайным врагом русского царя и русской державы, потому что это не представляло ему никаких выгод. Был ли кем-нибудь подослан Соломон или же по собственному побуждению составил подлог, это остается неизвестным, тем более что у нас в руках не было допросов, сделанных ему в Москве, и очной ставки с Михайлом Василевичем. Во всяком случае, нет причины не допускать вероятности того. что выставлено причиною появления этого чернеца именно интриги Михайла Василевича, который так же ненавидел Мазепу, как и Мазепа его, преследуя упорнее, чем кого бы то ни было из своих недоброжелателей. По настоянию Мазепы, в Сибирский приказ дан был царский указ — «сосланного в Сибирь Мишку Василева беречь строже, как человека вельми коварнго и неусыпного изобретателя козней». Все имущество осужденного было отписано на гетмана. Но сын сосланного, Данило. упросил возвратить ему движимое отцовское имущество, хотя слободу Михайловку отдали племяннику гетмана Обидовскому. Мазепа был недоволен и этой милостью к сыну своего лютого врага. Тем не менее последний нашел себе в Москве настолько покровительства, что мог упросить, чтоб его родителя не отправляли в Красноярск, дабы не дать ему там умереть с голода, а оставили на житье в Тобольске.

Кроме таких крупных врагов, как Михайло Василевич и Полуботки, гетману досаждали другие, не столько важные лица. Так, в начале 1690 года глуховский сотник доносил севскому воеводе, что в город Глухов приезжал из Севска ротмистр Соболев с тремя рейтарами и в ратуше, в собрании товарищества, произносил непристойные речи о гетмане и о великих государях, говоря так: «Худо великие государи делают, что служилым людям волокиту чинят;соберемся и убьем гетмана, а другого поставим!» Произведено было следствие. Соболев запирался в худых речах о государях, а в речах о гетмане сознался, говоря, что произнес это в пьяном виде, и за это козак бил его по щекам. Соболева указано было севскому воеводе казнить смертью, «чтоб иным непостоянным людям неповадно было таких лукавых и возмутительных слов изрыгать». Двое из ходивших по городским и сельским ярмаркам торгашей: один — москвич Кадашевской слободы, другой — калужанин, говорили: «Гетману не долго быть на уряде; скоро пришлют из Москвы бывшего гетмана на его место, затем, что малороссийский народ не только не хочет иметь Мазепу у себя гетманом, но желал бы, чтоб имя его здесь не вспоминалось». Индуктор, собиравший на границе торговые пошлины, услыхал это и донес. Обвиняемые на допросе, учиненном над ними в Севске, заперлись и их посадили только в тюрьму. Явился еще врагом гетмана некто Михайло Чалиенко. Родом он был из Черкас,

немалое время находился в татарской неволе, после освобождения явился в Киев и подал донос на гетмана в таком же смысле, как подавались и прежние доносы: гетман по природе поляк и желает отступить от державы великих государей под польскую власть; в этих видах он приобретает себе заранее маетности в польских владениях и просил зятя своего Войнаровского, земского старосту владимирского, селить людей в селе Мазепичах (Мазепинцах), где родился Мазепа. Доносчика было приказано наказать кнутом и сослать в Архангельск; но Чалиенко убежал оттуда, скитался и в 1693 году был, вместе со своим братом Лукою, схвачен в малороссийском городе Воронеже тамошним сотником и отправлен в Батурин. Царским указом от 2 июня ведено было казнить его смертью. Мазепа, неумолимый к таким врагам, которых опасался, зная, что за ними есть в Москве протекция, склонен был показывать великодушие к врагам неважным и малосильным. Он ходатайствовал о милосердии Чаленку. «Сам я человек грешный, — писал он, — и верю, что Господь наипаче прощает грехи тем, которые прощают другим причиненные им досады». Московское правительство отозвалось, что опасно оставлять в живых таких, которые могут убежать в польскую сторону или пристать к врагам в случае неприятельского вторжения. В Москве какой-то малороссиянин Порваницкий распространял о гетмане худые слухи, и хотя, когда его схватили, он под пыткою показал, что болтал в пьяном виде, однако его отправили в Батурин для совершения над ним казни.

Недавно еще московское правительство возмущено было пасквилем в подметном письме, поднятом великорусским ратным человеком. Вскоре, в 1691 году, явился в Киеве другой пасквиль на гетмана. Его принесла в киевский Фроловский девичий монастырь неизвестная монахиня из польских владений. В этом новом пасквиле говорилось почти то же, что и в прежнем: что Мазепа некогда продавал бусурманам христиан в рабство, что, достигши гетманского сана, злоумышлял, вместе с князем Голицыным, на жизнь царя Петра, что у него есть тайная мысль отдать Малороссию Польше, с целью истребления православных церквей и православной веры, и что, подготовляясь к этому исподволь, он покупает для сестры своей маетности в польских владениях. Митрополит при трех игуменах допрашивал игуменью Фроловского монастыря и сестер и, не доискавшись, кто такая была неизвестная монахиня, доставившая в монастырь письмо, отправил их в Батурин. Гетман также ничего от них не допросился и поручил матери своей, игуменье киевского Печерского девичьего монастыря Магдалине, произвести каким-нибудь путем дознание — кто такая была эта неизвестная монахиня. Мать Мазепы отправила доверенную монахиню Липницкую в Полонский девичий монастырь, находившийся в польском владении. Липницкая проведала, что то была уставщица того же монастыря и что еще прежде она сообщила своей игуменье, будто нашла это письмо на дороге в верхнем городе Киеве против двора воеводского и отнесла во Фроловский монастырь без намерения вредить гетману. Уставщица, снова спрошенная в присутствии Липницкой, во всем заперлась. Этот пасквиль не мог повредить гетману, как и прежний, но Мазепа немало тревожился такими выходками против себя и так изъяснялся в своих отписках в приказ, обращенных к лицу государей: «Истинно радетельная служба моя не точию в нерадетельство, но и в злое клятвопреступничество превращается. Тяжко уязвлен есмь непрестанными болезнями, сокрушилосьи иссохлось сердце мое. Идеже бы мне без таковых напраснств и козней свободным разумишком мыслити и простирати начинания о належащих в предбудущие времена службах и радениях, которые бы к угождению вам и к охранению вольностей православного российского народа належали, тут утесняет мя всегда скорбь, печаль, плачь и воздыхание, отчего неточию плоть моя немоществует, но и малый разумишко мой пришел в притупление и дух мой едва держится во мне».

Московское правительство не только угождало гетману, показывая недоверие ко всем обвинениям, так обильно сыпавшимся против него, но оказывало милости родным его и всем, за кого он ходатайствовал. Сестра гетмана, о которой шла речь в подметном письме, была прежде замужем за Обидовским: от этого ее брака был сын, служивший при Мазепе в козачестве, сделанный впоследствии нежинским полковником и по ходатайству дядюшки-гетмана пожалованный вотчинами. Эта сестра гетмана, после смерти первого мужа, вышла вторично замуж за некоего Витуславского, от которого имела дочь Марианну, потом в третий раз вышла за поляка Войнаровского, от которого имела сына уже подростка, по имени Андрея, любимца гетмана. Между нею и ее третьим мужем произошел разлад, и она приехала в

Киев к своей матери, игуменье Магдалине. Игуменья тотчас представила ее царскому киевскому воеводе князю Ромодановскому и тогда писала к своему сыну-гетману: «Теперь-то пристойно врагов наших обличить, зачем лают они, будто мать твоя высылает сестре твоей в Польшу казну, а сестра твоя покупает там для тебя маетности. Спросить бы сестру твою, да и челядь, хотя бы под страхом огненной пытки, какие там такие новокупленные маетности?»

Гетман, не считая возможным ехать в Киев для продолжительного свидания с сестрой, просил московское правительство дозволить последней приехать к нему в Батурин. На это последовало разрешение указом 18 декабря 1691 года. Сестра оставалась у гетмана в Батурине до октября 1692 года, и Мазепа испросил у московского правительства разрешение сестре своей на беспрепятственный приезд в царские владения для свидания с матерью-игуменьею, с братом-гетманом и сыном Обидовским. «У меня, — замечал Мазепа, — в целом свете нет другого родства, кроме сестры, и мы друг к другу сердечною разжигаемся любовью; притом она исповедания восточного и желает почаще поклоняться киевской святыне». Впоследствии, зимою 1694 года, эта сестра Мазепы жаловалась брату, что муж ее Войнаровский, будучи сам римско-католического исповедания, стал побуждать ее изменить православию и не допускал к ней православных духовных с требами, поэтому она не хочет жить с мужем и просит дозволения навсегда переселиться в Киев к матери своей, игуменье Магдалине, и принять иноческий ангельский образ. Мазепа не решался сам разрешить ей этого, а испросил разрешения у царя через племянника своего Обидовского; сестра его приехала в Киев с двумя падчерицами, дочерьми Войнаровского от первого брака. Спустя недолго после того Мазепа сообщал, что Войнаровский из польских краев требовал возвращения к себе жены своей, но она скончалась в киевском монастыре.

По ходатайству гетмана избранный новый митрополит киевский, Варлаам Ясинский, получил право именоваться экзархом московского патриархата и подтверждение прежних грамот Софийскому митрополитскому собору на маетности. Место архимандрита печерского после Ясинского заступил бывший генеральный судья Вуехович. Бессемейный и безродный, он, чувствуя уже подходящую старость, счел за лучшее искать пристанища в стенах святой обители и, пользуясь своим званием генерального старшины, без всякого полагаемого монастырскими уставами искуса, оставив свой судейский стол, прямо стал высокопреподобным отцом, а гетман, по его пострижении, исходатайствовал оставление за ним его прежних маетностей. При этом гетман не обошелся без того, чтоб и себя выставить. «Не хочу, — писал он, — поступать так, как, бывало, поступал прежний гетман в таких случаях, что себе все забирал».

По ходатайству гетмана получили жалованные грамоты на монастырские владения: игумен Киево-Николаевского монастыря Иоасаф Кроковский, Межигорского монастыря игумен Иродион Журавский, которому подтверждены были ставропигиальные грамоты[50] греческих патриархов. Братского монастыря ректор Гавриил и больничного монастыря при Печерской лавре игумен Иезекииль; им посланы были богослужебные одежды, утварь и обычная царская милостыня, а киевского девичьего Михайловского монастыря игуменья Агафия получила жалованную грамоту на деревню с землями, садами и прудами. Выпрашивая от московского правительства милости монастырям, гетман перед тем воздвигал на собственный счет храмы в этих же монастырях. В 1690 году построена была его иждивением соборная церковь в Николаевском монастыре, а в 1693 году воздвигнута Богоявленская каменная церковь в Братском монастыре и сооружен старый каменный академический корпус.

Глава четвертая

Охлаждение между польским и московским дворами. — Опасение мира Польши с Крымом. — Народные бедствия в Украине. — Бегство народа в Сечу. — Смуты в Сече. — Петрик. — Его явление я Сече. — Его письма к жене и Кочубею. — Мятежные затеи. — Бегство Петрика в Кизикермень и в Крым. — Возмутительные воззвания к. запорожцам. —

[50] Документы, подтверждающие непосредственную подчиненность монастырей патриарху.

Договор татар с запорожцами у Каменного Затона. — Возмутительный универсал Петрика к малороссийскому народу. — Неудачи. — Бегство татар и Петрика. — Стан Петрика у Перекопа. — Новые неудачные попытки. — Приступ к Полтаве. — Бегство из-под Полтавы. — Колебание в Запорожской Сече. — Меры относительно владельцев и арендарей. — Военные походы казацких отрядов в дикие поля.

Дружба и союз России с Польшею, состряпанные искусственно, сшитые на живую нитку, видимо, распадались. Это показывали и загадочные подсылки к малороссийскому гетману, и принятие в Варшаве по секрету запорожских посланцев, и более всего сношения короля польского с ханом, открытые русским резидентом и подтверждаемые Мазепою, узнавшим о них через своих соглядатаев. В Запорожской Сече постоянно боролись две партии: одна, всегда недовольная московским правительством, — хотела примирения и союза с Крымом, находя в таком союзе возможность получать выгоды от добывания соли и рыбы в крымских владениях; другая — склонялась к повиновению царям московским главным образом ради того, чтобы получать каждогодне царское жалованье. Осенью 1690 года последняя партия взяла верх. 17 сентября царский стольник Чубаров с двумя посланцами от гетмана привез в Сечу царское жалованье и царскую милостивую грамоту, в которой убеждали запорожцев не мириться с татарами, царскими врагами и, напротив, быть готовыми к войне против них. С особым торжеством принимал желанных гостей кошевой атаман Гусак, одетый по-праздничному, в кармазинный кафтан, подбитый соболями, со знаком своего атаманства — оправленной золотом и камнями «камышиною» в руке, в сопровождении всей сечевой атамании и товариства, также «цветно и стройно» разодетого. Гремели пушечные и ружейные выстрелы, били в литавры. Во всеуслышание прочитана была царская грамота, розданы были всем товарищам по росписи присланные царские подарки — меха, сукна и ткани. Тогда запорожские товарищи произносили такие слова: «Пора. нам, наконец, Бога бояться, пора перестать гневить христианских государей и тешить бусурман». Мазепа, извещая об этом приказ, придавал этим словам значение обращения запорожцев на правый путь, советовал посылать скорее к запорожцам великороссийские ратные силы и заняться укреплением южных городов Русской державы.

Но скоро гетману пришлось не хвалить запорожцев, а делать им выговоры. Запорожцам хотелось скорее воевать против татар, чтобы с войны получать добычу и таким образом — в мире ли чрез посредство безопасных промыслов, или в войне через добычу, — а все-таки не оставаться без выгод на счет своих бусурманских соседей. Они послали спросить гетмана: когда же прикажут выступать им в поход. Гетман отвечал, что делать такие вопросы непристойно, а надобно с терпением ждать царского указа; иначе, если такие намерения несвоевременно разглашать, неприятель узнает и станет принимать свои меры. Во все лето 1691 года хотя и происходило несколько отдельных стычек с татарскими загонами[51], но они были неважны и неудачны, а зимой приходили угрожающие вести, что крымский хан выслал на Подол с ордою какого-то козака Стецика, именовавшего себя гетманом козацким с бусурманской стороны, и, сверх того, другая орда еще в большем размере готовится идти в малороссийские города. Тогда в Сече опять пробудились и зашевелились буйные инстинкты, враждебные московскому правительству и склонные к тому, чтобы пристать к татарам. Кошевой Гусак с трудом усмирил в Сече междоусобие и казнил зачинщиков, но зато навлек на себя ропот. Тут в это время в Сечь накоплялся удалый сброд из Украины, распространявший неудовольствие и против великоросских властей, и против гетманского управления. Было в Украине разом несколько причин, возбуждавших волнение в поспольстве. Выше было указано, какое множество жалованных грамот на маетности исходатайствовал гетман в Москве разным старшинам, генеральным и полковым и войсковым товарищам. Во все эти маетности были посланы гетманские универсалы, возлагавшие на посполитых жителей этих маетностей обязанность повиноваться своим новым владельцам. Но в Малороссии между козачеством и поспольством не установилась еще строгая разделительная сословная черта. Козаки

[51] Отрядами.

пополнялись из поспольства по распоряжению гетманского правительства, а во время войн, когда нужно было поболее военной силы, посполитые самовольно шли на войну, потом уже оставались козаками и признавались в этом звании. Так было, как мы знаем, в последние два крымских похода. Со времен Богдана Хмельницкого козацкие правители старались не допускать такого окозачения всего народа и строго хотели отделять законно приобревших козацкие звание от посполитых, или, как выражались тогда в Малороссии, Козаков от мужиков, Московское правительство, по представлениям гетманов, также признавало справедливым соблюдать это отличие; чтобы не допускать составления самовольных козацких ватаг из поспольства, учреждены были компанейцы[52]. Но когда распространилось и умножилось так называемое охотное войско, содержимое на счет войскового скарба особо от городовых Козаков, то поспольству открывался новый путь вступать в козачество. Охотные набирались отовсюду и посполитые могли записываться в число их. Но то были случаи, когда поступление в козаки посполитых было не противно правительству. Такие случаи представлялись нечасто, а весь народ вообще не знал и не хотел знать разделения Козаков от мужиков. Мужикам хотелось быть одинаково вольными козаками. Таков был народный взгляд, который, однако, должен был склоняться перед другим правительственным взглядом. Понятно, что поспольству, жившему в маетностях, жалованных знатным лицам, не по сердцу было повиноваться новым господам. Те, которые были поотважнее, убегали из этих маетностей в Сечу.

Но к этому присоединились разом народные бедствия, усилившие волнения в народе. В 1690 году свирепствовала моровая болезнь, зацепившая Запорожье и южную часть Полтавского полка и во всех остальных полках наводившая на народ оторопь ожидания. В тот же год летом на малороссийский край было нашествие саранчи. Она появилась с юга 9 августа и прошла всю Украину до Стародуба, опустошила весь хлеб на полях и произвела ужасную дороговизну; осмачка (полчетверти[53]) ржи и овса продавалась по три золотых, что считалось в то время очень высокою ценой. Множество дохлой саранчи производило смрад; скот поедал ее с травою, заболевал, и даже говядина пропахивала саранчою. Некоторыми страхе казалось, что у саранчи на одном крыле можно было разобрать начертанное слово «гнев», а на другом крыле слово «Божий». Затем по многим местам Украины начались пожары. Неудивительно, что воображение народа, уже болезненное, стало приписывать эти пожары поджигателям, подсылаемым ляхами, заклятыми врагами малороссийского народа. Рассказывали, что хватаемые были лазутчиками, которые сознались, что отправлены польским правительством производить поджоги в малороссийских городах. Трудно определить, в какой степени была тут какая-нибудь доля правды: при пытках, которые в том веке неизбежно употреблялись, люди легко могли наговаривать на себя все, что им прикажут, а народ склонен был сочинять рассказы, объяснявшие постигшие их бедствия. От всех таких-то причин накоплялось в Сече много украинского народа, недовольного положением дел на своей родине. Эти беглецы говорили, будто у москалей есть намерение выселять людей из Гетманщины на слободы, а с правого берега Днепра перегонять расселявшихся там жителей на левый берег, как уже делалось при Самойловиче; они кричали, что в Гетманщине завелось панство, что цари, по просьбе гетмана и старшин, отдают народ панам в неволю, жаловались на аренды, которые стесняли свободные промыслы народа и давали возможность немногим обогащаться в ущерб бедного люда.

В таком беспокойном состоянии умов застал Запорожье 1692 год, и тут наступила новая, и более бурная смута, наделавшая в течение нескольких лет немало кутерьмы и на Запорожье, и во всей Гетманщине. После праздника Крещения привезли из Москвы в Батурин царские дары гетману, генеральным старшинам и козацким полковникам. Некоторые из полковников находились лично в Батурине и там получили царское жалованье, приходившееся на их долю, а тем, которые были тогда в своих полках, гетман отправлял царские дары с нарочными

---

[52] Казаки наемных конных войсковых частей — компанейских полков.

[53] В конце XVII в. казенная четверть (две осьмины) равна восьми пудам. Здесь — осмачка (осмина), т. е. четыре пуда зерна.

посланцами. В числе отсутствовавших был полтавский полковник Федор Жученко. К нему на всеедной неделе послан был с этою целью войсковой канцелярист Петр Иванович, по-малороссийски Петре Иваненко, носивший кличку Петрик, в старой песне ему дается прозвище Петричевский. Сделавши свое дело и получивши от полковника Жученко благодарственное письмо к гетману, Петрик, вместо того чтобы возвращаться в Батурин, объявил, что поедет в Новый Санжаров для посещения там своих родных. Это было уже при наступлении великого поста. Выехавши из Полтавы, Петрик переправился через Ворсклу в степь, покинул свои санки под стогом сена, а сам со служителями сел верхом на лошадей; они поскакали в Сечь Запорожскую. Скоро после того пришло к гетману известие через переволочинского «дозорцу» Рутковского, что Петрик, приютившись в Запорожье, настраивает на мятежнические затеи Козаков и самого кошевого. Петрик уверял запорожцев, что если пригласить татар и с ними войти в Украину, то весь тамошний народ поднимется, гетман улепетнет в Москву, а бедные люди все пристанут к запорожцам и передушат панов своих, которым цари надавали вольностей. Передавая гетману такие речи. произносимые возмутителем в Сече, сообщали, что когда кошевой трезв, то говорит ему: «Полно тебе, Петр, врать», но чуть подопьет, так и сам несет много непристойного, а степенные и благонамеренные люди принуждены только молчать.

День ото дня в Сече поднималось значение Петрика. Живя там, он написал письма к Кочубею и к своей жене. Первого из вещал он, что убежал в Сечу от бесстыдной ярости жены своей, которая не только злословила его, но и посягала на его жизнь; он нашел приют себе в Сече Запорожской, которая издавна была всем обидимым исконное прибежище и заступление. «Лучше мне, — выражался он в письме своем, — есть соломаху здесь с добрыми молодцами, чем жить беспрестанно в страхе внезапного прекращения живота моего». В письме к жене он выражался так: «Ганно! ты как хотела, так и учинила! Не описываю твоих непристойных и злотворных поступков. Сама ты ведаешь, что делала. Если тебе лучше будет без меня, то забудешь меня. Живи, богатей, прохлаждайся, а я собе хоть соломаху естиму, да не буду опасаться за свое здоровье. Пришли мне зеленый кафтан, котел, треног и путо ременное, а хлопство мое (прислуга), что там осталось, пусть будет в целости. Марта 2. Твой желательный муж».

Гетман, узнавши, что Петрик волнует запорожцев, писал кошевому, что этот человек, бывши войсковым канцеляристом, украл из канцелярии важные бумаги и скрылся в Сече. Гетман просил выдать его как вора и плута. На раде, созванной по этому поводу, разделились голоса: нашлись такие товарищи, что хотели поступить в угоду гетману, но другие, и сам кошевой, заступились за Петрика. Кошевой атаман Гусак говорил: «Если мы Петра Ивановича выдадим, то к нам в Сечу никто ходить не станет, а у нас спокон века так ведется, что. всем приход вольный». Защитники Петрика взяли верх, и он не только остался в Сече, но еще избран был кошевым писарем. Тогда успел он многих соблазнить уверениями, что, пришедши в Украину, все они станут ходить в кармазинах, что сам гетман требует его выдачи только оттого, что боится москалей, которые находятся около него и наблюдают за ним, а на самом деле гетман склонен к нему, Петрику. Еще более вероятным показалось сечевикам, что Кочубей, как уверял Петрик, ему покровительствует.

Но Запорожье издавна отличалось непостоянством: легко и нежданно могла взять верх противная партия, которая уже на раде соглашалась выдать Петрика. Притом Петрик в своих видах не мог опираться на содействие одних запорожцев, приходилось искать еще какой-нибудь иноземной помощи. Петрик недолго оставался в Сече и в том же 1692 году после Юрьева дня ушел вместе с запорожцем Василием Бузским в Кизикермень[54], ни у кого не спрашиваясь, хотя кошевой атаман и знал, куда он уходит. За Петриком последовало сечевиков человек шестьдесят, которых он успел уже настроить. Кроме их, в Сече было довольно так называемой «сиромы» (оборвышей), готовой пристать к Петрику, как только он появится с каким-нибудь признаком успеха, потому что эту «сирому» очень соблазняла возможность пограбить арендарей и богатых панов «кармазинников».

---

[54] Ныне Берислав, заштатный город Херсонской губ.

В Кизикермене Петрик разглашал, будто послан Кочубеем, генеральным писарем, который, будучи враг Мазепе, хочет свергнуть его с гетманства и сам стать гетманом. Через три дня после побега Петрика из Сечи явился туда козак с письмом Петрика к кошевому атаману и ко всей запорожской братии: Петрик благодарил за хлеб за соль, извещал, что идет немедленно поднимать орду на Московское государство и скоро прибудет со вспомогательными татарскими силами за тем, чтобы начать дело освобождения Украины.

Петрик перешел в Крым. Сперва Петрик заметил у татарских мурз мало охоты подавать помощь запорожцам. Только несколько мурз показали к его делу сочувствие. Зато при их содействии Петрик добился ласкового приема у хана и объявил, будто Сечь Запорожская поручила ему вступить с крымским юртом в мирный союз против Московского государства. Петрик уверял хана, будто все украинские города только и ожидают прихода хана с его ордынскими силами, чтобы восстать против ненавистных москалей. Тут пришли в Крым к Петрику четыре козака, и Петрик уверял хана, что эти козаки прибыли от всех жителей малороссийских просить крымской помощи против москалей.

В то время, когда Петрик явился в Крым, хан был озлоблен против Москвы. Недавно перед тем ездил по поручению гетмана в Крым гетманский гонец, черниговец Пантелеймон Радич, проведать, есть ли со стороны татарской желание начать мирные переговоры с Россией. Хан Саадет-Гирей по этому поводу послал гонца в Москву проведать: какого рода были бы с царской стороны желательные условия примирения. Московское правительство вслед за тем отправило в Крым подьячего Василия Айтемирова с проектом условий мирного договора. Но эти условия не по вкусу приходились крымцам. Русские хотели, чтобы при размене пленных соблюдено было совершенное равенство, и русские пленные из Крыма, как и крымские из России, были бы отпущены без всякого окупа. Татары отвечали: «Ваших московских и козацких людей в полону у нас тысяч сто, а наших у вас каких-нибудь тысячи две, много три… Как же можно освобождать нам ваших без окупа? Издавна велось, что при размене пленных присылали из Москвы разменную казну за ваш полон. Наш хан и весь крымский юрт готовы с вами мириться, но готовы и биться: за казну все станем, как один человек. Татарин за добычу воюет оттого, что у него всего пожитку что два коня, а третья своя душа». Попытки к устройству примирения повели только к большему озлоблению, и даже московский гонец, привозивший проект мирных условий, подвергался оскорблениям. Тут, как нельзя кстати, к хану обратился Петрик с предложением воевать вместе с татарами против москалей.

18 мая Петрик писал в Сечу, что заключил с ханом договор, которым, как он надеялся, запорожцы будут довольны. По этому договору со стороны хана дозволялось запорожцам невозбранно отправлять свои рыбные и соляные промыслы по обоим берегам днепровского низовья и по рекам, впадающим в Днепр, как это бывало при Богдане Хмельницком. Кто захочет идти на такие промыслы, тот должен испросить позволения у кошевого атамана и тогда смело может отправляться, не опасаясь никаких беспокойств от татар ни на суше, ни на воде. «А кто, — прибавил Петрик, — захочет идти с нами для отобрания милой отчизны нашей от московской власти, тот пусть готовится к походу и пусть знает, что хан с черкесами и с частью орды сам двинется из Перекопа на немцев, а нам в помощь оставляет ясновельможного салтана Калгу со всеми ордами крымскими, черкесскими и ногайскими, которым дано уже повеление собираться в поход».

В Сече между тем произошла перемена. Гусака сменили; вместо него кошевым атаманом избран был некто Федько. При этом новом кошевом Петрик написал к запорожцам новое послание от 27 мая, извещал, что уже все орды двинулись в путь с Калгою, и приглашал кошевого с товариством встречать союзников у Каменного Затона[55], с тем чтоб утвердить по своему усмотрению постановленный им с татарами договор. 22 июня Петрик прислал третье послание к запорожцам, и притом очень пространное: в нем излагал он цель своего предприятия и надежды на его осуществление. Он вспоминал, что когда прибыл из Батурина в Сечь, то говорил уже добрым молодцам, в каком печальном состоянии находится малороссийский край, приводимый к упадку соседними монархами. «Неудивительно, —

[55] Бывшая крепость на берегу Днепра, близ Сечи.

рассуждал теперь Петрик в письме своем, — что так поступает польский король: мы были когда-то его подданными, с Божиею помощью при Богдане Хмельницком отбились от подданства его власти и так много вреда ему наделали, что он до сих пор не оправится. Неудивительно, если крымский хан с нами враждует: мы из давних времен причиняли вред Крымскому государству и теперь всегда чиним. Но дивны поступки московских царей: не мечом они нас приобрели, а предки наши добровольно им поддались ради христианской веры. Переселивши с правой стороны Днепра на левую наших жителей, москали обсалились нашими людьми от всяких неприятелей, так что откуда бы неприятели ни пришли, — будут прежде жечь наши городы и села, наших жителей забирать в полон, а Москва будет находиться от них в безопасности за нами, как за стеною. Этим не довольствуется Москва, а старается всех нас обратить в своих невольников и холопов. Сперва они гетманов наших Многогрешного и Поповича[56], которые за нас стояли, забрали в неволю, а потом и всех нас хотели поворотить в вечную неволю. Нынешнему гетману допустили они раздавать городового войска старшинам маетности, а старшины, поделившись между собой нашей братиею, позаписывали ее себе и своим детям навеки в неволю, и только что в плуг не запрягают! Москва дозволяет нашим старшинам чинить подобное для того, чтоб наши люди оплошали и замужичали, а москали тем временем завладели бы Днепром, Самарою и настроили бы там своих городков! Я также вам сообщал, что король польский, недовольный московским царем за то, что не воевал Крыма, хотел сам, помирившись с ордою, идти на Москву и отобрать в свое подданство нашу Украину. А каково было бы тогда нашей Украине? Не были ли наши братья и на кольях, и в водных прорубях? Не принуждали ли козацких жен спаривать кипятком детей своих, не обливали ли ляхи наших водою на морозе, не насыпали ли им в голенища горящих угольев, не отбирали ли жолнеры[57] у наших людей их достояние. Все это вы помните, и ляхи этого не забыли и разве не стали бы они того же чинить над нами снова!.. Во время моего нахождения в Сече я много советовал начальным товарищам взяться за дело и не допустить нашей милой отчизны Украины дойти до крайнего упадка. Но из ваших милостей никто не захотел постоять за своих людей; поэтому я, как уже раз покинувши отца, мать, жену, родных и немалое имущество, прибыл к вам, добрым молодцам, в Запорожье, так и теперь, призвавши на помощь Бога и Пречистую Его Матерь, христиан заступницу, принялся за дело, которое касается целости и обороны отчизны и общей свободы: я в Кизикермене договорился о мире с беем кизикерменским Камень-мурзою, а в Перекопе хан утвердил мирные статьи, чему свидетелями были и ваши посланцы Левко Сысой с товарищами. Посылаю вам эти статьи. Прочтите их в раде: надеюсь, не найдете ничего зловредного отчизне!.. Но, может быть, кто-нибудь скажет: как нам воевать своих отцов, матерей, братьев и друзей; или, быть может, скажете: где мы сами денемся, когда опустошим свой край, кто нам даст тогда хлеба? Не дай Бог воевать свою отчизну; не хороша та птица, что собственное гнездо марает, не добрый тот пан, что собственную вотчину разоряет! Но когда захотите помогать нам и прибудете в Каменный Затон, тогда учиним совет, куда нам с ордою обращаться, так чтобы не причинять никакой беды нашим городам и селам. Не затем начали мы наше дело, чтобы воевать своих людей, а затем, чтоб освободить их и себя от хищничества москалей и панов наших. Сами вы, умные головы, рассудите и сообразите, лучше ли быть в неволе или на воле — чужим слугою или самому себе господином, — у москаля либо у ляха мужиком, или вольным козаком? Когда славной памяти Богдан Хмельницкий с войском Запорожским при помощи орды выбился из лядского подданства, разве дурно было тогда Украине? Разве не было тогда у Козаков золота, серебра и сукон дорогих, и табунов лошадей, и черед рогатого скота?.. Всего было вдоволь. А как мы стали московского царя холопами, так опустела вконец чигиринская сторона, а у перегнанных на левую сторону Днепра наших братии не только что не стало достояния, да и лаптей негде было взять! Большая часть наших братии осталась в неволе в московских городах, а других татары каждый год в полон вместо дани забирают, о чем сами вы знаете, как делалось прошлою зимою в полку Переяславском, а ранее

[56] Так называли Самойловича.

[57] Солдаты (польск.)

перед тем в полку Харьковском под Змиевым и на других местах. Пусть вам, господа, будет еще и то известно, что сам гетман, с совета всех полковников, присылал ко мне секретно человека своего известить, что как только мы с ордами приблизимся к Самаре, то все они от Москвы отстанут, сойдутся с нами и станут вместе воевать Москву. Человек этот при мне, и когда, Бог даст, прийдем в Каменный Затон, я вам покажу его! Будьте доверчивы и ничего не опасайтесь».

Письмо это было писано в Акмечете (нынешнем Симферополе). На пути из Крыма к Каменному Затону, из урочища Черной Долины, 12 июля Петрик послал еще четвертое письмо к запорожцам, убеждая всех пристать к татарам ради освобождения малороссийского народа от московского ярма, а через несколько дней после того Петрик и Калга-салтан со своими ордынцами были уже в Каменном Затоне. 23 июля гетман через своего «дозорцу» в Переволочне получил известие, что кошевой атаман с куренными атаманами приняли от Калги-салтана дары и условились:запорожцам вместе с татарами идти на малороссийские города, производить смятение в посольстве. подстрекать мужиков к избиению арендарей и панов. Подробности, этого события мы узнаем в показании пойманного впоследствии в полон сообщника Петрикова, Кондрата. Было дело так. Прибыли к Сече Батырча-мурза и Калга-салтан; с ними был Петрик и послал в Сечь письмо, приглашая кошевого атамана и все товариство встречать его с хлебом-солью. Ему на это сперва прислали такой ответ: «Пусть встречает тебя тот, кто посылал тебяс. Тогда Петрик послал сказать сечевикам: «Если меня с хлебом-солью не встретите, то я прикажу переловить всех ваших ватажных людей, которые теперь промышляют на Молочных Водах и на Берде[58], и велю отдать их в неволю татарам!» После такой угрозы собралась рада и приговорила: ради спасения ватажных людей выйти к Петрику в Каменный Затон с поклоном, но во всяком случае допроситься от него, кто его послал. Кошевым атаманом был тогда опять Гусак. Федька недавно отставили. Этот кошевой вышел с 38 куренными атаманами и с двумя тысячами войсковых товарищей. Поднесли Калге-салтану хлеб-соль. Калга был доволен и сказал запорожцам: «Петрик явился к нам в Крым от вас всех; хотя с ним не было ваших писем, но он уверял нас на словах, что вы его обнадежили». Тогда куренные атаманы обратились к Петрику и сказали: «Ты писал, как прибудешь к нам с татарами, тогда узнаем, кто посылал тебя, — говори же, кто посылал тебя?» «Какое дело вам до того, кто меня послал?-отвечал Петрик. —Сами увидите, что будет, когда только приступим к Полтавскому полку. Этот полк весь мне сдастся, да и Миргородский потом весь перейдет к нам. Гетмана и старшин, и панов, и арендарей — всех побьют, и настанут у нас такие вольности, какие были при Богдане Хмельницком! Если мы теперь не выбьемся из-под московского ярма, так уже не выбьемся из-под него никогда». «Я учиню раду в Сече, — отвечал кошевой атаман, — и коли рада приговорит идти, тогда и я пойду!» Дали взаимное обещание: малороссияне не будут чинить «препятия» татарам, когда те пойдут назад, а татаре не станут трогать запорожских ватажников, сновавших за промыслами на Молочных Водах и на Берде. Калга подарил кошевому доброго коня, а двум куренным атаманам по «чуге» (одежда).

Гусак, видимо, сочувствовал мечтаниям Петрика, но не решался открыто стать за него пред всем товариством. Оттого на раде, собравшейся на другой день после свидания с Петриком, не последовало ничего решительного. Рада, находясь под нравственным влиянием Гусака, постановила, что всему низовому сечевому войску идти в поход на Украину не следует, но кто из товарищей захочет идти с Петриком, тому не возбранять. Тут пришла от гетмана увещательная грамота к запорожцам, чтоб они не приставали к злым замыслам. Кошевой атаман поступил и здесь согласно своему двуличному характеру. Он отвечал Мазепе, что у запорожцев вовсе нет такого безумного намерения, чтобы вместе с бусурманами идти на войну против православных христиан. Но в том же письме кошевой делал замечание, что во время гетманства Мазепы совершаются дела не лучше таких, какие делались при ляхах, против которых поднялся Богдан Хмельницкий. «Стали держать подданных такие паны, которым никак не следует дозволять их держать, а они заставляют бедных людей дрова возить, конюшни

---

[58] Обе реки — в Таврической губернии, впадают в Азовское море.

чистить, печи топить. Пусть бы только генеральные старшины держали подданных, это было бы еще не так обидно, а то держат такие, которых отцы не держали подданных никогда. Могли бы эти люди, как и отцы их, питаться своим трудовым хлебом». Повторяя точно такие жалобы, какие заявлял в своих писаниях Петрик, кошевой Гусак уже тем самым, при всех своих уверениях в непричастности к мятежным замыслам Петрика, показывал, что относится к его делу не без сочувствия.

Когда рада порешила, что охотники могут идти к Петрику, тотчас набралось таких охотников до пятисот. Василь Бузский, приятель Петрика, избран был ими полковником и просил дать ему войсковые клейноты, т. е. знаки наказного начальнического достоинства, но кошевой атаман и старшины не дали их ему, чтобы не казалось, будто они отправлены от всего запорожского низового войска. Кошевой хотел, чтоб их отпустили только на том основании, что в Сече с давних пор никого силою не удерживают, но это не значило бы, что все товариство признает их затею добрым делом. Охотники самовольно пошли в Каменный Затон и там тотчас собрались в раду и провозгласили Петрика гетманом, а Калга-салтан вручил ему войсковые клейноты: булаву, бунчук и хоругвь. Таким образом Петрик копировал из себя Богдана Хмельницкого, которого первый раз провозгласили гетманом запорожцы, а также напоминал собою Суховеенка и Дорошенка, которые первые знаки гетманского достоинства получили от татар. Петрик, считая себя уже гетманом, нарек трех полковников (Василия Бузского, Кондрата и Сысоя) и шесть сотников, потом послал к ватажникам на Молочные Воды и на Берду созывать их вместе с собою на войну против москалей для достижения вольностей; при этом он грозил их отдать татарам в неволю, если они его не послушают. Сам Петрик с Калгою-салтаном отступил от Сечи и на речке Татарке собрал раду, чтоб обсудить, куда им сначала идти. Порешили прежде подчинить самарские городки, а между тем послать в Полтавский полк к цариченским и Китайгородским жителям воззвания, приглашающие сдаться и показать пример другим. 29 июля с Самары Петрик распустил такой универсал ко всему народу малороссийскому: «Всему товариству и посполитым обывателям доброго от Бога здоровья и благополучия. Зная, что Войско Запорожское пребывает в угнетении, ведая о ваших несносных страданиях и желая избавить вас от тиранства Москвы и немилостивых ваших панов, я обратился к Крымскому государству, для чего ездил в Крым и возвратился оттуда с ордою. У Каменного Затона близ Сечи все Войско Запорожское с кошевым атаманом и куренными атаманами на войсковой раде утвердило обоюдною присягою мир, постановленный с Крымским государством, а на другой раде по Божией воле избрало меня гетманом и повелело мне с ордами и с Войском Запорожским идти на оборону вашу против Москвы. Ныне двинувшись из Каменного Затона и совокупившись как с тем войском, которое было на Молочных Водах, так и со всеми ордами, находившимися при Калге-салтане, мы пришли к Самаре, о чем вас всех извещаем настоящим нашим листом. Доверьтесь мне и, устроив между собою надлежащий порядок, высылайте к его милости салтану и к нам. Войску Запорожскому, свою старшину и сами с нами готовьтесь в этот военный путь против неприятеля своего, москаля, дабы с Божией помощью скинуть невольническое ярмо с вольных ваших козацких хребтов. Ведайте, что эта война против москаля началась не ради чего иного, как для ваших вольностей и общего народного блага. Сами знаете, что с вами делают москали и ваши хищные паны и что вам вытворяется от арендарей: объездили вам тираны шеи, поотбирали себе пожитки ваши. Станьте же дружно за вольности свои. Если теперь поможет Господь Бог отбиться из-под ярма московского, тогда устроите у себя такой порядок, какой сами захотите, и станете пользоваться такою вольностью, какою пользовались предки ваши при Богдане Хмельницком. Войско Запорожское утвердило мир с Крымским государством на таких условиях, чтоб тогобочная[59] чигиринская сторона Днепра была нам возвращена в тех пределах, в каких Хмельницкий с ордами завоевал ее от ляхов, а другая сегобочная[60] сторона при нас оставалась бы со всеми полками и городами. Вольно будет всякому отправлять рыбные,

[59] Имеется в виду Левобережная Украина.

[60] Имеется в виду Правобережная Украина.

соляные и звериные промыслы по Днепру, Бугу и другим речкам без всякой платы. Выбившись из настоящего подданства, каждый, коли захочет, может идти в свою отчизну, где прежде проживал, и не будетпо этому поводу никому тревоги и опасности. Государство Крымское дало нам присягу всегда оборонять нас от Москвы, от ляхов и от всех неприятелей. Если вы теперь не прийметесь за свои вольности, то знайте, что потеряете их навсегда и останетесь вечно московскими невольниками, и никто уже после за вас не заступится».

Петрик, очевидно, разыгрывал из себя Богдана Хмельницкого; но времена, когда Богдан Хмельницкий мог совершать свои великие дела, прошли невозвратно. Везде и во всем подражание бывает хуже оригинала, и события, искусственно повторяемые не вовремя, представляют собою что-то комическое. Петрик в малороссийской истории явился таким типом, каким был Дон-Кихот в истории человеческого поэтического творчества.

Мазепе известны были шаг за шагом поступки Петрика; гетман послал в Москву просить, чтоб указано было воеводам Борису Петровичу Шереметеву и князю Борятинскому соединиться с полками гетманского регимента. В конце июля Мазепа выслал вперед четыре городовых полка — Прилуцкнй, Миргородский, Лубенский, Нежинский и с ними охотный конный полк Пашковского, а сам с пятью охотными полками стал под Гадячем и ожидал прибытия к себе, с одной стороны, великорусских воевод, а с другой — выборных отрядов из полков: Киевского, Черниговского и Стародубского. Стоя под Гадячем, гетман распустил 28 июля универсал ко всему малороссийскому народу, служивший как бы опровержением возмутительных воззваний Петрика. В нем гетман вспоминал о прежних усобицах, о бедствиях и разорениях, постигших от них край, убеждал пребывать в верности царям и в послушании гетману, угрожал вдобавок карою тем, которые прельстились бы и поддались обманщику, «загибельному сыну Петрику».

Гетман скорее дождался своих полков, чем великороссийских вспомогательных ратных сил. Шереметев не доходил еще до места, где ему надлежало сойтись с козаками, а князь Борятннский, как носились слухи, был где-то далеко за Путивлем. Гетман не стал долее их ждать и двинулся к Полтаве.

Высланные вперед полковники прислали к гетману известие, что жители Цариченки, Китай-городка[61] и других орельских городков поддаются мятежу, повериви «прелестным» письмам возмутителя. Этого было мало. До гетмана доходил слух, что огонь мятежа распространяется вдоль правого берега Ворсклы:

жители кишенские и сокольские начинают «малодушествовать», готовы сдаться татарам и признать власть Петрика. Везде по пути, по которому шел гетман, слышались от «легкомысленных людей дерзкие речи». В обозе самого гетмана стрельцы доносили, что какой-то пьяный козак, помахивая саблей, кричал: «Станем рубить москалей!». Можно было опасаться, что мятежник действительно угадал народное желание. Гетман еще раз послал гонца к Шереметеву с просьбою спешить на выручку малороссийского края и в то же время отправил к четырем высланным вперед полковникам приказание идти против неприятеля на вспоможение жителям городков: Маячки[62] и Нехворощи[63]. которые еще не поддались мятежнику, но могли поддаться, если к ним в пору не явится выручка. Нелегким казалось для этих полковников такое поручение, так как они не знали наверное татарской силы и опасались встретить ее в размере, превосходящем их собственные силы. Гетман ободрял их скорым подкреплением после прибытия Шереметева.

Августа 5-го полковники со своими полками, которые были расположены вдоль берега Ворсклы, двинулись к реке Орели и приблизились к Маячке. Под этим городком стоял уже Петрик с ордою.

Вот как Петрик туда добрался. Разославши с берегов Самары свои возмутительные

---

[61] Оба — местечки Кобылякского уеза при р. Орели.

[62] Местечко Кобылякского уезда при р. Орели.

[63] Местечко Константиноградского уезда при р. Орели.

универсалы, он прежде всего хотел подчинить себе Новобогородск. Но его «прелестные» письма, туда посланные, не имели никакого успеха, потому что в этом недавно еще основанном городе большинство жителей состояло из великороссиян. Запорожцы с Петриком попытались было ночью ворваться в посад, но, пораженные пальбою из замка, ушли, а один из новопожалованных Петриком полковников, Кондрат, попался в плен. Утром после того Петрик с запорожцами и Калга-салтан с татарами направили путь к Украине. На дороге прибыли к Петрику посланцы из городков Цариченки и Китай-городка с хлебом-солью, изъявляли от имени всех жителей покорность и охоту содействовать освобождению Украины от московской власти. Все, казалось Петрику, шло удачно. Он оставил обоз неподалеку от Китай-городка и вместе с Калгою-салтаном двинулся налегке к Маячке. Туда было уже послано заранее «прелестное» письмо, как и в другие городки, но из Маячки никто не приходил к Петрику с хлебом-солью. Приближаясь к Маячке, у речки, носившей то же имя, встретили они ватагу украинцев, которые ходили на промыслы к Молочным Водам и к Берде, а теперь возвращались домой. Петрик стал уговаривать их пристать к нему и вместе с ними идти на москалей, чтоб освободить весь народ малороссийский от московского ярма. Многие ватажники сразу догадались, что перед ними какая-то шайка бездельников: хотя они себя и называли запорожцами, но это казалось сомнительным, так как с ними не было ни кошевого, ни запорожских старшин. Некоторые из ватажников, однако, наружно согласились пристать к Петрику, и таких набралось около полторы тысячи; другие же наотрез отказались и ушли на остров, где грозили обороняться, если их станут принуждать. Тогда приставшие к мятежнику просили дозволения взять и привезти свои оставленные возы, а когда получили позволения, то убежали тотчас к товарищам на остров. Некоторые оставались еще приПетрике, но, дождавшись ночи, также все от него убежали.

Таким образом, не успел Петрик увеличить своей силы ватажниками и, оставаясь с одними татарами да с кружком запорожцев, подступил к городку Маячке. Он послал туда еще одно «прелестное» письмо. На это письмо жители ответили положительным отказом: к городку приближались высланные гетманом полковники.

Как только татары увидали вдали гетманские полки, на них сразу нашел переполох. До них доходили вести, что в порубежных местах расставлены московские силы, а сзади все белогородские рати готовы против них к походу. Татары поспешно отступили к своему табору, оставленному под Китай-городком. Тут прибежал к Петрику какой-то козак и говорил, что отправлен от полтавского полковника Павла Герцика, стоявшего у городка Кобыляк. Он убеждал Петрика спешить к Полтаве, уверяя, что и полтавский полковник и весь Полтавский полк пристанут к Петрику, потому что все ненавидят москалей.

Сказанное козакам о Полтавском полке была ложь. Напротив, когда возмутительный универсал Петрика дошел в Полтаву, там был уже гетман и приказал послать к мятежнику написанный в гетманской канцелярии ответ от имени всего Полтавского полка в самом презрительном тоне. «Как смеешь ты гетманом именоваться? — было сказано в этом ответе. — Все мы, и старшие и меньшие, удивляемся твоему безумству: кто тебя, щенка такого, поставил начальником и опекуном над нами? С чего ты это убиваешься и заботишься о нашем житии? Мы знаем, что твой батько был нищий и жил у нас в Полтаве в богадельне, а ты, будучи в школе, валялся между нищими на улице и под окнами нашими выкормился объедками. Ты не только не был в рыцарских упражнениях, но и в домовых науках, а потом хоть и втерся в войсковую канцелярию, но там, обокравши товарищей и изменивши своему пану, убежал на Запорожье! Мы тому не верим, будто к тебе прибыл Калга-салтан; не надеемся, чтоб такая важная особа последовала за тобою, лгуном и щенком! Верно, цыган какой-нибудь собрал тысячную толпу оборвышей из татар и назвался салтаном!»

Письмо это показывает взгляд, образовавшийся тогда у малороссийских старшин по отношению к тем, которых они могли унижать за их простое происхождение. Письмо это, вероятно, принес Петрику тот козак. который выдавал себя посланным от Герцика, а. может быть, Петрик сам выдумал и сообщил Калге о такой присылке от Герцика; действительно же полученного письма, конечно, не показал салтану и убеждал последнего идти далее к Полтаве. Но Калга-салтан был в таком расположении, что, вместо похода далее в Украину, собрался со своею ордою отступать в Крым. К нему пришла весть, что в Крыму готовится переворот: мурзы

недовольны ханом, хотят избрать другого, большинство вновь желает некогда бывшего в Крыму ханом Селим-Гирея и уже послали в Константинополь просить падишаха о его назначении.

Когда Петрик с Калгою ходили к Маячке, оставленные в таборе близ Китай-городка татары, по своему обычаю, стали расходиться небольшими загонами и ловить пленников с тем, чтобы гнать их в Крым. Петрик, по возвращении из-под Маячки, не без труда упросил Калгу отпустить на волю малороссиян, забранных татарами. Было бы чересчур, если бы после всех льстивых обещаний татарской дружбы, на которые был так щедр Петрик в своих универсалах, татары на первых же порах показали малороссиянам свою дружбу таким способом.

Первый поход Петрика до крайности уронил его в глазах народа: без того, может быть, нашлось бы более готовых увлечься его горячими возбуждениями. Да и татары неохотно шли с ним и теперь не слушали его убеждений. И пришлось ему ворочаться вспять за своими союзниками, а когда на возвратном пути достиг он до речки Татарки, то несколько сот запорожцев, приставших к нему в Каменном Затоне, ушли от него в Сечь: осталось их с ним человек восемьдесят самых забубенных. С ними Петрик следовал за Калгою-салтаном до Перекопа. Калга уехал в Крым, а Петрик, со своею купою удальцов, простоял под Перекопом в ханских окопах около трех месяцев. Из Перекопа выдавалось его козакам поденно пшено и по нескольку баранов для прокормления. Здесь посещали его малороссийские торговцы из Полтавского полка; он их принимал ласково, играя из себя роль гетмана, угощал горелкою и уверял, что скоро прибудет в Украину с татарскими вспомогательными силами. «Не добро вам с Москвою, — говорил он. — Я к чему намерился, то нонче исполню. Выгоню Москву, всех вас освобожу из московской неволи; станут люди из московских слобод переходить опять на чигиринскую сторону на прежнее жилье». Все ездившие в Крым за солью чумаки отдавали ему поклон, как батьку козацкому, потому что только по его ходатайству хан дозволял им ездить в свои владения для соляных промыслов, тогда как вообще малороссиянам, подданным царя московского, это не дозволялось, по поводу неприязненных отношений Крымского юрта к Московской державе.

В последних числах сентября или в первых октября Козаков, состоявших около Петрика, развели из ханского окопа под Перекопом по разным татарским селениям, а сам Петрик с шестнадцатью товарищами поехал в Бахчисарай ожидать и встречать нового хана. Этот хан приехал из Турции в декабре после Николина дня. Петрик явился к нему с поклоном и представил фальшивые письма, писанные будто бы от гетмана и Кочубея к прежнему хану: в этих письмах заключалась просьба оказать козакам помощь, чтоб освободить Украину от московской власти и перевести поселенных в слободских полках малороссиян на прежние места их жительства, в Чигиринщину. Хан Селим-Гирей и прежде был неумолимый враг Москвы, а теперь принял ласково Петрика уже только единственно потому, что этот человек явился врагом Москвы. Не знаем, в какой степени не сомневались в Крыму в подлинности привезенных им писем гетмана и Кочубея, но достаточно было, что они приглашали крымцев к походу, — и хан дал тотчас приказание татарам кормить лошадей и быть готовыми к походу.

После быстрого отступления Калги-салтана и Петрика полковники, высланные гетманом, бросились было в погоню за уходившими, но не догнали, потому что, ввиду погони, отступление стало совершенным бегством.

Гетман Мазепа распустил свое войско; с врагом ему не удалось биться, однако оно пробыло в трудах и лишениях военного похода целых 12 недель, а Полтавского полка козаки — осьмнадцать. Успех над мятежом был приобретен чрезвычайно скоро и легко, но гетман удостоился от московского правительства похвал и подарков как бы за очень важный подвиг. Таким это дело и должно было показаться издали, если судить о нем по тем замыслам, с какими пускался возмутитель на свое предприятие. Стольник Тараканов привез гетману и старшинам милостивое слово великих государей и подарки. Он представился гетману в стане, устроенном в Бадакве[64] на Артополоте. Там гетманский табор был устроен наподобие города, с воротами, от которых шли улицы, составленные из шатров, до гетманского шатра. Гетманская пехота

[64] Ныне село Лохвицкого уезда при р. Суде.

уставлена была по всему пути, по которому шел царский посол. Пехота играла на трубах, била в литавры. Царский посол поднес гетману с царскою похвальною грамотою подарок — кафтан «откровенным видом, с распростертыми полами», а старшинам присланы были соболи и материи, называемые «байбереки».

В конце 1692 года произошла суровая расправа с теми, которые во время прихода Петрика присылали к нему с хлебом-солью и признали его гетманом. Такая участь постигла двух сотников: цариченского и Китайгородского. Войсковой суд присудил их к смертной казни, которая должна была исполниться на месте их преступления. Но Китайгородские жители испросили помилование своему сотнику, представляя, что зачинщиком измены был не он, а священники, подававшие совет сдать город. На этом основании присудили Китайгородскому сотнику и его сообщникам учинить такую казнь: положить им головы на плахи, потом, снявши с плах, объявить, что по прошению царицы Натальи Кирилловны смертная казнь заменяется для них наказанием кнутом и ссылкою в дальние сибирские города. Этот приговор был исполнен 2 ноября. Цариченскому сотнику отрубили голову в Полтаве 2 декабря.

Петрик, убежавший от рубежей Гетманщины, прислал в Сечь письмо в таком смысле: «Не сомневайтесь. Делу сему конца еще нет. Что мы начали, то и совершим». Но в Сече уже очень мало нашлось у него сторонников. Гусак теперь уже не мирволил Петрику, стал обращаться грубо с его сторонниками и грозил им наказаниями. Но тут поднялась смута. Гусака обвинили в том, что он брал дары от татар, приходивших с Петриком. Его принудили положить свою «комышину». С ним разом сменили всех других сечевых старшин и выбрали новых. Кошевым атаманом выбран был Василь Кузьменко. Это не обошлось без междоусобий: поднимались курени на курени, сечевую церковь забросали поленьями, купецких людей пограбили.

Для удержания Запорожья в спокойствии гетман находил, что следует в Каменном Затоне построить крепость и там держать постоянно гарнизон с орудиями. Нельзя было не обратить внимания, что Запорожье было опасно для Гетманщины главным образом оттого, что там скоплялись недовольные порядком в Украине и друг друга подстрекали на отважные мятежнические затеи. Надобно было исправить причины народного недовольства. По вопросу о маетностях старшин и войсковых товарищей полагалось возможным успокоить народные жалобы на утеснения тем, что гетман издал универсал, в котором давал наставление владельцам не отягощать своих подданных в землях, лесах, сенокосах и во всяких угодьях под опасением отобрания маетностей. Но и это делалось только на случай возможности отягощения. Угрожая в своем универсале владельцам маетностей карою за отягощение подданных, гетман сообщал в приказ, что от особ, владеющих маетностями, как от генеральных старшин и полковников «люди в подданстве будучие отягощения и бремени неудобоносимого не терпели». Относительно аренд, возбуждавших также всеобщее недовольство народа, гетман до поры до времени ограничился универсалом, дозволявшим на крестины и на свадьбы курить вино для своего домашнего обихода и покупать дешевою ценою вино бочками: собственно, это и прежде дозволялось, но с таким ограничением, чтобы покупаемая бочка заключала не менее пятидесяти кварт. Теперь же дозволялось покупать гораздо меньше — в десять кварт, и притом без явки арендарям и их шафарям[65], объявляя единственно местным полковым старшинам. Самых арендарей обязали продавать враздробь кварту не дороже двух копеек. Это издавалось только как временно облегчительные меры, — предполагалось скоро уничтожить аренды вовсе.

Неугомонный Петрик в Крыму старался расположить нового хана и представил какое-то письмо, полученное будто бы от полтавского полковника. В этом письме уверяли, что как только он явится с татарами, то весь Полтавский полк ему сдастся. Крымские мурзы убеждали хана Селим-Гирея верить Петрику и сообщали, что им подлинно известно, как малороссияне не терпят москалей и готовы принять татар как избавителей. Бывшие в Крыму невольники-греки, напротив, уговаривали Петрика не пускаться снова в это дело и не отдавать на расхищение мусульманам своих единоверцев. Петрик на это им отвечал: «Я стою за посполитый народ, за самых бедных и простых людей. Богдан Хмельницкий избавил народ малороссийский из неволи лядской, а я хочу избавить его от новой неволи москалей и своих панов».

---

[65] Здесь — агентам.

11 января 1693 года хан Селим-Гирей отправил в поход зятя своего Нуреддина-салтана и сына Ширин-бея с ордами, а с ними выступил и Петрик с кучкою своих воровских Козаков. Прежде всего хан Селим-Гирей приказывал им идти к Сече и попытаться подвигнуть сечевиков идти в малороссийские города. Если малороссийские города не станут сдаваться, то хан не приказывал их разорять. Сам хан обещал весною идти с ордами на великороссийские города и слободы. 16 января Нуреддин-салтан и Петрик отправили в Сечь воззвание, убеждавшее пристать к ним. Петрик извещал запорожцев, что он прошлое лето не мог довести своего предприятия до конца оттого, что татары его покинули, а теперь новый хан Селим-Гирей в совете со всем своим государством постановил помогать малороссиянам, чтоб вырвать их из-под московского подданства. «Не прельщайтесь, братья, — выражался он, — что московские цари шлют вам червонные золотые: все это Москва делает оттого, что видит волка в лесу, а как Москва помирится с Крымом, то часть нашей Украины орде отдаст, а другую заберет себе в вечную неволю. У нас правдиво говорится: за кого крымский хан, тот и будет пан!.. Не привязывайтесь к этой Москве, как рыба-судак к неводу, что ее еще не затягивают неводом, а она уже к нити прилегает и тащит ее рыболов туда, куда уже прежде других рыб затащил. Так и вы добровольно привязались к Москве, а она с вами то же учинит, что уже прежде учинила с теми, которых раньше вас под свою власть взяла».

На это воззвание запорожцы послали Петрику ответ, составленный сечевым писарем Созонтом Грибовским. Запорожцы выражались, что, усматривая близость конца миру, они считают приличным вести себя так, как учит церковь — царей почитать и панов слушаться. «Предавшись отчаянию и забыв создавшего и искупившего тебя своею кровью Бога, — писали они, — ты отдался бездонному аду с душою и с телом. Желаем тебе там беседовать на вечные времена! От крымского хана ты получил клей-ноты; иди же себе с ними куда хочешь, только от нас убирайся подальше. Без нашего ведома ты ушел в Крым, без нас теперь и поход свой совершай, а нам больше не докучай!»

Нуреддину отвечали запорожцы, что, согласно с договором, заключенным прошлый год с бывшим Калгою-салтаном в Каменном Затоне, они желают безопасно от татар промышлять звериными, соляными и рыбными добычами, но отрекаются от военного похода на Московское государство. Нуреддин после этого послал им еще одно письмо в таких выражениях: «Нам не надобно такого мира, какого хотите вы, и от нынешнего часа вам от нас не будет покоя! Если же опомнитесь, то пусть ваш кошевой атаман сам приезжает к нам для разговора, либо вместо себя знатных особ присылает». На это запорожцы уже не послали письменного ответа, а словесно передали: «Мы ко псу Петрику больше писать не станем и выходить к вам из Сечи не будем».

Запорожская Сечь показала татарам, что Петрику на нее нечего полагаться, но Петрик уверял Нуреддина и мурз, что в Гетманщине встретят их не так, как в Запорожье. «Все города малороссийские, — говорил Петрик, — признают меня гетманом и тогда останется разослать татар загонами в великороссийские украинные города и в малороссийские слободские полки, чтобы вывозить оттуда малороссиян на правую сторону Днепра». Петрика особенно занимала мысль вновь населить Правобережную Украину, и такая мысль нравилась бусурманам, потому что малороссияне, перешедши на правую сторону Днепра, очутились бы под турецким господством. Петрик писал письма в Чигирин и в Корсун, добиваясь, чтобы тамошние жители заранее признали его гетманом. Несмотря на грубый отказ всего запорожского коша, в Сече нашлось-таки несколько забулдыг, которые тогда пристали к Петрику.

Татары с Петриком двинулись в Украину к Переволочне[66]. Они намеревались напасть на этот городок ночью, но какой-то хлопец, пойманный татарами, ушел из их рук, просидел некоторое время закопавшись в снегу, потом вылез, прибежал в Переволочну и дал в пору знать о подходящем неприятеле. 15 января в полночь явился Петрик с татарами. Он уверял Нуреддина, что переволоченский сотник явится к нему с хлебом-солью. Вышло не так. «Наши, — говорит современное донесение, — весело поиграли с татарами; не без того, что и наших двух-трех они изрубили, зато мы их отбили знатно, и чернь косами татар рубала».

---

[66] Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Днепре близ устья Ворсклы.

Татары нахватали под Переволочною у жителей скота и овец, но салтан рассердился за это, велел перебить у грабителей лошадей и самих чуть не побил. Нужно было показать малороссиянам, что татары идут к ним как союзники и избавители, а не как наездники.

Тогда Петрик стал уверять Нуреддина, что если Переволочна не сдалась, то другой пограничный городок Кишенка непременно сдастся. Петрик встретил кишенцев, ездивших в степь за сеном, и навязал им «прелестное» письмо, обращенное ко всему товариству и к посполитым людям города Кишенки. «Прошлого лета, — писал он, — приходили мы с ордою за тем, чтоб освободить вас всех от московского ярма, но не могли тогда окончить нашего дела. Теперь, слыша, что москали и ваши паны чинят вам великие тягости, вышли мы опять вам помогать и хотим, чтоб вы в такой вольности жили на обоих берегах Днепра, как ваши предки живали при Богдане Хмельницком. Высылайте к нам своих духовных и старшин городовых; учиним согласие и пусть товариство ваше, кто захочет, идет с нами на войну тотчас, а вам никакого убытка не будет и волос не спадет у вас с головы. Если же вы послушаетесь чьего-нибудь непристойного совета, то знайте, что это вам даром не пройдет».

Подошедши к Кишенке[67], татары расположились в «подворках» (предместьи); Кишенка не высылала на поклон духовных и старшин. Напрасно прежде хвастал Петрик перед Нуреддином, будто у него в Кишенке есть приятели: они не отзывались. Петрик еще раз послал в Кишенку письмо, приглашал охотников идти с ним воевать Москву, уверяя, будто Переволочна сдалась ему. «Ступайте себе далее в Полтавщину, — отвечали кишенцы, — а мы тем временем подумаем да посоветуемся».

Тогда Петрик утешал своих союзников, что когда они подойдут к Полтаве, то дело изменится, потому что полтавский полковник с ним в соумышлении. Они зажгли подворки, где стояли, и с наступлением ночи пошли к Полтаве.

Татары расположились в окрестностях Полтавы вплоть до Старого Санжарова[68]. Часть их разошлась с загонами, разорила два села и наловила в полон множество жителей, говорят, тысяч до двух. Петрик послал в Полтаву с «прелестным» письмом какого-то монаха Гервасия. «Полтавцы! — писал он, — крымские войска пришли освободить вас от московского ярма. а порубежные городки ваши не соизволили на то, чтоб им и вам добро было. За это крымские войска пошли на ваших войной. Но его милость салтан вам дает знать: если хотите жить с крымцами в братерстве, присылайте к нему для соглашения своих старшин, к салтан прикажет воротить весь яссыр[69], сколько его взято, и скотину. При этом Петрик послал в Полтаву несколько малороссийских невольников, освобожденных из Крыма.

Но тут до Нуреддина и до Петрика дошла весть, что великороссийская и гетманские ратные силы приближаются. Гетман, следивший за движениями крымцев и Петрика, еще в декабре 1692 года дал знать в Москву. Последовал царский указ: Шереметеву с двадцатью тысячами конницы и столько же пехоты идти к рубежам украинским, а товарищу его, князю Борятинскому, стоять поблизости позади — «на страх непостоянным людям». В самарских городах поставлено было до двух тысяч Козаков из слободских полков с отрядом из великороссийских ратных сил. Полтавский полковник вовсе не шел на соединение с Петриком, напротив, собрал против него три сотни своего полка. Страх встретиться с многочисленными противными военными силами и явное нежелание малороссийских жителей поддаваться Петрику побудили татар к немедленному отступлению. Они угнали с собою множество яссыра, «о когда дошли до реки Бальчика, Петрик упросил Нуреддина отпустить пленников на волю, дабы малороссияне и теперь могли поверить, что татары им друзья. По одному известию, число татар в этом походе простиралось до тридцати тысяч, а с Петриком малороссиян было до четырехсот человек; по другому — татар было только до десяти тысяч, а приставших к Петрику

---

[67] Большое местечко Кобылякского уезда при р. Ворскле.

[68] Местечко Полтавского уезда в 23 верстах от Полтавы.

[69] Пленных.

малороссиян всего 80 человек.

Как бы то ни было, второе покушение Петрика потерпело такую же неудачу, как и первое. Народ ни на волос не обольстился его воззваниями, не показал желания пожертвовать жизнью и достоянием ради освобождения от московской власти, не усматривал в Петрике нового Хмельницкого, и Мазепа, казалось, имел право уверять московское правительство, что все взводимое Петриком и подобными ему зложелателями об утеснениях народу есть ложь, — в Малороссии все, старшие и меньшие, живут счастливо, в изобилии и довольстве, никто никого не насилует, никто ни от кого не терпит.

Гетман хотя и на этот раз вовсе не участвовал в отогнании татар с Петриком, однако доносил в Москву, что он поступал не так, как прежние гетманы, которые только высылали против неприятелей своих полковников, а сами уклонялись от личного участия в битвах; он же, напротив, как только услыхал, что идет Петрик в Украину с татарами, тотчас выступил к Лубнам, расставил вдоль Днепра несколько городовых и охотных полков, чтобы не допустить татар, пользуясь морозами, перебраться через Днепр по льду: оттого-то неприятель, как увидел, что в этой стороне все готовы к отпору против него, обратился на Полтавский полк, но услыша, что и там готовы отражать его, скоро бежал оттуда «сломя голову, к своим поганским жилищам».

Немаловажною причиной неудачи Петрика было то, что запорожцы не пристали к нему всем своим кошем. После бегства Петрика гетман посылал в Сечу войскового товарища Трощинского с похвалою запорожцам и с иконостасом в сечевую церковь. Но этот гетманский посол наслушался тогда в Сече «речей невежливых и ко вредительству належащих». Сердились запорожцы на гетмана, услыхавши, что он советовал строить крепость у Каменного Затона, толковали, что им выгоднее быть в мире с бусурманами, потому что с соляной и рыбной добычи «они были и сыты, и пьяны, а царского жалованья им дается мало»; некоторые же прямо отзывались: «Пусть нам хан даст плату и лошадей, так мы будем на услугах Крымскому государству». Сам кошевой Кузьменко писал к гетману грамоту, в которой уверял, что если запорожцы и заключат мир с бусурманами, то такой мир не повредит гетманскому регименту. Но в той же грамоте кошевой своей рукой приписал: «Если что здесь противного вашей милости написано, то простите мне, дураку. Я пишу по войсковому приказу, и коли б яким способом дознались, что я вам иное написал, то убили бы мене в раде».

Вслед за тем весною 1693 года хан прислал в Сечь турка обновить примирение, постановленное запорожцами у Каменного Затона. Беспокойные головы взяли верх; ханский посол был встречен с почетом; всех куреней атаманы произнесли присягу хранить мир с ханом и его государством и послали в Крым своих послов для утверждения мирного договора. Петрик между тем в Крыму не переставал возбуждать хана ложными вымыслами и уверять, что малороссийское поспольство только того и ждет, чтобы пришел хан с ордою: вся чернь поднимется на старшин и на гетмана и по всем полкам начнется расправа с панами и арендарями. Обо всем этом тотчас узнал гетман и, сообщив в Москву, разослал универсалы, чтобы все полки были снова в готовности отражать внезапное вторжение крымцев.

Два неудачных покушения Петрика показывали, что малороссияне не поддаются возбуждениям против московской власти, гетмана, панов и арендарей, но тем не менее все-таки на виду стояла необходимость устранять по возможности причины, которыми возбуждали в народе неудовольствие. Дело об арендах прошлого года осталось неоконченным. В Светлое Воскресенье 1693 года гетман созвал в Батурине изо всех полков козацких старшин, значных войсковых товарищей и некоторых мещан на совет об арендах. Немало оказалось таких, что стояли за аренды. «Никому оне не вредят, — говорили такие господа, — разве только шинкарям, а в городах значительные от аренд оказываются пожитки и не только удовлетворяются текущия потребности, но еще по тысяче и по две тысяче золотых кладется на сбережение». Но раздавалось более голосов, доказывавших, что аренды надобно «отставить совершенно», потому что они стали народу ненавистны и через них подается неспокойным людям повод к пререканиям; чумаки ходят за солью и рыбою в Сечь и своими рассказами о тягостях народу от аренд волнуют запорожцев, а те всегда рады придраться к чему-нибудь, лишь бы мутить. Подавали совет вместо аренд собирать на всякие войсковые расходы налог с тех людей, которые держат шинки или курят вино в своих винницах и продают по ярмаркам.

Положили, в виде опыта, установить на год такой порядок, а по окончании срока полковые старшины и все уряды должны представить ведомости, из которых можно будет сообразить, достаточно ли будет собираться в скарб войсковой от такого способа винной продажи.

В Сече между тем шло большое колебание. В июне сменили Кузьменка, кошевым стал Гусак и писал к гетману, что надобно объявить запорожцам большой поход под Кизикермень, и запорожцы, в надежде получить себе в море проход Днепром, не будут в мире с бусурманами. Но в июле запорожцы начали кричать, что следует быть в мире и в союзе с крымцами; Гусак противился; буяны взяли верх, низложили Гусака и «накрыли шапками» Семена Рубана, куренного атамана Полтавского куреня, а к гетману послали ругательное письмо, в котором говорили, что он не отец, а вотчим Украине. Гетман в ответе своем обличал запорожцев, что сами они достойны называться пасынками, а не детьми Украины, за то, что поступают так, как им взбредет в голову, а не так, как велит монарший указ. Запорожцы, при гетманском после, подняли против гетмана крик, ругань; доставалось тогда и высшему правительству.

В это время гетман писал в Москву, что было бы полезно поднять запорожцев на бусурман и подвинуть, вообще, Козаков на войну с Турцией. «В малороссийском посполитом народе много таких, что смятения желают; нищим и убогим хочется на счет богатых добывать себе состояние; однокровные с запорожцами по природе, они всегда смотрят на запорожские поступки как на образец для себя, больше чем на стройные порядки в городах, и какое бы зло от запорожцев ни вщалося[70], они готовы, по своему безумию, к ним пристать. Есть такие, что и землями владеют, и в дворах своих живут, но не умеют оправлять своих домов и приторно им жить хозяевами, и они, как только заслышат, что в чужой земле нуждаются в людях для службы, так и готовы идти. От прежних гетманов и от меня полковникам и порубежным сторожникам бывали приказы не выпускать их, да никакими способами усмотреть за ними невозможно, и если бы, избави Бог, началась война против Российской державы, то неприятели нашими людьми, к ним бегающими, воевали бы Украину. Если же от нас начнутся твориться военные промыслы, тогда бы все охотники к войне пошли туда и не бегали бы за рубеж на чужие зазывы, не поднимали бы и домашних смут». На такия представления гетмана московское правительство отвечало, что для военных действий надобно ждать удобного времени, о чем будет в свое время указ, а до тех пор гетман должен действовать по своему усмотрению, применяясь к прежним указам, и всеми силами стараться, чтобы запорожцы не вступали в союз с бусурманами и оставались послушными царям.

Во все время от половины лета 1693 до 1695 года военные действия ограничились частными посылками отрядов и стычками их с татарскими загонами. Июня 27-го 1693 года за Смелою правобережные полковники Палей и Абазын разбили орду, а октября 27-го того же года, соединясь с Палеем и Абазыным, полковники — переяславский Мирович и конноохотный Пашковский — одержали над татарами победу при реке Кодыме. В начале 1694 года Петрик из Крыма стал опять присылать в Сечь воззвания, обещая явиться с ордами для отобрания от московской власти милой отчизны Украины. Между сечевиками опять поднялось смятение, опять запели старую песню об утеснениях, чинимых народу панами и арендарями. Это смятение разносили приезжавшие в Сечу малороссийские ватажане, ездившие ватагами под предлогом разных промыслов. «Это такие люди, — писали из Сечи гетману, — что живучи в Украине не смеют языка распускать, а как только заберутся в Сечь, откуда у них плодятся речи и рассказы, возбуждающие к бунтам! Иной мелет спьяна, а иной хоть не пьет, дьявольский сын, да без пьянства горечью дышит, собака, и не токмо что на гетмана и на панов, но и на самых монархов с желчью слова говорит!» Сам кошевой атаман Рубан колебался. Но в июле его отрешили и избрали кошевым атаманом другого, по прозвищу Шарпила. Тогда запорожцы стали решительно врагами татар, и ватага их в 400 человек ворвалась в крымские поселения, взяла в плен до двухсот татар и освободила около сотни русских полонянников обоего пола. Потом, под начальством того же Шарпилы, запорожцы на урочище Чингар разгромили татарский городок и тем побудили салтана Нуреддина, шедшего с ордою на Слободскую Украину, вернуться назад. В сентябре 1694 года гетман отправил за Днепр в «дикие поля» отряд

---

[70] Здесь — ни возникло, ни началось.

из нескольких полков городовых и охотных под наказным гетманством черниговского полковника Лизогуба. Соединившись с Палеем, они ходили к устью Днестра, овладели татарскою крепостью Паланкою и воротились с добычей и двумястами пленных. За это от царя прислан был гетману золотной кафтан и порядочное количество материй и соболиных мехов, а Лизогубу и бывшим с ним в походе полковникам прислано также соразмерное вознаграждение. Участвовавший в этих походах запорожский кошевой Шарпила бился с татарами, но вернулся без добычи; за это он был низложени вместо него дали «комышину» другому, по прозвищу Приме. При этом новом кошевом стала опять брать верх партия, расположенная ко вражде с Россией и к миру с татарами. Запорожцы кричали, что выгоднее им, живя в согласии с татарами, ходить на промыслы за зверьми, рыбою и за солью, чем, угождая Москве, быть в неприязни с Крымом и за то получать в награду сукна, которых присылают так мало, что приходится на человека по аршину, либо деньги, которых по разделу достанется на товарища каких-нибудь злотых[71] по два. Запорожцев располагала к миру и возможность размена пленных, причем они могли надеяться воротить попавших в неволю своих товарищей. Но Мазепа в январе 1695 года уговорил их уверениями, что царь скоро предпримет большой поход под Азов, а они, запорожцы, будут чинить промысел над неприятелем и получать много добычи. Вслед за тем прислана в Сечь такого же содержания царская грамота, а в апреле прибыл туда с царским жалованьем стольник, и запорожцы на своей раде дали обещание чинить над бусурманами воинский промысел по царскому указу.

Глава пятая

Первая осада Азова Петром. — Действия Шереметева и Мазепы на Днепре. — Покорение турецких приднепровских городков. — Гарнизон в Таванске. — Вести о намерении бусурман вторгнуться в Украину. — Приготовление к отпору. — Нашествие татар зимою 1695—1696, годов. — Разорение городков и селений — Отступление татар. — Смерть Петрика. — Приготовление ко второму азовскому походу. — Отправка козаков к Азову — Запорожский атаман Чалый. — Стоянки Шереметева и гетмана на Коломаке. — Взятие Азова. — Подвиги козаков под Азовом. — Царские милости. — Свидание Мазепы с царем в Острогожске. — Гибель запорожского атамана Чалого. — Бунт Киевского полка против своего полковника.

1695 год был знаменит в деятельности Козаков. В этот год совершался первый азовский поход царя Петра, поход неудачный по причине измены инженера Ян-сена, перешедшего к туркам: русские потеряли попусту время с весны до глубокой осени и потратили немало войска и денежной казны. Но эти потерн отчасти вознаградились успехами другого войска, которое в числе ста тысяч было отправлено на войну в иную сторону, под предводительством боярина Бориса Петровича Шереметева и гетмана Мазепы. Оно отправилось к низовьям Днепра с целью отвлечь неприятеля и воспрепятствовать крымским ордам помогать туркам в то время, когда последних теснили русские военные силы в Азове. Военачальники, сообразно предоставленным им от царя полномочиям, принялись осаждать турецкие укрепленные городки, построенные на Днепре. Первый из этих городков был Кизикермень (где ныне Берислав). В нем находился порядочный турецкий гарнизон и довольно большое число орудий, а вблизи него расположились, для вспомоществования гарнизону в случае нужды, татары под начальством салтанов Нуреддина и Ширин-бея. Русские явились в один из последних дней июля, в среду, и стали обозами на месте безопасном от неприятельских выстрелов. В четверг на заре гетман приказал своим охотным и городовым полкам двинуться к стенам пешими. Против Козаков вышли янычары, но тотчас были прогнаны в Кизикермень, а за янычарами козаки вскочили в сады и огороды кизикерменских обывателей. После этой первой попытки гетман подал совет насыпать шанцы и таким способом подходить ближе и ближе к городу. Утвердивши плетеные корзины с насыпанною землей, уставили пушки, разместили пеших Козаков с огнестрельным

[71] Польская денежная единица.

оружием. Ночью все работы были окончены и весь Кизикермень был обложен козацкими шанцами. Утром в пятницу с козацких шанцев началась пальба по Кизикерменю из пушек и ручного оружия и продолжалась в течение четырех суток, с пятницы до вторника. Кизикерменцы отвечали хотя не лениво, но без успеха. Чуть только янычары отворят окна в стенных амбразурах, как из козацких пушек летят туда ядра и не допускают противников вы-пускать свои снаряды. Большой страх осажденным задавали в то же время пускаемые гранаты. Много помогло тогда русскому делу плавное войско, состоявшее из двух козацких городовых полков, Киевского и Черниговского, и присоединившихся к ним на пути запорожцев. Перетягивая свои челны с большою трудностью по мелкому и высохшему протоку, оно не допускало татар Нуреддина и Ширин-бея подавать помощь теснимым в крепости. Но кизикерменские стены были сложены из чрезвычайно твердого камня, и гетман нашел, что нельзя обойтись без рытия подкопов. Начали вести подкоп под кизикерменские стены. Взрыв произвел повреждение в стенах, в которых, вдобавок, вспыхнул сберегавшийся там порох. Перед солнечным заходом осажденные дали знать, что сдаются. Вышел сам кизикерменский бей и писарь его «чемерис» (польский татарин) Шибан-Липка. Договорились о сдаче. Бывшие там турки были довольны, но татары не доверяли честности Козаков и, не успевши захватить с собою всего своего достояния, ушли в нижний город, сохранившийся лучше верхнего, которого стены сильно пострадали от взрыва. Гетман запретил до рассвета козакам ходить в город, но козаки его не послушались и, несмотря на то, что были очень утомлены, бросились в опустелый верхний город с тем, чтобы захватить себе все, что там найдут, и не допустить сделать того же другим своим товарищам. За козаками вслед бросились туда и некоторые ратные люди. В городе произошел пожар и, благодаря сухому времени, распространился с такою быстротой, что многие не только утратили все, что успели там захватить, но и сами едва улепетнули от огня. Запершиеся в нижнем городе татары, по требованию Козаков, стали выходить, и козаки многих из них ограбили, вопреки своему обещанию; другие же татары и турки с женами и детьми сами бросались со стен кизикерменских в запорожские лодки и были перевезены в качестве пленных на остров Таванск[72], уже тогда занятый козаками; на этом острове была другая турецкая крепость, называемая по-турецки Мустрит-Кермень, по-русски Таванск. Как только там увидали, что Кизикермень не устоял, тотчас сдались. Крепость эта была малолюдна и тесна; в ней помещалось не более 150 человек неприятельских сил. Было вблизи еще две крепости — Ислам-Кермень и Мубарек-Кермень. Эти маленькие крепостцы без боя сдались русским, покинутые бежавшими из них бусурманами.

Удерживать Кизикермень военачальники признали невозможным. Нужно было починить стены и орудия, а для этого были необходимы мастеровые: их недоставало. Решились сбить кизикерменские стены до основания и поставить гарнизон единственно в небольшом укреплении, находившемся на Гаванском острове. Шереметев и гетман назначили там быть гарнизону из великороссиян и малороссийских охотных Козаков под начальством Ясликовского. Сами военачальники собрались в Украину.

Как только они отступили, как запорожцы вошли самовольно в Таванск, забрали бывших там пленных и орудия, подуванили[73] между собою добычу, стали теснить поставленных там в гарнизоне великороссиян и малороссиян, не давая им ни в чем воли, принудили, наконец, их выйти из города и копать себе другой вал, а Таванск объявили собственностью Запорожской Сечи. Но самим запорожцам, вступившим в, Таванск в числе шестисот, стало тесно в укреплении, имевшем всего 140 сажен в окружности, да и обороняться в нем от неприятеля было трудно, потому что вал был высыпан из песку и притом стоял на низком месте. Запорожцы увезли оттуда лучшие пушки в Сечу. оставили на прежнем месте плохие, а потом, вытолкавши малороссиян и великороссиян, и сами стали расходиться на промысловую добычу.

Гетман, достигши рубежей гетманского регимента, распустил бывшее с ним городовое

---

[72] На Днепре близ нынешнего гор. Берислава.

[73] Разделили.

козачество, так как приближалось время уборки хлеба, а охотные козацкие полки отправил на сторожу к вершине Самары стеречь крымцев, если бы те захотели идти на выручку Азову; сам же 30 августа прибыл в свой Батурин со стрелецким полком Анненкова, постоянно состоявшим при гетманской особе. Вскоре гетман от воротившегося из-под Азова своего посланца узнал, что царь с войском уже отступил в свое государство и нечего было опасаться выручки со стороны крымцев осажденным в Азове туркам; оставалось беречь недавно покоренные городки. Поэтому гетман вызвал с вершины Самары охотных Козаков и послал 500 гадячан и лубенцев на придачу к охотным козакам, оставленным в Таванске, и запорожцам предоставлял во владение и бережение другие городки — Ислам-Кермень и Мубарек-Кермень. Но оказалось, что первый был сожжен турками, а в последнем сами запорожцы сокрушили все башни и стены. Присланные в Таванск козаки вместе с оставленными там прежде охотными козаками по причине крайней тесноты работали за гаванскими стенами другой вал со рвом; к декабрю месяцу эти укрепления были готовы, но, за неимением леса, нельзя было строить в Таванске деревянных хат, и козаки помещались в плетеных куренях, лежа на голой земле и терпя «от зимних досад», хотя уже тогда в средине Таванска были постройки и поставлена была деревянная церковь.

Сделавши распоряжения о содержании Таванска, гетман отправил часть пленных, взятых при покорении турецких приднепровских городков, в Сумы для рассылки их в Великороссию на работы. Другие оставались в Украине и в апреле следующего года были отправлены, в числе 360 человек, на работы в Воронеж.

В ноябре 1695 года гетман и старшины получили от царя обычные награждения за летний поход. Но тогда же стали приходить угрожающие вести о новых замыслах врагов: их сообщали гетману выходцы из турецких владений и письма, получаемые из Молдавии. Мазепа издал универсал о том, чтобы жители свозили в города хлеб, сено и всякие свои пожитки, и приказал полковникам гадяцкому, миргородскому и полтавскому быть наготове к отпору неприятельского вторжения, а полковникам лубенскому и охотного полка Новицкому стеречь днепровские переправы. В январе 1696 года приходили к гетману одно за другим известия о вторжении татарской орды в пределы Гетманщины. Татары брали яссыр по берегам Орели, сожгли Китай-городок с шестью церквами, дворами и гумнами, но не взяли замка, куда спрятались успевшие уйти от плена. 16 января сожгли татары Китенку с тремя церквами и с дворами, также не взяв замка, 18 января подступили к Келеберде, а оттуда пошли к Голтве навстречу собранным против них казацким полкам. Но выставленные там полковники отступили, найдя, что у них остается мало силы за самовольным уходом многих козаков. Татары пошли вдоль берега реки Голтвы, пожгли хутора около Решетиловки, повернули к реке Пслу, сожгли села и хутора около городков Остапа, Белоцерковки и Богачки, направились к Гадячу. Везде по пути они расходились в стороны чамбулами, или загонами, и ловили яссыр.

Гетман выступил из Батурина, двинулся в Прилуки, сам еще не решаясь, куда ему прежде идти: он опасался, что на полки Киевский, Переяславский и Нежинский нападет из-за Днепра белогородская орда[74], и потому не тревожил козачества этих полков с мест своих. Вскоре он получил известие, что действительно белогородская орда в числе 30000 человек, как показывали языки, переправилась через реку Буг и идет — только не на упомянутые выше полки, а на Кременчуг, для соединения с ордою крымской. С белогородскою ордою шел Петрик. С ним белогородские татары осадили порубежные городки гетманского регимента Поток и Омельник[75]. Петрик послал жителям этих городков универсал, вероятно, посланный тогда и в иные места. Вот что говорилось в этом универсале:

«Вам, старшинам, козакам и всем посполитым людям желаю доброго здоровья. Калга-салтан с ордами крымскими, белогородскими, черкесскими, ногайскими, калмыцкими, пришедши в вашу сторону, требует, чтоб вы с ним учинили примирие и потом жили бы себе

---

[74] Ногайцы, кочевавшие в XVI—XVIII вв. в степях Буджака (ныне юг Одесской обл.), другое название Буджакская, Добруджская орда.

[75] Ныне местечки на р. Псле Кременчугского уезда.

спокойно но своему давнему обычаю, а если того не учините, то станет он пас разорять огнем и мечем за то, что вы дерзнули вместе с московскими военными силами воевать на кизикерменские города. Однако, жалея вас и всего вашего края, приказал он мне написать к вам: что хотите, то и выбирайте себе: смерть или жизнь, разорение страны или спокойное пребывание в целости! Выходите для переговоров со мною, — волоса не спадет с вашей головы; если же так не поступите, то сим не ведаете, что вас ожидает! В чем будет ваша воля, давайте мне знать сегодня же. Ваш желательный приятель Петр».

Вся сила, которою мог угрожать Петрик, состояла исключительно из татар; малороссиян при нем было теперь только 15 человек. Гетману Мазепе достался в руки Петриков универсал, и против этого универсала Мазепа разослал свой универсал, в котором предлагал тысячу рублей награждения за истребление Петрика. Сам гетман из Прилук двинулся к Лохвице, но тут пришлось ему трудно: вдруг стало таять, приходилось менять сани на телеги, в которых, по причине дурного пути, беспрестанно ломались колеса. Не обошлось тогда, по собственному выражению гетмана, «без большой докуки обывателям». Шереметев из Ахтырки звал гетмана с его войском к нему на соединение, но татарские силы близ Гадяча загораживали ему путь; была опасность, что татары пойдут на Батурин, и гетман уже послал батуринскому сотнику приказание снять на подворке около замка деревянные постройки и сгонять жителей в замок, К счастию, вслед за тем пришла к гетману весть, что две орды, соединившиеся было вместе, крымская и белогородская, снова разбились на две половины: крымская направилась к Полтаве, белогородская разоряла Поднепровье. Гетман отрядил к Полтаве прилуцкого полковника Димитрия Горленка и приказал пристать к нему полковникам:гадяцкому, миргородскому и полтавскому с их полчанами, а лубенского полковника Свечку и охотного полка Новицкого отрядил против белогородской орды, приказавши им действовать взаимно, при надобности, с полковниками киевским, переяславским, и с Палеем. «Чаю, — писал он, — белогородские татары не захотят ворочаться восвояси и станут ловить яссыр; тут-то и можно будет побить их». Сам гетман с остальным своим войском попытался идти к востоку на соединение с Шереметевым, дошел до местечка Рашевки на берегу реки Псла и здесь услыхал, что 1 февраля.татары все ушли без оглядки: белогородские — за Днепр, крымские — в свои дикие степи. Схваченные в плен татары показали, что они бежали оттого, что вдруг стало таять; страшно им стало весенней распутицы; на Днепре и на Псле под ними лед проламывался и много их потонуло.

Охотный полковник Пашковский гонялся за ними в лесу за Ворсклою, взял немало пленных, и те говорили, что Калга-салтан пытался удерживать своих крымцев, чтобы разорять Слободскую Украину, но чернь татарская самовольно бежала, Калга приказывал непослушным резать носы и уши, — ничто не помогало, и Калга сам, вслед за своевольными, поворотил в дикие степи. Гетман, узнавши, что врагов более нет в области его регимента, приказал распустить городовых Козаков в свои полки, а охотных в их становища.

Тогда постиг конец и Петрика. Пытался он обольстить малороссиян на все лады: распускал слух, будто гетман с ним тайно в соумышлении, сочинял даже, будто сам он побочный, сын Мазепы. Никакие хитрости и вымыслы не умножили числа его соумышленников, нигде не расположили малороссиян признавать его за гетмана и освободителя от Москвы. Нашелся, напротив, охотник воспользоваться тысячью рублей, обещанною гетманом за голову возмутителя. То был некто Яким Вечирка, или Вечирченко: служил он прежде в полку у Палея, на правой стороне Днепра, потом перешел на левую сторону и находился в одном из отрядов, гонявшихся за бежавшими татарами. Под Кишенкою напал он на Петрика и проколол его копьем. Но награды от гетмана ему не пришлось получить: вслед затем татары схватили Вечирку и умертвили мучительным образом, как показывали раны на трупе его, найденном кишенцами вместе с трупом Петрика. Кишенцы повесили последний на крюке, а Вечирку похоронили с честью.

Итак, гетман Мазепа на другой раз, не вступая сам в битвы с татарами, освободил Гетманщину от их вторжения, и это дело, действительно немаловажное по своим последствиям, казалось в Москве еще более прежнего важным подвигом. Государь прислал Мазепе похвальную грамоту, а Мазепа, пользуясь этим, через присланного к нему царского посла, дьяка Виниуса, выпросил у царя себе местечко Ямполь, недалеко от Севска, с тем чтобы в

случае его смерти его вдове и племяннице был бы приют с их пожитками.

Прогнанием татар из Украины не окончились военные действия против бусурман; напротив, они только что начинались в более важном размере. У царя Петра созрело твердое намерение завоевать у турок Азов и создать русское мореплавание на Азовском и Черном морях. Малороссийский гетман прилагал соответственное старание к ведению этого предприятия, чрезвычайно важного и смелого по своему времени. Мазепа подавал совет послать для охранения Таванска великороссийских ратных людей, а запорожцев отправить в чайках[76] на море для разрыва неприятельских сил, которые, конечно, будут отправлены турками в судах на выручку Азова. Для этого, по его соображениям, необходимо было прислать 1000 рублей на сооружение запорожской флотилии из чаек и две тысячи четей[77] хлебных запасов на 2000 человек запорожцев, которые отправятся в море на три месяца; следовало, кроме того, устроить флотилию для плавного похода войск по Днепру. Суда для этого гетман находил удобным делать в Брянске и оттуда Десною спустить в Днепр. Правительство отправило гетману требуемую сумму на постройку запорожских чаек, а относительно плавного похода заметило, что если суда в Брянске не поспеют, то гетман тогда должен сам найти еще иные способы приготовления судов к плавному походу вместе с Шереметевым. Вслед за тем царский посол Бухвостов привез гетману указ отправить 15000 конницы и 5000 пехоты казацкого войска под Азов, давши им на пять месяцев запасов. Гетман отвечал, что хотя он готов и сам лично вести козацкий отряд под Азов, но должен доложить, что в малороссийском крае едва ли наберется такое число Козаков с лошадьми, какое требуется; большая часть козачества, за недостатком лошадей, может вступить в бой пешими, и разве только у начальных лиц и у значных товарищей будут свои боевые кони. Он может набрать всего, и конных и пеших, тысяч пятнадцать для отправления под Азов. Он считает возможным взять запасов только на три месяца: их придется везти гужом, а водяного пути нет. На это представление 2 апреля 1696 года дан был ответ, что дозволяется взять козакам, снаряжаемым под Азов, запасов на три месяца, но с тем, что на остальные два месяца запасы будут доставлены водою по Северному Донцу, который становится судоходным начиная от Белгорода. Кроме того, указано было купить в Слободской Украине 500 волов и 1500 баранов и, по распоряжению Шереметева, отправить на Дон.

24 апреля отправил гетман требуемый царем под Азов козацкий отряд в числе 15 000 человек под наказным гетманством Якова Лизогуба, черниговского полковника, бывшего когда-то наказным гетманом Дорошенка на правой стороне Днепра. С ним пошли два городовых полка — Гадяцкий и Лубенский, два полка охотных — один конный, другой пеший, и один компанейский. Путь их лежал на Ахтырку и Валуйки. За ними вслед велел гетман везти запасы на телегах на три месяца и сверх того каждому козаку приказано взять с собою денег для покупки себе продовольствия еще на один месяц. Гетман в своем донесении в приказ заметил, что доставить запасы на два месяца до Северного Донца для дальнейшей сплавки по воде очень затруднительно: люди посполитые обнищали от неприятельских разорении, от кормления охотных войск, от запорожских проездов и не могут снарядить достаточного числа подвод; многие ушли уже в слободские полки для переселения. До сих пор посполитые возили подводы с запасами только охотным козакам, компанейцам и сердюкам, а городовые козаки всегда возили себе запасы сами на своих лошадях; теперь же из городовых многие так обеднели, что, отправившись в поход, не оставили при своих семьях никакой челяди, которая бы могла везти их запас; некоторые едва могли взять с собой для прокормления что-нибудь на дорогу и сами выступали в поход на единственном коне, на котором дома работали.

25 апреля последовал царский указ Шереметеву, по совету с гетманом, идти плавным походом под Очаков или в другое место с 2500 ратных в больших стругах, изготовленных в Брянске и спущенных через Десну в Днепр; сверх того гетман должен был распорядиться о постройке судов в городах гетманского регимента и приказал гнать их Днепром до

---

[76] Легких речных судах.

[77] Четвертей.

Переволочны или до устья Орели.

В Запорожской Сече, еще не дождавшись от гетмана денег, присланных царем на постройку запорожских судов, в апреле снарядился и отправился в море на чайках атаман Чалый с 500 сечевиков. Тогда кошевой Гусак домогался, чтобы гетман выдал ему присланные царем для постройки чаек деньги, извещая, что, кроме ушедших уже в море с Чалым, собираются еще охотники туда же, но отправить их из Сечи не на чем. Гетман отвечал, что не даст ни денег, ни запасов, пока не убедится в действительной охоте запорожцев идти на царскую службу.

Но запорожцы скоро доказали, что в данное время на них можно положиться. Атаман Чалый, пустившись в Черное море со своею ватагою, напал на девять турецких судов, шедших в Очаков с запасом: многих турок потопили, а несколько десятков их взяли в полон и привезли в Сечь. Узнавши об этом, гетман сообразил, что в самом деле запорожцы могут быть очень полезны, отвлекая подвоз водою продовольствия неприятелю; он послал в Сечь деньги на постройку и починку судов и приказал везти в Запорожье на 200 подводах хлебные запасы, но приказывал запорожцам отнюдь не медлить и выступать на Лиман, а к ним в пособие назначил киевского полковника Мокиевского с его полком.

Мокиевский из Сечи выступил разом с ватагою запорожцев в числе 1740 человек, под начальством атамана Якова Мороза, в челнах или чайках на Лиман 30 июня.

Отправивши Мокиевского в Сечь, гетман сам собрался идти в поход на соединение с Шереметевым. Для безопасности на случай вторжения белогородской орды гетман расположил разъезды по днепровскому побережью из сотен полков Переяславского, Лубенского и части Черниговского, приказывая этим козакам по мере надобности плавать в челнах и по Днепру для высмотра неприятелей. Защита Батурина вверена была великороссийским стрельцам, состоявшим при гетмане.

Июня 10 гетман прибыл в Гадяч с немногочисленным войском. Там из разных вестей узнал он, что сам хан стоит на реке Колончаке[78]; его орды расставлены по берегу Сиваша, охраняя Крым от вторжения русских; Нуреддин-салтан с 10000 татар пошел к Азову, а турецкие каторги[79] плыли по морю тремя флотилиями к Азову и к Очакову. Гетмана беспокоило то, что в Таванске находилось войска всего 1036 человек.

6 июля гетман соединился с Шереметевым на реке Коломаке; оттуда оба с своими войсками перешли к речке Берестовой и расположились там обозами. Здесь, оберегая рубежи русских поселений, простояли они до последних чисел августа, когда их вынудили сойти оттуда малороссийские козаки, которые стали роптать и самовольно разбегаться домой, оправдывая своевольство тем, что подходило осеннее время и надобно было каждому у себя делать хозяйственные приготовления к зиме.

В течение того времени, когда гетман с Шереметевым стояли у Берестовой, совершилось достопамятное событие в русской истории: 17 июля взят был Азов — первое завоевание Петра Великого. Этот город, вместе с своею каменной стеной, был еще обведен земляным валом, а снаружи за ним прорыт был ров. За этим рвом в поле русские стали насыпать вал, стараясь сделать его выше неприятельского вала, оберегавшего город. Царь с новопостроенными своими судами стал на устье Дона, чтобы не пропускать турецких сил, плывших на каторгах на выручку Азова. Малороссийское войско и донские козаки поставлены были за Азовом по направлению к морю и к полю, откуда ожидались к туркам вспомогательные силы. Кубанские татары попытались было взять на своих лошадей турок, успевших с своих каторг ступить на берег, козаки им помешали. Это была первая услуга Козаков царскому делу. Потом турки, находившиеся в Азове, ночью, через посредство орды, расположенной в поле, хотели сообщать о себе сведения туркам, прибывавшим на судах. И до этого козаки не допустили. Тогда бусурманы, видя, что козаки сильно им мешают, решились разом с двух сторон ударить на них: турки — из Азова, а татары — с ноля. Дело было 17 июля. Козаки, отбивши напор татар, не

---

[78] Речка в Таврической губернии.

[79] От греческого katergon — галера.

дожидаясь царского «ординанса», бросились на вал азовской твердыни. Было полдневное время. Козаки лезли на вал с ружьями и копьями, стреляли и кололи врагов, вступали с ними в рукопашный бой, наконец напали на одну башню, или раскат, и зацепили судовыми канатами за сваи, на которых укреплены были цепи, державшие орудия. Турки были сбиты с вала; козаки бросились за ними вслед и погнали их до каменных стен города, расположенных внутри земляного вала. Турки, за недостатком свинца, стреляли в них чем попало, даже монетами, и бросали в них зажженные мешки, внутри наполненные порохом. Не подоспели к козакам свежие силы, чтобы начать приступ «каменного города». Козаки вернулись на вал, но уже не сходили с вала назад. Турки стали копать внутри около вала ров, чтобы не допускать Козаков снова отважиться на «каменный город». Наступила ночь. Козаки, успевшие в предшествовавший день подкопать и расшатать утвержденные на раскате сваи, сорвали четыре пушки, а на другой день с рассветом готовились опять броситься в бой с вершины вала на врагов, засевших во рву и сновавших как летучие мыши вокруг белых стен «каменного города». Но к ним был прислан царский приказ не трогаться с места, пока не последует сигнала ко всеобщему приступу. Козаки роптали, сердились. «Как нам не идти на приступ, — кричали они, — мы здесь стоим без дела две недели, от голода многие из нас тают, принуждены милостыни просить!»

18 июля замышлялся всеобщий приступ, но не состоялся. Осажденные замахали шапками, склонили знамена, затем в русский стан приехал сам азовский бей Гассан-Араслан, предложил принять город со всеми боевыми принадлежностями, и просил только выпустить осажденных с их семействами и пожитками. Царь согласился, но потребовал выдачи изменника Янсена. виновника неудачи прошлогоднего азовского похода. Турки уступили этому требованию только после долгих усилии отклонить такое условие, потому что Янсен изъявил желание принять мусульманскую веру. «Отсеките лучше мне голову сами, а не выдавайте Москве», — кричал бедный изменник, но турки связали его и выдали на поругание и на бесчеловечные мучения: зато, в отместку за выданного ренегата, турки замучили тогда же двадцать христианских пленников. На другой день турки в числе 3000 были отпущены на свои суда, а город Азов, сильно пострадавший во время осады, был занят русскими. По известиям малороссийских летописцев, подтверждаемых современными актами, государь признавал честь победы за козаками и приказал угостить старшин столом, за которым изобильно лились хорошие вины и меды, а простых Козаков угощали горелкою, медом и пивом, и кормили хлебом, ветчиною, мясом и рыбою. По окончании столацарь приказал всех обдарить: старшины получили по 15 червонцев, рядовые козаки — по 1 рублю. В числе Козаков при взятии Азова было 600 запорожцев, и они получили по одному рублю и по сукну на человека. Довольный успехом, царь тотчас отправил похвальную грамоту гетману Мазепе за удачную присылку коза-ков и за хороший выбор начальников, особенно за назначение наказным гетманом черниговского полковника Лизогуба, которого царь в своей грамоте назвал «мужем добродетельным и в воинских делах искусным». При отпуске, июля 30, Лизогуб был щедро одарен, а козаки его отряда получили такое изобилие продовольствия на дорогу, что могли еще продавать часть того, что им было дано.

Царь потребовал Мазепу лично к себе. Гетман пустился наскоро в дорогу, намереваясь пересечь царю возвратный путь из Азова в столицу. Мазепа встретил царя Петра и представился ему в слободском полковом городе Острогожске, иначе Рыбном. Там он поднес царю богатую турецкую саблю, оправленную золотом и дорогими каменьями, и щит на золотой цепи, украшенный алмазами, яхонтами и рубинами. Царь принял гетмана чрезвычайно милостиво и любезно, сам был у него в гостях и обедал, провел с ним в беседе целый день и отпустил с уверениями в своей неизменной милости. При отпуске Мазепа получил в дар 12 кусков бархата, объяри[80], атласу, 5 косяков камки[81], соболей парами на 525 рублей и соболиный мех в 300 рублей. Это было второе свидание гетмана Мазепы с царем Петром, и в

[80] Волнистой накатной ткани.

[81] Шелковой китайской ткани.

этот раз Мазепа, оставивший на царя и в прежнее свидание приятное впечатление, еще более расположил к себе государя. С этих пор мы видим, что Мазепа до самого злосчастного конца своего гетманства почти каждый год езжал в Москву, обыкновенно при начале года и чаще всего случалось ему бывать там тогда, когда и Петр, проводивший всю жизнь в метаниях по своей широкой державе и по соседним краям, наведывался в свою родную столицу. Так утверждались между царем и гетманом такие отношения, что Мазепа стал пользоваться не только уважением, но любовью и полным доверием к себе царя Петра.

Возвращаясь из Острогожска домой через Белгород, Мазепа виделся там снова с Шереметевым и узнал, что хана более опасаться нечего: он ушел с Колончака.

В этот достопамятный год не везде козаки были так счастливы, как Лизогуб с своим отрядом под Азовом. Когда Мазепа разом с боярином Шереметевым стоял табором на речке Берестовой, послан был в степь отряд полтавских полчан и охотных Козаков под начальством санжаровского сотника Максима Плечника для устроения караулов на Муравском шляху, шедшем к Азову от вершины реки Конки через реку Коратым. Плечник одержал победу над татарским загоном, но, увлекшись за ним в погоню, наткнулся на другой загон, гораздо многочисленнейший. Схватка произошла на голой степи; не к чему было прислониться, и Плечник был взят в плен с 140 козаками. Один только из них, развязавшись у татар, убежал, пролежал сутки в болоте и потом, пустившись снова в путь, благополучно добрался до украинских берегов Днепра. Еще большее несчастье постигло запорожского богатыря атамана Чалого. После своего раннего подвига над десятью турецкими судами Чалый воротился в Сечь, а в июне пустился снова в Черное море вместе с Яковом Морозом, избранным в то время кошевым атаманом. Выплывши на море, Чалый с своею ватагою в 340 человек отлучился от Мороза и направился к крымскому городу Козлову (ныне Евпатория, по-татарски Хазлев). Не доходя 5 верст до этого города, ватага высадилась на берег. Запорожцы разорили два татарских села, взяли в полон 62 человека, сели в свои челны и поплыли назад. Не доходя Очакова, встретили их турки, плывшие на каторгах, в фуркатах[82] и мелких судах. Козаки пристали к «острову козацкому», окопались там и два дня отбивались удачно; ночью благополучно сели в свои челны, пришли к Стрелице и к «сагайдачным кучугурам», там вышли на берег и пошли пешком в ольховый лес, как вдруг напал на них хан с ордою и вдобавок вышли против них из Очакова турки. По известию одного из вернувшихся впоследствии коза-ков, Данила Татарчука, они защищались целый день 27 августа, а к вечеру того же числа, видя свое малолюдство и страдая от недостачи пресной воды, сдались. Перед сдачею Чалый сказал своим товарищам: «Ну, теперь мне живу не быть, — я убил двух турок!» Действительно, бусурманы его убили, а прочих пленников привели перед хана, и тот велел их засадить в Очакове, обещая выпустить в обмен за своих пленных.

Не совсем удачно действовал и отправленный гетманом киевский полковник Мокиевский. Отправивши часть своего отряда с Морозом в Черное море, сам с другою частью пошел он к Козьему Рогу, но его полчане, оставленные в Таванске, отрешили его от уряда и самовольно выбрали полковником своего полкового хоружего Сергея Солонину. Мокиевскии, узнавши об этом, не шел уже в Таванск, а удалился в Запорожскую Сечь, откуда дал знать гетману. Гетман отправил генерального хоружего Евфима Лизогуба восстановить прежнего полковника, произвести следствие и зачинщиков бунта доставить к нему, вместе с новоизбранным самовольно Сергеем Солониною, которого подозревал в участии в мятеже. Бунтовщики были подвергнуты наказаниям. Мазепа отнюдь не допускал козакам в своих полках без ведома гетмана отрешать и выбирать полковников, как хотели часто козаки по примеру Запорожской Сечи. В городовых полках гетман старался давать полковничьи места, чрезвычайно в то время выгодные, лицам, которым сам благоприятствовал и в верности к себе мог быть уверен, или же своим родственникам: так, киевский полковник Мокиевский приходился Мазепе близким родным по его матери, которая была из рода Мокиевских.

---

[82] Фрегатах — трехмачтовых парусниках.

Глава шестая

Исправление крепостей в низовьях Днепра. — Приготовления к новым военным действиям. — Донос стародубца Сусла. — Неудачный поход боярина князя Долгорукого и гетмана в низовья Днепра. — Оборона Таванска. — Попытки склонить Козаков к измене. — Отступление мусульман от Таванска. — Бесполезный поход гетмана и князя Долгорукого в 1698 году. — Неурожаи в Малороссии. — Побеги на правую сторону Днепра. — Переселение в Великороссию. — Гетманские имения в Рыльском уезде. — «Подсуседки». — Свидание гетмана с царем в Воронеже. — Съезд 1699 года в Гадяче. — Меры обороны края. — Мысль вести великую войну против турок. — Конгресс в Карловице. — Перемирие с турками на два года. — Мир Турции с императором и с польским королем. — Дьяк Украинцев в Константинополе. — Перемирие с Турциею на 30 лет.

После покорения Азова военная деятельность Козаков гетманского регимента сосредоточилась на Днепре. Еще когда гетман и Шереметев стояли на реке Берестовой, Неплюев осмотрел Таванск, нашел его, даже с приделанным земляным валом, очень тесным, распределил ратным людям работы по расширению вала, осмотрел кроме того Кизикермень и Шингирей и доносил, что удобнее всего исправить и укрепить Шингирей. И гетман Мазепа разделял этот проект и приказал вместе с ратными царскими людьми работать своим козакам, посланным в Таванск, над которыми начальником, вместо недавно умершего полковника Ясликовского, назначил сердюцкого полковника Чечела.

Надобно было ожидать новых неприятельских действий. Запорожцы, ободрившись недавними успехами, изъявляли желание снова пуститься в море и просили дать им досок, канатов и снастей на постройку сорока морских судов. Гетман сообщал царю, что сам он желает от себя построить для малороссиян 50 судов, и просил дать ему на то материал. Царю Петру нравилось такое предложение: указано было купить все нужное в приказе Большой казны и доставить в Малороссию, а из Запорожья прислать в Москву мастеров стругового дела. Гетман послал какого-то Василия Богуша с семью товарищами, с кормщиками и с передовщиками, но тут же заметил, что, кроме Запорожья, во всем малороссийском крае нет таких мастеров. Видно, что гетман старался угодить царю и сам вызывался с тем, что царю в то время нравилось, но в то же время он с осторожностью заранее отклонял от себя исполнение таких невозможных требований, каких мог ожидать от царя, зная его пылкую и предприимчивую натуру. По сказке присланных в Москву запорожских мастеров указано было для строения судов готовить лесные материалы в Брянске, а для отыскания годного к судостроению леса посланы были туда те же самые запорожские мастера. Гетману указывалось прислать туда для рубки леса рабочих и плотников. Дело это пошло не так скоро, как бы могло. Возникли недоразумения от воевод брянского и трубчевского, которые, по жалобам на них от гетмана, оправдывали себя тем, что не допускают рубить только бортных деревьев, с которых крестьяне платят в казну медовый оброк.

Между тем еще с декабря 1696 года к гетману стали приходить зловещие вести о новой грозе бусурманского вторжения, и 1 января 1697 года гетман созвал старшин и полковников на съезд. Обсуждались меры защиты края, и «по многих разговорах» решили, что жители сами себя должны оборонять, а всего войска раннею весною собирать не следует, пока не узнают наверное о готовности неприятелей к вторжению, потому что движения и подходы войска отзываются тягостями и разорениями на жителях. Гетман приказал всем полковникам готовить в своих полках суда, годные для морского и речного плавания, и хотя полковники отговаривались, что у них в полках нет дерева, пригодного для судостроения, но гетман подтвердил им, что они должны приложить все свое старание, чтобы угодить «царской богоподобной воле».

Раннею весною получены вести, что крымский хан собирается громить Таванск, и в апреле гетман, по царскому указу, уговорился с князем Яковом Федоровичем Долгоруким идти в плавной поход вниз по Днепру от Новобогородска и выступать тотчас, как только пригонятся к устью Самары суда, изготовляемые в Брянске и сплавляемые Десною в Днепр. 11 мая известил гетман приказ, что уже у его полковников сделано 70 стругов морских и 600 лодок, а

23 числа того же месяца доносил, что мастер Василий Богуш спровадил в Десну, а оттуда в Днепр к назначенной цели изготовленные в Брянске суда, из которых 50 назначалось для городовых Козаков и 40 для запорожцев. Затем думный дворянин Неплюев, назначенный быть в «сходных товарищах» Якову Федоровичу Долгорукому, доставил из Брянска еще 121 струг, и 25 мая последовал царский указ о плавном походе. Его целью было овладение Очаковом и защита Таванска и новоотстроенного Шингирея.

Тем временем татары стали врываться в слободские полки, и хотя в первой половине мая чугуевский воевода и харьковский козацкий полковник разбили их загон, но вслед за тем явилась другая многочисленная орда тысяч в двадцать и, разделившись на чамбулы[83], наделала опустошений в слободах около Валок.

Гетман собирался в поход, а между тем его стали опять беспокоить прежнего рода внутренние враги. Стародубец Сусла подал киевскому губернатору донос на гетмана Мазепу в таком же духе, в каком подавались на него и прежде доносы. Мазепа — не русский человек, а поляк, расположен больше к Польше, чем к России, сносится с панами и с королем о том, как бы Украину подвернуть снова под власть Польши; держит у себя в приближении охотных Козаков, компанейцев и сердюков[84], где все наголо одни поляки служат; городовые козаки не терпят ни его, ни своих полковников и сотников, которые, за покровительством гетмана, разобрали себе козацкие земли и самих Козаков обращают себе в подданство; во время последнего похода гетман не мог собрать вокруг себя всех полков, потому что у Козаков было намерение побить гетмана и старшин, а против киевского полковника Мокиевского взбунтовались его полчане оттого, что их полковник, родом поляк, делает над ними насилия. Донос этот послан был в Москву, а государь приказал препроводить его к гетману. Мазепа чрез посланного нарочно по этому поводу канцеляриста Чуйкевича объяснял, что в доносе все ложь, у гетмана нет родни «лядской» веры, из начальных людей все веры православной и между охотными козаками нет ни одного поляка. И то ложь, будто обращают Козаков в подданство; не было в том ни одной жалобы, а если бы такие возникли, то на то есть войсковой суд. Иные козаки, обнищавши, сами желают поступить в мужики, но этого им не дозволяется, как равно из мужиков не вписывают в козаки, согласно царскому указу. Гетман в последнюю войну не мог стоять долго со всеми полками не потому, что опасался бунта, а потому, что войско было раскинуто по разным местам, опасаясь неприятеля с разных сторон. Киевский полковник совсем не лях, а чистый русин: дед его при Хмельницком положил голову под Чортковым, а отец — на Дрижипольской битве под Ахматовом, и бунт против киевского полковника произошел оттого, что козаки недовольны были, зачем их ведут на море. Главные зачинщики этого бунта убежали, а прочих наказали и отпустили. Так оправдывал себя Мазепа против нового доносчика.

Желая подделаться к правительству, Сусла, будучи уже в Москве, в добавление к своему извету на гетмана указывал, что в Малороссии с торговых людей берут слишком мало пошлины, а можно было бы собирать побольше. Гетман по этому поводу объяснил, что с торговых людей собираются пошлины так, как делалось при Богдане Хмельницком и других гетманах, и сбор не увеличивается ради того, чтобы не отогнать торговцев.

Суслу арестовали в Москве. И прежде, как мы видели, не доверяли таким доносам; теперь же, когда царь Петр был особенно доволен гетманом, его положение в виду всяких доносов становилось еще крепче. К гетману послали похвальную грамоту и подарки, состоявшие в соболях, ценою на 1000 рублей, в кусках материи — атласа, бархата, байберека, и в разных столовых припасах (ренское вино, лимоны, рыбы и проч.). Разом посланы подарки старшинам и полковникам, состоявшие в объярах, атласах, камках и соболях. Гетман, изъявляя благодарность за внимание, сделал такое замечание царскому послу: «Иду на царскую службу не с веселым, а с унылым лицом, оттого что про меня выдумывают худые речи, будто я лях: у меня и дед и отец родились в Украине и служили великим государям, и я царскому пресветлому

---

[83] Отряды (татар.)

[84] Казаков наемных пехотных полков, гетманскую гвардию.

величеству служу верою и правдою!» Жалкого Суслу препроводили к гетману, который подверг его истязаниям, потом, продержав некоторое время в тюрьме, отправил на место его жительства в Киев.

Не ранее как в половине июня 1697 года гетман, расставивши сотни разных полков вдоль по днепровскому побережью, начиная от Киева вплоть до Переволочны, сам отправился к Ворскле и, перешедши ее, соединился на Коломаке с князем Як. Фед. Долгоруким. Июля 6-го гетман прибыл в Кодак[85] и там узнал, что турки плывут по морю к устью Днепра: эту весть принесли в Запорожье бывшие у турок невольники, которые, плывя на каторгах из Козлова в Царьград, изрубили турок, овладели каторгой, пристали к берегу и пешком явились в Сечу. Переправа войск через пороги продолжалась несколько дней. Немало судов разбилось, немало погибло людей с запасами и оружием. Гетман 13 июля прибыл к урочищу Кичкасу, где кончались пороги, и там дожидался плывших сзади него судов до 19 числа этого месяца. Тогда прибежал к гетману гонец из Таванска с известием, что бусурманы, занявши Ислам-Кермень, начали палить из него по Шингирею. Гетман отправил вперед себя на судах черниговского полковника Якова Лизогуба с 3200 сборных Козаков, а князь Я. Ф. Долгорукий — Неплюева с отрядом царской рати. Сами военачальники последовали за ними, и у Каменного Затона встретил их кошевой Яковенко. Боярин дал ему семь стругов и по талеру, а гетман по золотому, на 4000 запорожцев, и оба приказали собрать сечевиков и плыть в низовья на войну. За ними вслед поплыли и военачальники, оставивши у острова Томаковки весь тяжелый обоз и орудия и приказавши войску взять с собою только самые необходимые запасы.

Гетман, сидя на одном судне с боярином князем Долгоруким, плыл вниз, а за ними следовала тем же путем великорусская и малорусская ратная сила. 26 июля они пристали к берегу у опустелого городка Кизикерменя: там уже их дожидался поплывший вперед кошевой Яковенко с запорожцами. Он известил военачальников, что татар уже нет: опасаясь, что русские идут против них в многолюдстве, они ушли из Ислам-Керменя.

Русские занялись поправкою судов, которые, будучи сработаны наскоро, из сырого дерева, стали течь, а между тем военачальники сообразили, что гораздо лучше поместить гарнизон в Таванске, вместо Шингирея, Потому что Шингирей стоял на две версты выше Таванска и не мог служить защитою последнему. Поручили по плану инженеров строить укрепления в Таванске, стены Шингирея решили взорвать и сохранить Кизикермень, который был расположен на берегу прямо против Таванска и мог быть небесполезен для русских во время неприятельского нашествия; туда положили высылать из Таванска людей попеременно.

Когда занялись возведением укреплений на Гаванском острове, неприятелей нигде не было видно, а 29 июля они вдруг начали по являться с крымской стороны по направлению к реке Конской Воде, сначала небольшими кучками; на другой день они становились все гуще и, наконец, 31 июля явился сам хан крымский с ордой и турецкие паши с янычарами и пушками. Они прежде всего напали на Шингирей, из которого еще не были выведены великороссияне. Военачальники отправили к ним подмогу: великороссияне вошли в Шингирей, а малороссияне окопались шанцами на берегу Конской Воды и отстреливались от неприятеля. Так прошло до 2 августа. В этот день утром крымская орда ударила на Таванскую крепость, а с кизикерменской стороны появилась внезапно другая орда — белогородская. С этой поры с двух сторон, с крымской (левой Днепра) и с противоположной — кизикерменской, происходили беспрестанные нападения на Таванскую крепость. Русские отбивались, но продолжали в то же время постройку укреплений на Гаванском острове. Тогда между козаками поднялся ропот. «При прежних гетманах, — кричали они, — мы знали одно воинское дело, а теперь, при каждогодных походах, нас заставляют рвы копать, шанцы насыпать, возить и таскать известь и глину. Дело это не козацкое!» Но гетман, исполняя царский указ, определил для крепостной строительной работы быть всегда полуторе тысяч Козаков и часто посылал сменять одних другими, так что все войско разом и отбивалось от неприятеля и работало над постройкою крепости. Заменить Козаков мужиками, как им хотелось, нельзя было в ненаселенном крае. До 7 августа были насыпаны шанцы и выкопаны рвы. 10 августа русские узнали, что пришли

[85] Ныне село Екатеринославского уезда на р. Днепре близ Кодацкого порога.

новые турецкие суда с моря и вступили в Днепр, а с двух берегов увеличиваются татарские силы, и русские, казалось, могли быть скоро обняты со всех сторон неприятелями; бусурманы затевали перегородить им путь вверх по Днепру. 12 августа татары попытались склонить запорожцев к измене и подослали татарина убеждать их оставить москалей, которые думают взять всех Козаков в неволю; но запорожцы не поддались на обольщение и отвечали, что они с гетманом будут стоять за крест святой и за православного монарха. Верность запорожцев не спасла дела. В войске было мало хлебных запасов, потому что во время прохода судов через пороги невозможно было взять много на подводах сухим путем. Мало было и пороху, который взят был только на время плавного похода; наконец, и пушки были покинуты на Томаковке[86] близ Сечи. Надеялись найти в Таванске хлебные и боевые запасы, но их там оказалось немного. Невозможно, казалось, оставаться долго с голодным войском при опасности быть окруженными неприятелем, а перебежчики сообщали, что бусурманы, зная положение русских, нарочно хотят затянуть войну до осени, чтобы русских до конца заморить голодом; у них же самих запасов было довольно, и в случае нужды им легка была поставка из Крыма морем. Гетман с боярином, посоветовавшись, рассудили, что лучше будет уйти заранее для избежания опасности быть отрезанными от отечества и доведенными до голодной смерти. Они оставили в Таванске гарнизон из 5000 человек: одна часть его состояла из великорусских ратных людей, другая — из малороссийских Козаков. В Кизикермене боярин поместил 500 ратных людей, а гетман — черниговцев.

20 августа двинулись боярин и гетман с своими силами вверх по Днепру в обратный путь. Кошевой провожал их, плывя за ними позади с своими запорожцами и оберегая, чтобы неприятельские суда не погнались за ними. Много труда приняли русские в своем обратном плавании по причине противного ветра и оскудения хлебных запасов: приходилось им питаться овощами и плодами, какие могли встретить на берегу, дикими грушами, яблоками и терном. Только через шесть дней достигли они Томаковки. Гетман послал в Таванск на подмогу осажденных 760 лубенцев, а боярин — 300 ратных царских людей. 3 сентября добралось войско до берегов Орели, где считалась тогда граница Гетманщины. Войско малороссийское было сильно изнурено и истомлено 16-недельным трудным походом, и многие стали уходить. «Уже такое у городовых Козаков моего регименту худое обыкновение, — писал гетман, — как только региментарь ворочается из похода, так они, несмотря на запрещение от старшин и не дождавшись указа о роспуске, самовольно бегут в свои домы». Дошедши до Ворсклы, гетман отправил в Таванск 1500 полтавцев и 300 лубенцев под командою полтавского полкового судьи Буцкого и приказал, дошедши до Сечи, побросать лошадей, сесть в оставленные там суда и плыть до Таванска. 24 сентября съехался гетман с боярином Я. Ф. Долгоруким в Опошне[87] на Ворскле. Там состоялся военный совет и решено послать на выручку осажденных в Таванске войско тысяч в двадцать и даже более. С великороссийской стороны снаряжены были туда князь Лука Федорович Долгорукий и генерал Патрик Гордон, а гетман назначил туда наказным полтавского полковника Искру со всем Полтавским полком, из которого значительная частьбыла уже прежде отправлена; к полтавцам присоединено несколько сотен полков Нежинского, Гадяцкого и Лубенского да пехотный полк сердюков. Гетман по прежним образцам приказывал им сесть на суда в Сече и плыть по Днепру до Таванска, а тем, которые не могли поместиться в судах, идти берегом. Отправивши Искру, гетман 8 октября прибыл в Батурин.

По отходе гетмана и князя Долгорукого от Таванска бусурманские силы увеличились прибытием сераскира-паши[88] с десятью тысячами. Но и к осажденным прибыли на помощь ночью 4 сентября посланные боярином и гетманом люди; проводил их запорожский кошевой

---

[86] Остров на Днепре выше Никополя Екатеринославского уезда.

[87] Местечко Зеньковского уезда при р. Ташани у впадения в р. Ворсклу.

[88] Военачальника (татар.)

атаман, уже не Яковенко, которого сменили, а другой. Русские, частью плывя на челнах по протоку Космахе и частью идя пешим строем по берегу и отстреливаясь от турок и татар, добрались сначала до Кизикерменя, вошли туда, а на другой день в обеденную пору вступили в Таванск при восклицаниях и выстрелах в знак радости осажденного войска. С тех пор в продолжение двух недель «денно и нощно» неприятели беспокоили осажденных пальбою с берега и из 36 фуркатов, которые рекою Конскою вошли в Днепр и стали выше Таванска. Осажденные в Таванске сделали себе внутри города другой вал для защиты от пушечных выстрелов; за двумя валами сидевших нельзя было видеть неприятеля; многие турецкие гранаты и ядра переносило через город, а попадавшие в середину города падали в нарочно выкопанные ямы и там разрывались. Бусурманы сделали подкопы под четырьмя раскатами, или башнями, но прежде взрыва послали к кошевому, стоявшему на одном из раскатов с запорожцами, приглашение сдаться. Запорожцы убили посыльного. Тогда неприятели произвели взрыв, но повредили самим себе более, чем осажденным, потому что козаки успели перекопать подкоп.

После такой неудачи бусурманы обратились на Кизикермень. Какой-то перебежчик уверил их, будто там нет вовсе ратной силы. Но там, как мы сказали, оставлено было 500 ратных царских людей да еще несколько черниговцев, а назначенный тогда в Таванске воеводою Бухвостов успел заранее прислать к ним 1000 человек Нежинского полка, которыхприслал гетман по возвращении в Малороссию.

14 сентября бусурманы взорвали устроенный под Кизикермень подкоп и повредили переднюю стену; одни бросились на прорыв, другие стали приставлять к стене лестницы. Тех, которые бросались в прорыв, засыпало землею, а тех, которые стали всходить по лестницам, кизикерменцы побивали каменьями. После такой неудачи татары ушли к судам, а пойманный в плен турок показал с пытки, что султан дал им указ покинуть осаду, если не будут удаваться приступы, и они решились попытаться еще один раз: если же в этот раз не удастся, тогда уйдут. Пленник объявил, что на всех неприятельских судах будет войска 33 000, а невольников тысяч шесть.

После неудачи под Кизикерменем бусурманы сосредоточили свою деятельность над Гаванском, устроили вновь подкопы с раскатами и еще раз прежде взрыва попытались склонить к измене козаков, зная, что они москалей недолюбливают. В этот раз они уже для такой цели не посылали своих людей, чтобы запорожцы их не побили, а бросили в город, прикрепивши к стрелам, два письма — одно от татар, другое — от турок. Письмо от татар гласило так:

«Черкасам, атаманам, сотникам и всей козацкой черни многое поздравление. Мы с вами старые друзья. За что же вы против нас бьетесь? Зачем за Москву умираете? Ведь Москва с вами не очень добрые дела творит. Наш государь вас к себе приглашает. Не бойтесь ничего дурного. На той стороне, где стоят каторги, там увидите ханское желтое знамя. Пусть кто-нибудь из ваших приходит к этому знамени. Мы ханскому величеству донесем и все останется, даст Бог, по вашему желанию. Если же это слово не пригодно вам, — как себе знаете, а ваши грехи на ваших шеях. Я здесь такой человек, что меня послушают».

Другое письмо гласило так:

«От войска турецкого и от хана крымского слово старшинам и всему козацкому войску, находящемуся в городе. Наш падишах — старейший над всеми землями. Город, который вы заняли, — его город. Сдайте его нам добровольно, если хотите себе здоровья, а не сдадите, так мы его возьмем с помощью Бога и Мугамета, пророка его, и тогда вас мечом истребят наши рыцари. Одиножды и дважды вам говорим: сдайте город. Сегодня же отпишите нам ответ».

На эти письма дан был один ответ тем же способом: пущенною из города стрелою:

«Не верим вашим лживым пророкам, надеемся на Всемогущего Бога и на Пречистую Его Матерь, твердо уповаем, что вы не возьмете нашего города, пока не заржавели наши сабли и не ослабели руки, а хлебных и боевых запасов у нас много. Не устрашайте нас угрозами и не прельщайте обманами. Делайте что хотите, а мы не подумаем отдавать этого города в вашу область, но всякий час ожидаем к себе войск и готовы мужественно стоять, пока сил наших станет, за веру православную, за честь и за имя нашего государя. Надеемся при помощи Божией нанести вам великое поражение и будет вам вечный срам».

На другой день, 25 сентября, в седьмом часу утра, бусурманы зажгли приготовленные ими

подкопы под раскаты. Одни с неистовством бросились в пролом, другие полезли по лестницам на городовую стену. Приступ продолжался пять часов, а с турецких каторг и фуркатов посылался в крепость сильный огонь. Ничто не помогло бусурманам. Они были отбиты; осажденные стали исправлять разрушенные места.

После того еще несколько дней бусурманы продолжали повышать свои шанцы, приближаясь теснее к городу, и устроили новый подкоп под раскат, уже прежде поврежденный. Осажденные с своей стороны повышали свой внутренний вал, 1 октября бусурманы зажгли свой подкоп, но он не произвел никакого вреда осажденным.

Готовились бусурманы снова идти на приступ; между тем расставленная на берегу Днепра татарская сторожа принесла известие, что к Таванску на выручку идут свежие русские силы. Это известие произвело такой переполох, что ночью с 9 на 10 октября бусурманы собрались отступать. Суда, поставленные выше Таванска, примкнули к тем, которые стояли ниже, а затем турки и бывшие с ними татары перебрались с кизикерменской стороны на крымскую и разошлись: турки на своих судах — к устью лимана, а татары степью — в Крым.

Из русских сил, шедших на выручку Таванска, скорее других дошел полтавский полковник с своим отрядом и не увидал уже там неприятелей. Вернувшись обратно, он доложил гетману, что хотя Таванск остался невзятым, но приведен в крайнее разрушение. Проломы в стенах, происшедшие от взрывов, так широки, что в них можно въезжать на лошадях; пушкиу турок были такой величины, что козаки подобных и не видывали, а бомбы, пущенные в город, весили от трех до пяти пудов каждая. Всех убитых и раненых в Таванске и Кизикермене было 205 человек, а бусурманы, по тому же докладу полтавского полковника, потеряли около семи тысяч.

Поход под Таванск гетмана и князя Долгорукого никак не может быть признан славным подвигом. Правительство, однако, не поставило гетману на вид неудачи этого похода, особенно когда она была исправлена последующею высылкою войск, заставивших бусурман отступить, чем достигалась главная цель похода. Гетман, старшины и полковники получили в награду подарки, состоявшие, по обыкновению, в материях и соболях; запорожцам, бывшим на войне, прислано 1500 рублей деньгами и 1100 портищ[89] сукон, а кошевому атаману, писарю и асаулу дано еще особо ефимками.

Новые слухи о том, что бусурманы готовятся на следующий год опять нападать на русские владения, побудили к мысли о новом плавном походе. В январе 1698 года был об этом у гетмана съезд, после чего все полковники, каждый в своем полку, принялись за постройку челнов. Это не обходилось без затруднения и ропота, потому что тогда накладывали с Козаков сбор по ефимку и по полтине; судов строить не умели, недоставало ни мастеров, ни работников, ни гребцов. Однако по распоряжению гетмана городовые козаки в течение четырех месяцев построили 430 челнов, за что царь похвалил гетмана. В конце мая гетман приказал городовым козакам подниматься в поход, четыре полка отправил вперед в Таванск, а шесть оставил при себеи двинулся на Коломак для соединения с князем Долгоруким. У князя положено быть 83 280 человек войска пешего и конного.

В июле оба войска отправились сначала безводною степью, направляясь к Перекопу, но потом, опасаясь безводья и бескормицы в вытравленных и выжженных степях, повернули к Таванску, сделали распоряжение о скорейшем исправлении Таванска и Кизикерменя и послали десятитысячный отряд великороссиян и малороссиян к Очакову плавным путем; но так как русские суда были малы, а люди мало искусны, притом пушек с ними было немного, и те небольшого размера, то они не решались проплывать между двумя турецкими крепостями, Очаковом и Кинбурном, с которых поражали бы их огнестрельным оружием. Простоявши двое суток в пустыне, где не было ни хат, ни шалашей, они отступили. Тогда предводители нашли, что взять Очаков, как намеревались, трудно. «Нам, — говорили они в свое собственное извинение, — не образец запорожцы, которые в малолюдстве ночью воровски проплывают или сухопутьем пробираются к морю. У нас большие обозы. Как только мы туда дойдем, в Царьграде узнают и пришлют против нас на каторгах войско. И теперь стоять нам под

[89] Отрезов на одежду.

Кизикерменем и Гаванском невозможно: люди от недостатка продовольствия разбегаются; запасов на пять месяцев на подводах привезти сюда трудно, а те, что отправлены были на судах, пропали на порогах, и здесь ни за деньги купить, ни саблею достать ничего нельзя. Поэтому лучше нам воротиться». По таким соображениям оба войска отступили назад.

Если первый поход князя Долгорукого с гетманом нельзя было назвать блестящим, то этот второй по своему окончанию можно было назвать постыдным, под стать походу князя Вас. Вас. Голицына с Самойловичем. Но гетман, сколько нам известно, не испытал от царя никакого знака неудовольства, хотя и не получил награждения.

Завоевание турецких городков не приносило малороссийскому краю ни малейшей пользы, а только прибавляло народу большие тягости. Нужно было починять разоренные городки, содержать там гарнизоны, а для них доставлять хлебные и боевые запасы. Такая доставка ложилась бременем на народ. Терпел нужду преимущественно Полтавский полк, расположенный на перепутьи Москвы и Украины с низовьев Днепра. Весною 1698 года полковник полтавский доносил, что после праздника Рождества Христова пять раз была посылка с запасами к Таванску, и городки Полтавского полка давали каждый по нескольку десятков подвод на весь тот неближний путь. Гетман, передавая в Приказ этот доклад полтавского полковника, с своей стороны замечал: «Вот уже одиннадцать лет варится война с Крымом, и все военные силы идут через Полтавский полк. Люди терпят убытки через топтание и вытравление трав и хлебов, через опустошение рощ в их старинных займищах. Гонцы беспрестанно ездят не только по царским грамотам, но и по воеводским памятям, требуют от жителей себе корма и питья, а иные осмеливаются бить и бесчестить городовых старшин. Хотя и есть царский указ начальным людям без царских грамот и без гетманских проезжих листов никому ничего не брать, но многие на то не смотрят и знать этого не хотят». В подобных выражениях отзывался гетман и после похода с князем Долгоруким: «Вот уже в продолжение 12 лет, с начала своего гетманства, я совершил 11 летних и 10 зимних походов, и нетрудно всякому рассудить, какие трудности, убытки, разорения от этих беспрестанных походов терпит Войско Запорожское и вся Малая Россия».

К довершению тягостей в 1698 году постиг Малороссию хлебный недород. Край был так несчастлив, что это явление беспрестанно повторялось в последние лета почти каждый год, то в большей, то в меньшей степени. Отсюда — скудость и дороговизна. В январе 1699 года гетман в своем донесении в приказ резкими чертами изображает это народное бедствие, увеличивавшееся от военных обстоятельств.

Такое печальное положение усиливало у малороссов охоту к шатанию и исканию новых мест жительства. Переселившиеся с правого берега Днепра на левый опять порывались в отечество своих предков. Так, прилуцкий полковник Горленко доносил гетману, что в его полку козаки и поселяне (мужики) распродают свои грунты и поля и спешат переселяться заДнепр. В Черниговщине толпа организовалась самовольно в полк под начальством какого-то бродяги, поляка Кулаковского, и ушла за Днепр в Полесье, собираясь на службу к польскому королю; но Палей не пустил их и заворотил под гетманский регимент. Переяславский полковник Мирович доносил, что в городках, местечках и селах, прилежащих к Днепру, натолпились люди, пришедшие из разных полков гетманского регимента: у всех у них на уме — каким-нибудь способом перебраться на противную сторону Днепра и там поселиться.

Поляки старались тогда заселить и упрочить за собою украинские пустыни и, проведавши о настроении народа левой стороны Днепра, наслали «осадчих», которых должность состояла в том, чтобы зазывать людей в новоосновываемые слободы, определять им именем своих панов льготы на известное число лет от всяких повинностей или подманивать обещаниями всегдашних выгод на новоселье. Таким способом завелись немалые слободы в Корсуне, Богуславе, Драбовце и Мошнах. Из этих слобод осадчие отправляли посыльных на левую сторону Днепра завлекать жителей рассказами о привольном житье-бытье за Днепром. Так, от некоей княгини Анны Вишневецкой (имевшей впоследствии важное значение в жизни Мазепы) и от ее сына был отправлен в Переяславский полк какой-то Могильницкий с двумя товарищами — одним мазуром, другим русином — подущать малороссиян к переселению в слободу Мошны: двое попались стороже, поставленной на берегу Днепра, а Могильницкий едва ушел. Мирович указывал на другого такого же подговорщика, Феофана Воронича, именовавшего себя

корсунским игуменом. Некоторые из зажиточных левобережных жителей, не переходя совсем на жительство в правобережные слободы, заводили на правой стороне в пустых лесах и полях пасеки и хутора, сами оставались на прежнем своем жительстве, а в заведенных правобережных поселках держали своих подручных. Земли, на которых основались эти поселки, никому перед тем не принадлежали, и хозяева, живя сами на левой стороне Днепра, считали их своею собственностью по праву займанщины, и притом тянувшею к гетманскому регименту. Там между выселенными людьми и польскими осадчими возникали ссоры. Такие случаи не отбивали, однако, в народе охоты к бегству и к поселениям на правой стороне Днепра под разными видами: не удерживали их ни угрозы, ни кары за побеги, а сторожи, располагаемые по днепровскому побережью, не в силах были останавливать перехожих *чересчур длинно это побережье и не было возможности заставить его караулами на всем его протяжении; зимою по льду* , а летом на челнах легко было пробираться на правый берег. Гетман жаловался царю, что нет мер удержать народного стремления к переселениям на слободы; он просил царя войти в сношения с польским королем и привести дело так, чтобы гетман мог послать своих вооруженных людей разорить эти слободы и убежавших туда для поселения перевести на прежние места, на том основании, что по мирному договору России с Польшею отнюдь не следовало возобновлять запустелых городов в Правобережной Украине.

На неоднократные донесения о том гетмана царь Петр в марте 1699 года относился к польскому королю с просьбою — не дозволять ни коронному гетману, ни кому-нибудь другому из польских панов заселять оставленную впусте Украину. Тогда же царь поручал гетману удвоить строгость надзора, чтобы жители не бегали в слободы на правую сторону Днепра. Но побеги не прекращались, и спустя почти год после того царский указ всем пограничным воеводам предписывал ловить малороссийских беглецов и отправлять к гетману, который должен чинить им жестокое наказание и потом водворять на прежних местах их жительства.

Прежде, недавно еще, обетованною страною для переселенцев была Слободская Украина. В настоящее время она не привлекала беглецов в прежней степени. Теперь малороссияне, там поселившиеся, узнали на опыте великороссийские приемы воеводского управления; они часто им приходились не по вкусу и некоторых даже заставляли убегать с новоселья. Кроме того, Слободская Украина в последние годы стала часто подвергаться разорениям от татар. Так и в 1698 году, когда гетман и князь Долгорукий ходили походом на низовье, сильная орда с двумя салтанами ворвалась в Слободскую Украину, разделилась загонами, разорила многие слободы по Донцу, городок Салтов, и едва успели спасти от них полковой город Харьков.

Тем не менее переселения на восток из Гетманщины не прекращались, и в это время многие водворялись не только в Слободской Украине, где все сплошное народонаселение тогда состояло из малороссиян, но и в чисто великорусском крае на землях великорусских владельцев Рыльского и Путивльского уездов, где малороссийским новопоселенцам приходилось жить вперемешку с великороссиянами. На переселение отваживались малороссияне в надежде избавиться от тягостей, которые несли в своем прежнем крае, не думая, что на новоселье придется им испытывать своего рода тягости и бедствия. Так, бежавшие на правую сторону Днепра соблазнялись приманками польских панов, обещавших им всякие блага и льготы, забывали о том, что некогда творилось от поляков с их отцами и дедами и что могло и должно было случиться с ними самими. Так и поселившиеся в великорусском порубежном крае у тамошних помещиков скоро изведали совсем иную судьбу, чем та, какую им обещали. Мазепа сам накупил себе имений в Рыльском уезде, и малороссияне, приставшие прежде к тамошним великорусским помещикам, стали переселяться на земли малороссийского гетмана. Но помещики этого края — Полянские, Тургеневы, Стремоуховы, Дуровы, Ширковы — были такие потатчики своему нраву, что фамильные имена их до сих пор остались в местных преданиях с памятью об их бесчинствах. Они. собравши своих великороссийских крестьян, стали преследовать ушедших от них малороссиян, разоряли деревни, заводимые последними на гетманских землях, нападали на них по дорогам, ловили их где могли, били, увечили и до смерти убивали, не щадя ни женщин, ни детей, и таким способом погибло тогда до сотни душ. Когда по жалобам на такие неистовства производился розыск, то великорусские люди, не только прикосновенные к делу, но и посторонние, били и бесчестили малороссиян, присылаемых гетманом к розыску: местные подьячие держали сторону помещиков, а люди и

крестьяне, которых помещики посылали и водили на разбой, по наущению своих помещиков не говорили на допросах правды. Таким образом, имя гетмана Мазепы, в то время царского любимца, не было столько сильно, чтоб охранить малороссиян, его земляков, перед великорусским правосудием.

Некоторые посполитые, не переселяясь ни в польские, ни в великорусские владения, находили уловку избавиться от тягостей, падавших исключительно на поспольство: они продавали — часто фиктивно — свои дворцы и грунты козакам, а сами оставались с теми же дворами и грунтами, числясь козацкими «подсуседками», а тем самым уже подчинялись козацкому управлению и не несли повинностей, лежавших на посполитых. «Подсуседки», из которых скорее, чем из поспольства, записывали в козаки, считались не имевшими собственных грунтов и полей, освобождались вообще от повинностей наравне с козаками, при которых записывались. Но гетман, узнавши об увеличении числа таких «подсуседков», в 1701 году своим универсалом поворачивал их снова в разряд посполитых, так как в тех городах и селах, где происходили такие самовольные перехождения, посполитые, умаленные в своем числе выбывшими из их разряда «подсуседками», не в силах уже были содержать охотных Козаков.

Таким образом, в Гетманщине ощущалось народное недовольство настоящим положением и не могло себе найти исхода. Происходила перетасовка сословий и мест жительства. Многие козаки, тяготясь службою, добровольно пытались поступить в поспольство, а поспольство, по старинному обычаю, рвалось в козачество и, как мы видели, хотя бы в «подсуседки» козацкие, причем была возможность поступить в козаки. Другие посполитые со своими грунтами и полевыми участками попадали в зависимость панов, получавших от царя жалованные грамоты на маетности; отважнейшие из таких, не желая исполнять повинностей по отношению к владельцам, рвались вон из Гетманщины, — из них-то многие тогда искали себе новоселья в польских и великорусских владениях. Козаки городовые, считая себя людьми вольными, не всегда повиновались начальству, часто убегали со службы с похода или не ходили в поход, не слушая гетманских универсалов. От этого гетман все более и более не считал их вполне надежною военною силою и предпочитал охотных Козаков, набираемых как из малороссийского поспольства, так и из иноземцев. Число их беспрестанно увеличивалось всяким сбродом. Они разделялись на полки, но не имели отведенных им земель и дворов и располагались «на лежах», т. е. на квартирах во дворах посполитых, по распоряжениям гетмана. Они составляли для народа истинную тягость и возбуждали к себе нерасположение не только в посполитых, но и в козаках городовых и даже в запорожцах.

Зимою 1698—1699 годов Мазепа был позван для свидания с царем в Воронеж и по возвращении, по царскому указу, отправил туда 3000 Козаков беречь строившиеся корабли. После того гетман собрал на съезд всех полковников в Гадяч. Там долго рассуждали о новых средствах войны против бусурман и порешили, что каждому полку лучше оставаться в своей области наблюдать за неприятельскими оборотами и сообразно с тем устраивать свои воинские движения.

Весною 1699 года в Малороссии сделался переполох от новых вестей, принесенных татарскими перебежчиками — тумами (т. е. рожденными от татарина и русской пленницы), что бусурманы заключают мир с немцами и хотят обратить все силы на царские области. Это была первая весть, принесенная об этом в Украину и тотчас сообщенная гетманом в Москву. Вскоре затем господарь молдавский, с которым малороссийский гетман вел постоянно тайные сношения, сообщал о том же и представлял гетману, что молдаване и валахи боятся немцев больше, чем турок, потому что немцы думают им навязать папизм и хотят подчинить цезарю немецкому. Господарь повторял то, что сообщалось уже прежде из христианского Востока: что и он сам, и все молдаване, и валахи поголовно желают свергнуть с себя бусурманскую неволю и поддаться православному русскому государю. Он указывал способы вести успешнее войну против турок. Важнейший пункт ведения этой войны был, по его мнению, на устье Днепра и больше всего надлежало ожидать успеха от Козаков, которые могут вторгнуться в Буджак (нынешняя Бессарабия) и действовать разом с восставшими молдаванами и валахами. Мазепа, по-видимому, сочувствовал таким заявлениям и посылал доверенных лиц составить описание путей и становищ от устьев Днепра, Буга и Днестра до устьев Дуная.

Но царь Петр уже иначе смотрел на эти дела: в его голову уже вступил проект войны со

Швецией, и он нуждался в мире с другими соседями своей державы. Притом ему было известно, что его союзники — император и польский король — готовы заключить с Турцией мир и заключат его «сепаратно» от России, если Россия не пристанет к миру вместе с ними. Собирался конгресс в Карло-вице с целью переговоров о мире с турками. Царь послал туда своего посла, дьяка Возницына. На этом конгрессе цесарские уполномоченные от имени своего императора постановили сепаратный мир с Турцией и таким образом оставили союзников самих расправляться с турками. Турецкие уполномоченные в переговорах с Возницыным, представителем России, потребовали возвращения всего завоеванного русскими в последнюю войну. Поэтому оказалось невозможным России совершенно помириться с Турцией подобно немецкому императору. Дьяк Возницын ограничился только заключением перемирия на два года, а в продолжение этого срока положено было вести переговоры для постановления мира или перемирия на более продолжительный срок.

Вслед за тем турки заключили сепаратный мир с Польшею. Турки возвратили Польше Каменец совершенно опустелый и обещали свободу римско-католического исповедания в областях, принадлежавших Оттоманской Порте. Поляки, с своей стороны, возвратили Турции отнятые ими во время прошлой войны молдавские города.

Царь Петр остался без союзников. Тогда он отправил возобновлять переговоры о мире своего уполномоченного дьяка Емельяна Украинцева в Константинополь в сопровождении целого своего новопостроенного флота для внушения туркам уважения к силе Русской державы. Переговоры длились с ноября 1699 года по июль 1700. Много раз собирались на конференции и расходились, не договорившись до окончания. Подробности их не относятся к нашему предмету. Скажем только мимоходом, что главным спорным пунктом, на котором никак не могли сойтись обе стороны, были приднепровские городки: турки домогались их возвращения; русская сторона пыталась их удержать в обладании Русской державы. Наконец 3 июля 1700 года было постановлено и подписано с обеих сторон перемирие на 30 лет. Турция уступала России Азов со всеми тянувшими к нему городками. Россия приняла на себя обязательство разорить в течение тридцати дней после окончательного подтверждения мирного договора приднепровские городки, отнятые у турок, а вперед по всему днепровскому берегу, начиная от Сечи до устья Днепра, не быть никакому поселению, кроме небольшого укрепления для переправы проезжих людей через Днепр. Пространство от Перекопа до ближайшего к нему из азовских городков, Миусского городка, положено оставить впусте. По принятому на себя Россией обязательству разорить городки в низовьях Днепра, завоеванные в прошлую войну, поручение это возложено было на генерала Кольцо-Мосальского и исполнено им в 1701 году. 8 октября этого года гетман получил ведомость и сообщил ее в Москву, что Таванск и Кизикермень разбиты, и все боевые принадлежности оттуда вывезены.

Глава седьмая

Преследование стрельцов. — Донос Забелы и Солонины на гетмана. — Суд над доносчиками. — Благосклонность царя к гетману. — Пожалование гетмана кавалером ордена Андрея Первозванного. — Торговля селитрою. — Корчемство. — Разорение турецких крепостей в низовьях Днепра. — Постройка крепости близ Сечи. — Своевольство запорожцев. — Греческий караван. — Неудачные попытки запорожцев склонить хана. — Волнения в Малороссии. — Оскорбления малороссиянам от великороссиян. — Попытки примирения с запорожцами. — Бесчинства и разбои.

В 1698 году совершалась в Москве страшная царская расправа над стрельцами. Случайно спасавшиеся от погрома убегали в украинные области и в Гетманщину. Царь послал указ гетману приказать ловить их по всем полкам. Но стрельцов, находившихся при гетмане в Батурине, не тронули, а только велели им именоваться солдатами. Их начальник, полковник Анненков, приобрел большое благорасположение гетмана, и когда в 1699 году Анненков был переведен воеводою в Путивль, Мазепа испросил у царя дозволение оставить Анненкова при себе в Батурине и по-прежнему командовать полком, назначенным из великороссиян для охранения гетманской особы.

Пользуясь наступившим мирным временем, гетман продолжал заниматься сооружением храмов на собственный счет. Так, около этого времени построены были каменная ограда Печерской лавры на протяжении 520 сажень (в два сажня высоты и четыре толщины) с четырьмя башнями, боковые приделы с северной и южной сторон великой лаврской церкви с надстроенными над ними пятью куполами и церковь над экономскими воротами лавры, где с наружной стороны был выставлен лепной работы герб Мазепы. Около того же времени, вероятно, начата по желанию гетмана и на его счет надстройка боковых приделов на нижних папертях Киево-Софийского собора с шестью куполами над ними, что дало этому зданию тот вид, в каком находится оно и теперь. Вознесенская соборная церковь в Переяславе, созданная также гетманом, относится, вероятно, к тому же времени. Так видимое всеми благочестие и усердие к православным. храмам уничтожало силу врагов Мазепы, выставлявших его в своих доносах поляком, тайно сочувствовавшим польским заветным видам и только притворно казавшимся русским православным. Недоверие к его искренности не испарялось в Украине, и в 1699 году гетмана потревожило повторение прежних историй с доносами. Был в Гетманщине некто Данило Васильевич Забела, носивший звание бунчукового товарища. Это звание недавно было учреждено гетманом Мазепою, который по своему усмотрению давал его детям, принадлежавшим к чиновным фамилиям. Забела был человек нрава беспокойного, склонного к каверзам, что в те времена было многим свойственно. Он за что-то невзлюбил гетмана и сошелся с Андреем Солониною, который находился на службе при гетманском дворе и не угодил своему пану гетману. Они вместе уехали в Москву, начали искать там покровительства боярина Бориса Петровича Шереметева и подали ему донос на гетмана. Но Мазепа узнал об этом ранее, чем еще донос дошел до царя, и сам написал царю, что «эти два человека на гетманскую честь небыльные слова износят и плевелы сеют». Гетман в Москву извещал, что один из доносчиков, Забела, по челобитию своего дяди, был уже привлечен к войсковому суду, а другой доносчик. Солонина, служивший у гетмана во дворе, украл у него деньги. Государь, оказывая доверие к гетману, приказал, не разбирая доноса, обоих доносчиков и с ними еще какого-то попа Леонтия послать в Батурин, но сказать им наперед, чтобы они ехали без опасения, потому что государь писал к гетману, чтоб им не было никакого зла.

Царский гонец привез колодников в Батурин скованными «в черкасских телегах». Когда подъехали к гетманскому двору, стащили колодников с телег и повели пешком в гетманский двор в сопровождении караульных. Гетман был тогда у обедни; колодники в цепях дожидали, стоя у дверей его светлицы. Вышедши из церкви, гетман принял из рук гонца царскую грамоту и поклонился до земли.

Колодников предали войсковому суду.

Из дошедшего до нас дела мы узнаем, что некто Яким Самойленко, дядя Данилы Забелы, показывал, что этот Данила, живя у себя в доме в селе Реутинцах, еще в прошлый предрождественский пост, когда гетман ездил к царю в Воронеж, говорил: «Гетман от царя не воротится, — он с поляками дружит и царю хочет изменить». Кроме того, Данило произносил о матери гетмана «лживые, поклепные и бесчестные слова», называя ее «чаровницею». Потом позванные в суд двое челядников Данилы Забелы, которых он, будучи в Москве, посылал к себе домой в Малороссию, показали, что Данило говорил, будто гетман сам «тайно послал к бусурманам вора Петрика и был желателем прихода бусурманского в Украину». В подтверждение таких показаний один малороссиянин, бывший недавно в Москве, Онисим Воронченко, объявлял, что он собственными ушами слышал, как Забела «на почтенную родительницу гетмана, честную игуменью, прикладал наносы».

Забела запирался. Но когда его стали стращать пыткою, то он сказал: «Я убежал в Москву от страха, — на меня сотник кролевецкий подал гетману челобитную; а если я что говорил в Москве, то говорил будучи пьян: мне казалось, что по таким словам меня удержат в Москве и не пошлют в Батурин».

Судьи, выслушавшие такие речи от подсудимого, произнесли: «Невозможно, чтоб Данилка такие великие страшные поклепы и потворы на честь ясневельможнаго гетмана вымыслил сам собою; надобно под пыткою допросить его, кто ему в сем деле был советником и наставником».

Забела, не допуская себя до пытки, сказал:

«Вот как дело было. Через село Реутинцы ехали люди боярина Шереметева. Я им рассказал о своих нуждах и о своем страхе. Они посоветовали мне ехать в Москву к их боярину и уверили меня, что боярин будет мне заступником. Я послушался их и поехал. Когда я рассказал боярину о своих делах, боярин сперва сказал, что напишет обо мне ходатайственный лист к гетману. Я отвечал, что боюсь ехать к гетману. Тогда мне боярин сказал: правда, и мне гетман добра не желает. Поживи, коли так, в Москве, пока великий государь не воротится из-под Азова, и никуда не ходи, ни в приказ, ни к боярам, а как царь воротится в Москву, тогда подашь на гетмана челобитную в мои руки, а я сам представлю ее великому государю и буду ходатайствовать об оказании тебе милости. По какому боярскому обнадеживанию я и остался в Москве. Винюсь в том, что злоречил, наводил изменническую потвору на гетмана и на мать его, говорил, будучи пьяным без разума и памяти. Впрочем, не было у меня наставника и советника ни здесь в малороссийских городах, ни в Москве».

Дело показалось важнее. Данило притягивал к нему первейшего царского боярина. Данила подвергли пытке, взяли на встряску, продержали полчаса в висячем положении. Он говорил то же, что и перед пыткой, и только «поносил» себя самого за то, что понадеялся на слова, сказанные ему боярскими людьми, поехал в Москву и через то пришел «вот в какую муку!».

Его спустили на землю, допрашивали, кто был ему наставником и советником, и, ничего не допросившись, подняли опять на дыбу; он, «вопия криком великим», твердил все одно и то же: «Я лаял по своему безумному обычаю, будучи пьян и без памяти, ни от кого к тому не было у меня подущения и ни от кого о том ни единого слова не слыхал».

Судьи прекратили пытки и допросы и положили такой приговор:

«Данилка Забела, от своей злости и безумия, наводя на высокую честь гетманскую и на всечестную его матерь тяжкие поклепные потворы, хотел тут же и войсковые, и народные малороссийские порядки развратить, а. того ради такой безумный лживец и зломысленный наветник за ту свою вину подлежит смертной казни, имущество же его взять в войсковой скарб, ибо и прежние гетманы так поступали с подобными».

Не знаем, был ли пытан товарищ Данила Андрей Солонина, но его подвергли допросу, из которого видно, что он был родом из Волыни, по смерти отца с матерью переехал в Козелец, служил двенадцать лет у киевского полковника Солонины, потом три года у генерального судьи Вуеховича и, наконец, у гетмана. Ему отказали от службы на том основании, что у гетмана и без него много челяди, и он уехал в польские владения; там увидал его боярин Шереметев, пригласил в Москву, и жил он у него на боярском иждивении, а когда боярин уехал в свои вотчины, то пристал к Забеле. Денег гетманских он не крал.

И этого Андрея Солонину суд приговорил как соумышленника к одинакой каре с Данилом Забелою.

Гетман, представляя в приказ приговор войскового суда, приложил к нему собственное милостивое смягчение наказания.

Ничто не подрывало царской благосклонности к гетману. В 1700 году в январе гетман отправился в Москву по царскому приглашению с 48 особами. В этот раз ему оказали прием, превосходивший ласковостью прежде бывшие приемы. Гетману заявили признание за ним заслуг, оказанных в течение тринадцати лет сряду, и важности его успешных действий в войне против турецкого султана и крымского хана, в особенности же его подвигов над Днепром, когда были покорены пять турецких городков и взято множество пленных. За это за все государь возложил на гетмана только что установленный орден св. Андрея Первозванного. Мазепа был вторым, получившим этот орден, после Головина. Сверх того, на отпуске пожаловали ему венгерскийзолотой кафтан с алмазными запонками, подбитый соболями. Бывший в Москве разом с гетманом генеральный писарь Кочубей получил почетное звание стольника. Тогда же, по ходатайству гетмана, оказано было внимание хвастовскому полковнику Палею, главному в то время воскресителю козачества в Правобережной Украине: к нему отправили в подарок денег, сукон, камок, соболей, а на полчан его 1000 ефимков. Но подьячему, который повез царские подарки, приказано было передать их Палею секретно, чтобы не дать повода полякам подозревать какого-нибудь против них подущения, потому что поляки очень неблагосклонно относились к восстановлению ненавистного для их памяти козачества во владениях, на которые простирали свои виды. Гетман испросил у царя отдать под

его гетманский регимент город Новобогородск со всеми жителями, исключая служилых царских людей, которых положено было вывести в другие города. Гетман обещал правительству принять для укрощения запорожских своевольств и побегов украинских беглецов в запорожские степи меры, более деятельные, чем были те, какие употреблялись прежде воеводами, управлявшими Новобогородском.

Но тогда же последовали распоряжения верховного правительства, которые вообще не совсем нравились малороссиянам. В последнее время в Малороссии распространилось селитренное производство. По царскому указу предписывалось продавать селитру не иначе, как в казну. Цена на селитру была указана по два рубля с полтиною за пуд. Но после заключения мира с Турцией царский указ вдруг сбавил цену селитры на полтора рубля за пуд на том основании, что селитренные майданы теперь не будут разоряемы неприятелями, производство селитры будет требовать менее расходов и хлеб стал дешевле, хотя гетман, в видах охранить выгоды местных производителей, докладывал, что если по замирении с турками и татарами не нужно беречь майданов от неприятелей, то необходимо держать караулы для охранения их от разбойников, и расходы на производство вовсе не уменьшились. Не могло быть малороссиянам приятным строгое запрещение возить на продажу в Великороссию горячее вино и табак, который сделан был в то время предметом казенной монополии и отдан на откуп англичанам. Гетман публиковал, что корчемные продавцы вина и табаку, кроме наказания, которое постигнет их на месте преступления, не уйдут от вторичного наказания войсковым судом, когда возвратятся домой. Однако торговля вином и табаком была до того выгодна, что, несмотря на такие угрозы, «огурливые[90] и легкомысленные люди все-таки дерзали возить табак на продажу в великороссийские города», как выражался гетман в своем донесении.

По возвращении гетмана в Украину от царя вскоре началась у него хлопотливая возня с запорожским своевольством, которое час от часу все более разгоралось. Когда в начале 1701 года прибыл в Сечу генерал Кольцо-Мосальский с тем, чтобы разорить турецкие городки, запорожцы заартачились. Гетман приказал им содействовать доставлению орудий и боевых припасов из Таванска и устроить у себя в Сече склад для их хранения. Запорожцы с бесчестием встретили гетманских посланных, посылали гетману ворчливые ответы и хотя не отказывались, по приказанию царского генерала, беречь царскую казну, но не хотели допустить в Сечу ни единого из царских ратных людей, показывая к ним недоверие и нерасположение. Всего более пришлось запорожцам не по нраву то, что генералу князю Кольцо-Мосальскому дан был указ строить новые городки близ Сечи вместо прежних разоренных городков в низовьях Днепра. Место для постройки ближайшего городка было избрано у Микитина Рога (где ныне Никополь). Гетману указано было содействовать этой постройке, и он послал 6000 Козаков своего регимента на работы в прибавку к 3500 ратным, бывшим у князя Кольцо-Мосальского.

Запорожцы около того же времени наделали новых хлопот своими своевольствами. Толпа сечевиков напала на греческий караван. Турецкие подданные греки, торговцы, прибыли из своей страны в Очаков с товарами, оттуда поплыли вверх по Бугу, а потом, приставши к берегу, наняли у малороссиян, занимавшихся рыболовством, подводы и двинулись степью на Чигирин. За ними следила ватага запорожцев с атаманом Щербиною и асаулом Тонконогом. Они пригласили из ватажников, ловивших рыбу на реке Буге, несколько «легкомысленных» молодцов и напали на греческих торговцев, когда те, на пути своем к Чигирину, достигали до реки Ингула. Запорожцы ограбили весь караван, отвезли награбленные товары в Сечь, разрезали тюки и кипы (называемые гарары) и поделили товары, в числе которых находились драгоценные камни и жемчуг ценою в несколько тысяч талеров. Из Сечи получались вести, что запорожцы, поделивши по куреням награбленные товары, похвалялись поступать так же и с другими торговыми караванами, когда те будут проходить. Силистрийский сераскир-паша прислал к гетману жалобу и требовал вознаграждения за разграбление греков, турецких подданных. Около того же времени другая ватага запорожцев напала на селитренные майданы, заведенные из Гетманщины старшинами на берегах Самары, и разоряли их, забирая волов, казаны и всякую рухлядь. Запорожцы претендовали, что берега Самары, покрытые лесом (так

[90] Праздные.

называемая Товща Самарская), составляют давнее достояние Запорожской Сечи и заводчики не иначе могут держать там селитренные майданы, как платя в войсковой ссчевой скарб по 100 злотых от котла.

Гетман сообщил обо всем этом в Москву, я на то время туда приехали запорожские посланцы — бывший кошевой Крыса с товарищами. В Москве их задержали и стали допрашивать о греческих караванах и о селитренных майданах. Они отозвались незнанием дела. Московское правительство разослало запорожских посланцев по великороссийским городам и написало в Сечь, что если не будут возвращены награбленные товары и виновные не подвергнутся жестокому войсковому наказанию, то задержанные товарищи будут казнены смертью. Запорожцы от такой угрозы пришли в неистовство, отрешили своего кошевого Петра Сорочинского и выбрали Костю Гордеенка, человека крайне задорного, ярого ненавистника московской власти. Этот новый кошевой писал гетману такого рода объяснение: греки, следовавшие в караване, сами были виноваты; вопреки прежним обычаям ехать в Сечу, они хотели миновать ее и поехали дикою степью. Сечевики, ездившие на промыслы, узнавши о том, хотели только загородить каравану неправильный путь, но греки стали в них стрелять; тогда сечевики позвали других товарищей, бывших на рыбных промыслах, и «большим собранием» заворотили караван к Сече. Атамания и все сечевое товариство поделили между собою из греческих товаров только красные кумачи, а дорогие вещи: камни, жемчуг и деньги возвратили торговцам и сами проводили их до великороссийских городов. В этих оправданиях была чистая ложь; ни гетман, ни московское правительство не могли поверить этому, да и сам сообщавший такое оправдание, конечно, знал, что ему не поверят. Не теряя времени, запорожцы, подущаемые притом приезжавшими в Сечу татарами, послали в Крым посольство к хану просить возобновления прежнего союза, старинного «братерства» и помощи против москалей, а тем временем самые отважные составили ватагу в числе шестисот — настоящую разбойничью шайку: в вершинах реки Вовчей не было от них ни прохода, ни проезда людям Полтавского полка, ездившим на пасеки и на рыбные ловли.

Более всего раздражала запорожцев в то время постройка городка недалеко от Сечи. Отважнейшие грозили выйти с оружием на строителей. Гетман посылал в Сечу требовать, чтобы запорожцы не мешали царским ратным ломать камня у Каменного Затона для постройки крепости, а кошевой атаман от имени всего товариства написал такой ответ, обращенный к лицу царя: «Объявляем вашему царскому величеству все мы единогласно, что совершенно не хотим оного города близ нас на Днепре иметь и камня на строение брать не дозволим. Еще и города не выстроили, а мы уже терпим убытки и неправды в вольностях наших, чего напредь сего ни от кого не видали по данным нам монархами грамотам, теперь же дознались напустнаго утеснения товариству нашему, ходящему для своих добыч и промыслов. Мы на бой против бусурман по вашему царскому указу идти всегда готовы, а города строить не позволяем».

Однако попытка запорожцев сойтись с татарами во вред России не удалась. Запорожские послы, отправленные в Крым, встретили хана недалеко от Карасубазара и предлагали прежнее «братерство», как было при Хмельницком. Хан призвал какого-то старого татарина, помнившего времена Ислам-Гирея, делал ему расспросы и потом стал держать совет с своими мурзами. Некоторые заявляли охоту открыто подать помощь запорожцам, другие же опасались, что запорожцы, надеясь на одних охотников пристать к их замыслу, которых в Украине найдется немного, опять подведут татар, как уже было недавно с Петриком и еще ранее с Суховеенком. Хан решил спросить об этом своего верховного повелителя, турецкого падишаха, а до получения ответа мурзы убеждали запорожцев не сноситься с Москвою.

Но в самом запорожском товариществе возникло раздвоение. Самые задорные ненавистники Москвы кричали: «Лучше навеки поддадимся турку, а не останемся в московской неволе». Другие представляли такое хитрое соображение: «Если орда с нами теперь не пойдет воевать Москвы, а на нас опал царский станется за сношение с татарами, то мы отпишемся, что ничего о том не знали, скажем, что нам приказал так чинить с ордою гетман. Вот его, гетмана, возьмут в Москву, а нам будет милость монаршая». Гетман заранее обо всем этом узнал и отправил к хану за объяснениями посла своего Завидовского. Хан принял гетманского посла ласково и объявил, что ни за что не станет нарушать мира с московским царем. Гетманский посланец от имени гетмана жаловался на грабежи, учиненные татарами над русскими торговцами в

Кубанской и Ногайской орде. Хан приказал тотчас учинить розыск и воротить награбленные товары; сверх того он дал строгий приказ не поступать вперед таким образом. Тогда же хан хотел окончить размен полоненников так, чтобы уже ни русских в Крыму, ни татар в России в плену не оставалось. Это не так скоро могло окончиться, так как русских полоненников отпускали не иначе, как в обмен за татарских или за выкуп деньгами. Некоторые русские в это время получили свободу, и. в числе их был князь Юрий Четвертинский, взятый в плен во время нашествия Петрика с белогородскою ордою. Силистрийский Юсуф-паша продолжал требовать вознаграждения за ограбленный караван, и гетман не без труда упросил присланного от паши «агу» взять вознаграждение жалованьем, которое по обычаю каждый год присылалось от царя запорожцам сукнами, камками, атласами и соболями. Такие вещи приняты были но оценке в десять тысяч левков; гетман прибавил еще 640 рублей деньгами и, сверх того, отдал греческим купцам, потерпевшим разорение от запорожцев, 400 рублей, собранных с переволоченского перевоза на Днепре, составлявшего собственность Запорожской Сечи.

Казалось, у запорожцев отнималась надежда на помощь мусульманского мира против московской власти, но приезжавшие в Сечь татары разжигали их и твердили, что если Москва не покинет строить городов при Днепре, то бусурманы пойдут войною на московские города и пригласят запорожцев. Даже силистрийский паша заявлял гетману, что туркам вообще немило построение городов, что оно означает приготовление к войне. Такие заявления распаляли у запорожцев задор ко вражде с Москвою. «Но не так страшны запорожцы и татары, — писал Мазепа в приказ, — страшнее нам малороссийский посполитый народ: весь он своевольным духом дышит: никто не хочет быть под той властью, под которою пребывает, а полтавский полковник пишет мне, что все его полчане при случае начнут запорожцам помогать в их злом намерении». Осенью 1702 года запорожцы напали на царскую казну, которую вез капитан Суходольский, убили капитана и двух солдат, ограбили казну, а бывшего при капитане священника, исколов копьями, замертво покинули в терновнике: они, кроме того, уводили у великороссийских ратных людей почтовых лошадей и задержали царскую грамоту, в которой уговаривали их не препятствовать постройке крепости.

Такие бесчинства сами по себе хотя еще не возбуждали политических опасностей, но волнения в Запорожье откликались в Украине и слухи о сборе запорожцев на войну против москалей, разносясь по Гетманщине, находили в народе сочувствие. В Сечу стремились всякие бездомные бродяги. Гетман приказывал компаниям стеречь переходы, не пускать беглецов через Днепр, а полковникам заблаговременно предупреждать в своих полках побеги и сажать в тюрьмы своевольных. В одном из тогдашних донесений гетман огулом весь малороссийский народ обвинял в легкомысленности и склонности к шатанию.

В Малороссии отношения народа к великороссийским ратным людям становились все хуже и хуже. Уже и при прежних гетманах видно было, что малороссияне недолюбливают великороссиян, и хотя после возмущения при Бруховецком народ по внешности оставался верным и покорным, но доволен своим положением он не был и никогда, казалось, не представлялось ему таких резких поводов роптать на гнет, ложившийся на него от московской власти, как в описываемое время. С начатием шведской войны во всех владениях царя Петра почувствовалась невыносимая тягость народу от служб и поборов. Не миновала и Малороссию та же участь, хотя в меньшей степени, чем прочие царские области. Царь начал требовать высылки Козаков в северные страны государства, где главным образом происходил театр военных действий: а этого прежде не бывало, и козаки знали только свою Украину да прилегавшие к ней южные степи. Народ был недоволен и внутри своего края грубостью обращения с ним царских ратных людей и всякого рода должностных лиц, ездивших по делам службы. «И козаки и поселяне, — писал в приказ гетман, — все злобятся на меня, все кричат в одно: пропадать нам до конца и сгубят нас москали! У всех одна мысль ухолить за Днепр, и может произойти внезапное зло». Немало сохранилось известий того времени о столкновениях, происходивших в разных местах между малороссийскими жителями и великороссийскими царскими служилыми. Для примера приведем некоторые случаи, показывающие. как нагло и презрительно обходились царские служилые с туземцами.

В 1702 году полуполковник Левашов, идучи с отрядом мимо городка Кишенки, послал туда приказание, чтоб его встречали с хлебом-солью и с дарами, и он за то не станет трогать их

города. Кишенцы послушались, вышли к нему с возами, наполненными хлебом, гусьми, курами, напитками и еще поднесли ему «в почесть» 15 талеров деньгами Левашоввсе это принял, но, противно своему обещанию, вошел ц город и расположил там свой отряд: его ратные люди объедали жителей, обожгли у них подворки, овины, разорили огороды. Так прошло несколько дней. Выходя из Кишенки, Левашов кишенцам «дал руку» (т. е. обещал), что уже теперь не будет им разорения Однако, дошедши до Переволочны, он послал назад в Кишенку взять у тамошних жителей плугов и волов и не прислал их назад, а бедные кишенцы принуждены были сами ехать за Днепр и выкупать за чистые талеры своих волов. При этом, когда один кишенец напомнил полуполковнику, что великий государь так делать не велит, Левашов чуть не проколол его копьем и кричал: «Полно вам, б… дети, хохлы свои вверх поднимать! Уж вы у нас в мешке!» Другой начальник, Скотин, шел через порубежные днепровские города, и бывшие в его отряде ратные люди в городах и за городами людей били, с ножами на них бросались, иных, как татары, в неволю брали (в вязеню держали), а когда козацкие начальные люди пошли к нему с поклоном, то он велел ударить в барабаны, чтоб их не слышать, и затем приказал прогнать их бердышами. В Кереберде во время ярмарки в день св. Онуфрия московские служивые люди, плывя по Днепру, пристали к берегу и стали с своих суден торговать вином, а так как продажа вина там была на откупе, то жители, по настоянию арендарей, ходили просить «москалей», чтоб они перестали торговать и понесли к ним хлеб-соль, но «москали» бросились на них с дубинами и копьями, а некоторых, схватив, увели к себе на суда, как пленных, и потом пустили, обобрав, чуть не голыми, да еще обрезали им волосы в знак бесчестия. В том же 1702 году гетман писал в приказ, жалуясь огулом на ратных людей, которые, проходя через города и села Полтавского полка, бесчинствовали, забирали в качестве подвод лошадей и не ворочали иначе, как взявши с хозяев взятку, а становясь во дворах, совершали над малороссиянами всякие неправды, поругания, грабежи и даже убийства. «Что между нашими людьми и приезжими москалями драк бывает, того и описать невозможно!» — выражается в донесении гетману один козацкий чиновник.

Не только в Гетманщине, но и за ее пределами, как уже мы видели, прорывались такие же грубые выходки великороссиян над малороссиянами. В Путивльском и Рыльском уездах великороссийские помещики заманивали на свои земли малороссиян, искавших селитьбы, а потом домогались, чтобы те поступали в число их крепостных, и «побивали их жестоким мучительством». По жалобам, которые беспрестанно присылались от гетмана в приказ, царь в 1701 году дал подтвердительный указ воеводам «с великим подкреплением, буде вперед малороссийским людям от кого-нибудь станется обида от воеводского или полковничьего недосмотра и за то начальным людям быть в казни и в вотчинах отписаны будут». Но и после такого строгого царского указа в январе следующего 1702 года в Комарницкой волости (Орловской губ.) крестьяне били и бесчестили посланца самого гетмана, отправленного к царю, и ехавших с ним малороссиян: по жалобе на то царь приказал произвести розыск, и тех, которые признаны будут виновными, сослать в Сибирь с женами и детьми.

Такие-то явления располагали опасаться народного волнения в Украине, если запорожцы задумают повторить Петриково дело. Были признаки, заставлявшие гетмана и старшин полагать, что теперь посольство отзовется к подобному событию иначе, как было несколько лет тому назад. В конце 1702 года гетман созвал полковников и сделал им такой вопрос: следует ли совокуплять полки с тем, чтобы не допускать запорожцев до вторжения. Все полковники дали такой ответ: «Если совокуплять полки, то на оставленных козаками местах скорее могут вспыхнуть бунты между поспольством, потому что там не будет начальства. Лучше расставить на приличных местах два или три полка, а остальные полковники пусть остаются с своими полковыми старшинами в своих полках и пусть наблюдают, какое влияние на поспольство будут производить вести о запорожских злоумышлениях, сам же гетман с компанейцами и с охотными козаками будет стоять в Гадяче и смотреть на неприятельские обороты, чтобы чинить военный промысел по мере надобности». Гетман побудил и киевского митрополита с своей стороны послать к запорожцам пастырское увещание не вступать в связи с неверными и не поднимать оружия на единоверных братии, жительствующих в Гетманщине и в слободских полках. Сам гетман отправил запорожцам послание, уверял, что никто не думает нарушать их вольностей, указывал на печальные последствия междоусобий в Правобережной Украине, где

столько городов, сел обращено в пепел и где столько жителей погибло от меча или взято в неволю, убеждал запорожцев жить в союзе и дружбе, покоряться властям и обещал ходатайствовать за них перед царем. На такое послание кошевой Гордеенко снова отвечал гетману резкою и грубою выходкой.

Нужно было во что бы то ни стало умиротворить Украину, тем более что события на правой стороне Днепра, где русский народ вступил в открытую борьбу против польского панства, волновали левобережных малороссиян и возбуждали их к побегам за Днепр с намерением биться там против извечных врагов всего малороссийского народа. Одобрять такую борьбу не было тогда в видах русского государя, который с тогдашним польским королем и с Речью Посполитою вступил в союз против шведов. Нельзя было притом не иметь в виду и того обстоятельства, что соперник и враг царя Петра, шведский король, с каждым днем приобретал успех в Польше, отторгал от польского короля на свою сторону польских панов, манил их обещаниями усмирить правобережных украинцев, бунтовавших против панства, перенести войну на левую сторону Днепра и привести весь малороссийский народ в прежнюю покорность польской Речи Посполитой. При таких угрожающих слухах неблагоразумно было оставлять запорожцев в раздражении против московской власти. Гетман получал сведения о польских делах уже не от вестовщиков, которые выбирались из людей всякого звания, а прямо от польского коронного гетмана через нарочно присланного посланца. Тогда московское правительство решило отправить в Сечу стольника Протасьева с выговором запорожцам за их бесчинства, но вместе с тем объявить им прощение от царя по ходатайству за них гетмана и киевского митрополита. Задержанных по поводу разбойнического нападения на греческий караван указано было освободить и отпустить.

Царский посланник Протасьев прибыл в Батурин в апреле 1703 года, а 1 мая прибыли туда же отпущенные из Москвы запорожцы, атаман Герасим Крыса с товарищами. Этот Крыса, отбывший несколько лет в заточении за бесчинства с запорожской братиею, стал тогда в большом уважении у запорожцев, и гетмана извещали, что Крысу думают избрать кошевым атаманом.

Вместе с Протасьевым отправил гетман в Сечу своего генерального асаула Скоропадского. Они прибыли в Сечу 5 мая. Протасьев раздал привезенное обычное царское жалованье. Запорожцы поблагодарили и назначили раду 7 мая на праздник Вознесения. Тогда на раде запорожцы объявили, что не хотят присягать государю, пока не будут снесены городки, построенные на Самаре и на Днепре. Как ни убеждал их царский посол «отложить новоизмышленные противные слова» и произнести присягу, как ни уверял, что городки построены для охранения малороссийского края и от них Запорожской Сече никакой трудности не будет, запорожцы твердили все одно и то же: «Когда городки снесут, тогда мы и присягу принесем». 8 мая послы уехали, не окончивши дела, а по отъезде их в Сече кричали, что надобно идти на Украину и убить гетмана.

Но запорожская удаль, так сказать, разменялась на мелочь и не в силах будучи затевать важное дело — идти в Украину и поднимать народ против властей — ограничилась частными разбоями, вспышками неповиновения и дерзкими похвалками против правительства. Так, разбойническая ватага сечевиков, под начальством Карнауха, бесчинствовала над проезжими торговыми людьми и чуть не убила гетманского посланца, грека Згуру, ехавшего в Молдавию, а перешедши на левую сторону Днепра, разбила валку чумаков, ехавших из Лубенского полка на Берды за солью. Куренные атаманы Корсун и Андрюшка Москаль напали на отряд царских служилых и перекололи их. Гордеенко показывал вид, будто не одобряет таких разбойнических нападений, а между тем в числе разбойников был его племянник. Тем временем в Сечу приезжали какие-то татары, наговорили запорожцам, что если Москва не разорит крепости у Каменного Затона, то силистрийский паша придет сам разорять ее, и по этому поводу Гордеенко убеждал запорожцев держаться турок и татар против москалей. «Вся беда, — писал гетман в приказ, — от этого пса Гордеенка. Он подстрекал запорожцев, чтобы не присягали. Пока этого проклятого пса не уничтожат, до тех пор нельзя от запорожцев надеяться покорности». Но через несколько времени Гордеенка отставили сами запорожцы и избрали кошевым Герасима Крысу. Тогда запорожцы стали ловить своих разбойников, и в августе истреблена была ватага Андрюшки Москаля, Ропухи и трех их товарищей. К сожалению,

исправление запорожцев было недолговременно. Скоро сменили Крысу и избрали Гордеенка снова. Он уверял гетмана, что будет верен царю, однако удальцы опять делали разбои; но так как эти разбои совершались над малороссиянами, ездившими по торговым делам, то это отвращало многих от запорожцев, и в народе терялось к ним доверие.

Глава восьмая

Возобновление козачества в Правобережной Украине. — Палей. — Самусь. — Искра. — Абазын. — Прежняя судьба Палея. — Жизнь Палея в Хвастове. — Его подвиги против татар. — Столкновение с поляками. — Сеймовой декрет об уничтожении казачества. — Неудачные попытки поляков выгнать Палея. — Восстание русского народа против польских панов. — Взятие казаками Белой Церкви. — Свирепости с обеих сторон. — Укрощение восстания. — Требование сдать полякам Белую Церковь. — Упорство Палея. — Самусь и Искра переходят на левую сторону Днепра. — Обвинение Палея в сношении с царскими врагами. — План Мазепы заманить и схватить Палея.

После «Руины»[91] в правобережном крае во власти поляков осталось населенным одно Полесье — северная часть нынешней Киевской губернии с частью Волынской. Все пространство прежней Украины на юг и на юго-запад (в нынешних губерниях Киевской и Подольской) оставалось пустынею; там держались с польскими гарнизонами только два городка, Немиров и Белая Церковь, которая поляками, вопреки договору, не была сдана Дорошенку. Занятый великою идеею войны с мусульманским миром, польский король Ян Собеский не побоялся мысли восстановить павшее козачество и в 1684 году универсалом наметил для жительства Козаков земли в Украине около Корсуна, Чигирина, Лысенки и Умани, именно там, где прежде были полки: Чигиринский, Черкасский, Корсунский, Каневский, Белоцерковский и Уманский. В следующем 1685 году состоялось сеймовое постановление о принятии в отеческое покровительство всех Козаков, которые пожелали бы поселиться в Украине, признав над собою власть гетмана, поставленного от Речи Посполитой, с правом пользоваться всеми вольностями и привилегиями, дарованными прежними польскими королями козацкому званию. Но Украина хотя и считалась пустынею, скрывала уже в своих степях и лесах самовольно гнездившихся удальцов, которые, ища воли, проживали в кустах и камышах, вкушая незатейливой пищи из пойманной рыбы или застреленной дичины, шатались по безбрежной и бездорожной пустыне, нападали на татарские загоны, ходившие через степи ловить яссыр в волынских селах и городах, доставали себе от них оружие и добычу, освобождали от неволи своих братий-христиан. То был первый контингент возобновлявшегося козачества. Но королевский универсал и сеймовая конституция пробудили охоту к козачеству в посполитом русском пароле Полесья, Волыни и Червоной Руси, находившемся в порабощении у шляхетства: таким образом, начала воскресать прежняя, уже притухшая, борьба козачества со шляхетством. Уже в 1684 году, еще до сеймовой конституции, узаконившей козачество в Речи Посполитой, Мирон, наказной гетмана Могиленка, рассылал повсюду своих посланцев уверять народ, что королевским универсалом дозволяется «хлопам» отрекаться от повиновения панам своим и идти в козаки. Польский региментарь (военачальник) указывал шляхетству ловить таких возмутителей, отсылать к суду и сажать па кол. Но это не прекратило последующих попыток. В разных местах проскакивали, бунты хлопов — мещан и крестьян, раздавались похвалки молодцов топить всех ляхов, а иногда совершались побои и истязания над особами шляхетского звания. Противодействовать таким явлениям для поляков было тем труднее, что некоторые природные шляхтичи наравне с козаками получали от короля «приповедные листы» для набора охотников в козаки и на таком основании подговаривали владельческих хлопов записываться в набираемые козацкие полки мимо воли своих владельцев. Те, которым

---

[91] Под этим термином Костомаров подразумевал период с 1663 по 1687 г., когда Украина была разделена на два гетманства по сторонам Днепровского побережья, так как Правобережье было превращено буквально в руину. Такой она осталась в народной памяти этих лет.

выдавались «приповедные листы», носили название полковников. Из таких козацкох полковников приобрели сразу известность четыре: Искра, Самусь, Абазын и более всех Семен Палей. Первый поселился в Корсуне[92], второй в Богуславе[93], третий на Подолии, в Брацлаве[94], четвертый в бывшем Белоцерковском полку, в местечке Хвастове[95], которое принадлежало прежде католическому епископу и королем Яном Собеским уступлено было Палею в видах необходимости козацкой силы на время ведения войны с бусурманами. Эти полковники и другие, которые менее были известны, стали привлекать в украинские пустыни жителей, и не только из южнорусского края, подчиненного Польше, но из Молдавии и более всего из Левобережной Украины. Украина Правобережная, откуда еще так недавно уходили громадами жители, спасаясь от татарской, турецкой и лядской неволи, опять становилась обетованною страною вольности. Современник уже в 1692 году называет тамошние козацкие полки многолюдными. Во всех этих полках зародилось и утверждалось одинакое стремление — освободить южнорусский народ от польской власти, обратить панских хлопов в вольных Козаков и присоединить Правобережную Украину по-прежнему к Московской державе. Самый деятельный и более верный народному духу из полковников был Семен Филиппович Палей, и потому приобрел народную любовь. О происхождении его известно, что он был родом из Борзны от предков козацкого звания. Фамильное прозвище его было Гурко. Был у него брат Федор, владевший наследственною землею близ гор. Борзны. В Батурине у него с братом был общий дом. Получивши хорошее по тому времени образование (вероятно, в Киевской коллегии)[96], он был записан в «компут»[97] Нежинского полка, потом ушел в Запорожье и там-то прозван был Палеем (т. е. со-жигателем) за свои военные подвиги. В нашем сочинении «Руина» мы уже упоминали об этой личности. Во время пребывания в Сече он приобрел большое к себе уважение. Из Сечи Палей-Гурко ступил на службу польского короля Яна III именно в то время, когда король легально восстановлял козачество в Правобережной Украине. Палей был уже прежде женат и имел дочь, которая еще в 1677 году вышла за Танского, впоследствии, лет через двадцать, сделавшегося полковником белоцерковским, а потом киевским. Установившись в Хвастове с королевского дозволения, Палей по кончине жены своей в другой раз женился на какой-то вдове, о которой мы знаем, что она была сестра козака Саввы и мать сына от первого брака, Симашка. Оба — шурин и пасынок Палея — во все продолжение деятельности последнего были его верными и неизменными товарищами. Как только Палей кликнул клич на слободы, так и повалил к нему с разных сторон южнорусский народ. «Я нашел здесь край опустелый, — писал он в 1694 году Мазепе, — и работал около Хвастова, как около своего хозяйства; обширные поля засеялись хлебами, умножились жители, да не так из польских панских подданных, как с берегов Днепра, из Войска Запорожского и из Волошского края; и церкви Божий на славу имени Божия я построил и украсил». Священник Иоанн Лукьянов, ездивший из Великороссии в Святую землю на богомолье через малороссийский край, оставил любопытные черты о Хвастове в то время, когда там правил Палей. От Белогородки, принадлежавшей киевскому Софийскому собору, дорога до Хвастова шла пустым лесом. На ней не было селений. Городок Хвастов стоял на горе;вокруг всего жилья в нем был высыпан земляной вал, а по верху его шел деревянный острог. Путешественнику

---

[92] Ныне местечко Каневского уезда при р. Роси.

[93] Ныне местечко Каневского уезда при р. Роси.

[94] Ныне уездный город Подольской губернии при р. Буге.

[95] Ныне местечко Васильковского уезда при р. Унаве.

[96] Первое высшее учебное заведение на Украине, созданное при Киево-Печерской лавре. С 1701 г. — Киево-Могилянская академия.

[97] Список, реестр.

город Хвастов показался крепок не строением, а людьми («сидельцами крепок»). В его земляном вале путешественник заметил несколько ворот; в каждых воротах выкопаны были ямы, выстланные соломою. «Там, — говорит очевидец, — лежала палеевщина (т. е. Палеевы козаки), человек по двадцати и по тридцати в каждых воротах: они голы, что бубны, без рубах, наги и страшны зело, а за ними в ворота нельзя ни с чем проехать из сел: дрова ли, солому, сено… с чем бы ни ехали, — они все рвут, что собаки». Простоявши с полдня в Хвастове, путешественники ехали далее, ночевали в Палеевом селе Мироновке, а на утро приехали в город Паволочь[98], также входивший в тогдашнее владение Палея и бывший порубежным его городом. Путешественники прибыли туда в заговенье перед масленицей: в этот день отправлялось там множество свадеб. Тут встретили они толпу Палеевых Козаков, которые, как только увидали проезжих москалей, бросились смотреть на них. «Обступили нас, как есть около медведя. Все голытьба беспорточная, на ином и клока рубахи нет, страшны зело, черны что арапы и лихи что собаки: из рук рвут. Они на нас стоя дивятся, а мы им втрое, что таких уродов мы от роду не видали». Путешественник изображает палеевцев нищими; между тем по всем современным известиям оказывается, что в Палеевом владении было изобилие; да и сам тот же путешественник в своем описании выражается: «Харч в Хвастове всякая дешева, кажется, дешевле киевского».

Оставивши Паволочь, набравши там на дорогу для себя всякого съестного, а для лошадей — овса и сена, путники пустились на пять дней в «печальное и уныливое путное шествие» по пустыне, где не встретили ни городка, ни села вплоть до полуразоренного Немирова. Там снова запаслись они припасами, которые там уже были дороже, чем в Хвастове, и опять пустились другою пустынею до Сороки, где уже начинались турецкие владения. На возвратном пути из Святых мест тот же Иоанн Лукьянов с бывшими при нем богомольцами ехал через Немиров по украинской пустыне до Палеева владения в купеческом караване, возвращавшемся из Турции в Московское государство. Турки провожали путешественников и говорили, что они проводили бы их до Киева, но боятся Палея: он их не выпустит, а побьет. «Разве Палей своевольный у государя своего?» — спросили русские турок. Турки отвечали: «У нас про него ходит страшно грозная слава, и мы никого так не боимся, как его!» Добрались до Паволочи. Находившийся там наказной Палеев полковник, услышавши о приближении каравана, приказал ударить в бубны и литавры. По такому сигналу подчиненные ему козаки-палеевцы оседлали коней и выехали в поле с знаменами. «Было их, — говорит священник, — человек триста, и выскакивали они из кустов словно зайцы, кучками человек в 20 и 30, стали гарцевать на конях, бросать копья, пускать стрелы из луков, стрелять из пистолетов, а турки, провожавшие караван, как увидали палеевщину, так и стали ни живы, ни мертвы». Полковник подъехал к купцам и всех их приветствовал, а купцы угощали Козаков водкою. Караван остановился табором за городом, в поле, и полковник прислал туда овса, всякого съестного и меду. Турки далее Паволочи не стали провожать путешественников; охрану их приняли теперь на себя палеевские козаки. Когда путешественники прибыли в Хвастов, Палея там не было; он уезжал в Киев, а вместо него управляла тогда всем полком его жена. Она выслала навстречу за пять верст путникам пятьсот конных Козаков, а когда караван стал табором в поле, прислала туда говядины, калачей и вина. Путешественники пробыли в Хвастове целый день. Палеева жена звала купцов к себе на обед и говорила: «Зачем вы до нас турок не довели? Пусть бы они узнали, каков мой господин Палей, и я знала бы, как их угостить! Жаль, что без почести гостей отпустили! Я бы им дала назад провожатых человек пятьсот через лядскую землю». Из Хвастова два дня до Киева провожали путешественников палеевцы.

Это драгоценное описание современника и очевидца представляет живо быт Козаков в Правобережной Украине. Поразителен. между прочим, этот семейный порядок общественной жизни, при котором в отсутствие полковника всем его полком управляет оставшаяся дома жена, словно домашним хозяйством.

В первые годы заселения Украины козаками они верны были цели, с которою Ян Собеский предпринял восстановление козачества в крае, подвластном Речи Посполитой: козаки

---

[98] Ныне местечко Сквирского уезда при р. Раставице.

беспрестанно предпринимали военные походы против бусурман, и особенно славился ими Палей. Он, говорит малорусский летописец, не только не допускал татар опустошать польских и русских пределов, но сам ходил и посылал своих Козаков в Буджакскую орду[99] разорять татарские села: не один раз доставалось от них Очакову. Не раз крымские и белогородские салтаны, при содействии турецких янычаров, наступали на Палея с своими ордами и даже подходили под самый Хвастов, но Палей всегда счастливо побеждал их и отгонял; он взял в полон одного салтана. Постоянный борец против мусульман. Палей, однако, не чуждался и дружественных сношений с ними, когда они сами к нему дружелюбно обращались; так, однажды приезжал к нему из Буджацкой орды ага с подарками — седлом, луком и стрелами. Были между татарами у него даже родные: его сестра была когда-то взята в полон и стала женою татарина, а ее сын Чора-мурза, будучи мусульманином, приезжал в Хвастов гостить к дяде.

Заселялась Украина, умножалось войско козацкое, и Палей расставлял своих Козаков на жительство по Полесью в маетностях не только королевских, но и духовных лиц и наследственных шляхетских. Так как козаки считались королевским войском и не получали определенного жалованья, то собирали с жителей в свою пользу «борошно»: под этим словом разумелась тогда не одна хлебная мука, как теперь понимают это слово, но также деньги, возы с лошадьми и всякие хозяйственные орудия, — одним словом, все, в чем козаки могли нуждаться для своего содержания. Палей становился словно удельный владетель в своем полку, а расстановка в чужих маетностях Козаков вела к тому, чтобы со временем сколько возможно больше расширить территорию этого полка и распространить козачество, передать ему над краем господство, принадлежавшее польскому шляхетству. Другие козацкие полковники, как Искра, Самусь, Абазын, также старались об умножении народонаселения пришельцами и о расширении козачества. Абазын именовался полковником подольским, и при его стараниях населялась опустевшая Брацлавщина, возникали села за селами около Немирова, Винницы, Илинец, Брацлава. Заселялась и Поднестровщина. Стекались на новоселье пришельцы из Молдавии и Левобережной Украины, а равно из Волыни и Червоной Руси[100].

Все новосельцы делались вольными козаками и устраивались по козацкому порядку в сотни. Подобным же способом наполнялись полки Искры и Самуся, по выражению поляков — «гультайством» (бродягами), и все заодно держались палеевщины.

До 1688 года у новозаселявших Правобережную Украину не было открытых столкновений с поляками, хотя они, как малороссияне, по преданиям отцов и дедов, не любили их. Но в 1688 году Палей обратился через гетмана Мазепу с просьбою к царю принять под свою высокую руку всю Белоцерковщину и Хвастовщину и причислить к регименту войска запорожскаго. Это значило, что правобережное козачество начинает гласно заявлять то, что у него было в мысли. Московское правительство не могло решиться на такое дело, которое повлекло бы за собою разрыв с Польшею после недавно установленного мира. Палей получил ответ, что невозможно исполнить того, чего он просит; но если он сам своею особою и другие вместе с ним пожелают поступить под царскую руку, то пусть идут в Запорожье, а из Запорожья вольно будет им перейти в малороссийские города. Само собою разумеется, что такое дозволение не соглашалось с желаниями Палея: оно касалось только отдельных лиц, а Палей думал передать все правобережное козачество с его краем под единую власть царя и под управление единого козацкого гетмана. Палей замышлял поссорить Россию с Польшею; это показывает письмо его к царскому воеводе в Киеве, где сообщается, будто у польского короля заключен с бусурманами тайный договор во вред Русской державе.

Неизвестно, открытые ли поляками покушения Палея отторгнуть от Речи Посполитой Правобережную Украину, или козацкие нападения на шляхетские усадьбы были причиною, только Палей был где-то схвачен поляками и посажен в тюрьму в Немирове. Но он потом скоро

---

[99] Буджак — район между устьями рек Дунай и Днестр, место кочевья бел городской орды. Ныне — юг Одесской области.

[100] Историческое название Галиции, ныне-западные области Украины.

освободился. Между тем во время его сидения в тюрьме Хвастов — гнездо палеевцев — был захвачен поляками, и так как он издавна уже считался маетностью католического епископа, то нахлынули туда ксендзы и хотели обращать православные церкви в униатские, — как вдруг воротился освободившийся из неволи Палей, выгнал их и, как говорят, некоторым упрямым приказал отрубить головы. 22 декабря 1688 года палеевские сотники Андрущенко и Тышко с 500 Козаков напали на маетность пана Федоровича Иванков: козаки повыгоняли из домов и поколотили панских слуг, набрали немало серебра, меди, платья, оружия и всякой домашней рухляди, пять дней хозяйствовали в панской усадьбе; напоследок, насмехаясь над польскими обычаями, в первый день праздника Рождества Христова выволокли на мост дохлую свинью и говорили: «Нехай ляхи зъедять, буде им на все святки».

Вскоре в 1689 году Палей писал Мазепе, что польский король прощает его проступки и убеждает оставаться в послушании ему и Речи Посполитой, обещая свои милости, но он, Палей, с своими козаками ни за что не хочет быть под властью польских панов; все козаки того только и желают, чтобы находиться под властьювеликого государя. Палей просил дать совет, как ему поступить, когда на Хвастов нахлынут польские хоругви: бежать ли ему в Киев под защиту царской власти или обороняться, ожидая от царя помощи? Гетман Мазепа с своей стороны советовал московскому правительству принять Палея и указывал на запустелый городок Триполье, вошедший по мирному договору в черту царских владений на правой стороне Днепра: там, казалось, возможно было поселить Палея с его полчанами не без выгоды для государства в видах обороны Киева. Но из Москвы получен был ответ в прежнем смысле: никак нельзя принимать Палея с его полком, а можно принять его самого, если придет прежде на Запорожье, а потом перейдет в малороссийские города.

После того Палей, несмотря на два царских отказа принять его, усердно помогал русским в войне с бусурманами. В 1690 году Палей, как хороший знаток местностей в низовьях, руководил посланным от Мазепы козацким отрядом и с ним вместе счастливо совершил военный поход под Кизикермень.

В 1692 году отношения Палея к полякам стали неприязненнее. Это показывает своеобразное письмо к Палею пана Дружкевича, поставленного от Речи Посполитой в звании комиссара наблюдать над козаками: «Из ада родом сын немилостивый! Ты отрекаешься от подданства королю, ты смеешь называться полковником от руки царского величества, ты твердишь, будто граница тебе указана по Случ, ты грозишь разорить польские владения по Вислу и за Вислою. Смеху достойны твои угрозы! Помнишь ли, как ты когда-то пришел ко мне в первый раз в короткой сермяжке, заплатанной полотном, а ныне ты выше рта нос дерешь! Король тебя так накормил хлебом, что он у тебя изо рта вон лезет! Учинившись господином в Хвастове, в королевской земле, ты зазнался. Полесье разграбил да еще обещаешь наездом идти на наши города! Смотри, будем бить как неприятеля!» После таких угроз Палей опять обратился к Мазепе с просьбою ходатайствовать за него перед царем, и гетман снова предстательствовал за него, изображая его человеком искренно преданным царю. Чтобы успокоить опасения московской власти стать в неловкое отношение к полякам, гетман писал в приказ: «Из поступков польской стороны видно, что она не боится нарушать мирного договора, когда принимает к себе из-под высокодержавной царской руки запорожцев: прошлого года 700 их пошло в Немиров с атаманом Гладким, а потом еще 400 человек принято в королевскую службу». Но московское правительство твердило все то же, что уже прежде отвечало по поводу Палея. В декабре того же года Палей писал гетману, что поляки грозят разгонять из становищ в Полесье людей Палеева полка, а татарские мурзы обещают ему 40 000 орды на помощь, если он признает над собою верховную власть крымского хана; но он, Палей, предпочитает быть под властью православного государя. Снова гетман ходатайствовал за Палея. «Если, — выражался он в своем донесении в приказ, — теперь Палею помощи не подать, то как бы он в крайнем положении не обратился к бусурманам, и оттого будет больше беды, чем от какого-нибудь Стецика Ягорлыцкого, назначенного гетманом с татарской руки на правой стороне Днепра, или от проклятого Петрика. Палей между военными людьми имеет большую честь и за ним пойдут многие. Хотя царское величество и указывает ему способ перейти под государеву руку, но он тем не удовольствуется: он хочет удержать при себе всех людей, которые теперь у него под властью, а в Хвастовщине у него поселилось тысячи три хат и город Хвастов он хочет удержать

за собою, потому что он его устроил и укрепил». Мазепа советовал снестись с польским правительством и попытаться устроить дело так, чтобы можно было принять Палея. Но московское правительство оставалось с своим прежним решением и строго указывало гетману не вмешиваться в междоусобия, возникшие у Палея с поляками.

В следующем, 1693 году Палей вместе с высланными гетманом козаками одержал над татарами победу на реке Кодыме и за это получил от царя награду. Но вслед за тем у него с поляками возникло очень крупное недоразумение. Козаки делали нападения на шляхетские волости и переманивали панских подданных в козаки. В отмщение за то коронный гетман[101] написал Палею грозное письмо, упрекая его в разных безобразиях, а вслед за тем преемник Дружкевича, региментарь поляк Вильга, наблюдавший над козаками, предпринял поход на Хвастовщину с польскими хоругвями и с козаками, верными Речи Посполитой, под начальством своих полковников Искрицкого и Яремы Гладкого. Они напали разом на несколько мест Палеева владения в один день 29 декабря. Но палеевцы отстояли себя, и тогда отличился храбростью и распорядительностью шурин Палеев, Савва. Вильга думал было, что жители, поселившиеся в Хвастовщине, в страхе перед поляками отступят от Палея и сами отдадут его полякам в руки. Но Вильга ошибся в своем ожидании и оставил намерение добывать в руки Палея или выгонять его из Хвастова, а Палей в марте 1694 года сам приехал к гетману Мазепе и старался убедить его, как полезно будет для царской державы принять его в подданство с Хвастовщиною. Гетман угощал Палея, дарил из собственных средств и из войскового скарба, но, ссылаясь на нежелание царя принимать его в подданство и тем нарушать мир с Польшею, советовал Палею не раздражать польского короля. «Ну так я, — сказал Палей Мазепе, — присягну в верности королю, отпущу пленных жолнеров польских, какие у меня есть, не отрекаюсь и пехоту посылать королю, когда велит. Но из Хвастова ни за что не выйду, как того ляхи хотят, а як станут силно наступати, то хоч бы завчасу до якого запустелого города мав я прихилитися». И действительно, воротившись от гетмана без надежды получить пособие из Левобережной Украины, Палей послал к королю какого-то Напугу с жалобою на то, что поляки хотели его выгнать из Хвастовщины, и вместе с тем же Напугою отправил королю пленных татар как трофеи своей недавней победы над неверными. Король в письме своем похвалил Палея за подвиги против бусурман и известил, что пошлет к коронному гетману приказ наградить Козаков, участвовавших в последнем походе, и даровать полку Палея безопасное пребывание. Таким образом, между Палеем и польским королем восстановилось, по-видимому, согласие. Сам коронный гетман обращался к Палею ласково.

Пока продолжалась война с турками, польская власть нуждалась в козаках как в военном сословии и потому должна была смотреть сквозь пальцы на их явное стремление освободить народ от панской власти. Но с прекращением этой войны полякам нечего было мирволить козачеству, и они стали явно признавать его положительно вредным для своего шляхетского строя общества. Уже в течение нескольких лет совершались в Украине одно за другим события, не оставлявшие сомнения, что с восстановлением козачества неизбежно возобновление страшной борьбы южно-русского народа с поляками. Вот, например, в имении пана Стецкого рабочий, подданный Прокоп, подманивши 200 человек палеевых Козаков, навел их на усадьбу своего пана; козаки распорядились по-своему панским добром, поколотили верного панского урядника, а Прокоп кричал такие знаменательные слова: «За Вислу ляхив прогнати, щоб их тут и нога не постала!» Замечательно, что тогда козакам в их борьбе с шляхетством содействовали более всего сами же поляки. Лица шляхетского звания пользовались козаками в своих постоянных ссорах и наездах между собою и оттого часто в жалобах на своевольство Козаков указываются имена людей шляхетского происхождения, руководивших козацкими своевольствами. При таких наездах козаки угоняли панский скот, грабили домашнее хозяйство у помещиков, наделяли побоями лиц шляхетского звания с целью вымучить у них деньги, истребляли владельческие документы на право владения маетностями. Иногда козаки делали очень резкие выходки противу поляков, показывавшие сильную вражду и желание разорваться с ляхами. На козацкого полковника Кутиского-Барабаша последовала коллективная жалоба от

[101] Командующий польской армией.

всего шляхетства киевского воеводства в том, что он расставлял своих Козаков во владельческих маетностях и отягощал их сбором «борошна». Коронный гетман отправил к нему посланцев из владельцев с выговором, а Кутиский-Барабаш посадил их в тюрьму, морил голодом и с гневом выразился так: «Я ани короля, ани гетмана не боюсь; у меня король — царь турецкий, а гетман — господарь волоский, — бо треба тое ведати: где Барабаш, там ничого не маш». Подобную же выходку встречаем мы в 1697 году во время бывшего в Польше бескоролевия по кончине короля Яна III: сотник Палеева полка Цвель с своими козаками напал на каптурового[102] судью Сурина, ездившего для исполнения своей судебной обязанности в село Калиновку. Козаки, встретивши его на дороге, закричали: «Бийте ляхов, бийте! Нехай не ездють на суды; тут наш козацкий суд!» С такими словами козаки поколотили и самого господина, сидевшего в коляске, и его прислугу, забрали у него деньги, оружие, вещи, съестные запасы, а все судебные документы повыбрасывали и истребили.

При короле Августе II, тотчас после примирения с Турцией в 1699 году в Польше собран был «примирительный» сейм, названный так потому, что был созван с целью утвердить мирный договор с Турциею. На этом сейме было постановлено распустить войско и уничтожить козачество, так как восстановление его при покойном короле Яне III было предпринято только с временною целью ввиду войны с турками. Палей владел Хвастовом с королевского дозволения, но теперь Речь Посполитая в его услугах уже не нуждалась и опасно было, — говорит поляк-современник, держать в соседстве этого хлопа, который не только никогда не слушал гетманских ордонансов, но захватил имения разных панов вблизи Хвастова и обратил их в помещение своим козакам, так что разве только самые великие паны могли брать какие-нибудь доходы с своих маетностей. В подтверждение этому известию можно указать на многие в 1699 году жалобы владельцев на то, что по причине занимаемых козаками становищ и неповиновения собственных подданных, подстрекаемых козаками, владельцы не получали с своих маетностей никаких доходов.

В исполнение сеймового постановления коронный гетман издал универсал, обращенный к полковникам: Самусю (носившему у поляков звание наказного гетмана), Палею, Искре, Абазыну, Барабашу и, вообще, ко всем козакам. Он извещал их всех, что сейм Речи Посполитой постановил распустить козацкое войско, отныне всякая козацкая служба прекращается, и козаки теряют уже право занимать становища в чьих бы то ни было маетностях: королевских, духовных или шляхетских, — все там находящиеся должны выбраться оттуда, иначе будут признаны своевольными и непослушными ватагами и он, коронный гетман, прикажет истреблять их как неприятелей; для этой цели снаряжает он несколько хоругвей и пеших полков. По известию современного историка, католический епископ прислал к Палею двух ксендзов в качестве своих комиссаров требовать возвращения маетности. Палей этих ксендзов посадил в тюрьму, потом выгнал прочь и отвечал: «Я не выйду из Хвастова; я основал его в свободной козацкой Украине; Речи Посполитой до этого дела нет, я же настоящий козак и гетман козацкого народа». Тогда коронный гетман, как рассказывает тот же современный историк, замыслил усмирить грубого хлопа, не раздувая большого огня, и дал поручение схватить Палея генералу Брандту, стоявшему с вверенным ему отрядом войска в Белой Церкви. Брандт устроил так порученное ему дело: он отобрал несколько десятков человек и приказал им притаиться в лесу недалеко от Палеевых пасек, а в Хвастов к Палею послал иудея, который прежде часто вел торговые сношения с Палеем. Иудей на этот раз должен был прикинуться, будто приехал покупать мед, и этим способом вытащить Палея к пасекам. Но Палей был тогда пьян и сам не поехал, а послал с иудеем своего пасынка Симашка. Симашко был уже на четверть мили от города, как один пасечник дает знать Палею, что близ пасеки в лесу явились какие-то люди и стоят, закрывши себя и лошадей своих древесными ветвями. Палей послал вдогонку известить о том пасынка. Симашко тотчас убил в поле иудея, с которым ехал, вернулся в Хвастов, собрал отряд конных козаков, пошел с ними на засаду и уничтожил ее.

После того уже в следующем году, как это видно из современных актов, коронный гетман

---

[102] В Польше на время бескоролевья упразднялись прежние суды и учреждались временные, имевшие силу до избрания нового короля и называемые каптуровыми.

Яблоновский послал под Хвастов региментаря Цинского с четырьмя тысячами польского войска. Но Палей заранее проведал о намерениях поляков, созвал со всей своей Хвастовщины обывателей с женами и детьми в город и приказал около старого города построить «загороду», куда велел свезти сена и хлеба и сложить в скирды, намереваясь обороняться хотя бы и долгое время. Когда польское кварцяное войско[103] приблизилось, подполковник Гольц выступил из него вперед с 200 гренадерами, ночью подошел к загороде и пустил гранаты в скирды сена и хлеба. Сделался пожар, во время которого сгорело несколько Козаков. По известию польского современника. Палей отделался от коронного гетмана тем, что прислал ему несколько бочонков с деньгами; тогда поляки отошли и расположились на зимовых квартирах в местечках и селах около Хвастова, а потом скоро совсем удалились оттуда. Малороссийские летописцы представляют это дело иначе: они говорят, что Палей, ожидая нашествия польской военной силы на Хвастов, заранее расположил своих полчан в засаде за лесом, а сам с прочими полчанами заперся в городе. Стоявшие в засаде ударили на поляков в то время, когда Палей напирал на них из города, и таким образом они были прогнаны от Хвастова. Польский историк говорит, что коронный гетман, как в то время подозревали, был очень нерасположен к затеям короля Августа начинать войну со Швециею в союзе с московским государем; напротив, хотел, чтоб, окончивши продолжительную войну с турками, Речь Посполитая начала бы новую войну с Московским государством. Но в какой степени справедливо судили о коронном гетмане Яблоновском его соотечественники, об этом узнается разве в долине Иосафатовой, замечает польский историк. Из дел того времени видно, что польские жолнеры, возвращаясь из-под Хвастова, терпели от русских жителей разные поругания и оскорбления. Сам Палей, говорит польский историк, избавившись от польских военных сил, не только не думал отдавать полякам Хвастова, но продолжал захватывать под свое владение маетности разных панов и разорять шляхетское достояние. Так, в мае 1700 года племянник Палея Чеснок с козаками разорил маетность пани Ласковой, а того же года в октябре палеевские козакн, в соумышлении с некиим паном Самуилом Шумлянским, напали вооруженные на маетности пана Олизара, поколотили подстарост и урядников, забрали хлеб, стоявший в стогах, скот, лошадей, хозяйственную рухлядь, питье в полубочках и деньги. поступавшие в экономию от арендаторов. В следующую за тем зиму пан микульский поссорился с своею соседкою панею Головинскою, взял от Палея «приповедный лист» для набора своевольных Козаков и с этими козаками напал на имение Головинской. выгнал владелицу, сжег ее усадьбу и разогнал ее людей.

Дружелюбные отношения Палея к гетману Мазепе стали охлаждаться. Уже с 1694 года между ними пробежала, как говорится, какая-то черная кошка. Мазепа в своих донесениях в приказ замечал, что Палей становится уже не тот, каким был до сих пор. что он уже начинает сходиться с поляками, а от него, гетмана, о том таится; его собственные полчане говорят о нем, что он на две стороны свою службу показывает — и полякам, и православному царю, притом беспрестанно пьет. Но наружно Мазепа продолжал оказывать дружелюбное внимание к правобережному полковнику, и Палей приезжал к гетману в гости на свадьбу его племянника Обидовского. Возраставшая слава Палея, усиливая любовь к нему народа не только на правой, но и на левой стороне, возбуждала в гетмане тайную досаду и зависть; все малороссияне видели в Палее истинного козака-богатыря, а на счет Мазепы никак не могло уничтожиться предубеждение, что как он ни прикидывается русским, а все-таки на самом деле он «лях» и пропитан насквозь лядским духом. В таких отношениях находился глава правобережного козачества с малороссийским гетманом, когда шляхетство показывало более и более свирепого раздражения против Палея и всего козачества.

В 1701 году на сеймике Волынского воеводства обязали отправленных на генеральный сейм послов добиваться, чтобы гетман коронный привел в исполнение сеймовый декрет 1699 года об уничтожении козачества, выгнал бы Палея и предал бы «инфамии»[104] всю его

---

[103] Регулярная наемная армия, содержавшаяся за счет четвертой части доходов с королевских имений, так называемой кварты.

[104] Лишению чести.

старшину. В подобном враждебном козачеству духе отозвалось шляхетство Киевского воеводства в ноябре того же года, выразивши в инструкции, данной своим послам на сейм. домогательство выгнать Палея и уничтожить козачество.

Таким образом, шляхетство южно-русского края выступило против козачества с решительным намерением снести его с лица той земли, которую Польша считала своим достоянием. В силу таких настоятельных требований шляхетского сословия король Август II предписал Палею вывести все козачество из воеводств Киевского и Брацлавского и распустить конную и пешую козацкую милицию. Летом 1702 года поляки стали приводить в исполнение постановление своего сейма и смысл королевского декрета: владетели коронных имений и «дедичные» паны в сопровождении вооружейной силы кварцяного войска панских отрядов стали наезжать на украинские городки, домогались изгнания Козаков и водворения шляхетского господства в крае.

Тогда началось против шляхетства противодействие со стороны южно-русского народа, грозившее возобновлением страшной для панов эпохи Богдана Хмельницкого.

Первые признаки такого противодействия показались в Богуславе. Самусь, носивший данное ему королем Яном III звание наказного козацкого гетмана, прежде жил в Виннице: по заключении мира с турками поляки удалили его оттуда и приказали жить в Богуславе с званием только полковника, но вместе с тем поручили ему быть осадчим, т. е. накликать поселенцев в богуславское староство. Теперь вдруг назначен был в Богуслав подстароста и прибыл в этот город отбирать его под свою власть. Самусю с козаками приказывали уходить прочь. Но в ту пору в Богуславе у Самуся был другой козацкий полковник Харько Искра и Палеев пасынок Симашко. Новый подстароста тотчас же по своем прибытии стал обращаться с жителями «досадительно». За это его убили. а вслед за ним стали избивать иудеев. По примеру Богуслава то же стало происходить и в других украинских местностях. Прогнали и частью перебили шляхтичей и иудеев в Корсуне и в Лисянке, а затем по новозаводимым слободам начали изгонять польских осадчих, созывавших на жительство поселенцев во имя своих панов. Пасынок Палея Симашко заохочивал народ к восстанию, хотя Палей сообщил гетману, что Симашко очутился в восстании случайно. Палей уверял, что он сам не рад тому, что происходит. и просил дать совет, как ему поступать. «Не вмешивайся в это дело, а сиди смирно, как сидел», — отвечал ему гетман. С своей стороны, Самусь обращался три раза к гетману, заявляя, что общее желание всех Козаков правой стороны Днепра — поступить под высокую руку царского величества и состоять под единым регментом гетмана, признаваемого царем. «Уже изо всех наших городов, — сообщал Самусь, — выгнали лядских старост, панов и жидов, а многих жидов крестили; держится у ляхов еще одна Белая Церковь, но все жители оттуда выбежали, а остались в замке служилые поляки; к ним пристали те, что ушли туда из Корсуна и Лисянки, да наберется еще человек пятьдесят шляхты: ожидают они себе из Польши военной помощи, но мы слышим, что король со шляхтою не в любви. Я поневоле должен был обороняться от ляхов: они ведь мне смерть задать собрались. Не дают ляхи мне при старости укрух[105] хлеба съесть. Они хотят наших детей в котлах варить». Самусь объявлял, что непременно хочет воевать с ляхами и добывать Белую Церковь. Он умолял прислать ему в помощь какой-нибудь полк и заранее заявлял, что если начнут ляхи его стеснять, то ему ничего не остается более, как уходить на левый берег Днепра. Мазепа отвечал: «Помочи тебе не подам и без царского указа тебя не прийму. Без моего ведома ты начал и кончай, как знаешь,по своей воле». В донесении своем в Приказ Мазепа приводил соображения, что Самусь делает это, должно быть, с чужого подущения; сам он человек простой и необразованный и едва ли без чужого совета додумался бы до этого. «Бунт распространяется быстро, — писал гетман, — уже от низовьев Днестра и Буга по берегам этим рек не осталось ни единого старосты, побили много мешан — поляков и жидов, другие сами бегут в глубину Польши и кричат, что наступает новая хмельнищина. Впрочем, случившаяся на правой стороне Днепра смута принадлежностям нашим зело есть непротивна. Пусть господа поляки снова отведают из поступка Самусева, что народ малороссийский не может уживаться у них в подданстве; пусть поэтому перестанут

---

[105] Кусок (от польск. ukruszyc — отломить).

домогаться Киева и всей Украины».

По царскому указу в августе 1702 года гетман приглашал Палея участвовать с своими полчанами в войне против шведов. Палей отвечал, что рад бы служить царю, да не смеет выходить, потому что на него собираются польские военные силы в Коростышове, и как только он выйдет, гак они и Хвастов разорят и людей православных перебьют. «Всему свету известно, — выражался Палей, — что ляхи уже не одного сына восточной церкви удалили с сего света и много христиан мечом истребили в нашей достойной слез Украине». Палей умолял гетмана о помощи (о ратунку). Но гетман не смел вмешиваться, хотя и писал в приказ, что, по его мнению, было бы можно подать Самусю помощь, только тайно. Гетман сам должен был находиться в осторожности. Волнение правобережных Козаков против польских панов могло отозваться соответственно и на левой стороне Днепра, где еще недавно запорожцы с Петриком возбуждали поспольство против своих панов. Теперь, как только на правой стороне Днепра пошла расправа с поляками и иудеями, так и на левой, в Переяславском полку, стали порываться бить иудеев. Бить ляхов и жидов продолжало еще для всего малороссийского народа казаться делом привлекательным; побеги с левой стороны Днепра на правую увеличивались особенно, когда в народе господствовало нерасположение к московской власти. Мазепа писал в приказ: «Все поселяне на меня злобятся; здесь, говорят, нас изгубят москали, и у каждого мысль уходить за Днепр».

Шляхта воеводств Киевского, Подольского и Волынского оповестила посполитое рушенье[106] всей своей братии на усмирение козацкого и хлопского восстания, поднятого в Богуславе и Корсуне с подущения Палея. Коронного гетмана, главным образом, просили выгнать Палея из Хвастова. Посполитое рушенье местного шляхетства признавалось на ту пору единственной мерою спасения, потому что польское кварцяное войско отвлекалось внутрь государства для отражения вторгшихся шведов. Между тем Самусь двинулся на Белую Церковь, написал гетману Мазепе, что хотя замок там хорошо укреплен, но по причине малолюдства не устоит против него. 7 сентября из табора под Белою Церковью Самусь разослал ко всем козацким старшинам универсал, в котором извещал, что присягнул за весь народ украинский быть до смерти верным царскому пресветлому величеству и пребывать в покорности гетману Мазепе, что в настоящее время он с козацким войском находится под городом Белою Церковью против неприятелей поляков и все с ним единодушно будут добиваться, чтобы ляхи с этих пор ушли навсегда из Украины и уже более по ней не расширялись. «Прошу вас, господа, — выражался Самусь, — приложите все старание ваше, соберите изо всех городов поднестранских охотное товариство в сотни и тысячи и поспешите стать с нами заодно. Как скоро Бог нам поможет взять белоцерковский замок, мы не станем тратить времени и тотчас двинемся на противников наших польских панов». Этот универсал послан был к поднестровским козацким старшинам Валозону, Палладию и Рынгошу.

Недаром Самусь тогда обратился в поднестранский край. Начавши от Богуслава и Корсуна, восстание, поднятое Самусем, пошло на запад к Бугу и Днестру. «Хлопы, жадные крови шляхетской, как выражались поляки, поднялись…» Города за городами, села за селами выбивались из-под господства владельцев, и скоро восстание доходило уже до Каменца. Подоляне прислали к Палею просить быть «патроном» народного восстания против ляхов. Палей вначале хотя и дружил тайно с Самусем, но не выказывался с открытою враждою ко всем полякам; он, по-видимому, следовал совету Мазепы — не мешаться в поднявшееся восстание. Но само шляхетство озлобило его, указывая в своих заявлениях на Палея как на первейшего врага и добиваясь, как мы уже говорили, от коронного гетмана паче всего изгнания этого человека из Хвастова. Поэтому Палей принял предложение поднестрян и отправил к одному из подольских предводителей, Палладию, своего неутомимого пасынка Симашка и какого-то Лукьяна с своими полчанами. В то же время Палей отправил 1500 своих полчан в другую сторону, к Белой Церкви, в подмогу Самусю, а потом и сам туда поехал.

Две недели простоял Самусь под Белою Церковью. Козаки насыпали шанцы. Тут приехал к Самусю от нового коронного гетмана, Иеронима Любомирского, некто Косовский и объявил,

---

[106] Ополчение.

что если Самусь положит оружие и покорится королевской воле, то получит прощение от короля и Речи Посполитой за все то, что происходило в Богуславе, Корсуне и других местах, где были побиты поляки и иудеи. Самусь отвечал: «Мы тогда будем желательны королю и Речи Посполитой, когда у нас во всей Украине от Днепра до Днестра и вверх до реки Случи не будет ноги лядской».

Но тут Самусь услышал, что против него на помощь польскому гарнизону в Белой Церкви идет региментарь Рущиц с двумя тысячами польской военной силы. Самусь отошел от Белой Церкви вместе с полковником Искрою и оба двинулись к Котельне, где, как они осведомились, стояли ляхи. К Рущицу присоединился пан Яков Потоцкий с надворными хоругвями[107] и с ополчением шляхты киевского воеводства. У Самуся было тысяч около двух своих козаков и полторы тысячи палеевцев под начальством Омельченка. Поляки были многочисленнее Козаков, но у них происходили нестроения и взаимные ссоры: Рущиц и Потоцкий не ладили между собою за первенство. Поляки из Котельни ушли в Бердичев. Козаки 16 октября подошли к этому городу. В это время Потоцкий, желая перетянуть на свою сторону воинов Рушица, своего соперника, поил их вином, и когда, таким образом, шляхетские головы были разогреты, вдруг козаки ворвались в Бердичев и начали рубить всех, кто попадался им под руку; многие в ужасе пустились бежать, но попадали в воду; сам Потоцкий едва спасся бегством. Козаки, усиленные хлопами, приставшими к ним из соседних сел, разграбили табор Потоцкого. Рущиц с частью своего войска ушел в замок, но через четверть часа козаки взяли этот замок, и Рущиц ушел в одной рубахе к волынской шляхте, стоявшей неподалеку в ополчении. Весь его отряд был изрублен. Городки: Пятка, Слободище и другие, вслед за Бердичевым, пристали к козакам.

Разделавшись таким образом с польским отрядом, шедшим на помощь белоцерковскому гарнизону, Самусь с Искрою воротились к Белой Церкви. Там во время отсутствия Самуся продолжал стоять Палей, но отходил на некоторое время в Хвастов, оставляя начальство одному из своих свойственников по жене, Михаиле Омельченку. Говорили, что у Палея на голове появлялась какая-то болезнь, но сам Палей шутил над собой и говорил: «Колы не напьюсь, то и нездужаю». Носился слух, что он тогда досадовал на Самуся за то, что Самусь не отдал ему булавы своей после того, как громада подольская просила его, Палея, быть патроном. т. е. руководителем восстания.

Козаки продолжали стоять под Белою Церковью семь недель, и, наконец, этот город был взят ими в исходе ноября. Козаки овладели 28 пушками и большим запасом пороха, гранат и свинца. Палей, как рассказывают, в знак торжества въехал туда шестернею в карете, показывая тем, что он есть пан полковник белоцерковский. Все три козацких предводителя прислали Мазепе коллективное письмо, просили принять Белую Церковь под власть царскую, назначить туда осадчего и уже не возвращать ее ляхам.

После расправы с Белою Церковью Самусь двинулся на Немиров, где поляки озлобили против себя русских безжалостными казнями пойманных мятежных хлопов. В Немирове, кроме тамошнего поспольства, находился польский гарнизон и немного шляхты из воеводств Брацлавского и Волынского. Козаки в числе 10000 подступили к городу, и немировское поспольство тотчас передалось своим единоверцам, а потому город был взят без затруднения. Всех поляков и жидов истребили, кроме тех из. последних, которые изъявили готовность принять христианскую веру. По известию современника Залуского, местные хлопы замучили коменданта, обрубливая ему руки и обрезывая губы, а у ксендза — иезуита Цаполовского содрали с бороды кожу у живого. Затем козаки овладели Баром, откуда малочисленный польский гарнизон убежал в Меджибож.

Во все то время, когда Самусь и Палей добывали Белую Церковь, в прибужской и поднестранской стране происходили события, напоминавшие времена Богдана Хмельницкого. В Брацлавском воеводстве еще в июле некто Хведорина и Тригуб, беглый хлоп, собрали шайку мятежных хлопов, «гультайства», напали на Илинцы — имение Лещинского, — изранили и искалечили тамошнего панского губернатора (управителя); восставшие рассеялись по окрестностям шайками, которые беспрестанно увеличивались пристававшими хлопами и

[107] Королевской или магнатской конницей.

производили всякие бесчинства в имениях Жолкевского и Юрия Любомирского. В Подольском крае (собственно в воеводстве Подольском) появились «левенцы», по объяснению тамошнего шляхетства — разбойники, посягавшие на личности и имущества шляхетских обывателей. Надобно иметь в виду, что воеводство Подольское еще недавно вместе с Каменцем возвращено было Польше от Турции, польские паны стали там заводить поселения и приманивали новопоселенцев льготами от работ и даней на известный срок; новопоселенцы, приходя туда, не водворялись прочно на одних местах, а шатались от одного владельца к другому и отличались буйным духом. Рядом с панскими слободами заводил козацкие слободы из разных выходцев козацкий полковник Абазын, и эти слободы поддерживали во всем крае козацкий дух. Нетвердо прикрепленное к власти панов население разом заволновалось, и в сентябре шляхетство жаловалось, что взбунтовавшееся хлопство не дает спуска ни шляхте, ни губернаторам. Хлопы с женами и детьми бежали отовсюду к поднестранскому полковнику Абазыну, заклятому врагу поляков и иудеев. К нему в содействие явился Палеев пасынок Симашко: в двадцати волостях перебили они арендаторов иудеев, изгнали шляхтичей, ограбили и разорили их усадьбы и объявили край козацким. Шляхетство спасало жизнь свою бегством в глубину Польши, забирая с собой все, что успевало схватить на скорую руку, и стараясь взять с собою письменные документы на владение маетностями, чтобы впоследствии сохранить на них законное право. Иудеи с женами, с детьми и с купеческими товарами спешили также в глубину Польши; их на дороге грабили не только козаки, но даже и шляхтичи. В иных местах не осталось ни единого иудея, ни католика. Сделался такой переполох, что люди не знали, кого им бояться — Козаков или поляков, тем более что некоторые владельцы шляхтичи, пользуясь смутным временем, нападали на свою же братию владельцев, с которыми прежде были в ссоре, и производили пожары и грабежи. Хлопские шайки составлялись и возрастали не по дням, а по часам, ивсе эти шайки величали себя козаками Палея и Самуся. Так, например, одна шайка, напавши на панское имение, схватила жену губернатора, домогалась от нее выдачи жида и кричала: «Дай нам, така-сяка, горелки, бо мы будем з тобою чуда робити; пизнаешь Козаков Самусевых! Куда подила жида? Говори, а то мы з тобою вместе и твою хату перевернем». У иудеев выпивали горелку, истребляли утварь и имущество, самих убивали и трупы бросали на съедение псам. Молодцы гонялись по дорогам за бегущими шляхтичами, и как поймают какого, тотчас бьют дубьем. топчат ногами, ведут к реке, угрожая утопить, или оберут и обнажат, привяжут к дереву и покинут на произвол судьбы. Все начальники таких шаек именовались полковниками. Зимою 1702—1703 годов явился на Подолии некто Хведор Шпак, именовавший себя полковником войска запорожского. Он писал каменецкому коменданту, что идет на панов по приказанию короля, ради того, что дедичные господа владельцы утесняют своих подданных вопреки королевской воле. Есть известие, что под именем полковника Шпака своевольствовал осадчий Билоцкий с людьми, которые к нему понаходили, и немалую толпу католиков и евреев продавал он татарам. Другие известные полковники, взбунтовавшие Могилев, Калюс, ушицу, Лоевцы, Козлов, Лятаву, Ластовцы, Ярышов, Жван, были: Скорыч, Мидопака, Аксентий Сотник, Дабижа. Дерикалика; их шайки составлены были в значительной степени из молдаван. Расправляясь с врагами русской веры и русского народа, они не довольствовались простыми убийствами, а сопровождали их варварскими истязаниями, отсекали руки и ноги, насиловали шляхетных жен и девиц, ругались над костелами и синагогами. Но они, чувствуя свое относительное малосилие, не смели зацеплять укрепленных городов и нападали только на такие жилые местности, которые стояли открытыми. Только на город Староконстантинов напали они и вконец его разорили. Мещане униаты и католики были им враждебны, как шляхтичи и жиды, но православные мещане в некоторых городах сами шли в мятежные шайки и вместе с хлопами трепали поляков и иудеев.

Долго шляхте и евреям в Подолии не было никаких средств спасения, кроме бегства. Кварцяное войско было занято войною против шведов, и не ранее как 4 декабря польный гетман[108] Сенявский издал универсал, извещая, что идет на укрощение козацкого мятежа.

Хотя восстание было вполне хлопским, т. е. мужичьим, но впоследствии многие лица

---

[108] Заместитель коронного гетмана.

шляхетского звания привлечены были к суду за участие в нем. Мы упомянули о том, как иные под всеобщее смятение делали обычные наезды друг на друга. Оставалось еще, впрочем, очень немного православных шляхтичей, не успевших, подобно прочей своей братии, изменить отеческой вере. Таким из последних могикан своего времени был тогда Данило Братковский. Получивши отличное воспитание, он занимался литературою и напечатал по-польски сочинение под названием «Мир пересмотренный по частям» («Swiat poczesci przejrzany»), где в сатирическом тоне изобразил пороки шляхетского общества. Этот господин подобрал около себя кружок шляхтичей, сохранивших, подобно ему, православную веру, и на сеймиках воеводств Киевского и Волынского вместе с ними составил для послов, отправляемых на сейм в Варшаву, инструкцию, в которой требовались гарантии свободы православного вероисповедания. Римско-католическая партия, составлявшая на сеймиках и на сейме большинство, сильно озлобилась за это, и православная вера вместо требуемого облегчения подверглась еще большим стеснениям и унижениям. Так, после возвращения Польше Подолии в Каменце не дозволялось селиться православным; весь подольский край в церковном отношении был изъят от ведомства киевского митрополита и подчинен исключительно львовскому униатскому владыке, как будто там уже не было вовсе и не должно быть православия. Братковский в 1701 году пристал к Палею и распускал сочинения в защиту прав православной религии. Вслед за тем Братковский отправился в Батурин к Мазепе, с которым был близок уже давно. Он возвращался оттуда во Львов, где имел тогда место своего жительства, и направился не прямым путем через Киев, а через Полесье, для осторожности от поляков, которые за ним наблюдали. Переодетый, он хотел обойти обоз волынского посполитого рушения, вышедшего на войну против мятежных хлопов, и был схвачен. Он был предан суду в Луцке и обвинен в том, что, «враждуя к унии, ездил в Украину, на возвратном пути возмущал народ и Козаков, всегда шатких в верности Речи Посполитой, и тем придал огня мятежу, возникшему под предлогом сочувствия к своей религии, будто бы угнетаемой поляками, чего никогда не бывало». Такой приговор был произнесен над ним. Его подвергли огненной пытке; он ничего нового не показывал и ни от чего уже сказанного не отпирался. Его казнили мучительною смертью 25 ноября 1702 года.

Гетман Мазепа не только не смел оказывать сочувствия русским, восставшим на правом берегу Днепра, но в ноябре 1702 года получил от царского резидента в Варшаве, князя Григория Долгорукого, письмо такого содержания: «Шведский король хитрыми вымыслами, по совету приставших к нему польских изменников, велел распространять слухи, будто его царское величество указал вашей вельможности послать 20000 войска на помощь Самусю, назвавшемуся царским гетманом, и будто мятежи, поднявшиеся в Украине, возникли с позволения нашего государя. Речь Посполитая приходит в немалое подозрение. Необходимо всем на деле доказать, что этот мятеж начался без воли царской и не приносит никакой пользы его царскому величеству; необходимо стараться угасить этот огонь, препятствующий Речи Посполитой обратить оружие против шведов». Гетману указывалось вести непрестанные сношения с польскими коронными гетманами и не допускать своих Козаков присоединяться к мятежникам.

Вслед за тем в декабре и в феврале 1703 года гетман в письмах к коронному гетману старался уверить в неосновательности слухов, распускаемых правобережными бунтовщиками, будто они действуют с царского согласия.

Польский король Август писал универсал к Палею, укорял его за смуту и убеждал Козаков разъехаться по домам. В 1703 году успехи короля шведского в Польше были чрезвычайны. Обе столицы попадали под власть его, а польские паны думали, как бы помирить враждующих королей, своего и шведского, и подвинуть их к союзу против России. Они-то и старались утвердить мнение, будто мятежи в Украине возбуждаются с русской стороны. Даже и в массе южно-русского народа носились такие соблазнительные вести, будто со стороны гетмана Мазепы дано обещание помощи Самусю. Польский коронный гетман просил малороссийского гетмана оказать помощь к укрощению бунта в Украине. Но гетман Мазепа ограничился только тем, что посылал увещательные письма к Самусю и Палею, а по рубежу приказал расставить караулы для преграждения охотникам пути к правобережным мятежникам и угрожал смертною казнью за самовольные побеги. Мазепа должен был в то же время делать

уступки своим старшинам и, вообще, козакам, которые, как истые малороссияне, все-таки смотрели с недружелюбием к полякам на то, что делалось в их государстве. Вероятно, по этой причине гетман тогда писал канцлеру Головину, что лучше было бы теперь принять от Палея Белую Церковь в царское владение. Государь, вместо соизволения на такую мысль, опять предписывал гетману учреждать построже караулы, чтобы не пропускать малороссийского народа за Днепр для участия в мятеже против поляков, а к Самусю и Палею писать, чтоб они возвратили Белую Церковь польскому королю как законному властителю. С этою же целью царь отправил к Палею генерала Паткуля уговаривать козацкого полковника исполнить волю союзных государей, а король Август написал Палею снова увещание о том же и выставил ему неуместность сделанного заявления, что он отдаст Белую Церковь только тогда, когда русский царь прикажет. Палей не сопротивлялся воле двух государей, но и не спешил ее исполнить. Польские паны, понуждая Мазепу оказывать им содействие в укрощении восставшего народа, подозревали искренность и царя, и гетмана. Царский резидент при польском дворе письменно сообщил Мазепе, что поляки распускают слухи, будто Мазепа содействует Палею, что поляки готовы повиноваться пришедшему к ним неприятелю, а союзников и друзей подозревают во вражде к себе.

Но поляки все-таки укротили восстание южно-русского народа. Небольших усилий стоило польному гетману Сенявскому уничтожить шайки хлопов и отнять Немиров у Самуся. Последний убежал в Богуслав. Сенявский осадил Ладыжин. Туда ушли козаки, вытесненные из Немирова; там же заперся с 2000 человек полковник Абазын. После упорной битвы Немиров был взят. Абазын был посажен на кол; все бывшие с ним, и старые и малые, — истреблены. По одним известиям, погибших было до двух тысяч, а другие простирают их число до десяти тысяч. Другой предводитель мятежных русских хлопов, Шпак, был в феврале разбит воеводою киевским Потоцким и генералом Брандтом. По предложению пана Потоцкого, носившего титул воеводы киевского, всем хлопам, заподозренным в восстании, отрезывали левое ухо и, по свидетельству современника, может быть, преувеличенному, таким способом заклеймено было до 70 000 человек. Сначала был повальный суд победителей, и пойманных казнили тотчас, на месте поимки. Тогда хлопы, поделавши обширные засеки, забирались туда и сидели там, защищаясь с своими женами, детьми, с домашним скотом и всякою рухлядью. Жолнеры добывали их оружием и тотчас истребляли, без разбора пола и возраста. Но потом стали предавать виновных установленным судам, и тогда приходилось подвергать смертному приговорцелые селения, так как по суду оказывалось, что жители все огулом принимали участие в мятеже. Иногда, однако, спасали их от смерти сами владельцы, жалея своих подданных, от которых все-таки надеялись впоследствии иметь рабочую силу.

Так прошла вся последовавшая зима 1703—1704 годов. В королевском универсале августа 2-го главными укротителями этого восстания называются: два князя — Януш и Михал Вишневецкие, два Юрия Любомирских — коронный обозный[109] и подкоморий[110] и двое Потоцких — Иосиф, воевода киевский, и Яков, староста Хмельницкий.

Мазепа, сообщая в приказ о том, что отобрание Белой Церкви от Козаков для отдачи ее полякам представляет затруднение, писал: «Не могу брать на душу греха, чтобы приветными уверениями склонять Палея, Самуся и Искру к послушанию, а потом отдать их полякам в неволю. Не могу заверять их, что они останутся целы и невредимы как в своем здоровье, так и в пожитках. Поляки не только над козаками, но и над всем русским народом, находящимся у них под властью, поступают по-тирански. Это показали недавние дела их в Поднестровщине и в Побужьи, где они, отмщая за бывший мятеж народный, многих казнили, иных вешали, других бросали на гвозди или сажали на кол».

В продолжение всего 1703 года Сенявский напрасно посылал Мазепе убеждение за убеждением расправиться оружием с Палеем и другими мятежниками и принудить отдать полякам Белую Церковь. Польские паны вообще были уверены, что Мазепа более чем

---

[109] Высший административный и военный чин, отвечавший за снабжение войск и за артиллерию.

[110] Судья по межевым делам в польском судебном аппарате.

кто-нибудь может это сделать. Мазепа знал, что если бы он начал исполнять польское желание, то раздражил бы весь левобережный народ против себя, а потому ограничивался только тем, что посылал неоднократно к Палею требование отдать Белую Церковь полякам; расставленные же по днепровскому побережьюкараулы не пускали народ бегать за Днепр «на своеволье». Палей нимало не спешил отдавать Белой Церкви, — напротив, укреплял ее и умножал свою военную силу всяким «гультайством». Мазепа доносил на Палея, что когда он получал от царя жалованье, то разглашал об этом, и оттого пошли слухи, будто царь потакает бунтам. «Палей, — выражался Мазепа, — человек ума небольшого и беспросыпно пьян; как получит жалованье, тотчас напьется, наденет соболью шапку и щеголяет в ней, да хвастает, чтобы все видели: вот-де, какая ему монаршая милость». Немного времени спустя Мазепа писал Головину, что Палей внушает опасность: как бы он не поладил с поляками, передавшимися на сторону шведского короля.

Наступил 1704 год. В первый день этого года явился в Переяслав к тамошнему полковнику Мировичу Самусь и изъявил желание сдать Мазепе, как гетману всего войска запорожского, знаки гетманского достоинства, некогда данные ему, Самусю, от польского короля. Вслед за ним туда же приехал корсунский полковник Искра с такою же покорностью и говорил: «Мы с поляками не можем ужиться! Не знаем, где нам и деться, если не будем приняты от православного монарха и от гетмана обеих сторон Днепра». С царского разрешения гетман 24 января принял от Самуся гетманские клейноты в Нежине. Тогда к Палею опять была послана царская грамота об отдаче белоцерковской «фортеции» польскому королю — союзнику царя; при этом Палею грозили, что если так не станется, то Белую Церковь возьмут и займут великороссийские и малороссийские войска, хотя бы и силою, и потом она будет отдана полякам. Мазепа сообщал в приказ, что Палеев полковой обозный Цыганчук, приезжавший к гетману со свадебным платком по случаю брака Палеева пасынка с дочерью киевского мещанина, говорил, что Палей сносится с Любомирскими и получает от них подарки, а в то время Любомирских подозревали в нерасположении к королю Августу и в склонности к шведской стороне. «Не лучше ли будет, — писал Мазепа Головину, — если я зазову Палея куда-нибудь хитростью и задержу, пока состоится указ царский о взятии Белой Церкви и об отдаче ее ляхам? Иначе, если Палей самовольно сойдется с ляхами, то добра от этого не будет. Через людей нашей породы они на сей бок огонь вскинут».

После того как не стало на правой стороне Самуся и Искры, Палей остался там единственным борцом за козачество, приобретал еще более веса и славы в народе и казался гетману немил и опасен еще более, чем прежде. Мазепу давно уже обвиняли в наклонности отдать Украину Польше; и теперь еще (в конце 1703 года) прислан был в Батурин из Москвы человек, явившийся с доносом на гетмана, будто он сносится со сторонниками шведского короля в Польше; но царь не верил никаким доносителям и прямо отсылал их к гетману. Теперь Мазепа, в свою очередь, употреблял перед правительством такое орудие и обвинял в подобной наклонности к польской стороне тех, кого в данное время невзлюбливал. И вот относительно Палея он указывал, что этот человек своим влиянием может склонить малороссийский народ на польскую сторону. «Поляки, — писал Мазепа, — хотят выбрать себе в короли сына Собеского и начать войну с Россиею. Наш народ глуп и непостоянен; он как раз прельстится: он не знает польского поведения, не рассудит о своем упадке и о вечной утрате отчизны, особенно когда будут производить смуту запорожцы. Пусть великий государь не слишком дает веру малороссийскому народу, пусть изволит, не отлагая, прислать в Украину доброе войско из солдат храбрых и обученных, чтоб держать народ малороссийский в послушании и верном подданстве. Нужно, однако, с нашим народом обращаться человеколюбиво и ласково, потому что если такой свободолюбивый, но простой народ озлобить, то уже потом трудно будет суровостью приводить его к верности. Я, гетман и кавалер, хочу служить верно до конца живота моего его царскому пресветлому величеству, как обещал перед святым Евангелием, и непрестанно пекусь о содержании Украины без поколебания, но имею о том сердечную печаль, что поляки, как есть неистовые, неправдивые и злостные люди, меня, гетмана, во весь свет поносят, а паче всего пред царским престолом злословят и нарекают на меня неудобоносимые дела». В то же время гетман взводил подозрение в измене на стародубского полковника Миклашевского, в том, будто он вел тайные сношения с литовским паном Коцелом и

последний сообщал Миклашевскому, что если у поляков состоится мир со шведами, то поляки приблизятся к границам Московской державы и заставят царя уступить Польше Украину; тогда украинская вольность будет такова же, какова польская и литовская: сколько сенаторов из Короны и Литвы, столько же будет и из Украины, и все козаки вольностью и шляхетским достоинством одарены будут. Миклашевский, преданный войсковому суду, отрицал, чтобы слышал подобные внушения, но за самовольные сношения с Коцелом без ведома гетмана был отставлен от полковничьего уряда, однако вскоре обратно получил его, примирившись с гетманом. Трудно решить, в какой степени был виноват Миклашевский, но надобно принимать во внимание то, что малороссийских старшин соблазняла не совсем еще забытая, хотя и неудавшаяся попытка Выговского образовать из Украины автономное политическое тело под единою федеративною властью с Польшею. Гетман Мазепа в душе более чем все старшины сочувствовал этой мысли, но по обстоятельствам не находил еще современным и удобным для своих выгод показывать такое сочувствие, а потому и выдал Миклашевского.

Но с Миклашевским гетман мог помириться, а с Палеем ни за что, потому что Палей был в народе руководителем совершенно иного стремления, такого, при котором не было места какому бы то ни было соединению с Польшею. Мазепа в конце марта 1704 года писал Головину, что необходимо выманить Палея из Белой Церкви и, заковавши, отправить в Батурин, иначе малороссийскому краю угрожает большое зло и поляки чрез Палея найдут себе опору в малороссийском народе для исполнения своих злых замыслов.

Глава девятая

Участие малороссиян в Северной войне в ее первые годы. — Дьяк Борис Михайлов у гетмана. — Советы Мазепы. — Первые посылки казаков в Ливонию и Ингрию. — Участие Козаков в Эрестферской битве. — Успехи шведского короля в Польше. — Взятие Быхова козаками. — Милости царя к гетману. — Волнения в Запорожье. — Поход гетмана на правую сторону Днепра. — Мирович и Апостол с козаками в Польше. — Дело с Палеем. — Арестование Палея. — Возвращение Мазепы с войском назад. — Судьба отправленных в Польшу козацких отрядов. — Ссылка Палея в Сибирь.

11 ноября 1699 года в селе Преображенском под Москвою происходили чрез полномочных первые тайные переговоры между царем и королем польским против Швеции. Настроенный ливонским изменником шведского короля Паткулем, король Август затевал отнять у Швеции Ливонию, некогда принадлежавшую польской Речи Посполитой и уступленную Швеции по Оливскому договору. Август обязывался стараться склонить к этой войне чины Речи Посполитой, а сам Петр обещал давать ему вспоможение войском.

Военные действия открылись в 1700 году польским королем в Ливонии. Тогда от царя дан был указ малороссийскому гетману послать в Ливонию Козаков в помощь польскому королю. Гетман собрал отряд из охотников и назначил над ним наказным гетманом полтавского полковника Искру. Едва только снаряжена была эта посылка, как является новый царский указ — идти гетману самому с 10000 Козаков. Не успел гетман выступить, как в августе пришел новый указ — не ходить вовсе. Когда по этому указу гетман распустил собиравшееся войско на домашние работы, вдруг приходит иной указ: отправить наскоро 12 000 Козаков. «Мне бы, — написал тогда гетман Головину, — хотелось самому лично служить великому государю и туда нести свою голову, где его величество обретается: тогда и войско при гетмане было бы стройнее и в случаях военных козаки показали бы более отваги; но пусть будет так, как творит премудрая и превысокорассмотрительная монаршая воля. Где его царскому величеству угодно будет меня держать, там нехай[111] и буду».

Над посланным отрядом наказным назначен был племянник Мазепы Обидовский (сын сестры его от первого ее брака): в отряде было по 4000 нежинцев и черниговцев, по 1000

[111] Пусть.

киевцев и стародубчан и четыре охотных полка. Прибывши во Псков, Обидовский с частью своих Козаков поспешил к Нарве, где должна была происходить битва. Но там дело было уже покончено: пораженное шведами русское войско разбежалось. Обидовский вернулся во Псков, не видевши неприятеля, и в феврале 1701 года скончался. Начальство над отрядом принял киевский полковник Мокиевский. Полковники, оставшись без Обидовского, ссорились и ругались между собою, доносили своему гетману на Мокиевского, Мокиевский доносил на прочих, пока, наконец, их отпустили, указавши заменить другим отрядом.

Первые высылки Козаков на севере не обошлись без жалоб на тягости и всякого рода лишения; в особенности роптали те, которые были высланы в отряде Искры. От дурной осенней погоды и от недостатка продовольствия и конского корма многие убегали самовольно домой, направляясь через польские владения. Хотя за это гетман подвергал их тюремному заключению, однако должен был в письмах своих к Головину заметить, что невозможно так насиловать людей: одни вернулись без лошадей, у других лошади едва ползут и многие козаки остались без одежи и без обуви. Козаки, бывшие с Обидовским, по возвращении в Украину жаловались, как гетман выражался, «хоть не в очи, так за очи», что великороссияне во псковской земле их стесняли и обижали, когда они ездили по волостям за фуражом, били их и сорок человек пометали в воду. Эти козаки, возвращаясь домой, встретили на дороге посланный гетманом на смену им другой козацкий отряд в 7000, под наказным гетманством гадяцкого полковника Боруховича, и рассказали своим землякам, что с ними делалось в Московщине; те, испугавшись, задумали ворочаться назад, но гетман послал к ним нарочного сказать, что если они самовольно воротятся, то он прикажет их вешать. Отряд Боруховича ничего не сделал замечательного.

В феврале 1701 года царь Петр виделся с королем Августом в Биржах[112], и после несколько дней, проведенных в пирушках, оба государя заключили формальный союз. Петр обещал Августу 15 000 войска в помощь, обязываясь устроить на свой счет магазины для его продовольствия и сверх того в придачу 100 000 рублей. Будущие завоевания были заранее поделены союзниками: Петр себе брал Ингрию и Карелию, Августу и Речи Посполитой уступали Остзейский край. Польские паны, бывшие на этом совещании, требовали еще от России уступки права на Правобережную Украину. Петр по этому вопросу отправил дьяка Бориса Михайлова к Мазепе.

Когда, приехавши в апреле в Батурин, этот дьяк сообщил гетману условия, каких требовали поляки, гетман благодарил царя за доверие к себе, потом, прочитавши присланные польские условия, сказал:

«Поляки требуют отдачи им Трехтемирова, Стаек и Триполья, — это можно им уступить, лишь бы они, прежде отдачи им этих мест, подтвердили договор, а чтобы дозволить им, как они хотят, населять Чигиринщину и другие места в Правобережной Украине, того никак нельзя, потому что тогда с левого берега будут люди переходить на житье на правый берег, и в единое лето заселится все днепровское побережье; поляки учнут его называть своим, и оттого, по такой близости, будут происходить ссоры. Запорожцы будут склонны к правой стороне, и мне, гетману, будут отдавать послушание разве только по крайней неволе. И так от правобережных жителей и от запорожцев будет нам происходить всегдашнее беспокойство. Просят поляки уступить им несколько сел в Стародубском полку: и этого нельзя, оттого что Стародубский полк делится от польских владений рекою Сожью. Немалое число ратных людей и казны обещает государь полякам, но какое будет вспоможение с польской стороны? Не чаю я от поляков добра: и прежде брали они царскую казну, а по договору не поступали, да еще твердили, будто мир заключил без их воли сам король, а не Речь Посполитая. Противно договору они многие православные церкви обратили в унию и в прошлом году соборную львовскую церковь отдали унитам. Вызвал король в прошлом году нашего великого государя на войну под Ругодив (Нарву), а сам прочь отступил. С поляками дружить опасно. Наши

[112] Ныне местечко Ковенской губернии Понецежского уезда при р. Опоще.

кроникары[113] пишут: пока свет стоит светом, поляк русину не будет братом. И доныне так исполняется! Уж коли с ними договор чинить, так с их первейшими сенаторами, арцыбискупом гнезненским и великим коронным гетманом Любомирским, которые у них все дела ведают и за Днепром у них есть вотчины».

Дьяк Борис Михайлов сказал:

«Великий государь о всяких принадлежностях, что належат[114] к малороссийскому краю, без совета своего верного подданного гетмана и кавалера ничего чинить не изволит, и для того обнадежения я, Борис, сюда и прислан нарочно».

Вскоре после этого свидания гетман получил указ идти на войну самому. Он выступил и, добравшись до реки Сожи, там остановился, дожидаясь своих полковников к сбору. Но 26 июня он получил иной указ — воротиться и послать отряд Козаков. Гетман выслал пять полков под наказным начальством миргородского полковника Апостола, приказавши раздать козакам «чехами»[115] на годовую службу и на месячные кормы. Эти малороссийские козаки участвовали в сражении при Эрестферской мызе, где был разбит шведский генерал Шлиппенбах. Донося своему гетману об этой победе, полковники жаловались, что великороссияне отнимали у малороссиян военную добычу и обращались с ними с пренебрежением. «Едва ли, — замечали полковники, — кто вперед из наших, услышавши от товарищей о таком доброхотстве, захочет идти в эту царскую службу, разве с понуждением и насилием». Вот уже вторая подобная жалоба, показывавшая, как неладно было малороссиянам с великороссийскими войсками. Козаки эти были отпущены в январе следующего 1702 года, но «козацкое поспольство», т. е. рядовые козаки, уходило к шведам. По этому поводу царская грамота к козакам гласила так: «Нам, великому государю, слышать о том прискорбно, однако ж мы вас, атаманов и Козаков, и все поспольство увещаваем, дабы вы, припоминая Бога и крестное наше целование и службы ваших предков и отечество свое, возвратились в домы свои без всякого сомнения, а наша великого государя милость никогда от вас отъемлема не будет. Кто же сию милость презрит и по-прежнему в дом свой не возвратится, и те лишены будут нашей царской милости и восприимут смертную казнь, и отчество их и наследие в вечном проклятии да пребудут».

Видно, что недовольные дурным обращением великороссиян малороссияне, бывшие тогда в походе, не сознавали преступления в том, чтобы идти служить царским врагам. Вернувшись в Малороссию, козаки кричали: «Что наш гетман? Вон в Москву ездит да милости получает, кавалерию ему дали, а о нас не радит, что мы на царской службе разоряемся! Коли так и вперед будет, так мы лучше пойдем польскому королю служить».

Сам гетман Мазепа был тогда в большой милости у государя, съездил в Москву и там получил милости как себе, так и тем, за кого ходатайствовал.

В 1702 году в Польше совершились крупные события. Уничтоживши саксонское войско короля Августа под Ригою, Карл XII вступил в пределы Речи Посполитой. Вскоре Варшава была у него во власти. Польские паны один за другим стали переходить на его сторону. В июне, после Клишинской победы над саксонским войском, Карл овладел Краковом. Здесь дела несколько перевернулись. Карл, засевши в Кракове, расположил свое войско в Тарновских горах: шведы озлобили поляков поборами с жителей и неуважением к костелам. Сторона короля Августа стала подниматься. Преданные ему поляки составили в Сендомире конфедерацию и взаимно присягнули стоять за своего короля. Тем, которые пристанут к врагу, конфедерация угрожала смертною казнью. Польское кварцяное войско было также еще за короля Августа. 29 августа король Август был снова в Варшаве с 24 000 войска

---

113 Хронографы, летописцы.

114 Здесь — относятся.

115 Старинное название монет. Здесь — деньгами русской чеканки.

саксонского[116], а Карл с 30000 своего войска стоял в Кракове. В это время православные люди, бывшие в Польше, сообщали в Малороссию, что у польских панов сенаторов идет речь о том, как бы примирить короля польского со шведским и обратить их оружие на Москву с тем, чтобы возвратить Польше Украину.

Между тем царь 27 июля дал Мазепе указ отправить Козаков к литовским городам Быхову и Могилеву, чтобы не допускать шведской партии полякам укрепиться в этих городах. Быхов уже осаждал верный королю Августу староста мозырский Халецкий, стараясь добыть засевших там поляков партии Сапег, так называемых сапежинцев, приставших к шведскому королю. По распоряжению гетмана Мазепы прибыл туда отряд Козаков в 12 000 под наказным гетманством стародубскиго полковника Миклашевского.

Дело под Быховом пошло для русской стороны удачно. Осаждавших Козаков и поляков партии Августа было 18000 с сотнею пушек: в Быхове — 4000 гарнизона из сапежинцев, 150 запорожцев-перебежчиков и до полуторы тысячи разного сброду. Осаждавшие стали палить в крепость. Комендант Биздюкевич был ранен кирпичом, раздробленным козацким ядром, и 12 октября послал объявить, что сдается, только не полякам, а русскому царю. Затем подписали договор о сдаче крепости: комендант, старобыховский губернатор, поставленный владельцем города Сапегою, некоторые лица из рыцарства и еврейский кагал. Тотчас Халецкий ввел туда королевских драгун, а быховский гарнизон должен был присягнуть королю Августу и идти в Могилев. Всем объявлялась амнистия и ненарушимость прав, дарованных городу его владельцами Сапегами.

По возвращении Миклашевского от Быхова гетман казался недоволен Миклашевским за то, что он допустил Халецкому взять Быхов на королевское имя, тогда как осажденные сдались на имя царское, а не на королевское. Мазепа хотел было казнить смертью запорожцев, служивших Сапегам, взятых в Быхове и теперь приведенных в Батурин; но бывшие при взятии Быхова полковники упросили гетмана пощадить виновных, потому что сами они ранее поклялись душами своими, что преступникам окажется милость.

Зимою с 1702 на 1703 год гетман снова ездил в Москву и воротился с новыми пожалованиями; он получил Крупецкую волость со всеми принадлежащими к ней селами и деревнями, ему надарили соболей, бархатов, вина и прочего. Польский король во внимание к услугам, оказанным малороссийским войском, прислал Мазепе орден Белого Орла.

В следующий за тем 1703 год мы почти нс видим участия козаков в войне на севере; известно только, что запорожцы находились на устье Невы и жаловались, что им не дают ни круп, ни сухарей, а заставляют жить на одном хлебе, да и того дают только половину против положенного. Вернувшись на Запорожье, эти сечевики своими рассказами настраивали товарищей против великорусской власти. Разгорелось волнение, возбуждаемое заклятым врагом москалей Костею Гордеенком, бывшим тогда в звании кошевого атамана. Возмутительный дух разносился по Украине отчасти запорожцами, которые каждый год от Сырной недели до Пасхи, по давнему обычаю, посещали своих свойственников в Украине, отчасти малороссийскими торговцами, проживавшими по временам в Сече но своим торговым делам. В Гетманщине народное негодование возбуждалось и подогревалось своевольствами, которые не переставали показывать ратные царские люди. «Купы» (шайки) удальцов стали бегать в запорожские степи, и гетман нашел необходимым, с целью не допускать народ до побегов, обставить, как он выражался, охотными полками весь рубеж гетманского регимента. В Запорожье, где увеличивалось число беглецов загоралось желание идти в Украину и расправляться там с москалями, панами и арендаторами. В особенности бегство в Сечу происходило из Полтавского полка. Гетман по этому поводу отставил полтавского полковника Искру и счел нужным заметить в своем донесении в приказ, что вообще у всего малороссийского народа «зело отпадает сердце к великому государю». Это тревожное положение не разразилось, однако, никаким всеобщим волнением в народе и не прервало участия Козаков в царской войне со Швециею.

---

[116] Саксонское войско было в Польше в то время потому, что король польский Август был наследственный владетель Саксонии.

С 1704 года царь Петр нашел удобнее посылать малороссиян против шведов не на север, а в польские области в качестве вспомогательных военных сил своему союзнику королю Августу II, и с этою целью указано было гетману держать в Польше своего резидента, а с коронными гетманами вести «любительную корреспонденцию».

В апреле по царскому указу Мазепа должен был со всем своим войском, переправившись через Днепр у Киева, вступить за рубеж польских владений и чинить промысел над нерасположенными к королю Августу панами, нещадно опустошая огнем и мечом их маетности. Мазепа шел уже со скрытым намерением схватить Палея и в своих донесениях в приказ постоянно сообщал, на основании показаний какого-то беглого канцеляриста из Белой Церкви. что Палей беспрестанно сносится с Любомирскими, которые решительно уже пристали к шведам. Между тем, отклоняя Палея от всякого против себя подозрения, он приглашал его к себе на соединение с своими полчанами и спрашивал, как знатока местных путей: куда идет лучше тракт в Польшу — через Подоль или через Волынь?

В самой Речи Посполитой дела для короля Августа пошли плохо. Паны уже перестали между собою толковать о примирении двух королей во вред России, но прямо один за другим отступали к шведской стороне и приходили к согласному отрешению короля Августа от престола и к выбору иного короля. Август, подозревая, что выбор их остановится на ком-нибудь из сыновей покойного короля Яна Собеского, приказал арестовать и отправить в Саксонию двух братьев Собеских, Якова и Константина. Это, как показали последствия, не спасло Августа от конкурентов.

Гетман Мазепа в мае стоял обозом близ могилы Перепетыхи[117], ожидая прибытия козацких полков, которым приказал спешить. Отсюда по желанию короля Августа, сообщенному царским резидентом в Варшаве, гетман отправил в Польшу 3000 Козаков с миргородским полковником Данилом Апостолом, а четвертую тысячу поручил комиссариусу князю Дмитрию Михайловичу Голицыну[118], который шел с великорусскими военными силами туда же в помощь королю Августу.

15 июня Мазепа с войском стоя под Паволочью на шляху Гончарихе. Сюда прибыл к нему Палей со своими полчанами, не подозревая никаких козней, и расположился особым обозом рядом с обозом гетмана. Мазепа у себя в обозе принимал Палея очень радушно и угощал. По этому поводу гетман писал к Головину: «Вот уже наступила четвертая неделя, как Палей находится при мне (при боку моем гетманском). Он беспрестанно пьян, и день и ночь, не видал я его трезвым. Я стараюсь обратить его против Любомирских и предлагал ему дать своих Козаков для усиления его полчан, но он, насыщенный духом Любомирских, все только отговаривается то болезнью, то другими предлогами». Между тем Любомирский, владелец Полонного, написал гетману Мазепе, что удивляется — зачем это гетман с козацкими силами вступил в черту владений Речи Посполитой. Сам он, Любомирский, стоит с войском не с дурным каким умыслом против короля Августа, а для того, чтобы оберегать край от мужицких бунтов, и просил гетмана оказывать покровительство его маетностям. С тех пор все лето стоял Мазепа у Паволочи, переписывался с Головиным и сообщал ему разные доводы измены Палея и связи его с врагами. Гетман писал, что приезжал к нему Самусь, говорил, что Палей ничего доброго не желает ни царю Петру, ни королю Августу, что Палей собирал раду в Кошеватой[119] и произносил такие речи, которые показывали худой умысел против Мазепы и его войска. Гетман писал, что приезжал к нему из Дубна польский полковник Барановский и жаловался, что палеевские «гультаи» разоряют маетности панов, верных королю Августу, наконец, прислал Мазепе письмо Иосиф Потоцкий, киевский воевода. «За два года назад, — писал он, — с подущения Палея свирепствовало хлопство над своими панами по всему

---

[117] Языческое гробовище Сквирского уезда, раскопанное в 1846 году.

[118] Киевский губернатор.

[119] Ныне местечко Таращанского уезда на р. Роси.

Поднестрью, а Палей оглашал, будто вероломные варварские поступки совершаются во имя царя и с согласия гетмана Войска Запорожского. Ныне, обращаясь как пес на свою блевотину, взялся Палей за то же: по его наущению своевольная шайка замучила моего сотника Алексея, мятежники овладели Немировом и разграбили». Приезжали к Мазепе губернаторы разных маетностей и коменданты городов, убегавшие от «гультаев»; они извещали о разных шайках, бродивших по краю. Единомышленник Палеев Шпак из Умани составил ватагу и делал разорения около Днестра, ссылаясь на то, будто это творится с согласия царя и гетмана войска запорожского. Другой предводитель ватаги в том же крае был сотник Палеева полка Назуленко; третий — запорожец из Сечи. Корсун; четвертый — в окрестностях Каменца — Ворона. Все они называли себя царскими полковниками. Приезжавшие к Мазепе губернаторы представляли ему, что все зло этих бунтов идет от Палея, наконец и сам король Август написал к Мазепе, жалуясь, что разбои чинятся над шляхетством около Буга и Днестра по наущению Палея.

Мазепа 10 июля пригласил Палея в свой обоз и сообщил ему о жалобах, возникших на него. Палей отвечал: «Я своим полчанам запретил обижать поляков; но не все меня слушают; иной самовольно своим путем идет. Что же мне делать! На то они люди войсковые. Они смотрят на то, как ведут себя ляхи с их королем. Вот как я услышу о добром поведении короля и ляхов, то и смирю гультаев; полны будут виселицы!» Гетман сказал Палею, чтобы он, по желанию царскому, ехал в Москву. «Незачем мне туда ездить!» — отвечал Палей. Тогда Мазепа не отпустил Палея в его обоз, а задержал в своем обозе, однако не открывал ему об умысле отправить его насильно в Москву. «Вот уже шестой день сидит Палей у меня в обозе, — писал Мазепа Головину, — он беспросыпно пьян, кажется, уже пропил последний ум, какой у него оставался! Это человек без совести, и гультайство у себя держит такое же, каков сам: не знают они над собою ни царской, ни королевской власти и всегда только к грабежам и разбоям рвутся. Сам Палей даже не помнит, что говорит: я предложил ему ехать в Москву, — он отказался; я через несколько дней стал упрекать его за это, а он мне сказал, что ничего не помнит, потому что был тогда пьян». Но, сидя в гетманском обозе, если только верить донесению Мазепы, Палеи внушал мятежнические замыслы четырем сотникам Полтавского полка, говоря: «Добра не буде, поки вы не збудете ваших панив и орандарив». Сотники сами передали это гетману.

В конце июля Мазепа передвинул свой обоз к Бердичеву, а 1 августа приказал взять Палея под караул и тотчас отправил в Белую Церковь извещение, что, отдаливши по известным ему причинам (для певных причин) Палея от полковничества, вручает этот уряд Михаилу Омельченку, обязывая послушанием к нему всех подчиненных Палею полчан.

Большая часть полчан палеевых не находилась тогда с ним близ козацкого стака, следовательно, не могла противодействовать гетманским распоряжениям, а те, которые были с Палеем, не могли, по свому малолюдству в сравнении с козацким войском Мазепы, защищать своего полковника. В Белой Церкви находился палеев гарнизон в несколько сот человек. Эти «гультаи», получивши приказание гетмана сдать Белую Церковь, заупрямились и кричали: «Поки батька нашого Палия не уздрим, поты не пиддамося гетманови». Но белоцерковские мещане закричали на них: «Коли вы добром не уступите, то мы вас отсюда выбьем вон, никому иному кланяться не будем, только пану гетману». Это произошло оттого, что метане боялись присылки военной силы, если добровольно не сдадут Белой Церкви.

Гетман послал в Белую Церковь 200 человек самусевцев (т. е. бывшего самусева полка) и прибавил к ним еще 100 человек Переяславского полка, которым также велел называться самусевцами. Он между козаками распустил такой слух, будто все это сделалось с Палеем по наущению Самуся, который, досадуя, что Палей брал с Любомирских деньги, а с ним, Самусем, не поделился, заявил гетману об измене Палея с тем, чтобы в Белой Церкви были поставлены в гарнизон козаки самусевой ватаги.

Чтобы показать Палея еще более виновным перед царским правительством, Мазепа послал Головину сказку, отобранную будто бы у еврея, хвастовского орандаря[120], через посредство которого Палей вел сношения с Любомирскими. В этой сказке сообщалось, что

[120] Арендатор.

коронный подкоморий Любомирский говорил еврею так: «Пусть Палей набирает побольше войска и переманивает к себе от гетмана Мазепы сердюков и компанейцев, а когда мне пришлет шведский король деньги, я Палею дам из них часть. Саксонский пес посадил Собеских в тюрьму. Будем ему мстить, пока сил наших станет. Белая Церковь будет Палею отдана в вечное владение. Только пусть Палей будет всегда желателен дому Любомирских».

24 августа того же года гетман писал Головину, что он «божевильного» (безумного) пьяницу Палея отослал за караулом в Батурин вместе с его пасынком Симашком и велел держать их обоих в батуринском замке до царского указа. «Если бы, — замечал гетман, — не предостерег меня уманский сотник, то Палей в ту ночь, которая последовала за вечером, когда он был взят под караул, убежал бы в Запорожье через Межигорский монастырь, где. для него уже были приготовлены челны на Днепре».

Мазепа еще из Паволочи отправил к королю Августу канцеляриста Дмитрия Максимовича с вопросом, что ему дальше делать и куда идти. 10 августа под Бердичев Максимович прибыл с ответом. Король писал, чтобы гетман послал к нему 30 000 Козаков, а сам бы с остальным войском расположился близ Попонного в маетностях Любомирских в наказание владельцам за недоброжелательство к королю Августу. Но Мазепа доносил в приказ, что исполнить в точности королевской воли он не может, потому что тогда бы сам остался без военной силы. Вместо требуемых 30 000 Мазепа отправил королю только 10 000 под наказным гетманством переяславского полковника Мировича. Тогда всего козацкого войска при короле Августе, вместе с усланными прежде с миргородским полковником, было 10000. «Мне докучает, — писал Мазепа Головину, — король Август письмами, требуя, чтоб я ради его королевских прибылей укрощал своевольство, начавшееся от Палея и его гультайства, да и шляхта Брацлавского и Подольского воеводств то и дело что приезжает ко мне с докучливыми просьбами помочь им отобрать в свое владение маетности, из которых выгнал их Палей. А ко мне между тем приезжают панские подданные и просят дозволения прогнать лядских губернаторов».

Стоянка Козаков под Бердичевом сопровождалась большими лишениями и неудобствами. Привезенные с собою запасы истощились. В покупке все было дорого, да и многим козакам не за что было купить: в то время всю Малороссию одолевало безденежье, так как вывозная торговля остановилась но случаю неустройств в Польше, и малороссияне перестали гонять волов на продажу в Гданск и Силезию. Скудость продовольствия была тем ощутительнее, что в обозе было многолюдство. С гетманом было тысяч двадцать Козаков, а кроме них были еще и великороссийские ратные люди под гетманским начальством: последние были плохо одеты, плохо вооружены и плохо содержимы. Многое побуждало гетмана желать скорейшего окончания этого похода и возвращения в Украину. Молдавский господарь писал Мазепе, что, пользуясь войною, возникшею между царем и шведским королем, турки думают вступить в союз с последними, и не сегодня-завтра татары ворвутся в Украину. Получались, кроме того, вести о новых замыслах запорожцев производить смуту в народе. Опять носились обычные воззвания против «орендарей» и панов, и по донесению гетмана дан был указ киевскому воеводе в случае надобности посылать ратных людей для усмирения запорожцев, если они явятся в Украину бить богатых людей и торговцев.

24 августа гетман получил известие, что король польский ушел из королевства, а малороссийскому гетману поручал опустошать нещадно маетности Любомирских на Волыни. Гетман не приступал к исполнению королевского желания до получения о том же указа от своего государя, а только подвинулся далее на Волынь и в сентябре стал табором за Любаром. Тогда между козаками началось волнение. Стали составлять купы (кружки) и порывались домой. В день Воздвижения произошел большой шум в козацком таборе. Его подняли самусевцы и палеевцы, а к ним приставали и городовые козаки разных полков. Подходили с палками к шатрам начальных людей. Требовали вести их домой. Носились слухи, что шведский король с приставшими к нему поляками замышляет переходить на левую сторону Днепра и занять там зимние становища. Между тем почти перед глазами гетмана Мазепы волынская шляхта после успехов Карла XII в Червоной Руси объявила себя на стороне шведского короля, а потом вскоре услышавши. что дело короля Августа начинает поправляться, опять заявила охоту стоять за Августа. То же произошло и с Любомирскими: Мазепа по приказанию короля

расположил Козаков в маетностях Любомирских в наказание за то, что они отпали от Августа, но потом скоро получил известие, что Любомирские опять поддались королю Августу, я приказал козакам выйти из их маетностей. Все это показывало, что польское шляхетство начало колебаться то в ту, то, в противную сторону, и становилось невозможным уследить: кто друг, а кто враг царскому союзнику.

Наконец царский резидент в Варшаве прислал Мазепе от имени короля польского разрешение возвратиться домой, и гетман12 октября поворотил назад свое войско. 18 октября Мазепа был в Хвастове, а 29 прибыл в Батурин, жалуясь в своем донесении в приказ, чти польский король напрасно продержал Козаков без действия и без всякой пользы для своего дела.

В то время, когда Мазепа с войском совершал свой поход на Волынь и обратно, посланные на помощь польскому королю полковники Мирович и Апостол так исправляли возложенные на них поручения. Мирович был свидетелем взятия Львова Карлом XII. По донесению козацкою полковника, это событие произошло 26 августа оттого, что львовский комендант Каминский тайно мирволил шведам и впустил их ночью в город через потайную калитку. По описанию шведского историка Нордберга, Каминский после взятия города скрывался и уже на другой день добровольно явился и сдался шведам. Прикомандированный к коронному референдарию[121] Ревускому Мирович с козаками отступил перед напором шведов к Бродам и увидал, что поляки более неприязненно относятся к козакам, чем к самим шведам. Многие из поляков, видя торжество противной партии, стали разъезжаться по своим домам, «а нас, Козаков, — писал Мирович, — ведут в осеннее время по болотам и на стоянках за связку сена бьют». Миргородский полковник Апостол был прикомандирован к генералу Брандту, вместе с ним счастливо выдержал сражение против шведского отряда майора Лейонгельма: шведы в числе 760 человек были разбиты. «большую часть их, — говорит Апостол, — мы перекололи», а 300 человек приведены были пленными к королю Августу. По известию Нордберга, эти шведы сдались военнопленными. Брандт принял их ласково, а козаки, которых с Брандтом было до трех тысяч, отобрали у шведов оружие и, сперва обещавши им жизнь, потом варварски их перекололи. Вслед за поражением Лейонгельма сдался в Варшаве шведский генерал Горн: козаки участвовали в этом важном деле.

Козаки, бывшие с миргородским полковником, были очень довольны обращением с ними генерала Брандта. Апостол в своем донесении гетману называл его «человеком правдивой совести: любо и жить и умирать с ним, можно с ним разговаривать без толмача, и если б не он, то мы бы не знали, как с этими немцами обходиться, не умея говорить с ними». Но не так отнеслись козаки к Паткулю, под команду которого потом поступили. Это был, по словам Апостола, человек «гордомысленный», не говорил иначе как по-немецки, и кругом него были все немцы, обращавшиеся с козаками презрительно. Паткуль даже не счел нужным показать им царский указ, по которому должен был ими командовать. Козаки износили свои одежды, терпели голод, им не давали провианта, а приказывали самим для себя молотить снопы, молоть зерно и печь хлеб. Паткуль этим не ограничился. Он вздумал обучать Козаков немецкому строю с мушкетами, а тех, которые не могли скоро навыкнуть, велел бить жестоко и грозил виселицею. Чуть какой козак выпятится из строя, его тотчас приказывают бить, не обращая внимания, хотя бы он был в числе полковых старшин. В Познани, где стояли козаки и обучались немецкому строю, козацкий сотник Родзянка заметил: «Разве когда полгода поучатся, тогда обучатся!» Это сочтено было дерзостью: Паткуль хотел казнить Родзянку смертью и помиловал только после усиленных просьб за него всех Козаков. В Познани, наконец, обступили Козаков кругом 2000 саксонской конницы и 2000 пехоты; прежде всех старшин взяли под караул, потом из обоза приехали Паткуль с Брандтом и приказали немцам побрать у Козаков для себя лучших лошадей, а прочих лошадей неизвестно куда дели, и козаки остались пешими. Это печальное событие сообщено было полковнику переяславскому, который вместе с референдарием Ревуским шел к Варшаве по пути от Львова. «Как скоро наше товариство, — сообщал Мирович гетману, — услыхало о том, как обходятся немцы с их

[121] Должностному лицу.

братнею козаками, так и в мысли ни у кого не стало, чтоб идти далее за Вислу». И от польских жолнеров, с которыми принуждены были совершать поход, козаки Мировича много натерпелись. «Поляки бесчестят наших людей, — писал Мирович, — хлопами и свинопасами называют, плашмя саблями бьют, заспоривши за какую-нибудь связку сена или за поросенка. Никто из наших доброго слова от ляхов не услышит, кричат на нас: в наших есте руках, нога ваша не уйдет отсюда, всех вас тут вырубим!» Под Тыкоцином 20 октября Мирович с козаками отстал от референдария, взял путь к Бугу, мимо Люблина, и отпустил Козаков для лучшего прокормления на Полесье, тем более что носились слухи о моровом поветрии во Львове, в Белом Камени, в Бродах и Кременце. Козаки, бывшие у миргородского полковника, лишившись лошадей, отобранных у них немцами, шли пешком к Кракову, недалеко Велюна наткнулись на шведов и на поляков шведской стороны, принуждены были вступить с ними в бой, и были разбиты. Их погибло там 1700 человек, осталось всего 80, которые прибыли в Украину с двумя сотниками полков Нежинского и Прилуцкого.

Полковники Мирович и Апостол воротились в ноябре, отговариваясь и холодом и голодом. В царском указе о них 20 декабря сказано, что хотя оба они достойны казни за распущение козаков и за самовольный уход со службы, но царь, по ходатайству гетмана, простил их вины.

Палей сидел в батуринском замке до первых месяцев 1705 года. Его имущество было описано, и опись послана в Москву. У него найдено до 2000 червонцев, кроме дукачей, бывших по украинскому обычаю на женских коралловых монистах; 5274 талера найдено сокрытыми в земле, так как в те времена земля была обычною сохранною казною, предохранявшею капиталы от неприятелей и разбойников. Кроме того, сумма 15000 чехов числилась розданной в долг разным лицам. Серебряная посуда, составлявшая в то время обычную роскошь козацких старшин, не представляла у Палея большого изобилия, по крайней мере, если сравнивать с богатствами этого рода, найденными у Самойловича после его низложения: всего посудного серебра у Палея было весом 5 пудов 39 фунтов. Зато у Палея было немало дорогого, богато оправленного оружия и одежд мужских и женских, бархатных луданных[122], златоглавных[123] и проч. Его бывший фактор иудей и его родственник Омельченко (занявший полковническую должность) показывали, однако, что Палей зарыл еще в земле большой клад, но не знали где. Гетман без царского указа не смел по этому поводу подвергать Палея и жену его пыткам, хотя этого ему хотелось.

В начале 1705 года Мазепа, будучи в Москве, лично представлял царю, что Палея оставлять в Украине не годится, а следует отправить его в Великую Россию, но и в столице не держать долгое время и определить ему место ссылки где-нибудь подальше. Палей был доставлен вместе с своим пасынком Симашком в Москву в марте 1705 года. Сначала указом 30 мая велено было сослать Палея в Енисейск и держать там до кончины живота. Но по этому указу он почему-то отправлен не был, а 30 июля состоялся другой указ, которым приказывалось везти Палея до Верхотурья в три подводы в сопровождении десяти солдат, оттуда препроводить в Тобольск, а из Тобольска в Томск, где положено было содержать его постоянно.

Народная память создала о пребывании Палея в Сибири поэтический образ такого рода: Палей собирается идти молиться Богу; его верный «чура»[124] натягивает на него серую свиту и дает в руки еловую ветвь. Он идет к часовне и не знает, молиться ли ему Богу или тосковать. Воротившись из часовни, он берет «бандуру» и поет песню, в которой выражает и свое горе, и современную народную философию: «Горе жить в свете: один, запродавши свою душу, вышивает себе золотом одежды; другой, как в диком лесу, слоняется в Сибири». Ясно, что здесь судьба Палея противополагается судьбе Мазепы, погубившего его и продолжавшего жить в роскоши и изобилии.

---

[122] Разновидность камки.

[123] Ткань златотканная.

[124] Слуга, раб (татар.)

Глава десятая

Милость царя к гетману. — Поездка гетмана в Москву. — Недоверие к полякам. — Казнь сотника Мандрики. — Цело о размежевании, границ Турции. — Запорожье в этом вопросе. — Новый поход Мазепы с войском в Польшу. — Новый король в Польше. — Неудовольствие польских панов. — Подчинение Замостья. — Возвращение казаков на Волынь. — Мазепа в Дубно. — Полковник Горленко. — Оскорбления, наносимые великороссиянами малороссиянам. — Крестины о Белой Кринице. — Княгиня Дольская. — Первое искушение.

Во все предшествовавшие годы ни на волос не нарушались самые лучшие отношения Мазепы к царю. Между гетманом и царем происходили частые обмены подарков как между близкими друзьями; один другому посылали на гостинец произведения, составлявшие для получавшего редкость. Например, Мазепа отправлял Петру в Москву к царскому столу своей охоты дичь, лосей и серн, также из малороссийских садов дуль[125], яблок, вишен и щеп разных плодовых деревьев, а царь Мазепе, вместе с разными гостинцами, присылал произведения северной природы, например, живую рыбу из Невы и Ладожского озера. В начале 1705 года гетман снова был принят в Москве, по собственным его словам, «с великим уконтентованем», и описание приема, сделанного ему в этом году, показывает, как высоко ценили тогда гетмана. С самого Нового года начали по царскому указу готовить кормы для лошадей Мазепы, а для его свиты — вина и съестные припасы. Мазепа въехал в столицу 17 января, вместе с генеральным асаулом Скоропадским и с пятью знатными войсковыми товарищами; за ним прибыла многолюдная свита, состоявшая из слуг и челядников, на двухстах подводах; всем каждодневно отпускались в изобилии столовые запасы и напитки в размере, соответствующем достоинству гостей. Во время бытности царя в своей столице гетман был много раз приглашаем к государю на пиры и вместе с тем на беседы о текущих делах. Тогда предположено было повторить на весну поход в Польшу на помощь партии короля Августа. Но Мазепа встретил тогда в Москве вообще недоверие к Польше, с которою Московское государство находилось в союзе против шведов. Мазепа не только не уничтожал такого недоверия, а еще поддерживал. «А что если бы поляки показали нам вражду, — не сыскался ли бы у них новый Палей, который был бы. нам тогда полезен?» — спрашивал Мазепу Головин, давая тем гетману понять, что на случай признают небесполезным и того Палея, которого гетман домогался заслать подальше и бесповоротнее. «Для поляков, — отвечал Мазепа, — всякий козак есть Палей, но правобережные козаки без левобережных ничего с ляхами не сделают! В городках они могут еще кое-как обороняться, а в поле отпора не дадут. Да их теперь там и немного: козачества всего 4700 человек при 8200 душах всего населения мужского пола. Нам и на нашей стороне надобно остерегаться лядского нападения. Ляхи нас не терпят, и войска польские, стоя на зимовых квартирах, где только встретят малороссиян из Гетманщины, обирают их, называют изменниками и бьют».

По возвращении гетмана в Украину царь оказал Мазепе новый знак своего доверия, приказавши казнить смертью Мандрику, сотника кобецкой сотни Киевского полка, за дерзкие слова о Мазепе.

К гетману начали присылать польские паны Любомирский и Шембек приглашения оказать помощь войсками своего регимента для приведения русских подданных в послушание панам. Гетман отговаривался неимением на то царского указа, а присланному по этому делу пану Радзиевскому говорил так: «Люди тамошние быть под властию вашей не хотят, говорят, что им лучше быть под бусурманами, чем под ляхами, да не только под бусурманами, а хоть бы и под самым Люцыпером… особенно после того, как два года тому назад польный коронный гетман истреблял их старых и малых около Буга и Днестра. Нам приневоливать их трудно, а вот когда король Август воротится в Польшу и вся Речь Посполитая будет с ним в единомыслии,

---

[125] Груш.

тогда, быть может, его царское величество, ради любви и приязни к королю, и найдет какой-нибудь способ устроить так, чтобы Украина Правобережная стала спокойна под польскою властью».

Весною гетман получил указ идти с войском на Волынь, а в мае пришел другой указ, которым предписывалось ему идти налегке, без тяжелой артиллерии к Бресту; в июне же прислан третий указ идти самому к Сендомиру, а в Литву отправить козацкий отряд для соединения с великороссийскими военными силами. Тогда гетман отправил в Литву отрядсборного козацкого товариства, по одному известию в 3000, по другому же — 4500 человек, назначив над этим отрядом наказным гетманом прилуцкого полковника Дмитрия Горленка и давши ему запасов на полгода. Затем с Мазепою войска, готового к походу, было 40 000 городовых Козаков и охотных пеших и конных полков. С ним должны были разом идти три великороссийских полка севского разряда.

Отправляясь на войну, гетман принимал участие в комиссии о проведении рубежей между царскими и турецкими владениями. Ведение этого дела возложено было царем на дьяка Емельяна Украинцева, но в июне гетман писал к Меншикову, что запорожцы противодействуют порубежному делу, домогаясь, чтобы граница была на Буге и Днепр оставался бы в их власти. Такие требования выражались смелым и дерзким тоном в письмах кошевого атамана Гордеенка к дьяку Украинцеву и к гетману, и Мазепа, испытавши, как он выражался, что увещания гетманские пристают к запорожцам как горох к стене, отправил на границу к югу несколько сотен Нежинского полка, приказавши по требованию Украинцева укрощать оружием упрямство и своевольство «тых псов запорожцев». Московское правительство, однако, обошлось тогда ласково с запорожцами, послало им милостивую грамоту, в которой прощались им все вины, указывало им содействовать порубежной комиссии, жить в согласии с великороссийскими людьми и казнить промежду себя противников, дерзающих производить беспорядки. Эта порубежная комиссия, на которую с козацкой стороны гетманом был послан войсковой товарищ Максимович, не пришла к желанному концу. Турецкие комиссары выставляли с своей стороны разные претензии, а русские домогались, чтобы турки на кизикерменской и таванской земле не возобновляли крепостей, по крайней мере, до окончания войны царя со шведами.

Гетман выступил 18 июня. Дошедши до Паволочи, он отправил вперед Самуся и Искру, приказавши им опустошать по-козацки подольские маетности Потоцкого и винницкое староство, находившееся тогда во владении Лещинского, выбираемого шведской партией в короли. Впрочем, гетман велел только уничтожать панских губернаторов, а поспольству не делать никакого разорения, чтобы можно было потешить войско добычею. В первой половине июля Мазепа с войском вступил на Волынь: тамошнее шляхетство прислало к нему депутацию и просило обойти мимо их воеводство, потому что все обыватели его верны королю Августу. Они указывали на воеводства Подольское и Русское, где находились маетности панов, приставших к шведской стороне. Сообщая об этом в приказ, Мазепа изъявлял мало доверия к искренности и постоянству поляков, хотя бы и таких, которые выдавали себя неизменными приверженцами короля Августа. Он опасался, чтобы даже самые гетманы польские не задумали, изменивши внезапно королю Августу, заступить путь козацкому войску. Мало надеялся Мазепа и на самих своих Козаков и вспоминал события давних времен, когда козаки выдавали головою ляхам своих предводителей.

Мазепа с своим войском с 13 июля по 4 августа стоял табором на берегу реки Случи близ Старого Константинова. Все панские губернаторы и евреи разбежались, остались на своих местах одни православные, народ бедный. Мазепа приказал своим козакам скосить весь хлеб на корню, а остальной вытоптать лошадьми в маетностях Потоцкого и других панов шведской партии и наложил на жителей контрибуцию в пользу своего войска.

Во время стоянки под Старым Константиновом посещал гетмана пан подкоморий Любомирский и уверял его в своей преданности к королю Августу, но губернатор этого пана, управлявший его маетностью в Полонном, подкупленный заранее Мазепою, сообщал секретно, что его пан обманывает гетмана: он дружит с новоизбранным королем Лещинским и теперь, побывавши у малороссийского гетмана в обозе, пошлет известить Лещинского о всех порядках, какие заметит в козацком таборе. Поэтому Мазепа, как доносил он Головину, держал себя так

осторожно с Любомирским, чтобы тот не в силах был ничего от него выведать. «Я, — выражался Мазепа, — сюда вошел как агнец среди волков: здесь нет ни одного человека, искренно преданного королю Августу; они кажутся ему верными не по нравственному долгу, а по принуждению, потому что видят вблизи царское войско. Все здешние православные обыватели, которые бывают у меня в обозе и хлеб-соль едят, предостерегают меня, что шляхта — исконные враги нам».

4 августа Мазепа с войском был уже в Зборове, с большим затруднением переправившись через реку Серет под Залозцами: везде плотины и мосты были умышленно снесены обывателями, чтобы задерживать поход козацкого войска, а табор, который шел с гетманом, был чрезмерно велик — в нем было 16000 повозок, так как по царскому указу козаки взяли с собою запасов на целые полгода. По селениям все было пусто; обыватели недели за две до прихода русских войск ушли из своих дворов.

Зборов был маетностью королевича Александра Собеского. Гетман приказал здесь своему войску вести себя скромнее, чем в маетностях Потоцкого и других отъявленных врагов короля Августа, но сознавался, что невозможно было обойтись без нанесения вреда: табор, идя по дороге, должен был поневоле зацеплять нивы с посеянными на них хлебами и располагаться там на попас и на ночлег, потому что близко дороги не было трав.

12 августа коронный гетман Иероним Любомирский прислал к Мазепе своего ловчего Куницкого, которому приказал находиться постоянно при гетмане и домогаться скорейшего соединения козацкого войска с польским. Но гетман подозревал, что этот резидент прислан только с тем намерением, чтобы высматривать положение козацкого войска. Кроме того, гетман жаловался, что его беспокоят беспрестанные посещения шляхты с разными просьбами об охранении их шляхетских маетностей; гетман подозревал в гостях шпионов.

14 августа козаки подошли ко Львову. Мазепа должен был вести их к Сендомиру на соединение с саксонским войском, но не знал, куда это войско двинулось, потому что не получал о том известия от Паткуля. 23 августа козаки вошли в Бельзское воеводство. На всем пути своем, начиная от Збаража, они истребляли хлеба на корню и пасеки в волостях Потоцкого и других; обыватели отовсюду бежали со своими семьями и пожитками перед приближением козацкого войска, как будто перед приближением татарской орды. Доставалось маетностям не только панов, враждебных королю Августу, но и всем без различия, и шляхтичи кричали, что им остается сесть на коней и обороняться от Козаков.

1 сентября козацкий табор был под Грубешовым. Агенты Мазепы, посланные в Варшаву, извещали, что король шведский посылает против Козаков приставших на его сторону поляков, но полученный перед тем царский указ снова предписывал гетману. чтоб он, зашедши в средину Польского королевства, избегал битвы до соединения с саксонским войском. Царь Петр повторял ему приказание нещадно опустошать маетности панов, враждебных королю Августу, и налагать на них контрибуции, а подканцлер Шембек обращался к Мазепе с иною просьбою: щадить маетности не только расположенных к Августу, но и врагов его, потому что они все-таки подданные Речи Посполитой. Изображая разоренное состояние края, сам Мазепа в донесениях к царю замечал, что если начать отягощать контрибуциями тех, которые хотя и не расположены к Августу, но прикидываются его сторонниками, то можно побудить их всех к войне против Козаков.

Между тем в Варшаве 3 сентября совершилась коронация Станислава Лещинского, избранного в короли при живом короле Августе по воле Карла XII. Примас королевства архиепископ гнезненский хотя и был расположен к Станиславу, но уклонялся от исполнения обряда коронации. Он опасался гнева папы, благоволившего к королю Августу, и поручил исполнить обряд львовскому архиепископу. После этого события шведская сторона в Польше стала усиливаться, но паны, странным образом, как будто играли своею присягою: они то признавали новокоронованного короля Станислава, то опять возвращались на сторону Августа. Епископ вармийский Залуский добровольно отступил от Августа к Станиславу, потом уехал от Станислава к Августу в Саксонию, куда удалился король Август; там, живя вблизи Августа, Залуский начал снова тайные сношения со Станиславом. Брат коронного гетмана Любомирского признал Станислава и обещал своим влиянием расположить на его сторону все войско, а потом опять объявил себя за Августа. Подскарбий Пребендовский недавно хлопотал в

пользу Августа у прусского короля, а потом вдруг пристал к Станиславу, когда узнал, что тот был коронован. Поляки той и другой партии обещали своим соотечественникам золотые горы и чудеса всевозможнейших благ, желая приманить к себе свою братию. но приставшие легко отступали назад, как только замечали, что обещания могут остаться неисполненными. Приверженцы Августа распускали слух, что новоизбранный в короли Станислав. в благодарность за свое избрание, обещал шведскому королю Курляндию, а Сапегам часть Литовского княжества в качестве независимого наследственного владения. Они думали восстановить своих соотечественников против шведской стороны страхом, что при такой перемене власти не будет удержу мятежному хлопству против шляхетства, как уже то было во время нашествия на Польшу короля Густава, а духовенству внушали опасение, что у духовных особ отнимутся имения, как поступлено в Швеции.

Между тем Паткуль, один из первых заправщиков Северной войны, сошел с своего поприща. Король Август, недовольный им за растрату денег, полученных от царя Петра для уплаты войску, приказал арестовать его в то самое время, когда Паткуль собирался жениться на богатой вдове Румор с тем, чтобы потом уехать в Швейцарию и там жить себе частным человеком. Его засадили в крепость Зоненштейн в Саксонии. Это случилось тогда, когда малороссийский гетман дожидался от него руководительства, куда ему идти с козацким войском.

23 сентября, остановившись обозом под Уханью, Мазепа получил царский указ послать требование к ординату[126] Замойскому, владельцу крепости Замостья, пустить туда гарнизон русских войск, чтоб не дать шведам овладеть этой крепостью. Требование это, посланное гетманом, не имело успеха. Ординат отвечал, что ему не нужно иностранной помощи. Тогда Мазепа двинулся с войском по направлению к Замостью. На пути своем Мазепа замечал, что польская шляхта повсюду склоняется на сторону Станислава Лещинского. Враждебная Августу сторона тем более выигрывала, что козаки, а еще более великорусские ратные люди, шедшие с козаками под командой Неплюева, будучи голодны, так много себе позволяли, что не щадили и божиих храмов, хотя за это и постигало их строгое наказание.

Подходя к Замостью, гетман повторил ординату свое предложение и при этом даже пригрозил, что в случае упрямства он прибегнет к военным мерам. Замойский опять отказал, объясняя, впрочем, что для этого нужны были бы особые письма к нему от короля Августа и от царя. Приезжал потом в качестве комиссара какой-то Накваский, но так как он особого письма королевского не привез, то ординат и ему отказал. Тогда гетман расположился обозом под Замостьем. Польские гетманы, коронный и польный, несколько раз приглашали его к ним на свидание, но он не поехал и сообщил Головину, что не доверяет им.

Во время месячной стоянки под Замостьем была попытка новокоронованного короля склонить малороссийского гетмана к измене русскому царю. Прибыл какой-то поляк Вольский с тайным предложением пристать к Лещинскому и шведскому королю. Гетман подверг его пытке; показание, вынужденное этою пыткою, вместе с отобранною у него инструкцией отправил в Малороссийский приказ, а самого шляхтича Вольского не отправил, опасаясь, чтоб его не отгромили на дороге.

Мазепа в донесении своем уверял государя в своей подданнической верности, непоколебимой ни пред какими искушениями.

7 ноября Мазепа известил Головина, что, наконец, ординат Замойский допускает вступить в крепость гарнизону из 1000 великороссийских ратных людей и 200 малороссийских Козаков, обязываясь в течение месяца содержать гарнизон этот на свой счет, но с тем, чтобы все его маетности были изъяты от контрибуций. 12 ноября, сообразно царской воле, Мазепа расставил половину своего войска в воеводстве Бельзском и в земле хелмской, в таком опустелом крае, где чувствовался недостаток запасов для людей и корма для лошадей, а с остальною половиною двинулся на Волынь.

Прибывши на Волынь. Мазепа заложил свою квартиру в Дуб но. Тут прибыл к нему из Гродна полковник прилуцкий Горленко, назначенный наказным гетманом над отрядом,

---

[126] Владельцу майората (неделимого имения).

высланным в Литву. Когда этот отряд прибыл в Гродно, царь приказал Гор ленку послать 1000 Козаков к Риге, отдавши их под команду генерала Рона. Горленко с остальными остался в Гродно. Еще в конце сентября он, Горленко, через курьера письменно сообщал своему гетману о бедственной судьбе Козаков, посланных к Риге, и о всяких обидах, терпимых козаками в литовском крае от великороссийских начальных людей. По царскому указу устроены были там временные почты и на эти почты высланы были прилуцкие козаки: эти-то козаки особенно терпели от нахальства русских офицеров, ездивших на почтовых лошадях. Случалось, что у Козаков забирали лошадей и уезжали на них, а козаки потом должны были отыскивать своих взятых лошадей и находили их измученными шибкою ездой и остающимися без корма; случалось и так, что офицер, взявший козака с лошадью, гнал без милости и бил разом и лошадь и козака. Горленко жаловался, что его самого, наказного гетмана, насильно столкнули с коня и забрали под подводы лошадей у него и у прочих козацкнх начальных людей, с ним ехавших. 9 ноября Горленко упросил Шафирова исходатайствовать ему отпуск со службы, ссылаясь на болезнь в ноге. Оставив над своими полчанами в Гродно своего сына Андрея, он явился к гетману в Дубно вместе с товарищем своим киевским полковником Мокиевским. Там на словах они сообщили гетману подробнее и точнее о всех оскорблениях, которые претерпели малороссийские козаки от великорусских офицеров. Горленко прибавил, что он нарочно притворился больным, потому что боялся, чтоб его с козаками не услали в Пруссию и не стали бы там учить Козаков регулярному строю. Об этой посылке Козаков для обучения регулярному строю писал еще прежде гетману Иван Черныш, находившийся при гетманском племяннике Войнаровском также в Гродно. Черныш писал, что он даже видел копию с царского указа об этом. Быть может, это было предположение Петра, тогда состоявшееся и тотчас отмененное, так как все царствование Петра изобилует распоряжениями, которые тотчас и отменялись.

Из других мест Гетманщины Мазепа получал жалобы на дурное обращение великорусов с малороссиянами. Черниговского полка городенский сотник доносил своему полковнику Полуботку, что ехавший с солдатами из Могилева в Киев Иван Павл. Зыков допускал своих солдат чинить над жителями бесчинства и поругания. В Чернигове проезжал из Москвы с аптекой некто Роптеев и требовал 44 подводы; хотя ему обещались их выставить, но он, не дождавшись, послал своих людей ловить лошадей в поле, а наловивши более ста, требовал, чтобы хозяева выкупали их от него. Мазепа, получая с разных сторон такие вести, до того раздражился, что в кругу близких к себе старшин высказал, что другой бы склонился к предложению, которое присылал к нему Станислав Лещинский с Вольским.

Находясь в Дубно, Мазепа ездил на короткие время в Белую Криницу и там был восприемником у князя Вишневецкого. Мать двух Вишневецких, урожденная Ходоровская, Анна, вдова Константина Вишневецкого, воеводы бельзского, по смерти мужа была за другим мужем, князем Дольским, любимцем покойного короля Яна Собеского, великим маршалом литовским, умершим в 1695 году. Вдова после двух мужьев, княгиня Дольская была еще не стара и обладала в высшей степени качествами прелестницы. Мазепа с нею крестил дочь, родившуюся у ее сына. По известию современника, близкого к Мазепе, он тогда вел с нею денные и ночные беседы, и в это-то время брошено было первое искушение передаться на шведскую сторону.

Глава одиннадцатая

Запорожское своевольство. — Козаки в Литве. — Новое искушение Мазепе через посредство княгини Польской. — Нерасположение Мазепы к Меншикову. — Успехи шведского короля в Саксонии. — Альтранштадтский договор. — Отречение Августа от польской короны. — Своевольства великороссиян в Малороссии. — Строение Печерской крепости в Киеве. — Жалобы старшин и полковников. — Пребывание царя в Жолкве. — Неудачные попытки примирения с шведским королем. — Союз царя с поляками, не признавшими Станислава. — Мазепа в Жолкве. — Меншиков и Мазепа. — Иезуит Заленский. — Ксендз тринитарий. — Продолжениеработ над Печерскою крепостью. — Польские попытки овладеть Правобережною Украиною. — Козаки в Польше. — Сношение Карла и Станислава с Турциею. — Третье искушение Мазепе от княгини Польской и короля Станислава. — Мазепа

открывается своему генеральному писарю. — Непосланные письма к царю и канцлеру. — Приезд к Мазепе иезуита Заленского. — Тайный посланец Мазепы у короля Станислава. — Беспорядки в царской державе. — Успокоительная царская грамот к малороссийскому народу.

Первое искушение не подействовало на Мазепу. Мало располагали его и проблески вражды к москалям в Малороссии. Правда, в Запорожской Сече эта вражда показалась до того острою, что когда великорусские ратные люди, плывя по Днепру, нуждались в судах и перевозчиках, чтобы безопасно пройти через пороги, то кошевой Гордеенко приказывал запорожскому полковнику, находившемуся в Кодаке, распорядиться так, чтобы на порогах пропали все суда с московскими ратными людьми. Сечь Запорожская не переставала быть притоном удалых беглецов из украинского поспольства, которые пели там все одну и ту же старую песню — идти в Украину и бить панов и орандарей. Но такое брожение в народе не могло быть полезным гетману, потому что ненависть поспольства к панам прежде всего обращалась против него, так как он был самый первый, главный пан. Народ не любил великорусской власти над собою, но не терпел и своего гетмана, считая его разом и польским паном, и угодником московской власти. Раздражение малороссиян против великороссиян не могло подвинуть гетмана стать в недружелюбное отношение к Московской державе. Притом все эти зажигательные крики об избиении панов и арендарей оставались одними криками, а сечевое своевольство ограничивалось только несколькими разбойническими разорениями пасек в «товще» (дебри) Самарской, да угоном скота и лошадей запорожскими «харцызами» (разбойниками).

При тогдашнем положении дел ничто не располагало Мазепу поддаться внушениям в пользу шведов, притом такие внушения делала ему женщина, которая была матерью одного из предводителей Августовой партии в Польше, воевавшего против шведов, а потому чересчур доверяться ее искренности в то время еще было неблагоразумно. Вероятно, такого рода внушения делались ему вскользь, в качестве соображений, как поступить в случае, если дела поворотятся окончательно во вред Августу и Петру. Еще, однако, дело Петра не казалось тогда слабым, и Мазепа, имевши всегда в виду собственное благополучие, не видел нужды поворачивать круто в противную сторону.

С зимы 1705 на 1706 год дела становились все хуже для Петра и Августа и все лучше для Карла и Станислава. Шведы направлялись в Литву. Царский фельдмаршал Огильви занял Гродно и ожидал прибытия в помощь саксонского войска короля Августа. Но саксонской помощи не могло явиться, потому что саксонский главнокомандующий Шуленберг был разбит наголову при Фрауэнштадте шведским генералом Реншильдом, а Потоцкий, предводитель польского войска стороны Станислава, поразил польское войско Августовой стороны, бывшее под командою князя Вишневецкого. Карл двинулся в Литву. Он не успел взять Гродно, но расположил свое войско так, что оно не допускало продовольствия русским военным силам, находившимся в Гродно. Вступление Карла в Литву быстро расположило шляхетство этого края на сторону Станислава Лещинского. Воеводства Новогродское, Слонимское и Волковисское объявили себя за нового короля. Признал его в воеводстве Виленском повет Лидский. Князь Огинский, сильнейший из литовских магнатов, изъявил желание пристать к Станиславу, если за ним, Огинским, сохранят носимый им сан польного литовского гетмана.

В это время Петр потребовал Мазепу в Минск, куда и сам обещался быть. Гетман приехал в Минск в начале марта с компанейцами и с двумя городовыми полками — Миргородским и Переяславским; скоро потом подоспели еще козаки. Войска у Мазепы было до 14000. Мазепа расположил своих Козаков «на пассах» от Гродна до Вильна, в городах Минске, Слуцке, Несвиже и Ляховичах. Царь приказал им беспокоить шведов, пока не придут на помощь саксонские войска.

Тут постигали Козаков несчастия одно за другим. В Несвиже поставлен был стародубский полковник с четырьмя сотнями своих полчан. Шведы напали на них сонных ночью и одну сотню истребили совершенно, погиб и стародубский полковник Миклашевский. Другая сотня, поверивши слову неприятеля, обещавшего отпустить Козаков на свободу, если они не будут защищаться, положила оружие и была объявлена военнопленного. Третья сотня заперлась в бернардинском монастыре, не поддавалась никаким убеждениям сдаться, и когда шведы, не

ставши их добывать оружием, ушли, соединилась с четвертою сотнею, и обе пришли к гетманскому обозу. Вслед за тем 18 марта шведы осадили переяславского полковника Мировича в Ляховичах, за четыре мили от Несвижа.

В Литве сторона Станислава все более и более брала верх. Именем двух соперничествуюших королей устанавливалось в Литве два высших судилища — два трибунала: один от короля Станислава в Вильне. другой от короля Августа в Минске. По замечанию Мазепы, на минский трибунал не находилось много охотников ехать, потому что шведский король угрожал разорять огнем и мечом маетности тех господ, которые туда поедут. Шляхетство повсюду торопилось признавать королем Станислава Лещинского. К этому возбуждала шляхетство, кроме страха шведов, ненависть к русскому войску, наводнившему край в видах поддержания стороны, враждебной Станиславу. В городе Орше был поветовый сеймик, где в приватном совещании замышляли истребить великороссийское войско хитрым способом, чтоб и духа его не оставалось в стране.

Находясь в Минске, Мазепа получил от княгини Дольской небольшое письмецо, писанное цифрами. В нем княгиня извещала гетмана о возвращении своего посланца от какого-то двора с письмом от какого-то короля, которого имя не называлось в письме. Мазепа приказал прочитать это письмо вслух своему писарю Орлику и произнес:

«Вот глупая баба, хочет через меня обмануть его царское величество, чтоб царь, оставивши короля Августа, принял под свою протекцию Станислава Лещинского и помог ему утвердиться на престоле, а он за то обещает царю подать такие способы, чтобы царь мог победить шведа. Я уже о таком ее дурачестве говорил государю. Его величество смеялся над этим».

Орлик в своем письме к Яворскому, сообщая об этом событии, говорит, что сам он, Орлик, тогда поверил Мазепе и не имел ни малейшего подозрения, чтобы гетман склонен был к измене царю. Вероятно, так и было на самом деле. Царская сторона в то время не проигрывала до такой степени, чтобы возбуждать опасения в тех, которые держались ее.

Мазепа должен был по царскому указу пребывать в Минске, пока русское войско под командой фельдмаршала Огильви не выйдет из Гродно. 24 марта Огильви вышел из Гродно и направился к Бресту, но Мазепа после того оставался в Минске еще до половины апреля, хотя его козацкое войско находилось в большой нужде по причине падежа лошадей и недостатка в продовольствии для самого войска. Гетман все-таки думал освободить Мировича, которого в Ляховичах держали в осаде шведы в числе 5800 человек войска. Гетман отправил к Мировичу на выручку великороссийский отряд в 5000 человек под командой Неплюева и прибавил к ним своих Козаков, но последние, прошедши версты три от Минска, вернулись назад под тем предлогом, что измученные лошади не в силах были везти их. Тут пришло гетману известие, что сам шведский король спешит к Ляховичам с шестью тысячами своего войска. Тогда Мазепа, оставивши переяславского полковника «на волю Всемогущего Бога», двинулся из Минска на Быхов: царь приказывал в этом городе поместить гарнизон, хотя гетман заранее изъявлял сомнение, чтобы там добро вольно приняли русский гарнизон, тем более что гетман шел туда с немногочисленным войском и без артиллерии.

Быховская крепость с городом могла быть сдана Малороссийскому гетману только с разрешения гетмана литовского. Тогдашний литовский великий гетман князь. Михаил Вишневецкий, достигший в очень молодых летах своего сапа только благодаря своей громкой родовитости, держался до сих пор партии Август; и отличался даже жестокостью над его противниками, но вдруг стал склоняться на противную сторону, как только успехи Карла делались очевидными в Литве и большая часть шляхетства литовского отступила от Августа и признала Станислава. Гетман Мазепа, находясь еще в Минске, обращался к Вишневецкому с просьбою подать помощь Мировичу в Ляховичах. Вишневецкий отговорился тем, что его войско разослано в другие места. Через несколько дней Мазепа узнал положительно, что Вишневецкий хотя и не объявил себя решительно на стороне Станислава, но уже сносится с панами шведской партии и, стоя на Двине, сам не двигается против неприятеля и своим подначальным начальникам отрядов запрещает воевать против шведов и их польских союзников, а к быховскому коменданту Синицкому послал приказание не впускать Козаков ни в Быхов, ни в Могилев.

Когда Мазепа приступил к Быхову, Синицкий, исполняя приказание великого литовского гетмана, наотрез отказал впускать Козаков в крепость, согнал из быховской волости людей, расположил их по крепостному валу в видах обороны и уставил на башнях орудия. У гетмана Мазепы оставалось каких-нибудь тысячи две Козаков и те терпели от недостатков всякого рода. Итак, гетман Мазепа отошел от Быхова, поручивши стоять под этим городом новому стародубскому полковнику Силенку.

На возвратном пути в Украину гетман о судьбе покинутых в Литве Козаков узнал от переяславских полчан, приставших к его войску в Борисове в числе 150 человек: Ляховичи добыты неприятелем, разгромленные козаки ушли в свой край через Слуцк, а сам Мирович со старшинами и со многими товарищами взят в полон шведским генералом, который, забравши пленных, отправился в Полонное к подкоморию Любомирскому, ставшему открытым сторонником шведского короля. О дальнейшей судьбе Мировича известно, что шведский генерал, у которого он находился в плену, отправил его, вместе с другими военнопленными, в Штеттин. Жена Станислава Лещинского просила шведского короля отпустить Мировича домой, но Карл не согласился, полковника отправили в Стокгольм, и гетман посылал к нему через Малороссийский приказ 1170 ефимков на милостыню малороссийским пленным в Швецию. Мировичу не пришлось уже воротиться в отечество: он умер в плену.

Возвратившись в Батурин, гетман получил известие, что летом царь приедет в Украину осматривать укрепления Киева, считавшегося тогда важнейшим оборонительным пунктом при военных обстоятельствах того времени. Мазепа делал распоряжения для встречи на границе Черниговского полка такого высокого, еще не виданного в Украине гостя, но вдруг царь известил его, что приедет прямо в Киев водяным путем. Гетман приказал собираться туда козакам и сам отправился в Киев в конце июня, жалуясь в своих письмах к Головину на свои «подагричные и хирагричные» недуги.

В Киеве опять было искушение гетману. Все та же кума, княгиня Дольская, прислала к нему письмо, написанное цифрованною азбукой. Мазепа позвал к себе в спальню Орлика, сам лег на постель, а своему генеральному писарю приказал читать письмо. В этом письме княгиня Дольская именем короля Станислава просила Мазепу начинать «намеренный» путь, надеясь на скорое прибытие из Волыни целого шведского войска, и быть уверенным, что все желания, какие гетман заявит, будут исполнены. Княгиня обещала притом прислать «ассекурацию» Станислава и «гваранцию» шведского короля. Мазепа, выслушавши чтение письма, вскочилс гневом с постели, начал бранить княгиню, себя называл «ношеною и искусною» птицей, которую не удастся провести какой-нибудь бабе, когда его не могли провести более знатные и искусные, потом сжег полученное письмо и велел написать ответ, в котором просил княгиню прекратить с ним такую корреспонденцию и не помышлять, чтоб он, служивши верно трем государям, при старости лет наложил на себя пятно измены. Запечатавши сам этот ответ, Мазепа не отдал его Орлику, а спрятал при себе, и Орлик наверно не знал, был ли он отослан княгине Дольской или, быть может, Мазепа написал ей иной ответ, которого содержание скрыл тогда от своего генерального писаря.

Соображая обстоятельства, можно допустить, что и в самом деле Мазепа в это время не решался еще на измену, потому что могущество Карла не достигло еще такой высоты, чтобы верность врагу шведского короля становилась до крайности опасною, а царское могущество не упало до того, чтобы не возбуждать к себе страха за будущее. Что княгиня Дольская, которой сын уже перешел на сторону Станислава и которая сама притом была в родстве с Станиславом, пыталась склонять малороссийского гетмана на сторону нового польского короля, — это было уже теперь естественно; но Мазепа, кажется, только высматривал и, так сказать, примеривался, как ему поступать, если обстоятельства действительно приведут к необходимости искать дружбы с Карлом и Станиславом.

Петр прибыл в Киев 4 июля. Во время пребывания государя в Киеве случились у Мазепы встречи, которые должны были расположить его слушать с большим вниманием внушения своей кумы. Долго Петр оказывал Мазепе дружеское расположение, и никто не становился между ним и монархом. Но усиливавшаяся в государе привязанность к Меншикову возбудила в Мазепе признаки ревности к последнему. Когда царь прибыл в Киев, вдруг разнеслась весть, что Карл XII направляется в Украину. Царь снаряжал Меншикова на Волынь с кавалериею, а

Мазепе указывал в случае нужды содействовать Меншикову и исполнять то, что последний прикажет. Эта предполагавшаяся тогда экспедиция не состоялась, потому что Карл повернул из Польши не в Украину, а в Саксонию, но Мазепа принял царский указ себе в бесчестие. «Вот, — говорит он близким своим, — вот какое награждение мне при старости за многолетнюю верную службу! Велят быть под командою Меншикова! Не жалостно было бы, если б меня отдали под команду Шереметева или иного какого-нибудь великоименитого и от предков заслуженного человека!»

Шляхетская гордость человека, бывшего в юности «покоевым» польского короля, топорщилась при мысли находиться под командою того, кто в детстве в Москве торговал пирогами. Впрочем, была еще причина недовольства Мазепы против Меншикова. Мазепа сватал сестру Меншикова за племянника своего Войнаровского. Александр Данилович сначала обещал, а потом отрекся от своего обещания. Орлик сообщает, будто Меншиков отвечал Мазепе, что на его сестре сам царь думает жениться. Как бы то ни было, но по наружности Мазепа и Меншиков казались добрыми приятелями. Когда Петр находился в Киеве, Мазепа пригласил на обед к себе государя и некоторых вельмож. В числе почетных гостей был и Меншиков. Когда гости порядочно подпили, Александр Данилович, будучи «маленько шумен и силен», как выражается очевидец, взял Мазепу за руку, сел с ним поодаль от других и говорил, наклонясь к нему на ухо, но так, что стоявшие здесь генеральные старшины и некоторые полковники могли кое-что расслышать.

«Гетман Иван Степанович, — сказал Меншиков, — пора приниматься за врагов». И он при этом подморгнул на старшин. Те, заметивши, что паны хотят говорить между собою втайне, стали отдаляться, но Мазепа кивнул им, показывая знак, чтоб они оставались, и отвечал Меншикову как будто на ухо, но так, чтобы другие слышали: «Не пора».

«Не может быть лучшей поры, как ныне, когда здесь сам есть царское величество с главною своею армией», — сказал Меншиков.

Мазепа возразил:

«Опасно будет не сконча едноей войны с неприятелем, другую начинать внутреннюю».

«Их ли, врагов, опасаться и щадить! сказал — светлейший. — Какая с них польза его царскому величеству? Прямо ты верен царскому величеству; но надобно тебе знамение твоей верности явить и память по себе в вечные роды оставить, чтоб и впредь будущие государи ведали и имя твое блажили, что един такой был верный гетман Иван Степанович Мазепа, который такую пользу государству Российскому учинил».

В это время царь встал с своего места, с тем чтобы уехать, и разговор гетмана с Меншиковым прервался неоконченным.

Проводивши высоких гостей, Мазепа воротился к старшинам и спрашивал: «Слышали?»

Те отвечали, что слышали.

«Вот всегда, — сказал Мазепа, — мне ту песенку поют, и на Москве, и на всяком месте! Не допусти им токмо. Боже, исполнить то, что думают!»

Слова, произнесенные Меншиковым, если бы даже и могли быть слышаны старшинами, не были бы вполне понятны, а потому Мазепа мог объяснять их смысл, как хотел, и объяснения его поразили всех страхом. Дело шло о переменах в козацком строе управления Гетманщины; к этому действительно стремился Петр, хотевший переделать все свое государство на новый лад. Царь до сих пор не трогал малороссийских порядков только из уважения к советам Мазепы, который находил несвоевременным касаться в этом отношении Гетманщины, хотя в принципе всегда заявлял перед царем одобрение его преобразовательным планам, чем и поддерживал к себе расположение Петра. Меншиков, конечно, был и прежде свидетелем царских бесед с гетманом и теперь, находясь под шумком, делал на это намеки сообразно известной пословице «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Старшины и полковники, услышавши от своего гетмана объяснение слов Меншикова, разразились жалобами. «Козаки, — вопияли они, — служат царю без всякой противности, верным и послушливым сердцем; козаки своими оброками (на свой счет) совершают далекие походы в Инфлянтах (в Лифляндии) и в Польше, и в Литве, и в донских городах, и в Казанском государстве; козаки погибают и умаляются, а за все их службы, — и за прежние в турецкой войне, и за последние в теперешней войне — не только нет им милости, а еще ругают их и унижают, говорят, что от нас дела нет никакого,

верная служба наша в полушку не ставится и, наконец, промышляют о нашей погибели».

В это время получено было новое цифрованное письмо от княгини Дольской. На этот раз она не писала уже о короле Станиславе, не делала намеков, которые можно было понимать как приглашения к измене. Она, как будто послушавшись Ивана Степановича, совершенно оставила прежнего рода корреспонденцию, — теперь она только по дружбе к нему предостерегла его насчет Меншикова. Она писала, что была где-то у кого-то восприемницей вместе с Борисом Петровичем Шереметевым, и на крестинах, сидя за столом между Шереметевым и генералом Реном, отозвалась с похвалой о гетмане Мазепе. Генерал Реп отозвался о нем также с похвалою и сказал: «Жаль этого доброго и умного Ивана! Он, бедный, не знает, что князь Александр Данилович яму под ним роет и хочет, его отставя, сам стать в Украине гетманом». Княгиня с удивлением обратилась к Борису Петровичу Шереметеву и спрашивала, правда ли это. Шереметев отвечал утвердительно. «Отчего же никто из добрых приятелей не предостережет его?» — сказала княгиня. «Невозможно, — отвечал Шереметев, — мы сами много терпим да молчать принуждены!» Вот какой разговор сообщался в цифрованном письме, и Орлик прочитал это письмо вслух, по приказанию гетмана.

Тогда Мазепа сказал: «Я сам хорошо знаю, что они замышляют надо мной и над всеми вами: хотят меня уконтентовать княжением Римского государства, всю старшину искоренить, городы наши отобрать под свою область, поставив в них своих воевод или губернаторов, а когда бы наши воспротивились, то за Волгу всех их перегнать, а Украину своими людьми осадить (заселить). Не треба о том много говорить: сами вы слыхали, как князь Александр Данилович в квартире моей в Киеве во время бытности царского величества говорил мне на ухо: пора ныне за тех врагов приниматься! И в другой раз князь Александр Данилович просил себе у царя княжения Черниговского: через него он стелет себе путь до гетманства».

При существовавшей досаде гетмана против Меншикова письмо княгини Дольской подливало, как говорится, масла в огонь. Гетман припомнил тут все, чем был недоволен на Меншикова, и сказал: «Господи! освободи мене от их панованя!»

Он приказал Орлику написать княгине Дольской ответ с благодарностью за дружбу и предостережение.

Между тем в течение 1706 года на Западе совершались события, сделавшие крутой поворот Северной войны в пользу шведской стороны. Чтобы смешать наблюдательность своих врагов, Карл XII распустил слух, будто намерен обратиться на Украину, и отправил как бы передовой отряд своего войска к Киеву под начальством капитана Бракенгейма, а сам со всею силою пустился совсем в противоположную сторону — к границам Саксонии. Бракенгейм имел только незначительную битву с царскими ратными людьми, высланными киевским воеводою; но у Карла была цель отвести на время внимание царя, чтобы нанести решительный удар своему сопернику Августу в его наследственном владении. Карлу хотелось, вступивши в Саксонию, навести там такой переполох, чтобы даже германские владетели, из желания удалить войну от германской территории, увещевали Августа отречься от польской короны. Осторожный советник Карла, министр граф Пипер, представлял королю, что таким движением можно раздражить против себя не только всех германских владетелей, но и морские державы — Англию и Голландию, которые до сих пор не вмешивались в ход Северной войны. Но Карл не послушался своего министра, а приказал ему написать от королевского имени ноту к иностранным державам, в которой шведский король уверял всех, что, воюя с своим неприятелем Августом, он не думает наносить никакого вреда целой Германии. Затем Карл оставил в Польше небольшой корпус шведского войска под командой генерала Мардефельда, приказавши ему действовать совместно с польским войском Потоцкого, киевского воеводы. Сам Карл 26 августа вступил в Саксонию.

Это вступление чужих войск в край произвело страх: саксонские министры стали увозить государственные архивы и казну, частные владельцы — свои имущества. Сам Август находился тогда в Литве близ Новогрудка и для сохранения своего наследственного владения не видел иного средства, как скорее просить мира у шведского короля. С этою целью Август послал двух комиссаров — барона Имгофа и Пфингстена: он дал им полномочие заключить мирные условия, смотря по обстоятельствам, и дозволял им в крайнем случае сообщить его готовность отказаться от польской короны. Эти комиссары представились Карлу XII в

Бишофсвердене 1 сентября. Начались конференции. Шведские уполномоченные, сообразно воле своего государя, стояли твердо на отрешении Августа от польской короны; саксонские комиссары, как ни увертывались, не в силах были победить их упорства. Конференции прервались; Карл пошел далее в глубь Саксонской страны победителем. Саксонские комиссары не смели возвращаться, не окончивши договора, и поехали вслед за Карлом. 10 сентября Карл дошел до Лейпцига; комиссары, следуя за ним, все домогались смягчить условия, но все было напрасно. 14 сентября комиссары Августа заключили мир в замке Альтранштадте, где была тогда главная квартира шведского короля. Август отрекся от польской короны, обязался в течение шести недель выдать универсал, разрешающий всех его подданных от данной ему присяги на верность, признать польским королем Станислава Лещинского и разорвать союз с московским царем. Вместе с тем Август обязывался выдать Карлу XII Паткуля, изменившего шведскому королю, а сам, напротив, снимал приговор, произнесенный им прежде над полковником Герцом, который перешел из саксонского войска к шведскому королю. По Альтранштадтскому договору предоставлялось Карлу оставлять на предстоящую зиму шведское войско в Саксонии, а Августу саксонское войско в польских пределах. Карл тотчас издал распоряжение, чтобы шведские войска вели себя в Саксонии благочинно и не обращались с жителями по-неприятельски.

Между тем генерал Мардефельд, оставленный в Польше, не знал еще о заключенном мирном договоре и шел на содействие Потоцкому к Калишу. Август, получивши от Пфингстена заключенный с королем шведским договор, тотчас утвердил его. Саксонский генерал послал Мардефельду об этом известие. Но Мардефельд еще не имел в руках письменного указа своего государя, не поверил врагу и вступил под Калишем в бой против соединенного войска русского под командою князя Меншикова и саксонского под командою генерала Брандта. Мардефельд был разбит и взят в плен. Карл оченьразгневался, когда узнал, что в этой битве участвовали саксонцы. Август писал Карлу, что это произошло от недоразумения: саксонцы не хотели вступать в битву, но их увлекли русские и поляки. Август наперед обещал разорвать всякие дружеские связи с московским царем и предлагал Карлу дать какое угодно удовлетворение. Карл принял извинения Августа, но не доверял ему. И точно, Август, уверяя шведского короля в своей искренности, старался некоторое время скрывать от русских и от поляков своей партии состоявшееся уже примирение с Карлом и уверял, что, отправивши к шведскому королю посольство, он только обольщает шведов. Готовясь ехать на свидание с шведским королем, Август говорил русскому резиденту, находившемуся при его особе: «Нет мне иного исхода, как постановить мир со шведами, но это сделается только для вида. Мне лишь бы выпроводить шведов из Саксонии, а там, как они уберутся, я, собравшись с силами, опять начну против них войну в союзе с царским величеством».

Август поехал в Саксонию и виделся с Карлом. Оба короля обменялись между собою дружелюбными визитами, вместе ездили на охоту, но тогда же перехвачены были и доставлены Карлу письма, писанные Августом к своим сторонникам в Польше: из этих писем Карл XII ясно видел, что Август помирился с ним обманчиво. Август писал к своим польским благоприятелям, что если он уже по необходимости отрекся от короны, то советует им не признавать королем Станислава, а избрать себе в короли кого-нибудь иного под покровительством царя Петра. Карл разгневался за такую двуличность Августа и за то увеличил военную контрибуцию, наложенную ужо на Саксонию; он хотел истощить наследственное владение Августа и тем самым умалить его силы и средства.

Отказ Августа от короны сразу лишил его в Польше самых верных союзников. Был у него такой ярый и вместе неутомимо деятельный сторонник Шмигельский, что шведский король назначал награду за его голову. Шмигельский перешел к Станиславу Лещинскому. За ним последовал генерал Брандт, недавний победитель Мардефельда. Оба оправдывали свой переход тем, что Август сам отрекся от польской короны и развязал их от присяги на верность. За ними последовали многие поляки, которые до того времени колебались: теперь уже Станислав Лещинский имел законный вид истинного польского короля.

Такой блестящий успех Карла не мог не отозваться и в Украине впечатлением невыгодным для уверенности в силе русского государя, который вел борьбу с таким героем, каким казался шведский король. Теперь обстоятельства располагали Мазепу сделать при случае

новый шаг к сближениюс царскими врагами. Между тем ряд мелких событий, где великороссияне обращались с малороссиянами оскорбительно и презрительно, подавал каждому повод не предполагать в малороссиянах большой любви к русской власти. В 1706 году, и особенно за последние месяцы этого года, в современных делах встречается множество жалоб с разных краев Гетманщины. «Отовсюду, — писал Мазепа Головину, — ко мне доходят жалобы на своевольства великороссийских ратных людей». Гетман умолял найти средства к обузданию своевольства великорусских войск и препроводил замечательную по чертам того времени жалобу городенского сотника Стаховича на бесчинства великороссийских ратных людей, проходивших через его сотню.

Слишком тяжела казалась для малороссиян царская служба в то время, особенно при беспощадной дисциплине, которую вводил Петр. Запорожцы, бывшие на царской службе, за самовольный уход были обращены на галерные и другие работы, а некоторые из них, нашедши случай уйти, добрались до Сечи и произвели там волнение. Рада снарядила посольство к парю в Киев, но посланный атаман Игнат Галаган опоздал, не застал уже в Киеве государя и должен был воротиться в Сечу. Тогда запорожское товариство так заволновалось, что собиралось заключать союз с крымским ханом и привлекать татарскую орду против Москвы. К этому побуждал их кошевой Гордеенко. Но против смелых и отчаянных затей восстали старые козаки и отвратили от злобных намерений тех, которые задумывали уже выступать с оружием в Гетманщину.

В Киеве также был сильный ропот между козаками разных полков, согнанных на крепостные работы. В продолжение целых пяти летних месяцев они трудились над крепостью на собственном содержании. С 15 августа работы усилились. Государь нашел, чти местоположение делаемой крепости неудобно, и положил возводить, новые укрепления вокруг Печерского монастыря. В день Успения, по совершении церковного обряда сам Петр сделал закладку и поручил работы козакам под личным наблюдением гетмана, которого обязал не отлучаться до наступления зимних холодов, разве только на короткое время. Гетману в помощь придан был великорусской службы полковник Гейсен с царскими людьми. Великорусские офицеры обращались грубо с козаками, били их палками, обрубливали им уши и чинили над ними всяческое поругание. Бедные козаки переносили всевозможные тягости, терпели томительный зной при тяжелых земляных работах, терпели вечное беспокойство за свой дом, зная, что без них некому было убирать сена и хлебов в рабочую пору, и, кроме того, находились в постоянном страхе: великорусские люди в то время беспрестанно сновали через малороссийский край то с рекрутами, то с запасами, насиловали оставшихся дома козацких жен и дочерей, забирали и истребляли лошадей и домашний скот, и самих даже старшин наделяли побоями. Из полковников миргородский Апостол и прилуцкий Горленко выступили тогда перед гетманом, заступаясь за Козаков. Горленко говорил ему: «Все мы за душу Хмельницкого Бога молим за то, что тот освободил Украину от лядского ига, а твою душу и кости станут дети наши проклинать, если ты после себя оставишь Козаков в такой неволе».

Гетман сказал, что он уже много раз описывал царю о таких обидах, и предлагал ехать снова старшинам с просьбами о том же.

Через несколько дней гетман объявил полковникам, что советовался с киевским воеводою о предполагаемой посылке, но воевода князь Дмитрий Михайлович Голицын сказал, что это дело царю будет неугодно, и гетман повредит себе и козакам.

В конце октября, согласно царскому дозволению, гетман распустил свое войско, которое, по его донесению, стало и босо, и голо, и голодно, будучи истомлено вконец пятимесячною тяжелою работою. Сам гетман уехал в Батурин. На весну предполагалось созвать снова Козаков на фортификационную работу.

24 декабря царь опять проехал через Киев и отправился оттуда в польский город Жолкву. Мазепе дан был указ явиться туда же на совещания. К новому 1707 году царь прибыл в Жолкву вместе с близкими особами, в числе которых был новый канцлер, Гаврила Иванович Головкин, заступивший место управлявшего Посольским приказом Федора Головина, умершего недавно перед тем в Глухове на пути в Киев.

Во Львов тем временем съехались некоторые польские паны, которые после отречения от короны Августа не хотели признавать короля Станислава. Они оскорблялись тем, что,

признавши его королем, признали бы главенство над Польшею шведского короля, который по своему произволу возвел Станислава в короли. На этом львовском съезде паны постановили не признавать в Польше иного короля, кроме избранного нациею свободно, без чуждого принуждения. С этого съезда отправились в Жолкву к находившемуся там царю знатные и влиятельные паны: краковский каштелян Януш Вишневецкий, мазовецкий воевода Хоментовский, Волович, Шембек и другие. Тогда обе стороны — и русская и польская — нуждались одна в другой. Русский царь оставался теперь в борьбе с Карлом без союзника; поляки поняли это и домогались отдачи и укрепления за польскою короной Правобережной Украины. Царь не только соглашался на это, но еще обязался дать полякам 20 000 рублей в качестве субсидии, — так хотелось ему отклонить панов от Станислава.

Между тем Петр искал дипломатическим путем устроить для себя выгодный исход из затруднительного положения. Он рассылал по европейским дворам посольства искать союза или посредничества к примирению со шведским королем, предлагал искать упраздненной польской короны и королевичу Собескому, и седмиградскому князю Ракочи, и сильному в Англии герцогу Марльборо, которому, как говорят, кроме того, обещал по выбору в России княжество киевское, владимирское или сибирское.

Петру намерения его не удавались. Более удачно везло его сопернику Карлу, продолжавшему сидеть в Саксонии. Август уверял его, что не думает о нарушении договора и что все писания от его имени, ходящие, в Речи Посполитой, подложны. В Альтранштадт, где жил Карл, стекались знатные особы с поздравлениями из разных стран Европы; в числе их 16 апреля 1707 года посетил Карла герцог Марльборо, которого напрасно старался расположить к себе русский царь. Государства — Франция, Англия, Немецкая империя, Голландские штаты, Ганновер, Пруссия — все, безусловно, признали польским королем Станислава Лещинского. По настоянию царя, министры европейских дворов в смысле посредничества предлагали Карлу примирение с Петром. Но Петр, прибегая к посредничеству, заранее заявлял, что хочет во что бы то ни стало удержать за собою Петербург и Орешек, а Карл не соглашался уступить ни одной пяди земли из своих владений. «Если бы царь, — говорил Карл иностранным министрам, искренно желал примириться с нами, то признал бы королем Станислава и не раздувал бы междоусобия в Польше. Зачем он сделал губернатором Ингрии Меншикова?» «За это царь должен уплатить Швеции», — предлагал французский министр. «Я не продаю своих земель, — отвечал Карл. — А вот как я подойду поближе к рубежу государства Петрова, тогда услышим, что он заговорит!»

В то же время Петр, желая удержать в союзе с собою поляков, не признавших власти Станислава, уверял, что не иначе согласится толковать о мире, как вместе с Речью Посполитою, и что вести о том, будто он хочет вступать отдельно в переговоры, выдуманы министрами шведского короля. Примас, которого Петр уверял в этом своим письмом, относился, по-видимому, с доверием к царским словам и благодарил царя за его внимание к выгодам Польши. Но в Литве партия Станислава еще более усилилась, когда вступил туда с войском шведский генерал Левенгаупт, назначенный от Карла губернатором Ливонии. Братья Вишневецкие открыто стали на сторону Станислава: гетман Михаил, как мы уже видели, прежде к тому склонялся, но брат его Януш еще в начале 1707 года в Жолкве был в числе панов, заключивших с Петром союзный договор, а через несколько времени помирился с своим давним врагом Сапегою и объявил себя за Станислава. Гетман литовский Михаил Вишневецкий издал к обывателям Великого княжества Литовского универсал, в котором убеждал повиноваться Станиславу и изгонять русских, как врагов, из пределов Речи Посполитой. Пример Вишневецких был до того влиятелен, что Великое княжество Литовское почти все очутилось признающим короля Станислава.

Август, обещавший выдать шведскому королю Паткуля, все еще медлил, опасаясь этим поступком вооружить против себя царя Петра, который мог бы тогда по-неприятельски поступить с саксонскими войсками, остававшимися на зимних квартирах в Польше: Паткуль считался в русской службе. Но в марте русски» сами настояли, чтобы саксонские войска вышли из Польши, уступивши место русским войскам. Тогда Август, не опасаясь более мщения за Паткуля, приказал генералу Мейерфельду привезти несчастного Паткуля из Кенигштейна, где он сидел в тюрьме, и отдал шведам. Его казнили мучительною смертью. Вслед за тем Август,

досадуя на Альтранштадтский мир, для него унизительный, приказал отправить на место Паткуля в Кенигштейн Фингстена и барона Имгофа, обвинив обоих в превышении данного им полномочия.

Между тем с весны по царскому указу со всех гетманских полков спешили козаки с запасом кирок и лопат оканчивать киевскую «фортецию», которую царю хотелось довершить скорее в видах препятствия к неприятельскому вторжению. Петр ожидал, что Карл, разделавшись с Августом, теперь обратится всеми силами на державу русского государя. Поэтому царь писал к Апраксину, чтобы дать указ, дабы все обыватели, ожидая неприятеля, держали хлеб не в житницах, а непременно в ямах, вырытых в лесных местах, для удобнейшего сбережения. «Вся тягость войны теперь останется на одних нас», — писал царь Мазепе. приглашая его в Жолкву на совет.

По этому царскому приглашению Мазепа прибыл с некоторыми старшинами в Жолкву 11 апреля, в день великой пятницы. После 20 апреля был воинский совет. Что там произошло, мы не знаем, но по окончании этого совета Мазепа не пошел на обед к царю, а воротился в свое помещение расстроенный, целый день ничего не ел и был чрезвычайно раздражителен. Он не сообщал старшинам, что за неприятность с ним произошла, а только произнес для всех загадочные и зловещие слова: «Если б я Богу так верно и радетельно служил, то получил бы наибольшее мздовоздаяние, а здесь хоть бы я в ангела переменился — и тогда не мог бы службою и верностью своею никакого получить благодарения!» Он отпустил старшин, и те ушли в совершенном неведении, что сталось с их гетманом.

На другой или на третий день после того войсковой товарищ Димитрашко доставил письмо светлейшего князя Меншикова к компанейскому полковнику Танскому. Ментиков приказывал Танскому, взявши на шесть месяцев деньги для уплаты жалованья своим полчанам и на покупку провианта, выступать с своим полком в поход. Это взорвало гетмана. Он почел для себя личным оскорблением обращение светлейшего князя к козацкому полковнику мимо козацкого гетмана. В ярости Мазепа закричал: «Может ли быть более поругания, посмеяния и унижения моей особе! Князь Александр Данилович всякий день со мною видится, всегда со мною конверсует[127] и не сказал мне о том ни единого слова, а без моего ведома и согласия рассылает ордонансы людям моего регимента! Кто ж это без моего указа выдаст Тагскому месячные деньги и провиант? И как Танский может идти без моей воли с моим полком, которому я плачу? Да если б он пошел, я б его велел, как пса, расстрелять!»

Мазепе в это время, как видно, запахло чем-то очень плохим — возможностью потерять гетманство; и для старшин это запахло таким новым порядком, что вместо начальников, выбранных войском запорожским, станут управлять козаками царские бояре, а страх такой перемены, как известно, уже не малое время беспокоил малоруссов. Во всяком случае, страсть царя Петра к преобразованиям готова уже была коснуться Гетманщины, а желание как можно теснее слить этот край с остальными частями Русской державы унаследовалось им от прежней московской политики. Недаром Мазепа воротился с воинского совета расстроенным. Там, как оказывается, сообщено было Мазепе намерение царя произвести некоторое изменение в отправлении козацкой службы: чтоб из всех городовых Козаков выбиралось известное число и составлялись компании, которые бы получали жалованье, а прочие козаки оставались дома. Это мы узнаем из последующего письма Мазепы к Головкину, в котором говорится, что указ об устроении компаний, сообщенный царем в Жолкве, не может прийти в исполнение за смятением непостоянного народа. Орлик называет этот указ «указом об устроении Козаков подобием слободским полков в пятаки» и говорит, что все полковые старшины считали тогда выбор «пятаков» (пятого человека из Козаков) ступенью к преобразованию Козаков в драгуны и солдаты. Старшины сильно волновались, сходились беспрестанно то у обозного Ломиковского, то у миргородского полковника Апостола, советовались между собою, кричали и даже обращались к чтению Гадяцкого договора. Гетман извещал Головкина, что указ о компаниях очень неприятен полковникам. Сам гетман не показывал ни малейшего знака неудовольствия к замыслу царя. Этот указ не состоялся.

---

[127] Беседует (от польск. konwersacja-беседа, разговор).

В то самое время, когда поступок Меншикова с Танским в Жолкве раздражил Мазепу, ему доложили, что в приемной комнате стоит и дожидается львовский иезуит Заленский, ректор иезуитской школы в Виннице. Вдруг Мазепа как будто просветлел и радостно воскликнул: «А он откуда взялся?» Он велел обозному Ломиковскому и писарю Орлику провести иезуита к нему во внутреннюю комнату и потом отпустил всех старшин по их помещениям.

Мазепа беседовал с этим иезуитом наедине, никто не слыхал их беседы, но и никто не подозревал ничего дурного. Впоследствии Орлик узнал от самого Мазепы, что гетман посылал этого иезуита в Саксонию к Станиславу Лещинскому, бывшему там с своим покровителем — шведским королем.

Скоро после того царь отпустил Мазепу и старшин из Жолквы разом со своим сыном Алексеем, царевичем. Отъехавши несколько миль от Жолквы, гетман уговорил царевича ехать вперед, обещаясь догнать его, а сам свернул с дороги, заехал в один из дворов, принадлежавших княгине Дольской, не застал там самой княгини, но нашел там какого-то монаха тринитарского ордена[128], о чем-то с ним наедине беседовал, а потом продолжал свой путь и нагнал царевича. «На этот раз, — говорит Орлик, — ни у кого из нас не было ни малейшего подозрения в неверности гетмана к царю; мы все думали, что княгиня Дольская домогалась у Мазепы получить взаймы некоторую сумму денег для выкупа из залога своих драгоценностей, о чем уже письменно перед тем к нему обращалась».

По возвращении из Жолквы гетман недолгое время оставался в Батурине и в июне отправился в Киев. Там работали над печерскою крепостью все козаки — и городовые и охотные, — все, кроме тех, которые находились в военных командировках. Работы вышли труднее, чем думалось. Прежде предполагали только поновить часть вала, который был уже выведен вокруг Печерского монастыря, но оказалось, что этот вал весь осыпался, пришлось его делать весь снова. С подошвы до верха вал обкладывали дерном и приходилось за таким дерном посылать далеко. Инженер, заведывавший фортификационным делом, приказал начиная от горы печерского местечка вниз к Днепру высыпать не один, а два вала и таким образом задал козакам двойную работу. С малороссийскими козаками работали и великорусские стрелецкие полки. В сентябре Мазепа в письме к Головкину изображал в печальных чертах состояние, в какое пришли козаки от продолжительной утомительной работы. Гетман просил дозволения отпустить Козаков, ссылаясь на то, что им надобно еще укреплять свои городки в полках. Но указ о распущении Козаков с крепостных работ получен был гетманом не ранее 7 ноября. Тогда гетман сдал крепость совершенно готовую киевскому губернатору князю Дмитрию Михайловичу Голицыну и назначил в число гарнизона 500 Козаков своего регимента Стародубского полка. Мазепа оставался в Киеве, ожидая скорой кончины престарелой своей матери.

В Жолкве, как мы уже говорили, польские паны успели вынудить у царя Петра согласие на возвращение Польше Правобережной Украины. Гетману было это объявлено в Жолкве, но царь тогда же сказал Мазепе, что прежде чем прибудет комиссия, учрежденная по этому вопросу, малороссийский гетман будет о том предупрежден заранее, дабы мог дать время нежелающим поступать под польскую власть перебраться на левую сторону Днепра. В августе назначенный для отобрания Правобережной Украины каштелян волынский Виельгорский обратился к Мазепе с требованием приступить вместе с поляками к возвращению Белой Церкви и всей Правобережной Украины под власть Речи Посполитой, во исполнение договора царя с теми панами, которые вошли с царем в союз против шведов. 22 августа Мазепа получил от царя секретный указ не отдавать Украины полякам и отговариваться от них неполучением собственноручного царского указа. На этом основании Мазепа на приглашение Виельгорского приехать к нему для совещания о таком важном деле отвечал решительным отказом. Виельгорский приписывал медленность в исполнении царского обещания упрямству самого Мазепы и угрожал, что еслитак, то польские войска и без участия малороссийского гетмана займут силою Правобережную Украину. «Вижу, — писал по этому поводу гетман к Головкину, — без кровопролития не обойдется; а v меня войска мало, потому что все раскидано

[128] Орден приверженцев догмата Троицы.

в разные стороны: одни в Польше, другие в Быхове, третьи на Волыни, четвертые в Казани, а со мною остались такие, что изнурены работою над постройкою крепости, лишились лошадей и сами нагие и голодные чуть не валяются от дуновения ветра».

При тогдашнем положении вещей, когда в Польше не было ни единого правления, ни порядка, а большинство поляков все-таки склонялось на сторону Станислава Лещинского, было естественно, что царь, при искренней готовности возвратить Польше Правобережную Украину в возмездие за полезный с ним союз, должен был помедлить с этим делом. Поляки были недовольны, что не могли взять в свою власть края, отдаваемого им самим царем, делали угрозы, но эти угрозы были бессильны. Дело приостановилось, и нельзя было предвидеть, как оно поворотится. Малороссияне, во всяком случае, не могли спокойно смотреть на уступку половины своего отечества прежним своим врагам. Мазепа, как бы он втайне ни смотрел на этот вопрос, но, окруженный старшинами, должен был разделять общенациональное воззрение. «Конечно, — рассуждал он в письме к Головкину, — всякая вещь приватная должна уступать общей пользе. Нам трудно знать внутренние намерения великого государя, по которым он, ради союза с Польшею, готов ей делать такую уступку, но мы не ожидаем никакого добра от поляков в близком с ними соседстве. Если уж такова воля великого монарха, что отдавать в польскую область Белую Церковь и другие украинские места, то, по крайней мере, пусть бы министры царского величества с министрами польскими утвердили и постановили, чтобы поляки не интересовались городами и местами, находящимися близко Днепра — Каневом, Черкасами, Чигирином и прочими, которые были оставлены впусте генеральною комиссией во время установления вечного договора при короле Яне Собеском».

Военные события в Польше привлекали туда участие Козаков. Из Жолквы отправлен был в распоряжение польского коронного гетмана Сенявского компанейский полковник Танский, потом в мае царь потребовал от Мазепы еще пять тысяч Козаков, и Мазепа отправил их в качестве охотного полка под командою своего племянника Войнаровского, а в конце июня, по царскому указу, выслал еще сборный козацкий отряд на Волынь в Полонное на соединение с фельдмаршалом Шереметевым, для устрашения «непостоянных ляхов, абы они к стороне противной не приставали». В июне гетманотправил 1300 стародубцев в гарнизон в Быхов, который тогда сдался русскому генералу Бауэру.

Отправленное в Польшу в этот год козацкое войско поступило под команду князя Волконского, «человека молодого, глупого и нерассудительного», как аттестовал его польский историк. В самую пору жатвы прошли козаки через все Краковское воеводство. «Эти люди, — описывает польский историк Козаков Танского, — не встречали неприятеля, а зато всякого мирного жителя обдирали, не разбирая звания и состояния, и мало в воеводстве осталось домов, где бы они ни грабили и ни били стекол в окнах. Они забирали пивные и горельчаные котлы, выдирали пчел в пасеках и обваривали их кипятком, зажигали хаты без всякого повода, истребляли скот поголовно; бывало, загонят целое стадо в лес, вырежут из живого вола кусок мяса себе на жареное или полосу кожи со спины и кинут несчастное животное. Везде, где эти козаки стояли обозом, там невозможно было стоять от нестерпимого смрада. Они умышленно, без всякой нужды, истребляли копны хлеба в полях, сожигали скирды на гумнах, обдирали костелы, ругались над католическою святынею; невозможно было от них ни отпроситься, ни откупиться, и, многих поселян обобравши, они уродовали ударами плетей по голому телу, а тех. которые показывали намерение сопротивляться или убегать от них, забивали до смерти; если бы при этих козаках не находилось 600 великороссиян, то, кажется, в краковском воеводстве не осталось бы в живых ни человека, ни скотины». Козаки, совершая такие жестокости, исполняли волю своего государя, который нарочно послал их разорять маетности панов, приставших к союзу со шведами и признавших королем польским Станислава Лещинского. Такого рода войну еще прежде приказывал Петр Шереметеву в Ливонии; тот же способ наблюдался теперь и в Польше, и не одними малороссийскими козаками, но вообще всеми царскими ратными людьми. В Великой Польше с русскими и калмыками свирепствовал тогда полковник царской службы Шульц, сожигал дотла замки, усадьбы и целые города, а подчиненные ему калмыки в одном месте загнали кучу детей в дом и сожгли. Современные шведские известия сообщают возмутительные черты обращения русских с неприятелем во все течение Северной войны. Они варварски уродовали попавшихся в их руки шведов, не щадили

ни безоружных женщин, ни стариков, ни даже невинных детей, а тех, которых почему-нибудь оставляли в живых, уводили с собою в рабство. Шведы жаловались, что их пленников содержали русские самым жестоким и унизительным образом, а в случае кончины их бросали. их тела на съедение собакам и хищным животным. Не всегда разорение постигало только врагов царя: Денгоф, противник Станислава, заключавший с царем союз в Жолкве, жаловался, что козаки производили разорения и грабежи в его маетности. Так несчастный польский край терзали и русские, и козаки, и калмыки, и шведы, но более всех терзали его собственные соотечественники: некоторые, не желавшие повиноваться Станиславу, стояли за новую «элекцию»[129], сами еще не зная, кто будет выбран в короли, другие — таких становилось больше — признавали Станислава; но иные не приставали окончательно ни туда, ни сюда, переходили то к одной, то к другой партии, искали собственной выгоды и ловили в мутной воде рыбу. Эти-то господа совершали тогда чистые разбои и злодеяния под предлогом обратить других к своему долгу: те — на сторону Станислава Лещинского, те — на сторону новой элекции, заставляя других признать то или иное, но, в сущности, такое, чего они сами внутренне не признавали. Таков, по известию шведского историка, был некто Рыбицкий: прежде верный сторонник Августа, он, по отречении последнего от короны, остался все-таки ненавистником короля Станислава. Бывало так: люди его партии наткнутся на людей партии Любомирских и Потоцкого, притворяются, будто Рыбицкий передался уже Станиславу, будто приказывал и им служить вместе с сторонниками Станислава. Вкравшись в доверие, идут они вместе с последними, потом, улучив удобный случай, неожиданно нападают на товарищей пути своего и истребляют их. Сами знатные сторонники Станислава, «Любомирские и Потоцкий, забравшись в Гданск, растрачивали там на свои удовольствия суммы, которые край доставлял им на содержание войска, а их солдаты, не получая средств, шатались, пробавляясь грабежом; русские и козаки нападали на них и истребляли их во множестве. Рассказывают, что один козацкий полковник, взявший в плен шляхетного предводителя такой шайки, обращался с ним презрительно и говорил: „Вы, ляхи, были когда-то нашими господами, а мы вашими хлопами. Но тогда вы были храбры, а теперь у вас храбрости стало столько, сколько у старой бабы, и вы достойны того, чтобы мы, бывшие ваши хлопы, ругались над вами, потому что вы не умеете защищать себя. Если вы не исправитесь, то мы,вас всех за уши возьмем и кожу с вас сдерем“. Но козаки, выказывая себя в Польше жестокими по царской воле, неохотно, однако, вели там войну и при первом удобном случае убегали оттуда. Так, козацкий отряд в 440 человек, оставленный князем Волконским между реками Саном и Вислою без хлебных запасов для себя и без корма для лошадей, весь разбежался, покинувши своего наказного полковника, и когда последний, оставшись без подчиненных, не придумал ничего лучшего, как воротиться в Украину, гетман приказал забить его в кандалы и посадить под караул.

Показываясь верным царским подданным, гетман известил, но вестям, полученным из Молдавии, что турки желают завести войну с русским царем и сносятся с его врагами. Посланцы Станислава были у Порты, и Порта тайно отправила дружелюбные грамоты к шведскому королю и к Станиславу Лещинскому, поручивши силистрийскому сераскиру[130] переслать эти грамоты с нарочным посланцем через венгерское государство. Сераскир избрал для этой цели одного агу[131] и приказал ему присмотреться к силам шведского короля, чтобы потом турки могли сообразить: в состоянии ли шведы удачно вести войну с московским царем. Ага должен был убеждать шведов не мириться с царем без сношения с Оттоманскою Портою для общей выгоды. По известию шведского историка, ага, о котором сообщал Мазепа, представлялся в Бресте 1707 года в ноябре шведскому королю, который еще в сентябре оставил Саксонню. Карл оглашал намерение идти на русского царя; его войско собиралось в Польше.

---

[129] Избрание (польск.)

[130] Здесь — командующему войсками.

[131] Господина. В Османской империи — офицерский титул.

Ага совещался с графом Пипером и вручил ему письмо от силистрийского паши, который извещал, что слова Карла дошли до падишаха и последний предлагает ему дружбу. В знак своего расположения падишах приказал выкупить из московской неволи 100 шведских пленных в благодарность за то, что Карл освободил турок, находившихся в плену в Польше и содержавшихся во Львове. Но когда речь коснулась возможности тесного политического союза со Станиславом, ага сказал, что султан готов оказывать помощь Станиславу, не разрывая, однако, мирного договора с московским государем. Карл отвечал, что сам он никогда не бросит короля Станислава и ему было бы приятно, если бы турецкий султан оказал последнему прямое содействие.

Важные по своему времени сведения передавал верховному правительству малороссийский гетман, и в его верности к царю со стороны Петра не возникало ни малейшего сомнения. Между тем тихо происходило много такого, о чем и в голову не могло приходить ни Петру, ни его ближайшим советникам. Вот, например, что делалось 16 октября, когда Мазепа находился еще в Киеве. Была ночь. Его писарь Орлик, находившийся у него в помещении, занят был каким-то длинным писанием. Мазепа несколько раз обращался к нему из внутренних комнат: «Скоро ли ты кончишь? Есть еще иное дело!» Писание было, наконец, окончено, и писарь положил его на стол перед гетманом. Мазепа сидел за столом и держал в руке письмецо в небольшом конверте. Он сказал:

«Княгиня Дольская через одного волоха прислала мне вот это письмецо, зашивши посланцу в шапку. Я знаю наперед, что она все одно да то же пишет, а черт ее просит об этой корреспонденции: когда-нибудь эта безумная баба меня погубит! Недаром говорится: у женщины волос длинен, а ум короток. Возможное ли дело, чтоб одна баба глупым своим умом обманула меня! Распечатай это письмо и прочти».

Орлик приблизился к свечке, которая заслонена была зонтиком от глаз Мазепы, вскрыл конверт и достал оттуда цифирное письмо, писанное княгинею Дольскою, а в это письмо вложено было другое, маленькое, запечатанное письмецо. Полагая, что и это последнее от той же княгини, и не присмотревшись хорошенько к печати. Орлик распечатал и другое — и уже после того заметил посредине при печати слова: Stanislaw Krol. Писарь не сказал ничего гетману и сам прежде пробежал это письмо короля Станислава. Мазепа, видя, что писарь долго молчит и не читает вслух письмо, сказал:

«Зачем ты так долго медлишь и не читаешь? Ты ведь привык читать без перевода цифирные письма: ведь к ним у тебя есть ключи».

«Я, — отвечал Орлик, — и без ключа прочитаю княгинино цифирное письмо, но здесь есть письмецо от Станислава, для которого не нужно и ключа».

«От Станислава? Это невозможно!» — воскликнул Мазепа. «Возможно! — отвечал Орлик. — Здесь и подпись имени его, и печать».

«Дай сюда!» — сказал Мазепа, взял и тихо прочитал. Тогда он показал такой признак ужаса, что упустил из рук на стол письмо и произнес такие слова: «О, проклятая баба, ты погубишь меня!» Он потом долго сидел молча, задумавшись. Молчал и Орлик. Наконец, обратившись к своему писарю, гетман сказал: «Что мне делать с этим письмом? Посылать. ли его к царскому величеству или удержать?»

Орлик сказал: «Ваша вельможность, сам изволишь рассудить высоким своим разумом, что надобно посылать: этим самым и верность свою непоколебимую явишь, и большую милость у царского величества поищешь».

Мазепа замолчал и опять долго сидел, погруженный в думу, потом приказал Орлику читать цифирное письмо от княгини Дольской.

В этом письме княгиня извещала Мазепу: посылала она в Саксонию ко двору Станислава ксендза-тринитара, и тот ксендз выехал оттуда в тот самый день, когда шведское войско выступило в Польшу. Ксендз привез с собою письмецо к Мазепе от короля Станислава, который, кроме того, приказал словесно передать Мазепе, чтоб он начинал замышленное дело прежде, чем шведы приблизятся к украинским границам. Ксендз привез еще проект трактата с Мазепою и с целым войском Запорожским. Княгиня просила Мазепу прислать за ним какого-нибудь своего доверенного.

«Тут, — говорит Орлик в своем письме к Яворскому, — я припомнил себе, что Мазепа

видался с этим ксендзом-тринитаром во дворце княгини Дольской, куда заезжал с дороги, ворочаясь из Жолквы. Тут мне становилось ясно, что Мазепа замыслил что-то лукавое».

«Сожги передо мною это письмо», — сказал Мазепа.

Орлик исполнил приказание. Мазепа долго сидел и молчал.

«С умом борюсь, — сказал он наконец, — посылать это письмо к царскому величеству или не посылать? Посоветуемся еще утром, — прибавил он, — а теперь иди себе в свою квартиру и молись Богу, да, яко же хощет, устроит вещь. Может быть, твоя молитва приятнее, нежели моя. Ты по-христиански живешь. Бог то видает, что я не для себя чиню, а для вас всех, для жен и детей ваших».

«Пришедши в свою квартиру, — рассказывает в том же письме Орлик, — я взял денег два рубля, вышел и стал раздавать нищим и нищенкам, лежавшим в кущах (шалашах) на улице, и в богадельне Печерского монастыря. Я делал это с тем намерением, чтобы Всемогущий Бог освободил меня от обстоящих бед и отвратил Мазепино сердце от лукавого предприятия. Нищие, валявшиеся на улице, бранили меня, когда ночью я толкался в их кущи: они не милостыни от меня надеялись, а опасались воровства; однако же, услышавши от меня слова, поняли, что я не вор, отворяли дверцы шалашей и принимали милостыню».

Прошла ночь. Рано утром на другой день позвали Орлика к гетману. Когда писарь вошел, гетман сидел уже за своим столом, а перед ним лежал крест с частицею животворящего древа.

Мазепа произнес Орлику такую речь: «До сих пор я не смел тебе объявлять прежде времени моего намерения и открывать тайну, которая вчера тебе открылась случайно. Не то чтоб я в твоей верности сомневался, — я никогда о тебе не подумаю, чтоб ты заплатил мне неблагодарностью за толикую к тебе милость, за любовь и благодеяния и стал бы моим предателем, — но я рассуждал так: ты человек умный и добросовестный, однако еще молод и недостаточно опытен в таких оборотах. Я опасался, чтоб ты в беседах с великороссиянами да и с нашими всякого чина людьми или по доверчивости, или по неосторожности да как бы не проговорился об этом секрете и тем самым не погубил бы меня и себя. Но так как теперь это случайно не утаилось, то я призываю Всемогущего Бога во свидетели и присягаю тебе вот в чем: не для приватной моей пользы, не ради высших почестей, не ради большего обогащения, не для иных каких-нибудь прихотей, но ради всех вас, состоящих под властью моею и под моим регументом, ради жен и детей ваших, ради общего добра матери нашей бедной Украины, для пользы всего Войска Запорожского и народа малороссийского, для возвышения и расширения войсковых прав и вольностей хочу я при помощи Божией так чинить, чтоб вы с женами и детьми вашими и отчизна с Войском Запорожским не погибли как от московской, так и от шведской стороны. Если ж бы я, ради каких-либо моих приватных прихотей, дерзал так поступать, то пусть побьет меня и на душе, к на теле Бог в Троит Святой Единый и невинные страсти Христовы!»

Он поцеловал крест с частицею животворящего древа и, обратившись к писарю, продолжал:

«Я в тебе уверен крепко и надеюсь, что ни совесть твоя, ни доблесть, ни честность, ни прирожденная шляхетная кровь не допустят тебя сделаться предателем своего господина и благодетеля; однако же, для большей верности, чтобы мне не оставалось ни малейшего сомнения, как я присягнул тебе, так и ты присягни мне перед распятым на животворящем древе Христом, — присягни, что будешь мне верен и не откроешь никому секрета».

Орлик присягнул и поцеловал крест, который держал в руках Мазепа. До тех пор его все еще тревожило подозрение: не испытывает ли его гетман; но после произнесения присяги Орлик стал увереннее в том, что Мазепа говорит с ним искренно и поверяет ему важную тайну. Писарь стал смелее и сказал:

«Присяга вашей вельможности показывает усердную вашу ревность и отеческое помышление о своей отчизне и всех нас; но кто может исследовать судьбы Божий: какой предел положен настоящей войне и за кем будет виктория? Если за шведами, вельможность ваша и мы все будем счастливы; но если за царским величеством, тогда мы все пропадем и народ погубим».

Мазепа отвечал: «Яйца курицу учат! Дурак разве я, чтобы прежде времени отступать, пока не увижу крайней нужды, пока не увижу, что царское величество не в силах будет защищать не

только Украины, но и всего своего государства от шведской потенции? Уж я, будучи в Жолкве, докладывал царскому величеству: если король шведский и Станислав разделятся, и первый пойдет на государство Московское, а второй на Украину, то мы не можем оборониться от шведских и польских войск с нашим бессильным войском, подорванным и умаленным от частых походов и битв. Того ради просил я царское величество там же, в Жолкве, чтоб изволил придать нам в помощь, по крайней мере, хоть тысяч десять из своих регулярных войск, а его величество мне отвечал: „Не только десяти тысяч и десяти человек не могу дать; сами обороняйтесь, как можете“. И то еще меня понудило посылать этого ксендза-тринитара, капелляна княгини Дольской, в Саксонию (об иезуите Заленском Мазепа не вспомянул), чтобы там, видя какую-нибудь мою к себе инклинацию[132], не решались поступать с нами по-неприятельски и опустошать бедную Украину мечом и огнем. Тем не менее я буду сохранять верность царскому величеству до тех пор, пока не увижу, с какою потенцией король Станислав придет к украинским пределам и какой успех покажут шведские военные силы. Если мы увидим себя не в силах оборонять Украину и самих себя, то чего ради нам самим лезть в погибель и губить свою отчизну? Сам Бог и целый свет будет видеть, что мы по нуждерешились это сделать, что, как вольный и незавоеванный народ, мы старались всеми способами о нашей целости. Без крайней, последней нужды я не переменю моей верности к царскому величеству. Для этого я заблагорассудил писать к царскому величеству и послать эту записочку Станислава, ко мне писанную, в доказательство моей верности. Ты, не уходя отсюда, напиши одно письмо к царскому величеству, а другое — к Гаврилу Ивановичу Головкину. Мы в письмо вложим записку Станиславову в донесение царскому величеству».

Гетман дал своему писарю наставление, как составить донесение царю и письмо канцлеру Головкину. Писарь, по гетманскому приказанию, написал то и другое и представил гетману. Мазепа, взявши в руки написанные письма, сказал:

«У моей матери, игуменьи печерской, есть верный слуга и отчасти нам сродственник; она обещала через него послать эти письма Войнаровскому, а Войнаровский представит их царскому величеству и графу Гаврилу Ивановичу Головкину».

Но Мазепа обманул своего писаря, которому все еще не вполне доверял, особенно после того, как тот осмелился сделать замечание, что отступление от царя может не принести хороших последствий. По собственной душе знал хорошо Мазепа, как человек легко может пожертвовать всякими чувствами дружбы, привязанности, благодарности, когда представится искушение. Мазепа впоследствии сам сознался Орлику, что мать его, игуменья Магдалина, не отдала этих писем для отсылки Войнаровскому, но удержала у себя и пред своею кончиною (которая постигла ее очень скоро) вручила их жившей с нею внуке своей, племяннице Мазепы, панне Марианне, рожденной от второго брака сестры Мазепы, приказывая отдать по смерти ее эту записку гетману. Мазепа тогда, сообщая о том Орлику, прибавил, что «госпожа матка его просила одну богоугодно живущую черницу молиться Богу, чтоб Он сам указал: надобно ли посылать или удерживать эти письма, а этой чернице было такое откровение, что если эти письма пошлются, то гетман погибнет».

На другой день после откровенных объяснений с Орликом. 18 октября, Мазепа велел Орлику отписать Станиславу цифрами, что не может исполнить королевского указа по многим причинам, которые излагал в таком смысле: Киев и другие укрепленные пункты в Украине наполнены многочисленными московскими гарнизонами, «под которыми козаки, як перепелиця под ястребом, не могут головы поднести (поднять); кроме того, несколько тысяч великороссийского войска регулярного, хорошо обученного и снаряженного, находится при мне, гетмане; они наблюдают за всякими моими поступками и достаточно сильны, чтобы пресечь всякое противное начинание, а вся царская потенция находится в Польше недалеко от Украины. У нас в Украине и начальные и подначальные, и духовные и мирские особы, словно разные колеса, не в единомысленном согласии: те благоволят к протекции московской, другие — к турецкой, третьим по вкусу побратимство с татарами из врожденной антипатии к полякам. Самусь с прочими полковниками, старшинами и козаками Правобережной Украины, после

---

[132] Склонность, влечение

недавних бунтов, нелегко склонятся к Речи Посполитой. Того ради надобно первее постараться привести к единомыслию войско и весь народ в Украине на обеих сторонах Днепра. Притом сама Речь Посполитая теперь раздвоена и сама с собою не в согласии». Мазепа обещал только не вредить ни в чем интересам Станислава и шведских войск. Он просил, чтобы Станислав прежде постарался привести в единство польскую Речь Посполитую настолько, чтоб она единогласно признавала его своим государем и королем.

В следующую затем зиму, когда Мазепа жил в своем Батурине, происходило такое событие. На второй день праздника Рождества Христова иезуит Заленский, приехавши в Украину, остановился в селе Оленовке[133], не доезжая двух миль от Батурина, послал гетману письмо, в котором давал знать о своем прибытии и просил указать, где ему приютиться. Мазепа смутился таким приездом. Он позвал Орлика, сообщил ему о прибытии иезуита и сказал:

«Признаюсь теперь тебе, я из Жолквы посылал ксендза Заленского в Саксонию проведовать, как скоро войска шведские оттуда двинутся. Теперь черт его принес сюда: ожидает в Оленовке от меня указа, где ему пристать. Если он сюда приедет, то подаст меня в явное подозрение. Поезжай сейчас в Оленовку и сделай выговор Заленскому: скажи, не нужно было ему сюда ехать, следовало из Винницы известить о своем возвращении из Саксонии и написать реляцию о поверенном ему деле, а самому не ездить для возбуждения в подозрительных умах нехорошего мнения о своем приезде. Прикажи Заленского привезти в Бахмач[134] ко мне во дворец»[135].

Орлик отправился в Оленовку. Иезуит удивился, когда увидел, что Орлику известен секрет.

«Я думал, — сказал он, — что ни один дух, ниже сам Войнаровский о том не ведает. Так сказывал мне в Жолкве сам гетман. Я нарочно поспешал в Батурин к празднику, оттого что в это время съезжаются к гетману все старшины и полковники с поздравлениями. Со мною универсал короля Станислава, обращенный к целой Украине: я бы мог его всем объявить и словесно ассекуровать (обеспечить) всякими вольностями и королевским особливым призрением и милостями».

Орлик привез иезуита Заленского в Бахмач и поместил во дворце Мазепы. Из Бахмача Орлик два раза привозил Заленского к Мазепе на Гончаровку[136], первый раз для аудиенции, второй — для прощания с гетманом перед своим отъездом. Заленский вручил Мазепе универсал Станислава: король расхваливал мужество, храбрость и отвагу войска запорожского, обнадеживал расширением и умножением прав и вольностей, обещал свои отеческие попечения всему малороссийскому народу, возбуждал всех малороссиян прибегать к нему, как к своему наследственному государю, и вместе с предостойнейшим вождем своим стараться о низвержении с своих шей московского ига при скорой помощи непобедимых войск шведских и польских. Отдавши в руки гетмана такой универсал, Заленский рассказывал о состоянии шведских войск, как они многочисленны и хорошо снаряжены, сообщал, что, с одной стороны, король шведский намеревается идти из Литвы на Москву, а с другой — Станислав пойдет из Польши к Киеву и к нему присоединится в помощь татарская орда, как уже дал обещание турецкий посланник. Заленский не привез к Мазепе никакого частного письма от Станислава, и Мазепа ничего с ксендзом не писал, а только велел ему неисходно оставаться в Виннице до получения дальнейшей ведомости.

По известию шведского историка Нордберга, в октябре 1707 года у короля Станислава Лещинского был тайный посланец от Мазепы. Современник Адлерфельд, а за ним шведский историк Фриксель говорят, что это был какой-то болгарский или сербский низложенный

---

[133] Ныне село Борзенского уезда при р. Загоровке.

[134] Ныне местечко Конотопского уезда при р. Борзне на железной дороге.

[135] Двор Мазепы, теперь уже не существующий, находился в хуторе Поросючке в версте от Бахмача, в лесу.

[136] Урочище в полуверсте от Батурина, где был дворец Мазепы, обведенный валом.

архиерей, странствовавший в виде собирателя милостыни: настоящая цель его поездок известна была только четырем лицам: двум королям — шведскому и польскому., Мазепе и еще одному какому-то польскому пану. Этот посланец от имени Мазепы говорил так:

«Всем известно, что московские ратные люди большие трусы, и хотя хвастают, что с твердостью будут ожидать нападения от шведов, но всегда разбегаются. Мазепа предлагает королям шведскому и польскому свое содействие и заранее обещает устроить мосты для шведского войска, если короли станут покровительствовать его намерениям. Московское войско, которого будет в Украине тысяч шесть или семь, все будет истреблено».

В Польше были уверены, что козаки ничего так не желают, как освободиться от царской власти. Думали и говорили так: московская власть кажется козакам невыносимым бременем, хотя они сами наложили на себя это бремя. Но ведь то делалось давно: тогда они обольщались надеждами свободы и разных выгод, которыми, однако, не пришлось им пользоваться. Так соображал и Станислав и не усомнился в искренности малороссийского гетмана. Он через того же посланца благодарил Мазепу за сочувствие, уверял, что будет хранить в тайне его предложение, требовал того же со стороны Мазепы и обещал на будущее время вести с ним тайные сношения до тех пор, когда козакам можно будет объявить открытый разрыв с Москвою. Шведский король, когда его известили об этом посольстве, на первый раз не слишком обрадовался новому союзничеству. Он сказал: «Я заметил по опыту, что козаки способны оказывать услуги, когда приходится преследовать бегущего неприятеля, но вообще во время войны на них нельзя полагаться».

Таким образом, из шведских источников открывается, что у Мазепы, кроме сношений с царскими неприятелями через католических духовных, велись еще сношения и другими путями, остававшиеся неизвестными гетманскому приближенному Орлику и, вероятно, другим лицам, знавшим о его сношениях, отправлявшихся путем, прежде нами указанным. Кажется, гетман и в это время не пришел еще к полному решению переходить на шведскую сторону, но постепенно приближался к нему по мере того, как успехи Карла и Станислава Лещинского внушали ему опасение, что царь не отстоит своего государства, когда победоносный соперник грянет на его державу с соединенными шведскими и польскими силами. Это тем казалось вероятнее, что внутри Русского государства происходили потрясающие волнения. Страшный гнет, тяготевший над великорусским народом по случаю напряженной войны, стал невыносим беспрестанными поборами и доставкою людей в войско и заставил народ массами бежать из своих жилищ. Притоном беглых стал Дон и прилегавшие к нему украинные страны Московского государства. На реках: Донце, Гайдаре, Хопре, Бузулуке, Калитве, Медведице и на их притоках основались городки, наполненные беглыми: жители этих городков признавали себя козаками, все тянули к донскому козачеству и стали враждебно относиться к русскому правительству. Явился смелый предводитель мятежа, донской атаман Кондратий Булавин. Уже летом 1707 года гетман Мазепа из-под Киева, по царскому указу, должен был посылать отряд в ту сторону для укрощения бунтов. Царь отправил с отрядом войска князя Юрия Долгорукого для отыскания в украинных городах беглых и для возвращения их на прежние места жительства. В октябре 1707 года Булавин разбил и истребил дотла весь посланный царем отряд, убил самого князя Долгорукого и потом отважно призывал целый Дон и всю украинную страну к восстанию против царской власти.

Это восстание находило себе готовый контингент в Запорожье и в самой Гетманщине. Там козаки и посполитые бегали из своих жилищ, заводили слободы на юге, на рубежах с запорожским краем и не хотели подчиняться гетманскому регименту. Так завелась Вольная Слобода на Самаре, населенная людьми из Полтавского полка; начальствовавший над ней сотник Лучинченко не хотел слушать полтавского полковника, отговариваясь, что он подчинен самарскому воеводе, не слушал, однако, и последнего, ссылаясь на то, что козак должен слушать только своего полковника. Ни полковник, ни сам гетман не находили легальных способов с ними справиться. В Полтавском полку разгуливала вольная разбойничья шайка, которой атаманом был Лебедин: 10 лет сряду он наводил страх, и только весною 1707 года компанейцы усмирили его и взяли в плен. Кошевой атаман доносил гетману, что в Запорожской земле повсюду распространяются своевольные разбойнические «купы» беглецов.

Сверх того, в разных местах, как и прежде, не переставали столкновения между

великороссийскими ратными людьми и малороссийскими обывателями; взаимные ссоры кончались нередко кровавою расправою с обеих сторон. Жалобы на наглость великороссиян посылались по-прежнему гетманом к царю. Царь Петр сам сознавал, что малороссиянам, как и великороссиянам, становится невыносимо тяжело. Он прислал успокоительную грамоту, обращенную ко всему малороссийскому народу, и приказывал читать ее во всех полках. В этой грамоте царь сознавал, что народ терпит от великороссийских военных людей, проходящих по делам службы через малороссийский край, но указывал, «что но поводу военного с королем шведским случая без того обойтись невозможно, что надлежит ради общей государственной пользы сносить эти неудобства, так как и он сам персоны своей не щадит». Он обнадеживал народ явить ему царскую милость по окончании войны, а до того времени давал обещание приказать войску, проходящему через малороссийский край, и «всем посыльщикам» вести себя смирно и не чинить обид и разорении малороссийским жителям под страхом жестокого наказания.

Глава двенадцатая

Видимое дружелюбие гетмана к царю и его вельможам. — Понос на гетмана, поданный казаком Мироном. — Доверие к гетману. — Движение шведов в Литву. — Взятие Гродно, шведами. — Карл в Сморгонах и Радосовицах. — Булавин и запорожцы. — Бунт Булавинский. — Участие казаков в его укрощении. — Письмо к Мазепе пана Тарла. — Мотря Кочубеевна. — Донос Кочубея и Искры, на гетмана. — Розыск по этому доносу. — Боязнь Мазепы во время производства розыска. — Колебание Орлика. — Старшины пристают к замыслу Мазепы. — Выдача Кочубея и Искры Мазепе и казнь их.

Роковой в истории Малороссии 1708 год начался при обоюдных выражениях добрых отношений между гетманом и русским правительством. Царь прислал гетману врача, заботясь о здоровье Мазепы, беспрестанно жаловавшегося на «подагричные и хирагричные» недуги; гетман в своих письмах разливался благодарностью за внимание к нему[137].

Мазепа отправил Головкину «зверины» (дичины) своей охоты для царского стола, назначая часть из посланного для самого канцлера, и изъявлял ему желание кушать на здоровье[138]. С своей стороны и верховной власти представился случай показать образчик прежнего неизменного доверия и расположения к гетману. Явился снова доносчик, обличавший Мазепу в намерении изменить царю: это был новокрещенец рейтар Мирон, освободившийся из турецкой неволи. Он, прибывши в Киев, сообщил, что в Яссах виделся он с проживающим там Василием Дрозденком, сыном брацлавского полковника Дрозда, который, некогда будучи соперником Дорошенка, был последним взят в плен и расстрелян. Этот Василий Дрозденко говорил Мирону: «Прошлого года находился я в Польше при короле Станиславе, именно тогда, когда прислан был туда бусурманский посланец. В это время явился к королю Станиславу какой-то чернец с письмом от гетмана Мазепы. Письмо это было читано при бусурманском посланце; говорили, что оно заключало такое обещание, что козацкие войска, вместе с польскими и крымскими, будут воевать против царских войск». Доносчика отправили из Киева в Посольский приказ. Там говорил Мирон, что Дрозденко велел ему довести это до сведения царя ради единой православной веры и памятуя, что отец его был под державою московского

---

137 «…О здравии моем благосердствуя, благосердствуешь, неизреченную паче же реку равнобожескую монаршескую свою являя мне милость, когда для уврачевания моей немощи изволил в. ц. пресв. вел-ство милостивно указать лекаря мне прислать. И что воздам в. ц. в-ству за всех яже воздал ми еси? А понеже по достоинству возблагодарить не возмогу, убо до кончины жития и истощения сил моих за толь премилосердое монаршее призрение верными своими непременными услугами подданически награждать долженствуя, в чем да поможет мне Господь Бог проницающий сердца». (Архив иностранных дел 1708 г., январь. Подлинники.) (Полную расшифровку источников, на которые ссылается Н. И. Костомаров. см. в разделе «Источники», помещенном в конце книги. — Б. Л.)

138 См.: Архив иностранных дел 1708 г. Подлинное письмо гетмана от 9 января.

государя брацлавским полковником. В Москве не поверили доносу, и государь послал гетману утешительную грамоту[139]. Так к этому доносу отнеслось правительство, наученное по опыту недоказанностью прежних многочисленных доносов на Мазепу; между тем для нас теперь видно, что сообщение Дрозда заключало в себе истину, относясь именно к посылке от Мазепы к Станиславу болгарского или сербского экс-архиерея.

Доверяя во всем гетману, царь поручил ему разослать по полкам своего регимента приказ ловить и пытать тех, которые бы явились с «прелестными» письмами от шведского короля и Станислава, так как открывалось, что шведский король приказал в Гданске печатать русскими литерами воззвания и распространять в Украине через русских перебежчиков[140].

После того как посланники турецкий и гетманский предлагали шведской стороне надежду на содействие. Карл с большею отвагой замыслил перенести войну к рубежу Московского государства. Царь Петр находился в Гродне, в средине Великого княжества Литовского. Шведский король сам лично с небольшим отрядом ударил на двухтысячный отряд русских драгун, поставленный у моста на реке Немане, и прогнал его. Русские ушли в противоположные городские ворота из города. Шведы вошли в Гродно. Царь в следующую ночь попытался было их выгнать, но это ему не удалось. Шведское войско овладело целым городом, а царь ограничился только тем, что приказал опустошить огнем и мечом весь окрестный край, чтобы не допустить вошедших в Гродно шведов получать из окрестностей средства к своему существованию в чужой стране.

Король шведский с войском двинулся далее. 11 февраля заложил он свою главную квартиру в Сморгонах, а 18 марта — в Радосовицах. Царь с войском стал в Вильне; его генералы с военными силами расположились в Полоцке, в Минске, в Могилеве[141].

Гетману указано было собрать полки и выступить за Киев, в Правобережную Украину, с целью содействовать по мере надобности полякам партии Сенявского, враждебной шведам, впустить в Белую Церковь польский гарнизон[142] и держать при Сенявском малороссийского резидента. Февраля 6 Мазепа с половиною своего войска был уже в Хвастове. Сенявский писал ему, что идти самому далее незачем, а требовал присылки шести тысяч Козаков в Польшу, о чем Мазепа доносил, представляя неудобство такой посылки.[143]

---

[139] «…Верность твоя свидетельствуется тем, что ты, нимало ничего у себя не задерживая, нам о всем доносил. И так мы, вел. государь, рассуждаем, что тот Василий Дрозд, наслышавшись о чернеце и составных его письмах, будучи при дворе королевском в то время, когда к тебе гетману была злохитрая подсылка по некоему злоумышленному ненавистных людей подушению, чтоб в Малой России замешание учинить, ведая и видя то, и завиствуя тому, что мы, вел. государь. изволяем иметь тебя гетманом с генеральною старшиною и с полковниками и со всем народом малороссийским без всякого подозрения, и ты нашего цар. в-ства подданный служишь нам верно и в Украине все с пожитком войску и народу малороссийскому исправляется». (Архив иностранных дел 1708 г., январь. Подлинники.)

[140] См.: Архив иностранных дел 1708 г., февраль. Подлинники.

[141] См.: Nordberg. Histoire de Charles XII. Vol. II. La Have, 1728. P. 206—209.

[142] «…Кгарнизон свой когда поляки до Белой Церкви пришлют и до мене з тым отзовутся, невозбранно впущу оных туды до фортецы Белоцерковской, а прочую Украину по указу вашего царского величества держать буду и не отдам ее в посессию полякам до воли вашего цар. величества». (Государственный архив. Письмо Мазепы января 30-го 1708 года.)

[143] «…По указу в. ц. в-ства рушивши я в поход военный з Батурина и переправивши Днепр, поспешил до Хвастова немедленным маршем, где и войска регименту моего, которые могли в нынешнее великое распутие последовательно мне належащего места достигнуть, около Хвастова разставленные пребывают, а половина войска по повелению в. ц. в-ства для лготы своей в домах зосталася, где зде в Хвастове получил я от г-на Синявского гетмана великого коронного трикратное писание, в котором желает, дабы я далечейшим походом и сам не турбовался и войск не трудил, того ради что неприятельская потенция з Польши вышла и марш свой до Литвы определила, токмо в Великой Польше около Познаня малая некая партия оставлена, на которую просит у мене суккурсу шесть тысяч выборного войска туда ж до Великой Польши, а мне советует около Белой Церкви стоять, смотря неусыпно на поведения бусурманские, ибо получил он, гетман (яко до мене пишет), будто подлинную от

Очевидно, Мазепа, замысливши изменить царю Петру и при возможности объявиться на стороне противной, чувствовал себя крайне в фальшивом положении, когда его принуждали посылать подчиненное ему войско против тех, которым он тайно обещал свое содействие, и оттого-то он изо всех сил старался под разными благовидными предлогами удерживаться от посылки Козаков на помощь полякам, враждебным королю Станиславу. Царский указ предписывал отправить стародубских полчан к Быхову на соединение с бывшими там польскими военными силами; Мазепа пытался уверить правительство, что это будет небезопасно, потому что на искренность поляков нельзя положиться.[144] Он извещал, что по поводу сношений шведов с турками надобно остерегаться от внезапного вторжения бусурманских союзников шведского короля, и потому нельзя лишать Украину постоянного войска. Сенявский напрасно требовал и присылки Козаков, и возвращения Украины, ссылаясь на объявленную волю царя. Мазепа все отговаривался неполучением окончательного царского указа, и Сенявский писал к царю, представлял доводы, что одна Белая Церковь без территории недостаточна, и, жалуясь на малороссийского гетмана, просил приказать ему исполнить царскую волю об отдаче Украины.[145] Мазепа, напротив, писал, что опасно посылать козацкое войско под команду ляхам, потому что они коварны.[146] Спустя немного времени Сенявский потребовал уже не шесть, а десять тысяч Козаков ему «в сикурс» и сверх того желал, чтоб и сам гетман Мазепа с остальными козацкими силами шел к нему в Дубно, потому что против Сенявского шли военные силы Станислава. Царь приказал Мазепе исполнить требование Сенявского, потому что должен был содействовать польскому войску, которому давал субсидию.[147] Мазепа должен был снарядить на помощь к Сенявскому отряд Козаков под начальством киевского полковника Мокиевского[148], но вместе с тем Мазепа не переставал увертываться и выдумывать всякие способы, чтоб, исполняя царскую волю, не действовать наперекор своим тайным замыслам.

Мазепа писал Головкину, что получил «пересторогу» от некоторых поляков, преданных царю, что неприятели намерены вторгнуться в Украину, а Сенявский колеблется и подумывает пристать к шведской стороне. «Быть может, — писал Мазепа, — Сенявский нарочно замыслил отвлечь от меня 10000 Козаков, чтобы разделить мои силы и открыть неприятелю нашему путь в Украину». Мазепа повторял опасения и со стороны сераскира, и со стороны Запорожья; там,

---

зичливых корреспондентов ведомость, что посел турецкий, посыланный до короля шведского и до Станислава, обещал им именем Порты в помощь по первой весне 4000 турок и 6000 орды и будто и письмом тую свою ассекурацию утвердил. Я убо без именного в. ц. в-ства указу не знаю яко тым суккурсам желание его г-на гетмана великого исполнить. Понеже от Днепра аж до Случи на сей пустыни не токмо сена, но и соломы невозможно достать, а от Случи до Львова мало не тое же чинится для консистенции войск обозовых коронных. И если в такую далекую сторону 600 выборного войска пошлю, то подлинно в нынешнее распутие и крайнюю безкормицу от коней отпадут и пеши поприходят». (Государственный архив. Письмо Мазепы 6 февраля.)

[144] «…Понеже там около Быхова многие корогвы войска литовского приближаются и волочатся, которые, яко непостоянные, Бог ведает что думают и каким намерением там собираются, и если б оные, изъявляя сокровенную свою внутреннюю вражду, похотели нечаянное на полки моего регимента учинить нападение, а наши бы их не одолели, то надежнее будет уступить и припертися для оборонительного отпору к своим городам, где я скорее бы войсками регименту моего подал помощь». (Государственный архив. Письмо марта 9-го 1708 года.)

[145] «…Господин гетман Мазепа указы в. в-ства паче разсказами нежели самым делом исполняет, отсрочивая сикурс, который ныне зело был бы потребен к разорванию сил неприятельских, в чем не жалуясь на персону его м-сти, дерзаю просить в. в-ство о действительном к нему указе и об отдании Украины». (Архив иностранных дел 1708 г., март. Подлинники.)

[146] «…Ляхи, по-видимому, еще теперь и являются быти верными, обаче внутрь сокрывают что невозможно того проникнута». (Там же.).

[147] Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8.

[148] Архив иностранных дел 1708 г., апрель. Подлинники.

под покровительством запорожцев, которых в своем донесении он честил «псами», стекается разный сброд из Гетманщины, Слободской Украины, Польши и Волощины, люди, готовые на всякое воровство и своеволие[149]. Все это, по-видимо здравым соображениям гетмана, не допускало удалять его с войском из Украины. Сенявский ни за что не хотел брать Белой Церкви и вводить туда польского гарнизона, домогаясь непременно отдачи ее территории. Но Мазепа всеми силами старался убедить царя, что если отдать Белую Церковь с уездом и дозволить там стоянку польских военных сил, то между поляками, с одной стороны, и с другой — белоцерковскими козаками, а за ними и всеми обывателями Правобережной Украины начнется междоусобная драка. Это казалось чрезвычайно основательным, судя по недавним еще событиям, и притом все это сходилось с тогдашними намерениями, возникшими у Петра. У царя велись тогда тайные переговоры с королем Августом; царь пытался побудить Августа появиться в Польше и своим прибытием поддержать противников Станислава; поэтому Петр воспользовался предостережениями Мазепы, отложил до возвращения Августа отдачу Польше Правобережной Украины, задержал движение Мазепы с малороссийскими военными силами на Волынь к Сенявскому и, наконец, выдачу обещанной денежной субсидии на польское войско.[150] Подозрение на Сенявского, которое набрасывал царю Мазепа, подтверждалось известиями и из другого пути. Царский резидент, состоявший тогда при Сенявском, доносил царю, что этот пан в минуты откровенности высказывался так: «Если придут такие обстоятельства, что мне невозможно будет держаться царской стороны, то я отступлю к противной стороне, только шельмой никогда не буду, а заранее объявляю об этом прямо».[151] По известию шведского историка[152], Сенявский в это время сильно колебался и уже склонился было на сторону Станислава под влиянием убеждений французского посланника маркиза де Бонака, но потом опять отвернулся в противную сторону. Причиною такого колебания было то, что союз с Петром щекотал честолюбивые надежды Сенявского — сделаться самому королем[153], а его жена, через посредство других лиц, искала милости у Станислава «про запас», чтоб иметь возможность пристать к нему тогда только, когда уже станет ясно, что царские дела пойдут худо[154]. Польские паны в то время так легко переходили с одной стороны на другую, что никаких соображений нельзя было составлять заранее ни о ком: малейшее что-нибудь, манившее выгодою или устрашавшее опасностью, располагало польского пана пристать к той стороне, которой он только что перед тем был противником, и изменить той, которой недавно клялся в верности. Так в эту пору братья Любомирские — обозный и подкоморий, — открыто ставшие за Станислава, теперь обращались к царским министрам, изъявляли «униженность» и охоту служить общим интересам, прося возвратить свою маетность Лабунь, захваченную Меншиковым.[155] С Сенявским могло быть что-нибудь подобное в обратном смысле.

Мазепа бросал подозрение на Сенявского, выставляя свою верность царю; но и Сенявский не оставался в долгу и бросал перед царем подозрения на Мазепу. В апреле, жалуясь, что, вопреки царскому обещанию, Мазепа не отдает Украины и сам не идет с войском к Дубно, он

---

149 Там же.

150 Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Донесение царю Головкина 9 мая.

151 Архив иностранных дел 1708 г. Польские дела.

152 Nordberg. Op. cit. II. P. 210.

153 Ibid. P. 226.

154 Архив иностранных дел 1709 г. Польские дела.

155 Архив иностранных дел 1708 г., март. Подлинники.

сказал русским резидентам Украинцеву и Дашкову: «Ох, смотрите, как бы гетман ваш не имел со шведским королем и с Лещинским тайного согласия!» Разомстольник Кантакузин сообщил Мазепе, что посланец турецкий, ездивший в Польшу к Станиславу и к шведскому королю, слышал, как Станислав хвалился, что у него есть друзья в Москве, гетман с Украиною с ним заодно и станет помогать ему против Москвы, когда Порта пошлет в помощь Станиславу орду. Сам Мазепа сообщил о таких слухах насчет себя Головкину и приписывал такую клевету против него сераскиру, который хочет затянуть Порту в войну против русского царя. В мае ездил к Сенявскому от Мазепы войсковой канцелярист Максимович, и с ним Сенявский прислал Мазепе какое-то письмо, «писанное неведомо от кого и до кого»: в этом письме желали склонить Сенявского к переходу на сторону-Станислава и указывали, как на пример, что гетман войска запорожского уже к нему склонился.[156] И об этом Мазепа тотчас сам известил Головкина, признавал такое письмо произведением «адгерентов» шведских, которые друг с другом ссорятся и его. невиновного, в свои дрязги мешают. Мазепа горько жаловался, что клеветники не дают ему покойно окончить в старости дней своих, и уверял, что гетманское звание доставляет ему только муку.[157] Головкин, успокаивая «доброго» старика, писал к нему: «Много таких рассеянных безделиц бывает не на одного вас, но и на иных многих верных слуг царского величества; нечего тому верить, ибо неприятели всегда для своей пользы ложь на верных сплетают, дабы тем своих единомысленников увеселить».

Сенявский, долго домогавшийся всей Правобережной Украины, в мае отнесся к русскому правительству с готовностью взять одну Белую Церковь с ее уездом. Головкин по этому поводу писал к гетману Мазепе, что это дело оставляется на его собственное усмотрение: если гетман надеется, что отдача Белой Церкви не произведет волнения во всем малороссийском народе, то может исполнить требование Сенявского, а в противном случае может подождать.[158]

Таким образом, Мазепа успел-таки поставить дело с поляками так, как ему было нужно до поры до времени. Он держал царя в подозрении относительно поляков, не шел сам в Польшу на помощь противникам Станислава, не посылал уже туда более Козаков, не отдавал и Белой Церкви Сенявскому, а стоял обозом у Белой Церкви, куда перенесся из Хвастова еще 27 марта по причине скудости в конских кормах. Стоя под Белою Церковью, как будто дожидаясь дальнейшего царского указа, Мазепа отправлял по царской воле козацкие отряды на другую сторону.

На Запорожье появился предводитель донцов и украинных удальцов Московского государства Кондратий Булавин. Сначала он заложил свой стан в урочище Кленкове, на реке Калмиусе; к нему набралось там до 9000 всякого рода «гультаев»; донцов было с ним до тысячи человек.[159] Оттуда Булавин прибыл в Сечу, принес письмо от донского козацкого войска к низовому запорожскому и стал возбуждать запорожцев идти вместе с донцами на Русь — бить бояр, прибыльщиков, дворян и подьячих. Три раза собиралась в Запорожье рада. «Молодята» (т. е. недолго еще жившие в Сече) вошли в задор и подняли обычный крик: идти бить арендарей и панов за то, что Украиною завладели. Старики удерживали их и представляли, что в то время никак нельзя было начинать такого похода: первое, оттого, что зима была теплая и реки не

---

[156] Архив иностранных дел 1708 г., 23 мая. Подлинники.

[157] «…Благодарю Бога моего, что грех ради моих наказует мя отовсюду скорбя ми, напастями и клеветами. бедами и неудобоносимыми печалями, которые в крайней моей немочи и ослабелой старости превосходят мои силы и не дают мне спокойно сего уже короткого жития докончить, но прежде времени в гроб женут! Богдай бы того никогда уряду гетманского не знал, на котором от начала его не живу, а мучусь, стражду и непрестанные напасти и внутрь от своих знаемых и лжебратий и извне от чужестранных терплю. Прошу вашей вельм-сти, сотвори милость с ближним своим горее нежели в разбойники впавшим и милосердствуя о мне, подаждь в тяжких печалех желаемую отраду, да не скончаюся безвременно». (Архив иностранных дел 1708 г., май. Подлинники.)

[158] Государственный архив. Кабинетские дела Отделение II. Кн. № 8. Письмо Головкина.

[159] Архив юстиции. Кн. 104. Л. 128, 173.

совсем замерзли; второе, в Москву посланы были их товарищи и могли там пропасть, если Запорожье пристанет к мятежу. Дозволили Булавину жить в Кодаке, но не дозволяли приглашать татарскую орду.[160] Это происходило в средине зимы. Мазепа отправил в Сечь батуринского сотника с приказанием выдать Булавина. Сначала рада решила исполнить требование гетмана, но на другой день пьяницы и «гультаи» взяли верх над стариками и закричали, что Булавина выдать невозможно, потому что издавна в Сечу волен всякому приход и Сечь никогда никого не выдавала. Булавину, однако, послали в Кодак приказание жить смирно, распустить всякое «гультайство» и не затевать ничего противного государю.[161] Но вслед за тем в Сече произошел переворот: сменили кошевого, избрали Костю Гордеенка, «древнего вора и бунтовщика», как его называл в своих донесениях Мазепа. Напрасно от гетмана приходили одно за другим требования выдать или, по крайней мере, прогнать Булавина. Он продолжал сидеть в Кодаке и оттуда разослал 260 агентов в украинные страны Московского государства и на Дон с возмутительными грамотами.[162] Он возбуждал донцов тем, что «деды и отцы положили старое поле и то старое поле держалось крепко, а ныне злые бояре и немцы Козаков ругают и оскорбляют, жгут и казнят жестоко и старое поле переводится ни во что».

Он, Булавин, восстает за это старое поле и с ним заодно все запорожские козаки и белогородская орда. Он дает такой приказ Войску Донскому и всем городам украинным: со всех станиц половина жителей пусть идет к нему, а половина остается дома. Всех начальных и простых черных людей посадских и волостных, в селах и деревнях украинных городов возбуждал он истреблять дворян, прибылыщиков, немцев, но уговаривал между собой отнюдь не заводить вражды, никого безвинно не оскорблять под страхом смертной казни, всех заключенных в тюрьмах освободить и всем везде устроиться по козацкому обычаю в десятки, выбрав атаманов и асаулов. При новом кошевом уже не только не запрещали Булавину приглашать татар, но решали, что, когда Булавину пристанут белогородские татары, горские черкесы и калмыки, тогда и запорожцы не задумаются идти на великорусские города.[163] Булавин переправился через Днепр, стал на урочище Вороное и оттуда кликнул клич: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с походным военным атаманом Кондратием Булавиным погулять, по чисту полю красно походить, сладко поесть да попить, на добрых конях поездить — приезжайте к нему в вершины самарские!»[164]

Мазепа с своей стоянки под Белою Церковью отправил против Булавина полтавского полковника Левенца и охотного полковника Кожуховского; но в то же время писал Головкину, что не слишком-то доверяет искренности и верности посланных козаков.[165] Без сомнения, посылая войско против Булавина, Мазепа и здесь принужден был поступать наперекор своим истинным тайным намерениям. Естественно, ставши сторонником Карла и Станислава и врагом Петра, он должен был для целей своих тайных союзников находить подходящими всякие смуты и беспорядки в царской державе.

---

[160] Там же. Л. 174 и далее.

[161] Архив иностранных дел 1708 г., январь. Подлинники.

[162] Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8.

[163] Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 7.

[164] Там же. Письмо Долгорукого.

[165] «…Если пристали к Булавину своевольные запорожцы, то как ворон ворону глаза не выклюнет, так и козак на козака силно наступать не будет, а чтоб к оным козакам приданы были великороссийские войска, понеже при них лучше будут козаки служить». (Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Донесение Мазепы 9 мая.)

Однако посылка козацких полковников сделала свое дело. Булавин ушел[166] и перебрался в украинные страны Московского государства. Он установился с своею вольницею в Пристанном городке на Хопре, взволновал городки по рекам: Хопру, Битюгу, Медведице, Гайдаре и Северному Донцу. Весь этот край, не с давнего времени населенный беглою вольницею, стал тянуть к Донскому Войску. Булавин из Пристанного грянул на Черкасск, убил атамана Лукьяна Максимова и был провозглашен атаманом всего козачества. Немалую надежду полагал он на Запорожье, а главное — на множество «гультаев», скоплявшихся там из Гетманщины и Слободской Украины, только того и алкавших, чтобы ворваться «в городы» и расправляться там с зажиточными людьми, владельцами дворов и земельных угодий. В конце мая Булавин, овладевши Черкасском, с несколькими тысячами удальцов прибыл в Бахмут и оттуда послал в Сечь свой новый «прелестный» универсал. Он извещал, что князь Василий Долгорукий с московскими ратными людьми пришел истреблять все козачество, побить старых и малых и сжечь все козачьи городки. Он извещал, что в ожидании такой беды для всего козачества Войско Донское призывает всех обитателей берегов Дона, Медведицы, Хопра, Гайдара, Северного Донца, Днепра и всех его «запольных» (впадающих в Днепр) речек, где только обретается козачий присуд, подниматься и идти противу грозящего всем врага, «чтобы все козачьи реки оставались по-прежнему, как было там козачество, и чтобы между всеми козаками было побратимство».[167] Сборное место назначено под Ямполем.[168] Воззвания Булавина наделали более крика и шума, чем оказали ему помощи на деле. В Сече, в Кодаке и разных степных притонах кричали, что надобно идти разорять и убивать всех значных и богатых людей. В самой Запорожской Сече 13 мая была шумная рада. Удалые и горячие головы сперва взяли верх. Но приехавшие из Киева монахи вынесли из сечевой церкви крест и евангелие и успели уговорить часть Козаков.[169] После того хотя запорожцы и приставали к Булавину, но отдельными ватагами, человек в несколько сот в каждой. Так, например, 30 мая пошло к нему 300 удальцов с красными кумачными знаменами[170], а 9 июня отправилась к нему другая партия — 500 пеших человек.[171] Но сам Булавин повредил себе тем, что разделил свои силы. Он отправил один отряд своих коза-ков в 5000 человек к Азову, а другие два, под начальством единомышленных своих атаманов. Драного и Голого, на запад, для привлечения к себе жителей и умножения сил своих. Голый, в отряде которого было тысячи полторы запорожцев, удачно расправился с слободским Сумским полком. Булавинцы напали на него врасплох на берегу реки Уразовой[172], убили всех старшин и самого полковника Андрея Герасименка, взяли весь обоз.[173] Другие предводители — Семен Драный и Беспалый — двинулись к Ямполю, где назначено было сборное место, но их не допустили бригадир Шидловский и полковник Кропотов: с этими последними действовали посланные гетманом

---

166 «…Для промыслу над ним ординовалем полк Полтавский и полк компанейский, о которых сближенюся к Самаре он бунтовщик уведав, снать перестороженный от пасечников увойшел, оставя курене токмо и неведомо куды з гультанством своим удалилися». (Там же.)

167 Архив юстиции. Кн. 104. Л. 188.

168 Ныне слобода Изюмского уезда при р. Северском Донце.

169 Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение 11. Кн. № 7.

170 Архив юстиции. Кн. 104. Л. 220.

171 Там же. Л. 238.

172 Воронежской губернии Валуйского уезда.

173 Архив юстиции. Кн. 104. Л. 238.

полковники полтавский и компанейский, которых после ухода Булавина с урочища Вороноегетман прикомандировал к майору гвардии князю Долгорукому.[174] Полтавский полковник приказал заранее вывести из городков Тора[175] и Маяков[176] все козацкие семьи в Изюм, чтобы не допустить торских и маяцких Козаков пристать к мятежу.[177] У Кривой Луки[178], недалеко от Тора, встретил он идущего Драного, с которым было до пяти тысяч донцов и 1500 запорожцев. Бой был жестокий, продолжался пять часов — три часа дня и два часа ночи — и кончился совершенным поражением мятежников. Драный пал в битве. Многие потонули в Северском Донце. Запорожцы ушли в Бахмут. Шидловский там их осадил. Запорожцы сдавались, прося пощады, но их не слушали и истребили; Бахмут был сожжен.[179] Между тем прошел слух, что Булавин сам стоит при урочище Деркуле.[180] Против него пошли полковники полтавский и компанейский и вступили в бой с «чатою» (высланным передовым отрядом) в 800 человек. Мятежники были разбиты.[181] Булавин поспешно ушел к тому отряду Козаков, который он еще прежде из Черкасска отправил к Азову, но там пришел ему конец. Он покусился ворваться в Матросскую и Плотничью слободы, прилегавшие к городу Азову; три часа была жестокая битва против четырех рот солдат; из крепостей Азовской и Петровской гремели пушечные выстрелы. Козаки держались упорно; наконец были прогнаны; 423 из них пало в битве, 400 утонуло во время бегства, 60 попалось в плен. Солдаты овладели одним знаменем, побрали лошадей, достали много панцирей с убитых.[182] Булавин со срамом привел в Черкасск остатки разбитых. Там поднял против него бурю атаман Зерщиков, его единомышленник и вместе соперник. По наущению этого человека козаки стали кричать, что Булавина следует убить за то, что он погубил войско. Булавин, с небольшим кружком верных его советников, убежал в свой курень. Козаки принялись доставать его из куреня. Булавин, защищаясь, успел застрелить двоих из своих врагов, но увидел, что ему никак нельзя отбиться… Его воображению предстали страшные муки казни, которая его ожидала, если бы козаки его взяли и выдали, и он пустил себе в левый висок пулю из пистолета. Козаки переловили его советников, в числе которых был брат Булавина и сын Драного. Их всех посадили на цепь, потом выдали азовскому губернатору Толстому. Тело Булавина отправлено было в Азов: голову отсекли и отдали врачам сохранить ее напоказ, а туловище, уже смердящее, было повешено за ноги на том месте, где происходило нападение на Азов.[183]

Восстание в украинных городах продолжалось еще до конца 1708 года и было угашено князем Долгоруким посредством самых жестоких, бесчеловечных мер. Левенец, Кожуховский и

---

[174] Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Донесение Мазепы 9 мая.

[175] Ныне Торская слобода Купянского уезда при р. Жеребце.

[176] Ныне слобода Изюмского уезда при р. Северском Донце.

[177] Архив юстиции. Кн. 104. Л. 188.

[178] Ныне слобода Изюмского уезда при р. Северском Донце.

[179] Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение I. Кн. № 18; отделение II. Кн. № 7. Архив юстиции. Кн. 104.

[180] Ныне слобода Старобельского уезда при р. Деркуле.

[181] Архив юстиции Кн. 104. Л: 250.

[182] Там же. Л. 260.

[183] Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение I. Кн. № 18 Отделение II. Кн. № 7.

сотники их полков, числом 21, получили в награждение по паре соболей и по объяринному кафтану за победу при Деркуле, подготовившую полное поражение мятежника.[184] Но Мазепа не совсем одобрительно отозвался о полтавском полковнике.[185]

В конце мая гетман получил от Ленчинского, польского коронного подскарбия, уведомление, что ему незачем будет идти внутрь Польши. Мазепа сообщал, что, по его соображениям, следует воротиться в Украину и беречься, с одной стороны, внутренних смятений в крае[186], а с другой — помощи врагам из Турции. Посол гетманский Згура ездил в Бендеры к сераскиру «с комплиментом» и там подлинно узнал, что сторонник Станислава Лещинского, пан Тарло, домогался в Бендерах через сераскира получить от Порты в помощь хотя немного орды.[187] Этот Згура, родом грек, близкий советник Мазепы, впоследствии явился одним из участников измены гетмана, а потому, вероятно, доставляя пугливые реляции, на самом деле ездил к сераскиру вовсе не с такими полезными для царя видами, как о нем показывал гетман в своих донесениях Головкину. Пан Тарло от 9 июня писал гетману письмо, убеждал пристать на сторону шведского короля и Станислава и уверял именем обоих королей, что войско запорожское и весь украинский народ будут оставаться при своих старинных правах и вольностях с приумножением новых, лишь бы только гетман, освободившись от тиранской власти, возвратился к своему наследственному государю и к общей матери — Речи Посполитой.

Мазепа это письмо препроводил к Головкину и испрашивал приказания государя, как ему поступить. Царь приказал гетману дать ответ Тарлу по своему усмотрению. Тогда Мазепа от 23 июля отвечал Тарлу в таком смысле, что невозможно отклонить его, гетмана, от верности своему государю, и притом украинский народ никогда не захочет соединяться с поляками, испытавши от них много несчастий.[188] Мазепа припоминал пану Тарлу, как еще в недавние времена киевский воевода Потоцкий расправлялся с восставшим народом: жолнеры отнимали от матерней груди невинных малюток и втыкали на копья, бросали их в ямы и душили огнем, загоняли в избы женщин и сожигали.[189] Мазепа вспомнил, как принуждали народ к унии, как отдавали жидам-арендаторам право распоряжаться христианскими таинствами.[190] Мазепа

---

[184] Архив юстиции. Кн. 104. Л. 250

[185] «…А полковник полтавский издревле есть непостоянен и в ближайшем с запорожцами соседстве пребывая, всегда одним духом с запорожцами дышет». (Архив иностранных дел. мая 30. Подлинники. Донесение Мазепы.)

[186] «...Опасно, чтоб в обозе роптание, смятение и бунт непостоянных и малодушных не произошел, или в городах без полковников и сотников но начинали якого бунту». (Там же).

[187] Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Письма Головкина.

[188] «…Не могутмене никогда ни стрелы, ни огонь розлучить от любви пресветлейшего всемилостивейшего государя моего, которого святобливым предкам пресветлейшим царем московским и его царскому величеству одиножды во все со всем Войском Запорожским и народом малороссийским веру присягл и оную свято содержати должен есмь по праву совести… напрасный ваш труд, непотребные заводы, ненадежные надежды и ожидания суть; понеже в тих своих вертоглавных действах напрасно чрез толь многие годы трудитеся, ибо первее на земле звезды будут, небо же сохою орано, нежели Украина мела бы когда возвратитися к Короне Польской и народ козацкий, от веков к польскому имеющий ненависть, с Речею Посполитою соединен имел быть; покамест свет стоит светом, не будет козак поляку братом, ожегшися на воде побратимся лядского». (Архив иностранных дел, июль. Подлинники.)

[189] «…Без всякой пощады обоего пола и веку пролитая кровь чрез Потоцкого воеводу киевского, который по Украине невинных детей от грудей отнимая жолнерам велел на копья втыкать и в яму побросав огнем душить, женщин в избы загнав жечь». (Там же.)

[190] «…Вольный народ к проклятой унии принуждаете, которая не соединяет, а разлучает, вольное отправление веры запрещаете, святыми тайнами, крещением, супружеством жидам водно располагать допущаете и оные тому народу на аренду запродаете, и они, имея в своем управлении тайны, потамест крестить детей и венчать

говорил, что «золотая вольность», которою так хвастались поляки, превращается у них в «железное самовольство». Мазепа обличал суетность обещаний вольностей малороссийскому народу, когда Станислав, которого поляки называют своим королем, сам не более, как невольник шведского короля. Мазепа объявлял польскому пану, что Украине под царским скипетром вовсе не худо[191], и потому никакие обещания благ, никакие ласкательства не в силах ни теперь, ни впредь отвести малороссийский народ от русского царя и его наследников.[192] В заключение на просьбу Тарла об отпуске Вольского, присланного к Мазепе от Станислава еще в 1705 г., Мазепа отвечал, что этого человека он не отпустит, потому что он достоин виселицы.

Поступок с письмом Тарла и ответ последнему, присланный в копии Головкину, конечно, должны были показаться московскому правительству новым доказательством непоколебимой верности гетмана и лживости всяких на него доносов. Заметим только, что для нас нет доказательства, что именно такой ответ был в самом деле послан Мазепою, но, во всяком случае, правительство другого не знало. Между тем тогда уже возник и разбирался донос, самый крупный в ряду всех доносов, которые в продолжение гетманства Мазепы сыпались на него так обильно. То было дело Кочубея, окончившееся в то самое время, когда Мазепа вел приведенную нами переписку с Тарлом.

Мазепа и Кочубей, как уже видели мы прежде, были издавна близкими приятелями. Некогда они служили вместе у Дорошенка, потом у Самойловича и вместе выкапывали яму, в которую удалось им свалить Самойловича. После того как Мазепа стал гетманом, несколько лет господствовало между ними согласие; по крайней мере, можно это заключить из того, что гетман сочетал своего племянника Обидовского с дочерью Кочубея Анною и самому Кочубею исходатайствовал у царя жалованные грамоты на маетности. Кочубей был долго в чине генерального писаря, потом сделан был генеральным судьею, что составляло повышение в козацком уряде. Есть отрывочные известия, что между ними бывали временные неудовольствия; сам гетман, после того как уже рассорился с Кочубеем, вспоминал в письме к нему, что в течение 16 лет прощал ему какие-то проступки.[193] Но событие, положившее между ними роковую вражду, наступило в 1704 году.

Мазепа от молодости до глубокой старости был большой женолюбец. Его супруга скончалась в 1702 году. У Кочубея была красивая дочь по имени «Мотря» (Матрена), крестница гетманская. Существуют свидетельства, что Мазепа делал ее родителям предложение, но получил отказ, так как брак между ним и Мотрею был невозможен по уставам церкви. Тот же Мазепа «подговаривал» Мотрю через своего служителя Демьяна,но нам неизвестно — прежде ли таких «подговоров» было сватовство его или же после, и сватать ее он начал только после того, как не успел соблазнить без брака. Как отец Мотри смотрел на сватовство гетмана, показывает то негодование, с каким он относился об этом в своем донесении государю.[194]

священникам не дозволяли, покамест арендаря не удовольствовано, и часто прилучалося, что тот ехидник з прирождаемой ку христианам ненависти для вящих своих прихотей венчание и детей крещение продолжал, отчего многие дети умерли без крещения…» (Там же.)

[191] «…Вольные есмы от всех податей, обогачены довольными маетностями, вера святая нас с храбрым народом московским соединяет и церкви Божий повсядневно прибавляются: какой еще вольному народу больше надобно вольности…» (Там же.)

[192] «…Хотя бы оному землю плывущую млеком и медом давали, не прельстят его никакие ласкательства и не отведут не токмо ныне, но и впредь от неосиленного защищения пресветлейшего царского величества всемилостивейшего государя и непобедимых наследников его, в котором себе лучшую часть избра… Того ради не належит того желать, чего получить невозможно…» (Там же.)

[193] Чтения в Императорском московском обществе истории и древностей (далее: Чтения…) 1859 г. Т. I. С. 131.

[194] «…Егда же предаст гробу жену свою, тогда новую изобретает на мя вражду, прельщая мя, устрашая, моля и смертию прещаше, дабы вторую дщерь мою девицу ему же восприемлемую от св. крещения духовную дщерь взяти могл в супружество. Какую диавольским действом возбудити мне печаль, дабы аз явлен бых всея вселенные

Как бы то ни было, но, по известию Кочубея, 2 декабря 1704 года Мазепа, находясь в Бахмаче, послал своего служителя Демьяна в Батурин к Кочубею со свежею рыбой на гостинец и дал Демьяну тайное поручение предложить Мотре сначала три, потом десять тысяч червонцев с тем, чтоб она пришла к гетману. Мотря не соглашалась. Тогда Демьян от имени своего пана просил у нее прядь ее волос. Через два дня, в день св. Николая, тот же Демьян явился снова и стал подговаривать Мотрю на свидание с гетманом. В огороде ее отцовского двора была дыра в частоколе: туда звали Мотрю для разговора с гетманом… Несколько раз были к ней подобные подсылки. Старый греховодник просил ее прислать ему то рубашку с тела, то монисто с шеи, посылал ей на гостинец какую-то книжечку и бриллиантовый перстень.[195]

Между тем положение Мотри в родительском доме стало несносным: ее мать, как из многого видно, была женщина крутого и сурового нрава. Уклоняясь от родительских преследований, Мотря убежала к Мазепе. Родители стали бить тревогу.[196] Мазепа не стерпел укоров Кочубея и отослал Мотрю к родителям с полковником великороссийского полка Анненковым, находившимся при гетманской особе. Впоследствии, в письме к Мотри, просил не гневаться на него за то, что так поступил с ней, иначе ее родители бесславили бы его; сверх того, и он и она не могли бы воздержаться и стали бы жить по-супружески, а за это постигло бы их неблагословение от церкви, и потом она сама бы на него роптала.[197] Мазепа сносился с Мотрею через какую-то девку Мелашку[198], писал к Мотре разные нежности, уверял, что никого так не любил, как ее, скорбел о злобе ее родителей и просил не изменяться к нему в любви, сообразно данному ею слову в то время, когда от него выходила, а он вручил ей такой дорогой перстень, которому подобного другого у него не было.[199] Старого гетмана беспокоило, что Мотря, как он узнал, терпела от своей матери, которую он по этому поводу называл мучительницею.[200] В другом письме он, сожалея, что не может подробно поговорить

законопреступный отец и маловерный христианин, како бы желание свое исполнити зело о том мне насилствуя и много шатаяся яве не возмогх». (Чтения… 1859 г. Т. 1. С. 125.)

[195] «Моя сердечная коханая Мотроненько! Поклон мой отдаю вашей милости мое серденько, а при поклоне посылаю в. м. гостинца книжечку и обручик диаментовый, прошу тое завдячне приняти, а мене в любви своей неотменно ховати нем дасть Бог з липшим привитаю. За тим целую уста коралевии, ручки беленькие и все члонки тельца твоего беленкого, моя любенко коханая». (Чтения… 1859 г. Т. 1. Дело Кочубея. Письма Мазепы. С. 127—130.)

[196] «Аз же (слова Кочубея) не могий что творити в колокол ударяя, да всяк видит бедство мое». (Там же. Дело Кочубея. С. 125.)

[197] «…Мое серденько! Зажурилемся почувши от девки такое слово же в. м. за зле на мене маешь и же в. м. при собе не задержалем але одослал до дому. Уважь сама щоб з того выросло. Першая: щоб твои родичи по всем свете розголосили, же взяв у нас дочку у ночи кгвалтом и держит у себе место подложнице. Другая причина же державши в. м. у себе, я бым не могл жадною мерою витримати да и в. м. так же: муселибисьмо из собою жити як малженство кажет, а потом пришло бы неблагословение од церкви и клятва жебы нам с собою не жити. Где ж бы я на тот час подел. И мне б же чрез тое в. м. жаль, щоб есь на-потом на мене не плакала». (Чтения… 1858 г. Т. 1. С. 127.)

[198] «…Посылаю теперь до в. м. Мелашку, щоб о всем розмовилася с в. м.; не стережыся ее не в чем, бо есть верная в. м. и мене во всем». (Там же.)

[199] «…Сама знаешь як я сердечне шалене люблю в. м.; еще некого на свете не любил так. Мое б то счастье и радость, щоб нехай ехала да жила у мене, тилко ж я уважав який конец с того может бути, а звлаща при такой злости и заедлости твоих родичов. Прошу, моя любенко, не одменяйся не в чом, яко юж не поеднокрот слово свое и рученку дала есь, а я взаемне поки живу буду, тебе незабуду… Припомни тилко слова свои под клятвою мне дание, коли выходила з покою мурованого од мене, коли далем тобе перстень диаментовий, над который найлепшого найдорогшого у себе не маю, же хочь, сяк хочь так будет, а любовь межи нами не одменится». (Там же.)

[200] «…Тяжко зафрасовалемся почувши, же тая катувка не перестает в. м. мучити… (в другом письме. — Н. К.) Не маючи ведомости о положению в. м., чи вже перестали в. м. мучити и катовати». (Там же.)

с нею, дает ей совет идти в монастырь.[201] Он порывался даже мстить своим врагам, которые его с нею разлучали, и только связывает ему руки не кто иной, как она сама; впрочем, он не станет больше терпеть и учинит своим врагам такое мщение, какое она сама увидит.[202] Но видно, что старик замечал уже в Мотре охлаждение к себе, как показывают его письма, в которых он делает ей укоры и припоминает обещания вечной любви.[203]

Мотря, находясь под строгим надзором родителей, тайком переписывалась с гетманом и в это время доходила до безумия — металась, плевала на отца и мать, а родители приписывали такие выходки влиянию чар.[204] Кочубей писал к гетману, не обличал его прямо, а только жаловался на судьбу свою. «Делалось ли подобное с кем-нибудь из тех, которые живали при своих региментарях чиновно и не чиновно! — выражался он. — Горе мне мизерному и всеми заплеванному! Обратилась в грусть надежда моя найти себе в дочери будущую утеху! Омрачился свет очей моих; обошел меня кругом мерзостный студ[205]; не могу прямо смотреть людям в лицо; срам и поношение скрывают меня перед ближними и домашними! Всегда с бедною супругою своею плачу от сокрушения».[206] Мазепа отвечал ему, что причиною его неприятностей — велеречивая жена его, на которую надобно бы наложить мундштук, как на лошадь.[207] Он припоминает Варвару великомученицу, убегавшую от злого отца[208], советует Кочубею воздержаться от мятежнического духа, угрожает, что чрез его и жены его высокомерие он доживет до какой-нибудь беды.[209] Кочубей в своем письме к гетману намекнул о блуде; гетман прикинулся, как будто не понимает этого, и отвечал, что блудит, вероятно, сам он, слушая жены своей, сообразно пословице «Где хвост всем заправляет, там головаблудит».[210]

---

[201] «…Тяжко болею на те що сам не могу з в. м. обширне поговорити що за отраду в. м. в теперешнем фрасунку учинити… Коли они проклятии твои тебе цураются, иди в монастырь, а я знатиму шо на той час з в. м. чинити». (Чтения… 1858 г. Т. 1. С. 127)

[202] «…Бодай того Бог з душею розлучить, хто нас разлучает! Знав бы я як над ворогами помститися, тилко ти мине руки звязала…. Прошу и велце мое серденько, яким колвек способом обачься зо мною що маю з в. м. далей чинити, бо юж болт не буду ворогам своим терпети, конечне одомщение учиню, а якое: сама обачиш!..» (Там же.)

[203] «…Вижу ж в. м. во всем одменилася своею любовию прежнею ко мне. Як собе знает: воля твоя, чини що хочешь! Будеш на потым того жаловати… Моя сердечне коханая, наимильшая. найлюбезнейшая Мотроненько! Вперед смерти на себе сподевався неж такой в сердцу вашом одмени. Спомни тилко на свои слова, спомни на свою присягу, спомни на свои рученки, которые мне не поеднокрот давала, же мене, хоч будеш за мною, хоч не будеш, до смерти любити обещала». (Чтения… 1859 г. Т. 1. с. 129.)

[204] «…Егда не возмог лестию преклонися к обаянию и чародеянию и сотвори действом и обаянием еже дщери моей возбеситися и бегати, на отца и матерь плевати». (Там же. С. 126.)

[205] Т. е. стыд.

[206] Чтения… 1859 г. Т. 1. С. 131.

[207] …Рачий бы належало скаржитися на свою гордую велеречивую жену, которую як вижу не вмееш, чи не можеш повстягнути и предложити тое, же ровний мунштук як на коне так и на кобылы кладут». (Чтения… 1859 г. Т. 1. Дело Кочубея.)

[208] «Утекала св. в-м-ца Варвара пред отцом своим Диоскором не в дом гетманский але в подлейшее местце межи овчари в розселины каменния страха ради смертного». (Там же.)

[209] «И если же з Бозского презрения теды и всему дому твоему зготувалася якая пагуба, то не на кого иншого нарекати и плакати тилко на свою и женскую проклятую циху». (Чтения… 1859 г. Т. 1. Дело Кочубея.)

[210] «…А що взменкуешь в том своем пашквильном письме, того я не знаю и не розумею, хиба сам блудишь,

Неизвестно, эта переписка между гетманом и Кочубеем, сохранившаяся в деле о Кичубее, происходила ли тогда, когда Мотря убежала к гетману и находилась в его доме, или уже после того, как гетман возвратил ее в родительский дом. История с Мотрею происходила в 1704—1705 годах. Дошедшие до нас черты достаточно показывают, с одной стороны, старого развратника, прибегавшего к самым пошлым мерам соблазна, с другой стороны — очень ограниченное женское существо. Впрочем, все семейство Кочубея не переставало пребывать как бы в дружелюбных отношениях к Мазепе и несколько времени после приключения с Мотрею. Кочубей, как генеральный судья, постоянно находился в приближении у гетмана, участвовал с ним в пирушках, происходивших в гетманских дворцах то в Бахмаче, то в Гончаровке. Сам гетман посещал по-приятельски Кочубея, пировал у него и вел с ним и с его женою интимные разговоры, которые потом послужили в числе материалов для доноса.[211] Когда гетман выступал в поход, то оставлял Кочубея, как генерального судью, в Батурине вместо себя наказным гетманом, следовательно, временным хозяином и правителем всей Украины. Так было в 1706 и 1707 годах.

В одно из таких наказных гетманств Кочубея, в августе 1707 года, проходили через Батурин монахи Севского Спасского монастыря, возвращавшиеся из Киево-Печерской лавры, куда ходили на богомолье. Они сели отдыхать на скамье близ шинка, построенного на базаре, который располагался тогда за земляным валом батуринского замка. Какой-то козак сказал им, что наказной гетман Кочубей очень милостив к странникам и щедр на подаяние. Монахи пошли в церковь к вечерне и встретили там жену Кочубея; они подошли, поклонились ей и получили любезное приглашение ночевать во дворе у Кочубея. Это было накануне воскресного дня. В этот день гостеприимный хозяин оставил их у себя обедать; после обеда, по стариковскому обычаю, Кочубей лег спать, а монахи часа два погуляли в роще, находившейся близ двора, потом пришли в дом. Кочубей и жена его обдарили их холстом, полотенцами, деньгами и дали пирог на дорогу. Но когда монахи, собираясь уже в путь, стали прощаться с хозяевами, Кочубей упросил их остаться еще одну ночь ночевать. Наутро, в понедельник, они вместе с Кочубеем и его семьею отстояли заутреню и обедню, потом один из монахов, по имени Никанор, был приглашен в сад, где застал Кочубея с женою, но без детей. В саду был разбит шатер. Туда ввел хозяин монаха. Там находился в черных рамах образ Пресвятой Богородицы, писанный на полотне. «Можно ли тебе верить? — сказал Кочубей. — Хотим с тобой говорить тайное, — не разнесешь ли?» Монах, глядя на образ, перекрестился и уверял, что никому не объявит поверенной ему тайны. Тогда Кочубей и жена его стали бранить Мазепу, говорили, что он беззаконник, хотел жениться на их дочери — своей крестнице, но когда она на то не согласилась, то зазвал ее к себе и насильно осквернил блудом.

В это самое время позвали Кочубея слушать челобитчиков, приходивших к нему, как к исправляющему обязанность гетмана. Жена его, прогуливаясь с монахом по саду, рассказала ему еще кое-что про гетмана. Кочубей, кончив свои дела с челобитчиками, позвал в дом монаха, отдал ему дары и поручил просить приехать к нему самого севского архимандрита, обещая дать вклад на монастырь. Монахи уехали, а 26 августа того же года снова приехали в Батурин и привезли Кочубею и семье его просфоры от архимандрита, который извещал, что сам он не может приехать за делами по управлению монастырем. Монахам во дворе Кочубея отвели особые светлицы. Женщина из Кочубеевой прислуги позвала монаха Никанора к хозяину дома и предупредила его, что как будет он проходить через панские светлицы, то должен за собою затворять все двери. Следуя по указанному пути, монах прошел три покоя, запирая за собою двери закладками и крючьями, и остановился перед спальнею Кочубея, завешенною ковром. Вышел оттуда Кочубей, осмотрел все двери и, удостоверившись, что в комнатах нет никого, спрашивал монаха, можно ли ему верить. Монах, разумеется, дал утвердительный ответ. Тогда явилась Кочубеиха с изображением распятия на деревянной доске, подала его Никанору и

коли жинки слухаешь, бо посполите мовят: „gdzie ogon rzadzi tarn pewnie glowa bladzi“. (Чтения… 1859 г. Т. 1. С. 131.)

[211] Там же. С. 104.

сказала: как Бог за нас пострадал на кресте, так и нам надобно умереть за великого государя. Все трое поцеловали крест и обещали хранить в тайне то, что будет сказано. Тогда Кочубей произнес: «Гетман Иван Степанович Мазепа хочет изменить великому государю и отложиться к ляхам, чтоб Московскому государству учинить пакость и отдать в неволю Украину. С этим словом ты должен от меня немедленно ехать в Москву». Кочубей дал ему на наем подвод 7 червонцев и 12 ефимков.

Никанор поехал в Москву, явился сначала в Монастырский приказ, а оттуда был отправлен в страшный Преображенский приказ. Эта посылка так и застряла. Петр, занятый иными делами и ничего не доверяя никаким доносам на Мазепу, оставил это дело, хотя Никанор и был задержан в Преображенском приказе.[212]

Не дождавшись никаких последствий, Кочубей в начале 1708 года нашел себе другого посыльного. Это был некто Петр Яценко, перекрест из иудеев; он жил в Полтаве и занимался в Ахтырском полку арендовыми промыслами.[213] Кочубей знал его давно и уговорил ехать в Москву, чтобы там сообщить царскому духовнику словесно, что гетман Мазепа сносится с Станиславом Лещинским чрез посредство ксендза Заленского с целью отдать Украину Польше, что он даже злоумышлял на особу самого государя: когда распространился слух, что царь сам хочет приехать в Батурин, гетман расставил 300 сердюков и приказывал им стрелять в приезжих по данному знаку из гетманского дворца; но потом гетман отменил свое распоряжение, узнавши, что царь не приедет.[214]

Отправивши Яценка, Кочубей вместе со своим приятелем и свояком, бывшим полтавским полковником Искрою, зазвали в маетность Кочубея, Диканьку, священника полтавской Спасской церкви Ивана Святайла и поручили последнему сообщить по секрету ахтырскому полковнику Федору Осипову об изменнических замыслах Мазепы: ныне, собрав полки, он идет на правую сторону Днепра с тою целью, чтобы в соумышлении с Лещинским и с Вишневецким начать войну против царской державы. Чтобы вооружить Козаков против царя, он обложил Козаков поборами по талеру с каждого коня и по «копе» (полтине) с каждого вола, распространяя слух, будто это делается по воле царя, который намерен всех Козаков обратить в солдаты. Кочубей и Искра, чрез посредство попа Святайла, поручили Федору Осипову сообщить об этом киевскому губернатору на тот конец, чтоб он в пору мог взять в руки Мазепу, иначе можно опасаться, что на правой стороне Днепра явятся к нему на помощь ляхи, а на левой — по его наущению поднимутся гультаи, «хибкий (непостоянный) народ», настроенный гетманом против царя. Ахтырский полковник должен был сообщить это князю Голицыну так, чтобы о том не знали другие ближние советники царя, особенно Меншиков, потому что как только доведаются, то сообщат о том гетману.[215]

Ахтырский полковник исполнил поручение, и киевский губернатор отправил его донесение в Бешенковичи — тогдашнюю главную квартиру царя, где и получено было оно 27 февраля, но вслед за тем пришло туда и письмо Мазепы от 24 февраля. Гетман проведал о посылке Кочубеем доносов и поспешил написать к царю об этом сам. Уверяя в своей догробной верности государю, Мазепа находил, что сочиненная на него клевета достойна более смеха, чем внимания, но умолял произвести над клеветниками розыск.[216]

И на этот раз Мазепа так был счастлив, что царь, веривший преданности своего гетмана, прислал ему одно за другим два утешительных письма: 1 и 11 марта. Царь уверял гетмана, что

---

[212] Чтения… 1859 г. Т. 1. С. 61—68.

[213] Чтения… 1859 г. Т. 1. С. 69.

[214] Там же. С. 88.

[215] Там же. С. 85—87.

[216] Там же. С. 69, 70.

«клеветникам, на него ложно наветующим, никакая вера не дастся, но и паче оные крупно с наусителями воспримут по делом своим достойную казнь». Царь поручал Мазепе самому каким-нибудь удобным способом поймать их; но вместе с тем царь изъявлял подозрение в участии с Кочубеем миргородского полковника Апостола и приказывал гетману зазвать его к себе, как будто для команды над козацким отрядом, а взявши его таким образом в руки, отправить вместе с Кочубеем и Искрою в оковах к государю.[217] Миргородский полковник был отец невестки Кочубеевой — жены его сына. Царь знал, что этот полковник прежде не ладил с гетманом, поэтому царь и подозревал его в участии с Кочубеем в доносе. Но царь Петр не знал того, что Апостол уже поладил с Мазепою и сделался его тайным соумышленником во вред Петру.

Вот таким-то образом отнесся Петр к этому делу. И неудивительно: в течение двадцати с лишком лет подавались на гетмана донос за доносом и ни один не оправдался, а гетман между тем продолжал служить государю верно, всегда исполнял царскую волю исправно, и притом был такой милый и любезный человек, что и царю, и всем близким вельможам чрезвычайно нравился своим обращением. Приманивать гетману Апостола ни в каком случае не было нужно: Апостол был тогда при гетмане в Хвастове, но гетману не приходилось также посылать в оковах одного из своих сообщников. Знал ли в марте Апостол о затеваемой измене или Мазепа тогда еще не открывал ему замысла, но уже видел в нем человека, готового пристать к делу, только гетман с этих пор постоянно выгораживал Апостола в своих письмах к Головкину и не помешал ему послать к Кочубею посланца — предупредить его о грозящей опасности.

Кочубей жил в своей маетности Диканьке и уже несколько месяцев не был в Батурине, устраняясь нездоровьем. Мазепа, исполняя царскую волю столько же, сколько и выручая себя самого, отправил гадяцкого полковника Трощинского с 500 Козаков и с сотнею волохов да охотного полковника Кожуховского с его конными полчанами поймать и доставить ему в обоз Кочубея и Искру. Но разом с ними ехал туда же и посланец миргородского полковника с запискою к Кочубею. В ночь с четверга на пятницу (18 марта) Трощинский и Кожуховский с своими отрядами ночевали в Великих Будищах, а посланец Апостола перегнал их, явился в Диканьке ранее и вручил Кочубею записку. Кочубей немедленно послал во всю ночь верхом своего слугу Завадовского в Полтаву сказать Искре, чтоб он тотчас поспешил в Диканьку. В ту же ночь перед рассветом приехал в Диканьку Искра, а с наступлением дня оба приятеля переехали через Ворсклу по мосту, устроенному против Диканьки, прибыли в село Гавронцы на другой стороне Ворсклы, потом отправились в Красный Кут[218]» город Ахтырского полка. Там нашли они полковника Федора Осипова и отдались под его покровительство.

Едва успели Кочубей с Искрою переправиться через Ворсклу, как нагрянули Трощинский и Кожуховский с козаками в диканьский двор Кочубея, с тем чтобы везти его в Хвастов в гетманский обоз. «Где хозяин?» — спрашивал Трощинский. Отвечали, что уехал, но куда — неизвестно. Трощинский не поверил и сделал в доме обыск. Не нашли Кочубея. Трощинский и Кожуховский отправились снова в Великие Будищи; в.Диканьке не видели их после того три дня: пятницу, субботу и воскресенье.[219] Кто-то известил полковников, что Кочубей с Искрою ушли в Коломак, где у Искры была пасека, но потом известили их, что Кочубей с Искрою, одумавшись, ушли к Самаре. Полковники послали было Козаков зайти им дорогу, но тут пришло к ним новое известие, что беглецы в Красном Куте.[220]

Тогда Трощинский и Кожуховский опять поехали в Диканьку и утром в понедельник

---

[217] Чтения… 1859 г. Т. 1. С. 71, 72.

[218] Ныне Краснокутск, заштатный город Богодуховского уезда Харьковской губернии при р. Мерле.

[219] Чтения… 1859 г. Т. 1. С. 151.

[220] Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Письма Головкина.

остановились в Ковалювке[221], другой маетности Кочубея, в новом дворе владельца, и оттуда послали волохов звать к себе Кочубеиху. Была память священномученика Василия пресвитера 22 марта. Кочубеиха, вместе с невесткою, была в церкви (чуть ли это не был день именин ее мужа или сына, которого звали также Василием). Волохи стали около церкви, а их ротмистр Константин Великий с тремя подчиненными вошел в церковь и объявил Кочубеихе, что ее зовет Трощинский. Кочубеиха отвечала: «Не пийду з церкви, нехай постражду меж олтарем як Захария!» С трудом убедили ее выйти из церкви[222]; тотчас волохи подхватили обеих — ее и невестку — и посадили в коляску. Их повезли в Ковалювку. Там заставили хозяйку перед собственным двором стоять добрый час и ждать, пока доложат Троилинскому. Наскучивши долгим ожиданием, Кочубеиха встала из коляски и пошла к воротам двора узким путем, протесняясь между козацкими лошадьми, которых там столпилось немало.

Трощинский вышел на крыльцо дома одетый в белом кафтане, без пояса, в желтых туфлях. По тогдашним обычаям, это был признак невежливости. Трощинский был пьян. Кочубеиха с видом достоинства выступила вперед к нему и произнесла: «За тое-то Мазепа прислал вас з таким войском по мого пана, що зичливе и верне Войску Запорожскому писарством и судейством служив?» Трощинский с перепоя забылся, пришел в ярость и крикнул на волохов: «Стрелять!» Волохи уже было и курки пистолетов взвели,но Кожуховский, который был в памяти, крикнул на них: «Стоять смирно!» Что дальше там говорилось — не знаем. Но Кочубеиху отправили назад в Диканьку в сопровождении Козаков. Там, кругом ее двора и около самого дома во дворе, поставлены были караулы. Невестку Кочубея Трощинский, сообразно гетманскому приказанию, отпустил в дом ее родителя, миргородского полковника, куда уже прежде уехал и муж ее Василий Вас. Кочубей. Ей дозволили забрать с собою свое приданое.

24 марта Трощинский прибыл в Диканьку с Кожуховским и с прибывшим вновь от Мазепы посланцем Валмусом, который привез приказание гетмана об имуществе Кочубея. Трощинский собрал всякое движимое имущество в доме, все «скрини» со всяким добром, упаковал все в «палубах» (большие воловьи повозки для тяжестей), а самую Кочубеиху с детьми и с одною служанкою посадил в карету и под караулом повез в Батурин. Все привезенное с нею имущество отвезено было на Гончаровку, в гетманский дворец. Кочубеиху поместили в собственном дворе, находившемся на подворке (посад) батуринском, где прежде Кочубеи обыкновенно проживали, когда пребывали в Батурине. Через неделю ее перевели в другой кочубеевский двор, старый, находившийся в средине города или замка: там назначили ей помещение — одну только тесную хату. Во дворе поставлено было два караула: один жолдатский[223], другой московский (великорусский) ; запрещалось кому бы то ни было посещать узницу; не дозволялось не только приходить во двор, но и приближаться к огороже двора.

Между тем в Красный Кут, где скрылись диканьские беглецы, прибыл великороссийский офицер с письмом к Осипову от Головкина. Канцлер поручал Осипову увидеться с Искрою, сказать, что царь желает лично от него слышать о таком важном деле, и он. Искра, должен вместе с Осиновым ехать чрез Смоленск в главную квартиру государя. Затем канцлер прибавлял, что Осипов и Искра должны быть благонадежны в царской к ним милости и оба они за свою верность получат себе от царя награду.[224]

Осипов и Искра собрались ехать. Предполагалось Кочубею оставаться в Слободском крае, куда не простиралась власть гетмана и где поэтому не имел права самовольно добывать

---

221 Ныне местечко Зеньковского уезда Полтавской губернии при р. Ташанской-Груме и Стехе.

222 «…Через силу речей мусила з церкви выйти».

223 Жолдат — пеший казак, охранявший гетманскую резиденцию.

224 Чтения… 1859 г. Т. 1. С. 89.

Кочубея Мазепа. Кочубей, однако, поехал проводить Осипова и Искру до Белгорода, но едва все доехали до Богодухова, как явился другой офицер с письмом Головкина уже к Кочубею.[225] Канцлер сообщал, что государь указал и ему, Кочубею, как можно скорее приехать в ближние места к Смоленску для свидания, разговора и совета о том, «как бы злое начинание возможно было утаить и какую бы верную особу избрать на место того подозрительного, не умешкав».[226] Доставил это письмо офицер гвардии Озеров, переодетый в польское платье для сохранения дела в секрете.

Все поехали По-видимому, счастье повезло доносителям. Письма Головкина показывали доверие к ним. Сами они заранее выбрали нужных свидетелей к своему делу и ехали в надежде свергнуть гетмана и вернуться с царскими наградами за верность законному государю.

Они прибыли в Смоленск. Головкин находился тогда с своею походною канцелярией в Витебске и, узнавши о прибытии доносителей, послал в Смоленск подполковника привезти их в Поречье сухопутьем, а из Поречья в Витебск водяным путем. Уже заранее, соображаясь с образом воззрения самого государя, Головкин не ожидал по розыску найти Мазепу виновным, а считал своим делом только выведать, нет ли в этом доносе неприятельского влияния, и, в конце концов, предполагал отправить доносчиков в Киев, в удовольствие гетману.[227]

18 апреля, в сопровождении подполковника Левашова, прибыли к Витебску Федор Осипов и двое главных доносителей:Кочубей и Искра, а с ними приехали еще лица, прикосновенные к делу: священник Иван Святайло, сотник Кованько, перекрест Петр Яценко, привезенный нарочно из Москвы, где содержался; кроме этих лиц. прибыли тогда двое писарей, племянник Искры и 8 служителей. Всех малороссиян поместили в пустом панском загородном дворе разных светлицах.

На другой день 19 апреля Головкин и товарищ его Шафиров приехали в этот двор и обратились прежде к Федору Осипову. Тот мог сказать только, что, по приглашению священника Святайло, он виделся с Искрою в своей пасеке на реке Коломаке и от него услыхал обвинение гетмана в изменнических замыслах, а потом к нему в Красный Кут приехали Кочубей и Искра. С Кочубеем он не был вовсе знаком, а Искру знал только по войсковым делам.[228]

Министры, снявши такое показание с ахтырского полковника, приказали позвать из других покоев Кочубея и Искру. Они приняли их ласково и сказали: «Государь к вам милостив, надейтесь на царскую милость и подробно изложите все дело, ничего не опасаясь».

Головкин отпустил Искру, оставил при себе одного Кочубея. и тот, ободренный ласковым приветом, проговорил некороткую речь, вспомнил измену Бруховецкого, навлекшую на малороссийский край смятение и кровопролитие, вспомнил, как после усмирения края царь гневался на генеральных особ за то, что. находясь близко к гетману, не заметили его злокозненного намерения и заранее о нем не сообщили. Теперь, замечая в поступках своего региментаря злое намерение и услышавши собственными ушами такие слова от него: «Под ляхами, конечно, будем», — они решились объявить царскому величеству. Они поступают так не ради каких-нибудь выгод, а «единственно величая превысокое достоинство великого государя».

С этими словами Кочубей подал донос, написанный в 33-х пунктах, которые по содержанию сокращались в 27.

---

[225] Там же. С. 150.

[226] Чтения… 1859 г. Т. I. С. 191.

[227] «…А сыскав основание того дела по домогательству гетманскому и по вашему указу, пошлем их для публичного окончания того розыску к князю Дмитрию Михайловичу Голицину в Киев, чтоб тем показать гетману довольство». (Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Донесение царю Головкина 18 апреля.)

[228] Чтения… 1850 г. Т. 1. С. 96.

1. В Минске в 1706 году гетман говорил ему, Кочубею, наедине, что в Белой Кринице княгиня Дольская, мать князей Вишневецких, передавала ему, что король Станислав хочет учинить гетмана князем черниговским, а войску запорожскому даровать желанную вольность.

2. Гетман хулил князя Огинского, польного гетмана литовского, за то, что держится союза с великим государем, тогда как все уже паны от этого союза отступили.

3. Когда Мазепа услыхал, что Август уехал из Польши в Саксонию, то произнес: «От! чего боялися, того не убоялися!»

4. В 1707 году мая 10-го, возвратившись из похода и приехавши в Бахмач, Мазепа тихим голосом спрашивал его, Кочубея:

справедливы ли слухи, что царских ратных людей побили поляки у Пропойска, и сказал, что к нему не дошла почта, по которой это известие было ему сообщено в обоз от Кочубея.

5. 11 мая того же года в своем дворе в Гончаровке Мазепа беседовал с ним, Кочубеем, и со Скоропадским, сказавши, что получил ведомость об избиении царских ратных у Пропойска. смеялся и произнес: «Але судья плачет о том, але ж у него слезы текут!» Потом в тот же день приглашал гостей пить общее здоровье и, между прочим, здоровье княгини Дольской, говоря: «Выпиймо за здоровье ксенжны ей мосце, бо есть зацная и розумная пани, моя голубка!» Много тогда все пили, и он говорил шутливые речи.

6. В один из последовавших затем дней гетман говорил мне: «Дошли до меня достоверные слухи, что шведский король хочет идти на Москву и учинить там иного царя, а на Киев пойдет король Станислав с польским войском и со шведским корпусом генерала Реншильда. Я просил у государя войска оборонять Киев и Украину, а он отказался, и потому нам поневоле придется пристать к Станиславу.

7. Того же года 17 мая я просил дозволения отдать дочь свою за сына Чуйкевича и в следующее воскресенье устроить сватовство. Мазепа советовал повременить, пока малороссияне соединятся с ляхами.[229] После того мы на другой же день решили с Чуйкевичем поскорей обвенчать наших детей.

8. Того же года 28 мая сербский епископ Рувим говорил нам, что был он у гетмана на Гончаровке, и гетман при нем печаловался, что государь обременяет его требованием доставки лошадей.

9. Того же года 29 мая дочь моя призвана была им на Гончаровку крестить жидовку, и в этот день за обедом он сказал: «Москва возьмет в крепкую работу малороссийскую Украину».

10. Того же года 20 сентября один канцелярист писал записку: «Был у гетмана в Печерском ксендз Заленский, иезуит, ректор винницкий, и тот перед знатными особами отозвался такими словами: вы, Панове козаки, не бойтесь взглядом (относительно) шведа, который не на вас готуется, але на Москву. Тот же ксендз говорил: никто не ведает, где огонь крыется и тлеет, але як разом выбухнет (вспыхнет), чего уже не забаром сподеватись (не долго ожидать), тогда хиба (разве) всяк познает; леч (но) тот пожар не латво (не легко) угаситися может».

11. Того же года 8 октября Мазепа в Киеве веселился с полковниками миргородским и прилуцким; у него играла музыка; он всех заохочивал к веселости, а на другой день после того послал козака ко ксендзу Заленскому. С какой стати было ему сноситься письменно с этим ксендзом, если б у него не было злого намерения.

12. Полковый писарь полтавский говорил своему племяннику, что того же года 10 октября в Печерском монастыре он приходил к гетману, а гетманский служитель сказал, что гетман, запершись с полковниками, читает Гадяцкий договор Выговского с поляками.

13. Того же года в декабре приезжал в Батурин Александр Кикин, и Мазепа собрал около себя 300 человек вооруженных сердюков. Вероятно, это он сделал услыхавши, что за Кикиным приедет в Батурин сам государь, чтобы взять Мазепу с собою в Москву, и Мазепа намеревался отстреливаться от государя.

---

229 «…Так мовячи: як будем з ляхами в едности, тогда знайдеться твоей дочце жених з тоеи стороны лядское знатний який шляхтич, который твоей фортуне доброю будет подпорою, бо хочай бы мы ляхам по доброй воле не поддалися, то оны нас завоюют и конечне будемо под ними». (Чтения… 1859 г. Т. 1. Дело Кочубея.)

14. Того же года на празднике Рождества Христова приезжал к гетману ксендз Заленский, и гетманский писарь Орлик проводил его тайно в гетманский хутор близ Бахмача, а ночью ксендз приезжал к Мазепе на Гончаровку.

15. Мазепа говорил, что если кто из старшин, полковников или из каких бы то ни было особ воспротивится ему, когда у него станет «совершенное подручным объявление и приговор на измену порядку», того он засадит в тюрьму на смерть без всякой пощады.[230] Видно из этого, что Мазепа хочет отклониться к Станиславу.

16. Мазепа несколько раз посылал полтавского козака Кондаченка и другого человека, по прозванию Быевского, в Крым и в Белогородчину к татарским салтанам и к самому хану. Кажется, это он делал для того, чтобы расположить их к себе и в свое время употребить на свои услуги.

17. В конце июня 1706 года, по возвращении из Минска, Мазепа был в гостях у меня, Кочубея, и, немного подгулявши, когда я, хозяин, провозгласил его здоровье, он, вздохнувши, сказал: «Какая мне утеха, когда я всегда жду опасности, как вол обуха».[231] Потом, обратившись к жене моей, начал хвалить изменников Выговского и Бруховецкого[232], говорил, что и он сам промышлял бы о своей цельности и вольности, да никто не хочет помогать ему, а также и муж ее.[233]

18. В Киеве в сентябре 1707 года гетман говорил полковникам: «Не думайте, чтоб я хотел после себя возложить гетманство на Войнаровского. И теперь готов уступить свой сан другому, лишь бы он мог оборонять отчизну. Если же, по привычке, хотите на мне оставить эту тягость, то должны слушать меня. Я сношусь и с ханом, и с силистрийским пашою, только от них, кажется, мало надежды и придется нам начинать свое дело с иной бочки и браться за сабли». Вероятно, под этою бочкой он разумел короля Станислава.[234]

19. Мазепа держит около себя слуг лядской породы и употребляет для посылок без царского указа, а это не годится.

20. Государь запретил пропускать людей с левого берега на правый, а гетман этого указа не исполняет. Мать гетмана, умершая игуменья, перевела много людей с левого берега на правый в основанные ею слободы. Да и, кроме того, по всем опустевшим городам и селам

---

230 «…Того взявши давити крепким вязенем аж до смерти без пощады» (Чтения… 1859 г. Т. 1. Дело Кочубея.)

231 «…Здохнувши мовил: благодарствую за тую приязнь! Але що мне за утеха, коли я живу никогда не маючи совершенной надеи своей целости всегда не безпечен ждучи як вол обуха». (Чтения… 1859 г. Т. 1. Дело Кочубея.)

232 «…Говорил до жены моей перед ним стоячой и похваляючи гетманов в измене будучих Выговского и Бруховецкого: добре (молвил) почали были Выговский и Бруховецкий, що хотели и зачали были з тое неволе выбиватися, але злые люди им в том перешкодили». (Там же.)

233 «…И мы хотели бы о своей далшой целости и вольности войсковой помыслити, да не маемо теперь еще способу, а звлаща же не все наши в одномыслии найдуются. О то (мовит) к твоему мужу я килко раз накидав слова о таких мыслех, як бы нам безпечность в целости нашой в потомнии часы учинити як для себе, так и тих, которие по нас будут, але он мовчит, жадним словом мне не поможет и ни з кого не маю помочи и не могу некому поуфати». (Там же.)

234 «…Може (каже) ваш мосц розумеете же я гетман намераю гетманство взяти на Войнаровского, то не есть так, я того не желаю. Вольно ваш мосцем будет кого хотети з межи себе обрати на той уряд, а Войнаровский и без того на своем отчизном кутку и на моем собрании может виховатися, а того уряду я и теперь вам готов уступити. А коли отказали: Боже, не дай того абысмо оного мели пожадати, повторив тое: „коли хто есть межи вами жебы в сей час смогл отчизну свою ратовати, то я тому уступлю, а естли на мене той тяжар еще взвикли мне будучи полагаете; то изволите мене слухати и на мой повод смотрите“. А за тим говорил: „Уже я (мовит) пробовал приязне ханской и был прихилен бывший хан Кизигирей, але того отставлено, а теперешний хан з початку приятно до мене на мои листы отписовал, а теперь (мовит) посилал я до Крыму своего носильщика, але далеко отменился. А до наши селистрийского сераскера як много посылалем, не получаю жадной надеи. А так з пншое бочки треба нам дело свое зачати (мнится тут бочка иншая владза короля Станислава), а уговоривши (мовит) и постановивши намерение свое треба зараз и за шабле взятися“. (Там же.)

правой стороны густо заселяются жители, уходя с левой стороны. Таким образом, правая сторона становится многолюдною, а на левой население умалилось и оставшимся жителям стало труднее содержать охотницкие полки, и все думают уходить за Днепр.

21. На Коломацкой раде постановлено стараться, чтобы малороссияне с великороссиянами вступали в родство и свойство, а гетман до того не допускает и даже недоволен, когда узнает, что малороссияне с великороссиянами водят хлеб-соль. От этого между теми и другими увеличивается удаление и незнакомство.

22. В прежние времена малороссийские города были хорошо укреплены, а теперь уже «не оправляются», и сам Батурин 20 лет стоит без починки. Но свой подворок Гончаровку, где гетман сам живет, он обнес значительным валом. Люди думают, что города нарочно не оправляются для того, чтобы не в силах были обороняться от тех, которых гетман призовет.

23. Гетман предостерегал запорожцев, что государь хочет их уничтожить; а когда разнеслась весть, что запорожцы хотят, согласясь с татарами, сделать набег на слободские полки, то сказал: «Чай нецнотливые сыны онии (пусть бы эти недобрые дети) все, коли що мают чинити, коли б уже чинили, а то тилько оголошаются (только разглашают), аки дражнют!»

24. Одна близкая к Мазепе особа в разговоре выразилась о татарах: «Дайте вы той речи теперь покой (перестаньте говорить об этом!) Тии люде будут нам вскоре потребнии!»

25. Львовский мещанин Русинович привозил Мазепе письма от разных польских панов. Этот мещанин рассказывал, что гетман Сенявский поручал сказать Мазепе, чтобы козаки были с поляками, а Мазепа выразился, что он сам шляхтич, природный поляк, и жалеет, что царь утесняет Польшу.[235] Этот Русинович говорил, что все ляхи любят Мазепу и надеются, что он поможет Речи Посполитой деньгами, и передавшийся к шведам пан Яблоновский говорил: «Маем добрую надею о Украине, же в ней найдутся шляхта, братья наши».

26. Гетман самовольно распоряжается войсковою казною, берет из нее сколько хочет и дарит сколько и кому хочет, из арендных и индуктных (со ввозных торговых пошлин) сборов берет в свою пользу 50 000 злотых. Кочубей полагает, что индуктный сбор можно было бы обратить в царскую казну. С гетмана довольно было десяти городов Гадяцкого полка и нескольких волостей: Шестаковской, Ропской, Быховской и Самборской. Он же берет себе еще немало со всех полков из сумм порукавичныхи арендовых[236], отчего шинкари, платя высокие арендные суммы, продают дороже горелку и чрез то происходит народу отягощение.

27. «Прежде полковники выбирались вольными голосами, а теперь за полковничьи уряды берут взятки и получает уряд не заслуженный товарищ, достойный такой чести, а тот, кто в силах заплатить. Умер киевский полковник Солонина: он служил царям верно от самого поступления Малой России под царскую державу и был 20 лет на полковничьем уряде. Гетман отобрал его села и отдал своей матери, игуменье Магдалине, а оставшимся после Солонины внукам и племянникам ничего не дал. Умер обозный Борковский, оставил вдову и двух несовершеннолетних сыновей. Гетман отнял у них село, которым покойник владел 20 лет по жалованной грамоте. и, кроме того, взял на гетманский двор местечко, принадлежавшее уряду генерального обозного.

Наконец, Кочубей, в дополнение ко всему, представил песню, сложенную Мазепой, в

---

[235] «…Говорил тое он Русеновнч же и Сенявский гетман коронный мовил ему: виведайся, що на Украине деется а особливе чи склонии к нам полякам козаки чили ни, и предложи (мовит) самому его милости пану Мазепе гетману: нехай нам будут зычливии есть ли хотят жебы ни же было добре, бо (мовит) мы певне ведаем же государь шведов не выдержит, то теж и козаки если при нем зоставатимут погинуть: з нами бы зась будучи в целости и при своих вольностех найдовалися. Кгды теды я (мовит) доносил тое его милости пану гетману, ответствовал в тие слова: „Бог мне свидитель той нехай подаст мне силу и крепость в здровю моем, которое мею слабое, же естем паном поляком зычлнвый, не был бым шляхтичом, не был бым сыном коронным естьли бым всего добра Короне Польской не зычил. Вижу я и сам, як государь оскорбил Полшу, але теж и Украину натто обтяжил. Я и сам не знаю, що з собою чигити, если до чого прийде; я не змогу удержати Козаков як на которую сторону схотит удатись“. (Чтения… 1859 г. Т.1. Дело Кочубея.)

[236] Виды денежных сборов.

которой, по толкованию Кочубея, «значное противу державы великого государя оказуется противление».[237]

237

Все покою шире прагнуть,
А не в еден гуж тягнуть;
Той направо, той налево,
А все браття: то-то диво!
Не маш любви, не мат згоды;
От Жовтои взявши Воды
През незгоду все пропали.
Сами себе звоевали!
Ей, братища, пора знати,
Що не всем нам пановати,
Не всем дано всее знати
И речами керовати!
На корабель поглядимо.
Много людей полечимо,
Однак стирник сам керуеть,
Весь корабель управуеть.
Пчулка бедна матку маеть
И оное послухаеть.
Жалься, Боже, Украины,
Що не вкупе маеть сыны!
Едень живеть и с поганы.
Кличеть: «Сюды, отаманы!
Идем матки ратовати,
Не даймо ей погибати».
Другий ляхом за грош служить,
По Вкраине и той тужить:
«Мати моя старенькая!
Чом ты вельми слабенькая?
Розно тебе розшарпали.
Кгды аж по Днепр туркам дали.
Все то фортель, щоб слабела
И аж в конец сил не мела».

Третий Москве юж голдуеть
И ей верне услугуеть.
Той на матку нарекаеть
И недолю проклинаеть.
«Лепше було не родити.
Нежли в таких бедах жити».
От всех сторон ворогують,
Огнем, мечем руинують,
От всех не машь зычливости,
А ни слушной учтивости,
Мужиками называють,
А подданством дорекають.
Чом ты братов не учила,
Чом от себе их пустила?
Лепше було пробувати
Вкупе лихо отбувати.
Я сам бедный не здолаю
Хиба тилко заволаю:
Ей, панове енералы,
Чому ж есте так оспали?
И вы, панство полковники,
Без жадной политики,
Озметеся все за пуки,
Не допустеть горкой муки
Матце своей болш терпети!
Нуте врагов, нуте бити!
Самопалы набувайте,
Острых шабель добувайте,
А за веру хочь умрете
И вольностей боронете!
Нехай вечна буде слава
Же през шаблю маем права.

Министры задумали сделать придирку, очевидно, с тем, чтобы иметь юридическое право, по обычаю тогдашнего судопроизводства, подвергнуть доносителей пытке. Они нашли, что донесение Федора Осипова, доставленное прежде киевскому губернатору, в одной черте не сходится с показанием Кочубея.

В донесении Федора Осипова, со слов Искры, говорилось, что Мазепа, после неудавшегося умысла на жизнь государя во время приезда в Батурин Кикина, «всячески тщился, чтоб его, государя, смерти предать или в руки взять и неприятелям отдать, а в мимошедший Филиппов пост, совокупившись с полками своими, хотел идти на великороссийские городы».[238] В дополнительных же статьях Кочубея о намерениях гетмана отдать государя в руки неприятелей и о походе войною на великороссийские города не говорится.[239] Спрошенный по этому поводу Искра показал, что все это слышал он от Кочубея при жене последнего, и тогда Искра советовал Кочубею подождать с доносом, пока не явятся очевидные признаки преступности Мазепы. Спросили об этом Кочубея. Он показал, что от Искры ничего подобного не слыхал.[240] Этого было довольно. Нашли разноречие между показаниями доносителей, развели их по разным покоям и приставили к ним караул, а пожитки и письма их описали.

Спрошенный потом поп Святайло показал, что о намерениях Мазепы слышал от одного Кочубея и по просьбе последнего приводил к нему свояка своего Петра Яценка. Когда гетман послал взять Кочубея в Диканьке, предуведомленный о том заранее Святайло поехал в Красный Кут и оттуда, по просьбе Кочубея и Искры, отправился с ними в Смоленск.[241]

Сотник Кованько, на которого указал Кочубей как на свидетеля, слышавшего слова ксендза Заленского в Печерском монастыре, показал, что видел какого-то ксендза у своего полковника, а как зовут ксендза — не знает; козаки, бывшие там, спросили ксендза: «Где швед?» Этот ксендз отвечал при нем: «Швед теперь притаился, но может вдруг поднять такой огонь, что не скоро затушишь!» Козаки спросили ксендза: «На кого пойдет швед, не на нас ли?» А ксендз отвечал: «Не на вас». Кованько больше ничего не слыхал, а Кочубей научил его говорить при царских министрах об этом «с иными околичностями». Таким образом, выходили не совсем те речи, какие приписывал этому ксендзу Кочубей в своем донесении. 24 апреля допрашивали Кованька вторично с пристрастием. Он объявил, что о неверности гетмана ничего не знает и ни от кого не слыхал, кроме Кочубея.[242]

Перекрест Петро Яценко объявил, что он был только передатчик, с Кочубеем прежде не был знаком, был у него один только раз при посредстве священника Святайла и получил от него изветс поручением передать его протопопу, духовнику государеву в Москве.

Писцы, бывшие с Кочубеем, сказали, что они не более как только переписывали то, что им давал Кочубей.

По поводу разноречия в показаниях первого привели к пытке Искру. «Никакой измены за гетманом не знаю, — показал он, — слышал о том только от Кочубея».

Его все-таки подвергли пытке и дали 10 ударов кнутом. Под пыткою Искра объявил: «Слышал я от Кочубея, что у него был совет с миргородским полковником Апостолом и с генеральным судьею Чуйкевичем против гетмана; думали они миргородского полковника

Сию песню читаючи и уважаючи один всечестний и розумный отец архимандрит Дал мне оную и радил в спряту добром держати. (Чтения… 1859 г. Т. 1. Дело Кочубея.)

[238] Чтения… 1859 г. Т. 1. С. 86.

[239] Там же. С. 103.

[240] Там же. С. 118.

[241] Там же. С. 119.

[242] Там же. С. 124.

избрать в гетманы. Чуйкевич к Кочубею присылал записку, где писал: „За Днепром огонь загорается, сохрани Бог, как бы и у нас не загорелся“.

Тогда приведен был к пытке Кочубей. Не допуская себя до мучений, он объявил, что никакой измены за гетманом не знает[243], что все это выдумал он по домашней к гетману злобе, а Чуйкевич такой записки, как говорит Искра, ему не писывал.

Искру вторично подвергли пытке на том основании, что Кочубей отрицал то, что показывал Искра. Дали Искре еще восемь ударов. Искра подтвердил, что за гетманом ничего не знает, кроме верности его государю. Весь донос выдумал Кочубей по злобе на гетмана, а его. Искру, убедил пристать по свойству и по дружбе.

Привели к пытке Кочубея. Еще раз, желая избегнуть мучений, он твердо уверял, что затеял на гетмана ложный донос по злобе, а от миргородского полковника ничего не слыхал, кроме того только, что тот запискою предостерег его в то время, когда гетман посылал взять его в Диканьке. Но Кочубея все-таки подвергли пытке и дали ему пять ударов. Допытывались от него: «Не было ли ему подсылки от неприятелей, не затеял ли он доноса по неприятельским фракциям, чтобы низвергнуть гетмана и выбрать иного к тому их злому начинанию склонного и кто были еще его единомышленники?» Кочубей повторял все то же, что и прежде: не знает он никакой неверности за гетманом, не было никаких от неприятелей подсылок, не было у него единомышленников, кроме Искры, и весь донос затеял он на гетмана ложно.[244]

Головкин писал к гетману, что следует, заковавши в железах, прислать миргородского полковника к следствию о деле Кочубея и Искры. Несколько раз повторялось это требование. Мазепа всеми способами старался выгородить Апостола и отписывался тем, что посылать его скованным опасно, чтобы не произошло волнение между козаками.[245]

---

[243] «…И спрашивали в застенке Кочубея против Искриных слов, и он сначала мялся, а Искра его в том уличал, а потом Кочубей принес повинную, что он все то, что написал на гетмана, затеял только с единой злобы своей домашней за дочь и все, что в том объявлении своем к улике гетмана писал, все то затеял, хотя тем свое воровство утвердить». (Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Письма Головкина.)

[244] «…Понеже Кочубей зело стар и дряхл безмерно, того ради мы еще более пытать его опасались, чтобы прежде времени не издох, о чем донесет вашему величеству Озеров, который при том сам был». (Там же.)

[245] «…Миргородского полковника злесь в войску прежде времени без очевидного обличения взять, ковать и до Киева за караул посылать нельзя никакою мерою, покамест очною ставкою он полковник не уличится и не обличится, если он имел какое с Кочубеем в воровстве теперешнем согласие, а наипаче ныне когда и сам Кочубей зговорил и очистил его, полковника миргородского, от того согласия, и если под сее время, а еще и в войску возмется тот полковник, то может учиниться мятеж и бунт, чего сохрани Боже, понеже его, миргородского полковника, все в войске почитают и любят, а если его полковника та токмо вина изъявляется, что он перестерег Кочубея от посланных моих, и о том вашей вельможности объявляю, что он то учинил не нарочно, но сталось то з пригоды нечаянно таким образом: когда я, исполняя премощный его царского величества указ собственноручный, послал полковника гадяцкого и полковника компанейского в трисотном числе компанеи тайно по Кочубея и Искру в полк Полтавский и по отправке той посылки удерживал в собе тот секрет чрез две недели и никому о том указе не объявлял, тогда пришед ко мне господа сотники и полковники при боку моем обретаючиися, донесли мне, что козаки ходя собранием и пьяные и трезвые переговаривают и говорят о некаких противных чести моей плевелах от Кочубея разсеянных, а один из монастыря печерского схимонах муж словом и делом свят, у которого для пользы духовной всегда бывают полковники и старшины, прислал мне осторожность, что от Кочубея приносятся вредительные гонору моему разглашения в народе. Того ради видя я, что воровство Кочубеево и Искрино в явление приходит и предваряя дабы оттуды не учинился какой мятеж, а надеясь, что посланные мои компанеею имели уже стать в полку Полтавском, понеже той их посылке уже две недели совершилося, призвал к себе генеральную старшину и полковников. где был и полковник миргородский, объявил им дело и сказал, что по именному его царского величества указу собственноручному послал компанею для взятья Кочубея и Искры. Тогда полковник миргородский пад мне в ноги со слезами учал просить указу листовного к посланным моим, чтобы они зятя его, а сына Кочубееване брали и не ковали, дабы дочь его не испужалася и от печали не умерла, да и просил дозволения дабы мочно было и ему, полковнику, написать до зятя своего, чтоб он. когда отца будут брать, в то не мешался, который как сам затеял, так чтобы сам и отбывал, а он зять чтоб ехал с своею женою до Сорочинец в дом его полковничий. И по тому его полковника слезному прошению далем ему до посланных моих лист, чтобы зятя его не занимали и не возбраняли ехать в Сорочинцы, и ему полковнику позволилем до того своего зятя писать, с которым моим листом до зятя а не до Кочубея послал он полковник слугу своего прямо до маетности Кочубеевой, надеясь, что там уже посланных моих застанет, который слуга не знаючи дела и розминувши с посланными моими

27 апреля взяты в бумагах Кочубея челобитная на имя государя, где изложена настоящая причина злобы к гетману, письма гетмана к Кочубеевой Мотре и письмо самого гетмана по этому поводу. Поп Иван Святайло сознался, что челобитную составлял он, со слов Кочубея, который просил его, как духовную особу, сочинить, «вынимая тексты из Священного Писания».[246]

30 апреля Кочубей, Искра и все прикосновенные к делу, исключая ахтырского полковника, отправлены в оковах в Смоленск. Их везли под караулом до Поречья на судне, а потом на повозках в Смоленск. Там порассаживали их порознь, запретивши им видеться и сноситься между собою. При Кочубее и Искре постоянно находились два офицера, переменяясь так, чтобы преступники не могли быть ни минуты без надзора. Хотя поп Святайло,сотник Кованько, перекрест Яценко и писцы не обвинялись прямо в доносе на гетмана, но министры нашли, что их нельзя отпускать в Украину, потому что тогда гетману будет это «не без сумнения». Министры предоставляли окончательную судьбу всех преступников царской воле, но представляли на утверждение царю приговор: Кочубея и Искру казнить смертью, попа Святайла сослать в Соловки, а сотника Кованька в Архангельск для поверстания в службу; Яценка и чернеца Никанора, которые, собственно, были только передатчиками доноса, за то, что впутались в чужие дела, сочли неприличным оставлять в Украине и приговорили их сослать на жительство в какие-нибудь великороссийские городы.[247] Федора Осипова отпустили с похвалою, нашедши его «человеком добрым, умным и на нынешнее время потребным». О нем написана была похвальная грамота к киевскому губернатору, которому указывалось распространить ее по всей Малороссии.

Мазепе было не по вкусу, что дело о доносе на него разбиралось не в Украине, и он несколько раз письмами домогался от Головкина и Шафирова, чтобы враги его были присланы к нему на расправу. Узнавши, что после первых допросов обвиненных отправили в Смоленск до дальнейшего указа, Мазепа встревожился, так как это показывало, что дело еще не кончилось и может повернуться иначе. Тогда Мазепа еще сильнее домогался присылки Кочубея и Искры к нему на казнь и пугал царских министров, что в Малороссии происходят толки и расходятся слухи, будто Кочубей придет снова в царскую милость и станет гетманом.[248]

(которые за многими переправами а наипаче на реках Днепре, Пеле, Ворскле и прочих и обходя прямой тракт для порванных гребель от роспаления водного на Лубны, умедлили в том пути) прибежал в маетность Кочубееву до Диканьки и явився во дворе отдал сыну Кочубееву при самом отце от полковника миргородского тестя его лист, а Кочубей писмо то взявши и прочет того ж часу ятся бегству. И того ж дня которого он с Искрою ушол, нападши посланные мои нечаянно на двор, не застали уже Кочубея и Искры, а посланные за ними вслед гнали даже до Красного Кута, где уже не дерзая без ведома моего им чинить, возвратилися паки до Диканьки в маетность Кочубееву и там взяли было сына его зятя полковника миргородского и лист до него писанный вышеупомянутый, из кармана выняв, ко мне прислали, который у себе имею и ничего в нем противного не обретаю. Толко внутренняя и тайная Бог весть, для сего надобно бы тут Кочубея на очную с ним ставку поставить, которою бы или осудился или оправдался, а покамест Кочубей пришлется, приказал я сотникам и полковникам политично миргородского полковника назирать да и сам недримательное на оного, имею око, хотя он еще ничеге не знает, кроме того, что Кочубей на пытке был и повинился». (Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Письмо Мазепы к Головкину, доставленное царю с письмом Головкина от 9-го мая.)

[246] Чтения… 1859 г. Т. 1. С. 124—133.

[247] Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Письма Головкина. Донесение царю 16-го мая.

[248] 23 мая писал Головкин царю: «Кочубея и Искру отослали в Смоленск и велели держать их до указу вашего величества, только не было бы продолжением того дела сумнения гетману. Многократно просит он прислать оных в войско для обличения их воровства и потом карания, какое ваше величество над ними учинить повелите. А в народе малороссийском, от его Кочубеевых единомышленников разсееваются многие плевелы: будто Кочубея и Искру из Смоленска в Петербург препроводили и будто на него гетмана ваш великий гнев; и ныне-де обозного генерального челядника в Киев едучого в одном малом местечке Оленовце за то только, что просил подводы, старшина тамошняя била и из местечка, отнявши лошадь, выгнала с таковыми выговорами: полно уже вашего гетманского панства! Приедет на вашу всех погибель Кочубей! Тоже всюды в простом народе безумныеповести разглашаются, будто Кочубей в великой милости вашей здесь, а Искра будто послан гетманом города какого-то

Но царя Петра беспокоила в то время мысль: не совершен ли был этот донос по неприятельскому подущению. Время было военное, и мысль эта, естественно, приходила царю в голову. Ему казалось, что Кочубея и Искру допрашивали недостаточно строго. По отправлении их в Смоленск, когда министры прислали к царю проект решения дела, Петр приостановил утверждение и написал Головкину, чтобы преступников еще раз допросили с пыткою. Напрасно Головкин представлял государю письменно, что Кочубея по старости и дряхлости пытать невозможно[249], — Петр дал указ привезти их снова и сделать им последний допрос под пыткою.

По такому царскому указу 28 мая всех их привезли из Смоленска в Витебск и подвергли допросу под пыткою. Кочубею дали три удара. Искре — шесть, попу Святайлу — двадцать, сотнику Кованьке — четырнадцать. Все стояли на прежнем. Кочубей уверял, что он, не советуясь ни с кем, кроме Искры, затеял ложный донос на гетмана по злобе; прочие — что не знали ни о каких посторонних подущениях, и повторяли только то, что слыхали от Кочубея.[250] Министры добивались от Кочубея, не сказывал ли ему чего-нибудь миргородский полковник, не подавал ли ему по свойству какого-нибудь совета; Кочубей твердил, что ничего подобного не было, все он сам затеял на гетмана, единственно по старой к нему злобе, на том твердо стоит и с тем готов на смерть идти.

Во время производившихся пыток над доносчиками, по преданию, занесенному в печатный мир историком Малороссии Бантыш-Каменским, поп Святайло и сотник Кованько после пытки лежали на полу, прикрытые окровавленными рогожами. Кованько заметил, что московский кнут так приятен, что его годилось бы купить женам на гостинец. Он, как кажется, разумел жену Кочубея, которая настроила своего мужа, а через него и прочих завлекла в донос. «А чтоб тебя! — отвечал Кованьке Святайло. — Мало разве тебе спину исписали?»[251]

В заключение допросили Кочубея о его сокровищах. Он показал, что у него в доме осталось 4000 червонцев в одной «скрыньке» да в другой 500 червонцев и 2000 талеров, затем по долгам до 18000 золотых. Страдалец счел долгом присовокупить, что многие думают, будто у него великие богатства, но это несправедливо: все, что им ни получалось, тратилось на

добывать, а когда добудет, отпущен будет на гетманство. Такое-де смущение и мятеж от плевосеятелей единомышленников Кочубеевых потамест не может искорениться, пока народ не увидит их привезенных туда к гетману в оковах и достойную казнь по делом своим восприемлющих ибо хотя де оных Кочубея и Искру и в уголь здесь сожгут, никто от тамошних не будет ведать и верить. Да и честь его гетманская в великом понижении и обругании обретается, ибо оные клеветники на него не только в Великой России письмами обругали и в Малой России много в уши клеветали неправду, изменническим пороком славу и честь его испраздняя и возбуждая против него на бунт, но и по иным заграничным землям, по Польше, по Литве и по иным то разсеяли. Понеже гетман Сенявский резидента его о том вопрошал, и желательные его корреспонденты из Волох и Мультан до него гетмана писали, соболезнуя о нем, о чем он, гетман, зело печалится и просит ваше величество о присылке их в войско, дабы всяк оных увидя, в том уверился и тем бы плевелы и возмущения пресеклися. А хотя к нему граматы царского величества с объявлением воровства их посланы по оные ему в простом народе повсюду внушить невозможно». (Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8.)

[249] «…А о чем ваше величество повелевать изволите Кочубея еще спрашивать нет ли от неприятеля или от поляков или от запорожцев подсылки в гетманском или ином деле, и о том подлинно при пытке их спрашивали, и они в том не признались и говорили, что такой подсылки не бывало, а затеяли все по злобе на гетмана. И при отпуске в Смоленск паки с пристрастием пытки накрепко их спрашивали, ино ничего не могли от них уведать, а болей пытать Кочубея опаслись, чтоб прежде времени не издох, понеже зело дряхл и стар и после того был едва не при смерти, и писано нам уже из Поречья, что зело оный там болен был, и если б его паки пытать, то чаем, чтоб конечно издох и опасно чтоб от того не произошло какое сумнение в народе». (Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8.)

[250] Чтения… 1859 г.. Т. 1. С. 144—146.

[251] «Отче Иване! Якаж московьска нужка солодка! купим ее жинкам на гостинец! — Богдай тебе. Петре, побила лиха година, хиба трохи тоби Спину исписали! — отвечал Святайло». (Бантыш-Каменский. История Малой России. Т. 3. Примечание 3. С. 37.)

домашние расходы.[252] Свое показание Кочубей подписал очень оригинально: «Окаянный проступца и згубца дому и детей своих».[253] После такого заявления никто из производивших следствие не сомневался в том, что этот новый донос на Мазепу был гак же ложен, как и прежние.

Головкину очень хотелось достать миргородского полковника, и он роптал на гетмана, что тот, несмотря на неоднократные требования, не хочет прислать Апостола к делу. Мазепа, желая во что бы то ни стало спасти Апостола, доказывал, что наносить бесчестие такому лицу, как полковник Апостол, — нельзя, и обещал приняться за него только тогда, когда будут доставлены к нему главные доносчики.[254]

Наконец Кочубея и Искру, измученных пытками, отправили в оковах в Смоленск, а 13 июня повезли их водным путем по Днепру в Киев для отдачи гетману на казнь. Несчастных провожал стольник Вельяминов-Зернов в сопровождении роты солдат и достиг Киева 29 числа того же месяца. Он поместил преступников в новой Печерской крепости, сдавши их по наказу князю Дмитрию Михайловичу Голицыну, а к Мазепе, находившемуся с обозом под Белою Церковью, отправил гонца с известием.

Донос Кочубея наделал Мазепе много страха; он чувствовал, что если Кочубей не в силах будет представить правительству явных доводов измены гетмана, то все-таки скажет кое-что такое, что будет на самом деле правдою и может подтвердиться показаниями других, если царь вздумает вести это дело пошире. Из окружавших гетмана старшин о его тайном замысле знал пока только один генеральный писарь Орлик. Мазепа, по собственному опыту с Самойловичем, знал, как удобно может старшина подкопаться под гетмана, и побаивался предательства от Орлика. «Смотри, Орлик, — говорил он ему, — будь мне верен: сам ведаешь, в какой нахожусь я милости. Не променяют меня на тебя. Ты убог, я богат, а Москва гроши любит. Мне ничего не будет, а ты погибнешь!»

Опасения Мазепы не были напрасны. У Орлика, как он сам после сознавался, шевелилось искушение сделать донос на своего гетмана. Но он заглушил в себе это искушение: совесть воспрещала ему покуситься на своего господина и благодетеля, которому он присягнул в верности, тогда как для царя он был совсем чужой — иноземец, пришелец, и даже не произносил царю присяги на верность. Перед ним являлся жалкий образ Мокриевича, который предал Демка Многогрешного, а после, по воле Самойловича, вместо ожидаемой награды, лишился писарского уряда, подвергся изгнанию и во всю остальную жизнь терпел поношение от мирских и духовных особ. «Устрашала меня, — говорит он, — страшная, нигде в свете не бывалая суровость великороссийских порядков, где многие невинные могут погибать и где

---

252 «…А що многие особы розумеют быти у мене великие скарбы, то тое кладут речь мне тесную, не розсуждаючи же мне не дали того способу, абым умел з скарбу богатитися, волов гона до Гданска не отправлялем и горелок так достатне не робилем, абы разом тридцать або пятдосят куф продати, и десятка никому не продалем и пяти гуртовою продажею; а що в селах бывало горелка вышинкуется, то все оборочалося в дворовые расходы; треба было опрочь харчей и напитков себе и на детки суконки и чоботки и иншие охендоженья купити и челядь одевати и плату давати а и духовным особам, як чужеземским так и тутешним по прошению и по зможности подлуг моей мелкой особы в милостыню давалося больше твердою нежели мелкою монетою. Бывало теж тое по многу, же когда бывало человек який знакомитый талерем и другим поклониться, то и не принималем, назад отдавалем. А то убогим бедным чековою давалося, нехай тое не будет в лицемерие, и на будованье килких церквей, деревяных що выложилося, того грех споминати але по приказу докладаю…» (Чтения… 1859 г. Т. 1. С. 142.)

253 Там же.

254 «…До обличения миргородского полковника очною ставкою тут при войске без явственных доводов жестоко и ревностно поступать, приниматься за него и обезчесчивать его опасно, ибо он человек заслуженный и от всех полковников старейший, имеючий повагу и любовь у всего войска, до того с генералными особами як и с полковниками сприятелился, понеже Ломиковский обозный и Чуйкевич судья и прилуцкнй полковник близкие ему по сынах своих и по его миргородского полковника дочерях сваты, лубенский — дядя, нежинский — швакгер, и другие с ним близки. Надобно подождать, пока привезут Кочубея и Искру: тогда за него примемся». (Государственный архив. Письма Мазепы.)

доносчику дается первый кнут; у меня же в руках не было и письменных доводов».

В то время, как Мазепе не удалось поймать Кочубея и Искру, когда они успели ускользнуть и пробраться к верховному правительству, страх до того одолел Мазепу, что он раскаивался в своем замысле и говорил, что оставит его.[255] Тогда Мазепа, как кажется, на некоторое время прервал свои тайные сношения с царскими неприятелями; по крайней мере, о них от первой половины 1708 года не сохранилось сведений. Немудрено, что гетман был недоволен и теми, с которыми вел эти сношения, так как ему стало известно, что между поляками распространялись уже слухи о его склонности передаться на шведскую сторону. Эти слухи исходили от самого Станислава, и был большой повод порицать последнего за недостаток скрытности. Но раскаяние Мазепы скоро прошло, когда он, с одной стороны, получал от Головкина и самого царя милостивые обнадеживания, что клеветникам не будет дано веры, а с другой — между своими старшинами замечал такое настроение, которое могло ободрить его замыслы. Еще он не открывал тайны никому, кроме Орлика, а уже обозный Ломиковский и полковники: прилуцкнй Горленко, миргородский Апостол и лубенский Зеленский в разговорах с ним стали скорбеть о нарушении москалями войсковых прав и заявлять желание воспользоваться текущими военными обстоятельствами, чтоб утвердить целость козачества и полную независимость всей Украины; выходило, что они сами предлагали то, что уже давно обдумывал Мазепа. Но гетман не только с первого раза им не поддавался, а, испытывая искренность их, спорил с ними, доводил их до того, что они горячились и уверяли в своем доброжелательстве, в готовности не отступать от своего вождя и региментаря в случае самого наибольшего несчастия; и довел их Мазепа до того, что они стали принуждать его сойтись со шведами, твердя, что надобно ему промышлять о пользе всего края. Тогда Мазепа мало-помалу стал показывать вид, будто начинает колебаться и поддается их доводам и обещаниям, и они, обрадовавшись, просили дать им клятвенное обещание в верности. а они дадут ему подобное от себя. «Напишите сами, — сказал Мазепа. — как знаете, а я буду поступать, как вы велите». Обозный Ломиковский написал и подал Мазепе вместе с другими единомышленниками. Мазепа взял написанное, держал у себя. кое-что исправил, йотом позвал всех к себе. Подали крест и Евангелие. Сначала они целовали то и другое и произнесли присягу, потом также присягнул и он перед всеми. В этой присяге положили, по соображению обстоятельств, передаться на сторону Карла и Станислава и помогать им против московского царя с тем, чтобы при заключении мира Украина была признана вполне независимою страною. И так выходило, будто все это дело исходит от старшин, которые к нему понуждают гетмана, тогда как. собственно, старшины, сами того не зная, исполняли давнее предрешенное желание своего гетмана и были его слепыми орудиями. Вот в силу такого согласия со старшинами гетман так упорно отстаивал миргородского полковника, запутавшегося в кочубеевское дело.

После обоюдной присяги, данной гетманом четырем лицам и обратно последними гетману, мысль об отложении от царя стала распространяться между другими генеральными старшинами, полковниками и войсковыми товарищами. Таким образом, сам собою формировался заговор. Орлик говорит, что ему еще раз в эту пору приходила в голову мысль, чрез посредство подъячего, состоявшего при войсковой канцелярии для изучения малороссийского языка, сообщить тайно Меншикову, что по поводу доноса Кочубея гетман находится в боязни и опасении, а между генеральными старшинами и полковниками возникает ропот за обиды великороссиян и за нарушения войсковых прав; по этой причине нехудо было бы прислать от царя знатную особу, чтоб отобрать присягу з верности царю от гетмана, от всех старшин, полковников и сотников. «Этим способом, — говорит Орлик, — я намеревался прервать Мазепины замыслы, отвратить от них старшин и между тем исполнить это без повреждения своей совести и присяги». Нам непонятно, что, собственно, могло произвести хорошего это намерение Орлика. Если Мазепа и его соумышленники уже твердо задумали сделать крутой поворот в таком политическом деле, то едва ли остановила бы их эта присяга, тем более, когда гетман. уже при самом своем избрании, был связан ею. Орлик далее говорит,

---

[255] «…Виделем его Мазепу великою боязнию одержимого и в словах кающегося того своего начинания». (Письмо Орлика.)

что, когда пришло известие о том. что Кочубея и Искру пришлют к гетману для казни, он оставил свое намерение делать сообщение Меншикову, памятуя совет латинского поэта — научаться осторожности из чужой беды.[256]

Тогда как Мазепа вел у себя дело так, будто не он малороссиян, а малороссияне его увлекают отступать от царя ради независимости Украины. — его тайный агент, старшинам, как видно, неизвестный, низложенный болгарский архиерей, переезжавший от Мазепы к царским неприятелям и обратно от нихк Мазепе, заключил по воле Мазепы тайный договор с Карлом и Станиславом. С первым условия были временные и касались тольк военных действий. Мазепа просил Карла вступить в Украину с своим победоносным войском и освободить Козаков от московской тирании. В этих видах он обязывался передать шведам для зимних квартир укрепленные места в Северщине; Стародуб, Мглин, Новгород-Северск и другие города, причислявшиеся прежде к Великомукняжеству Литовскому. Гетман обязывался доставлять из Украины провиант для расставленных там шведских войск. Кроме того. он обещал склонить на сторону шведов донских Козаков, которые так же, как и малороссийские, недовольны царем за стеснение их войсковых прав и вольностей. Наконец, Мазепа обещал употребить все старание, чтобы склонить к союзу со шведами против московского царя калмыцкого хана Аюку со всеми подчиненными ему калмыцкими полчищами. Карл, тем временем, с остальным шведским войском направится на Москву, а между тем из Финляндии пойдет с иными шведскими силами генерал Либекер, завоюет и разрушит Петербург и проникнет в земли новгородскую и псковскую. Таким образом, царь московский, стесненный с разных сторон, должен будет, покинувши свою столицу, удалиться к северной части Волги, где край не так плодороден, как лежащие на юг от Москвы области. Русские войска уже доказали на опыте, что не могут устоять в открытом поле против храброго шведского войска, и шведский король может надеяться предписать своему врагу законы, а московский царь должен будет или отдаться на волю победителя, после того как увидит свое войско разбежавшимся во все стороны, или же с остатками своих военных сил погибать от голода и лишений всякого рода.

Со Станиславом, находившимся вместе с Карлом, было заключено еще такое условие. Вся Украина с Северским княжеством, с Черниговом и Клевом, а также и Смоленск присоединялись к польской Речи Посполитой, а Мазепе, в вознаграждение за такую услугу, обещан был титул княжеский и предоставлялись ему во владение воеводства Полоцкое и Витебское на таких правах, на каких владел герцог курляндский подвластным ему краем. Заранее предполагался день, когда Мазепа созовет своих полковников, объявит им договор и постарается уговорить их добровольно принять его, так как этот договор дает им средства возвратить себе прежнюю вольность, от которой москали оставили им одну тень.[257]

В истории Карла XII, составленной Фрикселем[258], который пользовался делами в шведском государственном архиве, говорится, что Мазепа был склонен на сторону Станислава преимущественно иезуитами, которым он поддался, потому что с юности был привязан к римской церкви, и хотя впоследствии из видов казался православным, но на самом деле он только притворялся и внутренне не терпел православного исповедания. Подобное качество в

---

256 Felix quem faciunt aliena pericula cautum. (Письмо Орлика.)

257 «Solte die ganze Ukraine imgleichen die Herzogthumer Severien. Kiow, Tchernikow und Smolensko wieder unter polnischer Herschaft kommen und der Krone einverleibt werden, dahingegen versprach man dem Mazeppa zu seiner Vergeltung den Titul eines Fursten beizulegen auch ihm die Woiewodschaften Witersk und Polotzk auf die Art, wie der Herzog von Curland sein Land, besetet zu uberlassen, endlich ward ein Tag anberaumet, an welchem Mazeppa seine Obristen zusammen ruffen ihnen diesen Vergleich vortragen und sie von freien Stucken darein zu willigen bereden solte, welches letzere desto eher zu vermuhten stunde, wann er ihnen die umwiedersprechlichen Vortheile vorstelle, so sie daraus zu gewarten hatten, in dem sie ihre vorige Freiheit wieder erlangten, wovon die Moscowiter ihnen nichts als deu Schatten ubrig gelassen» (Адлерфельд, немецкий перевод, изд. 1742 г. Ч. 3. С. 236.)

258 Немецкий перевод. С. 78—79.

Мазепе признается в манифестах царя Петра и в универсалах гетмана Скоропадского[259], где обличают Мазепу в намерении отдать Польше Малую Россию с целью ввести римскую веру и унию. Такое же намерение приписывается Мазепе в истории Петра Великого до Полтавской битвы Феофана Прокоповича. В договорах, сообщенных Адлерфельдом, современником, близким к Карлу и много раз видевшим Мазепу, о вере нет ничего.

Само собою разумеется, что Мазепа такого договора, заключенного польским королем, не мог объявлять никому из старшин: он хорошо знал, что никто из Малороссия!) нс захотел бы добровольно отдаваться Польше. Поэтому перед земляками он выставлял целью замысла независимость Украины. К этому уже давно стремились малороссийские патриоты. Это, по-видимому, не было бы противно и посполитому народу, тем более что недовольство великороссиянами чересчур резко везде высказывалось и оно-то подавало Мазепе и его единомышленникам надежду, что их замысел найдет себе благоприятный отзыв в народной массе.

29 июня Мазепа с обозом стоял иод Белою Церковью. В этот день получен был им царский указ воротиться к Киеву и расположиться поблизости его до дальнейшего царского указа. В этот же день было тезоименитство царя Петра, и Мазепа отправил к нему поздравительное письмо с пожеланиями побед над врагами, что изумительно становилось вразрез с действительными чувствами малороссийского гетмана.[260]

Мазепа двинулся в путь, как вдруг прибежал к нему из Киева гонец от Вельяминова-Зернова с извещением, что он привез Кочубея и Искру для совершения над ними смертной казни. Гетман отправил туда своего генерального бунчужного Максимовича с сотней компанейцев. Несчастных осужденных привезли скованными 11 июля в гетманский обоз, находившийся в Борщаговке, в восьми милях от Белой Церкви. На другой день Вельяминов-Зернов подал гетману в присутствии всех старшин царскую грамоту, что Кочубей и Искра за ложный донос на гетмана осуждены на смертную казнь. Грамота была прочтена всенародно. Кочубея еще раз подвергли допросу об имуществе, и он, в дополнение к прежнему показанию, сообщил еще о 1500 червонцах и 200 ефимках, обещанных им в раздачу детям, о 1000 червонцах, принадлежащих его умершей дочери Забелиной по мужу, обещанных на строение церкви в Батурине, о нескольких штуках серебряной посуды и об украшениях, наконец, о некоторых суммах, состоявших на долгах.

14 июля утром рано преступники выведены были перед собрание всего войска запорожского и перед толпы стекшегося с разных мест малороссийского народа. Их конвоировали три великороссийские роты с заряженными ружьями. Прочитаны были их вины. Затем их обоих подвели к плахе и отрубили головы. Тела их лежали в продолжение всей литургии выставленными на позор. По окончании литургии положили их в гробы и повезли в Киев. Там они были погребены в Киево-Печерской лавре близ трапезной церкви, где и теперь можно видеть над ними каменные плиты с истершеюся от времени надписью, сложенною, конечно, уже после измены Мазепы.[261]

---

[259] См.: Чтения… 1859 г Т 1. С. 183—184, 197—220.

[260] «…Благоприветствую убо вашему царскому пресветлому величеству покорным сердцем тезоименитого ангела св. апостола Петра камени именного, желаю усердием истинным подданским, дабы тот камень веры оружие на поражение полчищ неприятельских изострил и горделивого шведского Голиафа обезглавил, а правосланного вашего царского величества монархию непоколебимым основанием утвердил и во всех путях ваше царское величество сохранял, да не когда преткнеши о камень ноги твоея. А яко теперь Божиею милостию ордынованы от мене полки полтавский и компанейский против вора Булавина получили над партиею его бунтовничою одоление, тако и впред за молитвами тезоименитого вашего царского величества ангела, да покорит камень краеугольный сильный в бранех Господь всякого супостата под нозе вашего царского величества и всяк падый на сем камени да разбиется…» (Государственный архив. Письма Мазепы.)

[261]

Кто еси мимо грядый о нас неведущий
Елицы зде естесмо положени сущи!
Понеже нам страсть и смерть повеле молчати,
Сей камень возопиет о нас ти вещати:

В наказе, данном Вельяминову-Зернову, привезшему преступников, велено было объявить волю государя, чтобы преступники были казнены; но если гетман станет просить, чтоб их оставить в живых, то Вельяминов-Зернов должен был ограничиться ответом, что в наказе у него нет о том ничего и он не смеет ничего чинить без царского указа. Такого великодушия со стороны гетмана не последовало. Мазепа в посланной тогда государю грамоте выразился, что христианское милосердие побуждало его просить освобождения от смертной казни «лжеклеветников и всенародных возмутителей», но так как они дерзнули «языком льстивым лживым бл… словить о превысочайшем вашего царского величества гоноре и здравии, за которое всем нам под высокою вашею державою и сладчайшим государствованием пребывающим должно и достойно до последней капли крови стоять и умирать, а не токмо противное что оному чинить и сочинять, но и помыслить страшно, ужасно и душегубно», — поэтому он не оказал милосердия клеветникам.[262]

В письмах к Головкину гетман изъявлял желание оказать милость семействам казненных и отдать женам их и детям Кочубеевым имущества, «понеже, — выразился он, — многие наипаче духовные докучают мне многими прошениями, дабы и жена Кочубеева и дети их и жена Искрина могли без жадной беды и скорби в домах своих проживати спокойно и мирно и своих имений употреблять, понеже мужи их за свое преступление смертную уже казнь восприяли».[263]

Глава тринадцатая

Возвращение гетмана Мазепы из похода. — Движение шведского пароля к пределам Русской державы. — Неизвестность шведских намерений. — Изменчивые указы царя. — Карл направляется к Украине. — Генерал Лагеркрона в Стародубщине. — Царский генерал Инфлянт. — Вступление всего шведского войска в Украину. — Стан на берегу реки Ипути. — Неудовольствия малороссиян против царского войска. — Шляхтич Якуб Улашин. — Увертки Мазепы. — Хитрости со старшинами. — Соборование маслом. — Посольство к шведскому королю Быстрицкого. — Прибытие Меншикова в Горек. — Войнаровский. — Отъезд Мазепы из Борзны. — Последнее посещение Батурина. — Поход к Десне. — Переход через Десну. — Открытие замысла казакам. — Одиночные побеги казаков. — Мазепа у шведского короля. — Поиски Меншикова за Мазепою. — Меншиков и Голицын под Батурином. — Манифесты царя. — Пригласительные письма царя. — Взятие и истребление Батурина. — Письмо Мазепы к Скоропадскому. — Переправа шведского войска через Десну.

После казни Кочубея и Искры гетман получил собственноручный царский указ отправить всю козацкую конницу и, если возможно, самому идти с нею. Мазепа отвечал, что он был бы рад вести свое войско на войну сам, но ему не дозволяют недуги и, кроме того, невозможно покинуть Украины, потому что неприятель тотчас воспользуется и произведет своими

За правду и верность ку Монарсе нашу
Страдания смерти испилисмо чашу.
За уданем Мазепы, о Всеведче правый,
Посечени зоставше топором во главы,
Почиваем в сем месте Матери Владычны,
Подающей всем своим рабом живот вечный.

Року 1708 месяца июля 15 дня посечены средь обозу войскового за Белою Церковью на Борщаговске и Ковшевом благородный Василий Кочубей судья генеральный и Иоанн Искра полковник полтавский, привезены же тела их июля 17 в Киев и того ж дня в обители святой Печерской на сем месте погребены.

Прим. автора: Сведения о совершении казни 14 июля взяты из донесения стольника Вельяминова-Зернова; а по записке диканьского священника и по надгробной надписи она совершилась 15 июля.

[262] Голиков. Дополнения к Деяниям Петра Великого. 1795. Т. 15. С. 131.

[263] Государственный архив. Письма Мазепы.

подсылками возмущение в непостоянном и малодушном народе. Таким образом гетман, старательно укрывая свой тайный замысел изменить царю, набрасывал тень подозрения в наклонности к измене на весь народ малороссийский. 19 июня гетман писал канцлеру, что намерен заложить стан в средине Левобережной Украины недалеко от Нежина.

Между тем Карл, оставивши Радосовицы еще 6 июня, 15 числа этого месяца перешел Березину. 3 июля произошла неудачная для русских битва при Головчине[264], а 16 июля Карл стал в Могилеве, откуда только что ушли русские военные силы. В Могилеве шведский король стоял до 8 августа. В это время являлся к нему опять тайный агент Мазепы, отставленный от сана болгарский архиерей. Через него гетман торопил шведского короля спешить в Украину, иначе если шведы замедлят, то козаки станут приставать к царским войскам. Квартирмейстер Гилленкрок советовал королю не доверяться Мазепе, не идти к Украине, а направиться к Витебску, чтобы быть поближе к Лифляндии, откуда король дожидал вспомогательной силы корпуса генерала Левенгаупта. Того же мнения был граф Пипер и убеждал короля не двигаться к Украине, покуда не присоединится к нему Левенгаупт с своим корпусом, иначе на оставшегося позади нападет царь. Но другие шведские генералы, Реншильд и Мейерфельд, противники первых, настраивали короля к иному: они хвалили ловкость и силу Козаков, с пренебрежением отзывались о московитских ратных силах, уверяли, что царь не посмеет напасть на Левенгаупта, а Карл, со вступлением своего войска в Украину, увидит на своей стороне весь украинский народ. Карл поддался тогда надеждам, оказавшимся скоро обманчивыми. Он надеялся на помощь Турции, но не знал, что падишах не одобрял политики великого визиря, подававшего шведам уверения в помощи; он надеялся на мятежи, возникшие в царской державе, но не знал, что эти мятежи были уже укрощены; он надеялся на восстание Украины, как обещал ему гетман Мазепа, но не знал духа малороссийского народа, как не знал его и сам Мазепа, управлявший более двадцати лет этим народом. Наконец, Карл надеялся, что генерал Либекер, посланный к Петербургу, возьмет этот город, но не знал и не мог знать, что Либекера постигнет неудача. Сверх всего, Карла ободряло суеверное пророчество какого-то Урбана Гиарна, который предсказывал, на основании Парацельса и других предсказателей, писавших за 170 лет, что Золотой Лев севера с малыми силами одолеет Орла, притупит его когти, распространит свою власть на Азию и Африку, искоренит папизм и водворит повсюду истинную (т. е. лютеранскую) веру. Карл, всегда по-лютерански набожный, склонялся к мистицизму и доверял предсказаниям. Эта вера до такой степени развила в нем высокомерие, что он вторично отверг предложение мира от Петра, который соглашался отдать шведскому королю даже Псков, но желал непременно удержать за собою Петербург, за который, впрочем, готов был заплатить деньгами. Карл отвечал, что заключит мир в Москве, когда победит окончательно царя.

Между тем Мазепа, торопя своего тайного союзника, прикидывался по-прежнему неизменно верным слугой царя Петра, делал исправные распоряжения в Украине к отражению шведских сил, когда они туда вторгнутся. Он приказал устроить в Чернигове хлебный магазин для русского войска и собрал туда 15 000 четвертей хлеба, разложивши сбор на жителей Черниговского полка — по четверику[265] житной муки с дыма. рассылая по всем полкам универсалы, в которых убеждал пород пребывать в непоколебимой верности царю, везде по церквам приказывал публично молиться о даровании победы царю над еретиками шведами, а жителям приказывал прятать в землю свои запасы и самим уходить в города, спасаясь от неприятеля. Он делал распоряжения об укреплении городов: Стародуба, Чернигова, Ромнов, Гадяча. ввиду возможного нападения шведов. Ни царь, ни русские вельможи и военачальники не могли допустить и тени того, что открылось не далее как через каких-нибудь два месяца.

1 августа гетман стоял в Киеве в ожидании указов — куда ему посылать конницу. 4 числа того же месяца Петр приказал ему, не отходя от Киева, послать три или четыре (по своему соображению) тысячи конницы в Польшу на подмогу отправленным туда еще ранее

---

[264] Ныне местечко Могилевского уезда при р. Бабиче.

[265] Мера объема сыпучих тел, в XVII в. равнялась примерно 26 литрам.

полковникам киевскому и белоцерковскому, «дабы поляков доброжелательных содержать и все, что неприятелю к пожитку может быть, разорить». Другую партию указано было послать в Литву, к Пропойску, для содействия великорусским войскам, которые должны были отражать идущую шведскую силу. Гетман исполнил волю государя и отправил в Литву к Пропойску 4500 человек городовых Козаков разных полков и 1600 компанейцев, а в Польшу, на подмогу бывшим там полковникам, послал 2000 гадячан, находившихся прежде в киевской крепости, и к ним прибавил 1000 «молодиков» (Козаков, начинавших воинскую службу). Кроме того, по царской воле отправлено было к Смоленску два полка — Нежинский и Переяславский — в числе двух тысяч пехоты и одной тысячи конницы. Затем гетман жаловался, что остается с небольшим числом людей, а 16 августа просил воротить ему посланных к Смоленску, чтобы поместить часть их в киевский гарнизон. Мазепе, конечно, было неподходящим делом разбрасывать Козаков по разным сторонам, и он жаловался, что многие самовольно уходят.

В половине августа царь еще не знал наверное, куда обратится Карл с своими силами — на Украину или на Смоленск, и приказывал гетману стоять между Киевом и Черниговом до дальнейшего указа, чтобы в случае, если шведы пойдут на Смоленск, — идти к Белой Церкви для содействия полякам, доброжелательным царской стороне. 6 сентября царь положительно был уверен, что неприятель пойдет на Смоленск, и писал к гетману, чтоб он готовился в поход к Белой Церкви. Это приказание подтверждено было 14 сентября. Но через день, 16 числа, Головкин послал гетману указ остановиться, потому что по неприятельским оборотам видно было иное направление пути.

Из шведских источников мы узнаем, что именно в это время Карл окончательно укрепился в намерении войти в Украину и 16 сентября отправил передовой отряд генерала Лагеркроны овладеть Стародубом. Этот Лагеркрона был человек чрезвычайно самонадеянный и заносчивый, хотя вовсе не даровитый; он подделался к королю и не хотел слушать никаких советов. В то время, когда он вступал в полк Стародубский, туда же вступал с царскими силами и русский генерал Инфлянт; два враждебных генерала на том могли выиграть один перед другим: кто прежде успеет занять Стародуб. Лагеркрона доверился крестьянину, взявшемуся провести шведское войско кратчайшим путем. Этот крестьянин, будучи подослан полковником Скоропадским, обманул шведского военачальника и повел его совсем не туда, куда нужно, так что в то время генерал Инфлянт успел войти в Стародуб.

Вслед за Лагеркроною двинулся скоро и король и 21 сентября с восемью тысячами вступил в пределы Гетманщины для занятия квартир войску. За ним последовало остальное войско. Оно расположилось на берегах реки Ипути. Главная квартира, которую Карл велел укрепить окопами, находилась в Дрокове.[266] Край, в который вошли шведы, показался им обильным и населенным; войско, расположившись по селениям, могло отдохнуть от утомительных походов; хлеба и скота было так много, что шведы не испытывали бы недостатка, если б им пришлось оставаться там несколько месяцев. Шведы простояли там две недели. Между тем Левенгаупт, следовавший чрез Литву из Ливонии. 27 сентября был разбит русскими под Лесным близ Пропойска и с остатками своих сил прибыл к главному королевскому обозу. Король приказал разделить эти остатки по армии.

Орлик в своем письме сообщает, что когда Мазепа узнал о повороте короля шведского в Украину, то воскликнул перед старшинами: «Вот дьявол его сюда несет! Да он все мои соображения испортит и великороссийские войска за собою внутрь Украины впровадит на конечное разорение и на погибель нашу!» Мазепа хотя и завлекал на свою сторону старшин, но все еще только наполовину открывал им свои сношения и показывал вид, что решится пристать к шведам только в самом крайнем случае, когда уже война будет перенесена в Украину и весь малороссийский край очутится в опасности подвергаться опустошениям от обеих воюющих между собою сторон.

С отправкою генерала Инфлянта в Стародубщину царь Петр указал и гетману действовать с ним сообща. Мазепа, получивши такой указ, пригласил Ломиковского и полковников миргородского, прилуцкого и лубенского, показал им указ и говорил:

---

[266] Ныне деревня Старый Дроков Суражского уезда.

«Я опасаюсь, не приманивают ли меня к этому генералу, чтобы взять в руки. Идти ли нам по указу царскому в случение с этим генералом?»

«Нет, нет, не иди! — завопили все единогласно. — Не медли больше и посылай к шведскому королю просить протекции: как бы нам сойтись со шведами на границе и не впустить великороссийских войск в Украину!»

Но тут кто-то спрашивал его:

«Ты, гетман, объяви нам, чего имеем с целою Украиною и Войском Запорожским надеятися и на яком фундаменте ты тую махину заложил?»

Мазепа рассердился и произнес:

«Для чого вам о том прежде времени ведать? Спуститеся вы на мою совесть и на мое подлое розумишко, на котором вы не заведетесь болш. Я по милости Божой мею розум един неж вы все».

Обратившись к Ломиковскому, Мазепа сказал: «Ты уже свой розум выстарил», а указавши на Орлика, Мазепа прибавил: «У того еще розум молодый, дитинный.[267] Сам я буду ведать, якого часу посылать до шведского короля».

Но потом, как бы удовлетворяя их недоверчивости к себе, гетман вынул из шкатулки универсал, присланный от Станислава с ксендзом Заленским, и велел Орлику прочитать его во всеуслышание. Все казались им довольны («с которого были контенты»). Но едва ли там были тайные условия, заключенные со Станиславом через посредство болгарского экс-архиерея. Малороссияне не были бы ими довольны, да и Мазепа едва ли бы решился объявлять их до поры до времени старшинам. Мазепа был из таких личностей, которые, получив власть, стараются внушить подчиненным постоянную веру в свою мудрость и потому умышленно не открывают им сразу всего, что замышляют, дабы тем приучить их с благоговением полагаться во всем на свою главу или владыку. Мазепа за 20 лет своего гетманства уже приучил старшин к такому повиновению себе, и теперь он только понемногу приподнимал перед ним завесу, скрывавшую его тайный замысел. Он прельщал старшин призраком независимости Украины, указывал им, что теперь представился случай освободиться от всяких налогов и повинностей, вымышляемых московскою властью: сам Бог посылает короля шведского для их спасения. Сделавши их участниками замысла в его главной идее, он относительно подробностей не открывал им многого, но каждый раз спрашивал у них советов. как ему поступать, и показывал вид, будто предпринятый замысел начат и ведется не по его почину, а по их общему желанию, и он у них не более, как мудрый исполнитель общей воли. Чтоб укрыться от тех, кому он не хотел открывать тайны, он напустил на себя старческую немочь, говорил, что с трудом может на коня сесть, даже ходить и стоять на ногах, ложился в постель, обвязывал себя повязками с пластырями; в таком виде,лежа на постели, он принимал царских посланцев, жаловался перед ними на свои страдания и говорил с ними чуть слышным голосом. Правда, Мазепа и в самом деле страдал старческими немощами, но также и преувеличивал их, потому что в то время для его тайных целей выгодно было перед царскими людьми показываться близким к могиле. И сам царь, и царские министры относились к гетману доверчиво, снисходительно и не принуждали его к отправлению своего долга выше сил. Сначала потребовали от него, чтоб он шел сам к Стародубу, но когда он известил, что по болезни не может, то ему дозволили послать Козаков с наказным гетманом. Тогда гетман послал отряд Козаков нежинских, лубенских и переяславских в Стародубский полк на содействие генералу Инфлянту.

Но прежде чем эти козаки пришли туда, в Стародубском полку произошел страшный переполох. Генерал Инфлянт, вступивши в край, приказывал жителям уходить с своими имуществами в укрепленные места, а села, хутора, пасеки, мельницы, гумна приказывал истреблять огнем, чтоб не давать неприятелю прибежища и средств к содержанию. Жители, и старые и малые, в ужасе стали бежать и увлекли за собою присланных Козаков. Только часть последних примкнулась к четырем батальонам и четыремстам драгунам, составлявшим стародубский гарнизон. От них пошли по всей Украине вести, что вошедшие в Стародубский полк шведы не делают жителям ничего дурного, а, напротив, великороссийские войска,

[267] Детский.

пришедшие будто защищать край, жгут селения, грабят, разоряют жителей, насильно загоняют их в укрепления, понуждают к непривычным работам, бесчестят и ругаются над ними, обзывая их изменниками. Беглецы распространили такой страх между казаками, что товарищи полков Миргородского, Лубенского и Прилуцкого в числе нескольких сот человек явились к гетману в обоз у местечка Салтыковой Девицы и подали просьбы, написанные от каждого полка особо, но по одному пошибу.

В связи с такими явлениями, возбуждавшими вражду к великороссийскому войску, стоит современная жалоба черниговского полковника на солдат майора Геннинга, которые делали обиды жителям, какого-то Шевлюгу до полусмерти избили, а майор, когда ходили к нему малороссияне жаловаться, выгонял их по шеям, и одного атамана так ударил ружейным дулом в бок, что тот, полетевши вниз головою по лестнице, сильно ушибся.

Неудовольствие против великороссиян в малороссийском народе все более и более разгоралось и было кстати для Мазепы, когда он намеревался ввести в Украину шведов как освободителей от московской власти. Но тут случилось событие, которое чуть было не открыло замысла Мазепы. Когда генерал Лагеркрона вошел в Стародубский полк, тотчас стали разноситься воззвания, называемые у русских «прелестными» письмами. Шведский генерал убеждал малороссиян не бояться шведов, жить спокойно в своих домах, а из Стародуба пусть выходит к нему навстречу бурмистр со знатнейшими обывателями и пусть везут к ним на продажу хлеб и всякое съестное. Жители не поддавались на эти прельщения, а бежали без оглядки, спасаясь как от шведов, так и от великороссиян. Между разносителями таких «прелестных» писем попался польский шляхтич Якуб Улашин: он вез письмо от пана Понятовского, находившегося резидентом Станислава при шведском короле. Письмо было к Мазепе. Понятовский просил малороссийского гетмана отпустить на свободу его пленного брата,в воспоминание доброго приема, оказанного когда-то Мазепе в Луцке. Почему-то этот господин показался подозрителен, и генерал Инфлянт 1 октября отправил его в походную канцелярию, бывшую тогда в Почепе. Улашина подвергли пытке огнем, и тот, не стерпя мучений, объявил, что Мазепа поколебался в верности царю, и Понятовский послал к нему передать словесно, чтобы, как шведы войдут в Украину, он отписал бы к Понятовскому и при Божией помощи со всем войском запорожским приставал к шве-дам. Улашина еще раз поджарили, но он более не открыл. Показанию Улашина не придали веры, и копию с него отправили к гетману. Не только все происходившие перед тем явления в таком роде настроили царя и его министров считать всякие обвинения на Мазепу лживыми, но в это самое время Мазепа заявлял свою преданность, сообщая Головкину весть, что Станислав с шведскими и польскими войсками направляется на Волынь, чтоб оттуда ворваться в Украину, просил скорейшей присылки регулярных войск, потому что малороссияне могут изменить и пристать к неприятелю. Вместе с тем снова звали гетмана на соединение с царскими силами. Мазепа отвечал, что показания поляка Улашина не более, как коварные затеи неприятеля, который хочет привести верность гетмана в подозрение у государя и тем посеять в Украине смятение. «Никакого брата Понятовского у меня нет, я о нем не слыхал», — писал гетман. Что касается до требования ехать самому к великороссийскому войску, то Мазепа отговаривался тем, что в малороссийском крае возникли беспорядки от пьяных бродяг, безобразничающих толпами в полках Полтавском, Гадяцком, Прилуцком, Миргородском, Лубенском и Переяславском, и это зло переходит уже в полки: Черниговский, Нежинский и Стародубский, где прежде велось смирнее. Гетман на основании присланных ему донесений сообщал, что появились две шайки разбойников: одна под начальством Перебийноса в числе 800 человек, другая — Молодца в числе 1000. Они своевольствовали, грабили и убивали людей в приднепровском крае и к ним притекали со всех сторон «купы» бродяг, словно вода. Если гетман с войском отдалится в Стародубский полк, то своевольники нападут на городы и встретят себе единомышленников в поспольстве. Полковники и полковые старшины ропщут и говорят, что если их поведут в Стародубщину, то па крайнюю погибель их семейств и на разорение их имуществ, потому что тогда простонародье захочет грабить и убивать честных и богатых людей. Кроме этих причин, гетман указывал на опасность скорого вторжения Станислава в Украину.

Мазепе, естественно, хотелось во что бы то ни стало оставаться с козаками в Украине до того времени, как войдет шведская сила, и тогда внезапно и неожиданно объявить себя на

стороне врагов царя Петра. Но прежде чем шведский король появился с своим войском, от гетмана требовали идти на соединение с великорусскими войсками, чтобы вместе с ними воевать против шведского короля. Там уже никак неудобно было ему сделать крутой поворот на противную сторону, 6 октября, когда Мазепа получил новое-приказание идти с войском на соединение с великороссиянами и самому быть в главной царской квартире, он призвал на совет своих единомышленников и спрашивал, ехать ли ему к великому государю. Старшины закричали: «Нет. Если поедешь, то погубишь и себя, и всю Украину». Тогда Мазепа приказал написать и послал письмо, о котором сказано выше. Но, по замечанию Орлика, Мазепа спрашивал старшин только для вида и испытывал их: он даже наружно показывал перед ними вид готовности ехать по царскому указу, на самом же деле не помышлял о такой поездке: напротив, он опасался, как бы министры не заманили его с тем, чтобы взять его в свои руки, тем более что в Польше, как Мазепу извещали, повсюду носились слухи о его тайном соглашении со Станиславом и о сношениях со шведами.

На посланное 6 октября письмо Мазепа 10 числа того же месяца получил ответ. Царские министры сообщали, что, по совету с фельдмаршалом Шереметевым, они постановили послать царский указ киевскому воеводе князю Дм. Мих. Голицыну, чтоб он с царскими ратными людьми, находившимися в Киеве, и с пристойною артиллерией шел в средину Украины с целью не допускать в малороссийском народе «шатости». Гетман должен послать к нему для той же цели козацкий отряд из разных полков своего регимента, а сам со всем остальным войском немедленно должен идти к Новгород-Северску, расставить свое войско над Десною и сам лично приехать в главную армию для совета с фельдмаршалом. Выставлялась, между прочим, и такая необходимость его прибытия: в народе носились слухи, будто гетман покидает Украину во время неприятельского наступления и гетману следует своим появлением при царском войске рассеять такие слухи. Притом ему известны нравы и местные обычаи народа, и он может наставлять царских министров и военачальников. Своевольства, начавшиеся в Украине, скорее усмирятся, когда народ увидит, что великорусские войска, вместе с козаками, могут их усмирить. Насчет опасности вторжения Станислава министры успокаивали гетмана: слухи, полученные им о Станиславе, неверны; министрам, напротив, подлинно известно, что Станислав находится еще в Мариенбурге и ранее конца октября не выступит из Пруссии.

Страшная тревога волновала душу Мазепы. Он должен был скрываться и каждую минуту находиться в страхе, что вот-вот откроется его коварство, вот-вот министры догадаются. И действительно, кажется, министры уже начинали догадываться, что в поведении гетмана есть что-то зловещее, но никто не смел заявить об этом царю, так как Петр не переставал доверять честности и прямоте своего гетмана. Петр настолько верил в него, что когда ему представили показание Улашина, то он заботился о том, что гетман может этим потревожиться, и писал к Меншикову, чтобы князь повидался с гетманом и утешил его, потому что «бездельники опять своим воровством стали оскорблять его». Чтобы лучше отклонить от государя всякое подозрение на себя, гетман в этом же месяце октябре отправил к Петру войскового асаула Максимовича — одного из своих соумышленников — с просьбою дать указ утвердить и отмежевать земли, скупленные им у помещиков Рыльского уезда, и дозволить населить их пришлыми вольными людьми. Кто бы мог после этого подумать, что этот человек намерен оторваться от царской державы, когда он в этой державе приобретает себе поземельную собственность! Максимович от имени гетмана поднес царю в дар 2000 червонцев, а царь, вероятно, тогда в них нуждался. В то же время Мазепа поздравлял царя с победою при Лесном в красноречиво составленном письме, в котором, по своему обычаю, желал царю «до конца» сокрушить своих врагов. Царь после победы при Лесном находился в Смоленске и по обычаю своему, наблюдаемому после каждой военной удачи, праздновал победу, въезжал в город триумфально, при пушечной пальбе; за ним везли отнятые от неприятеля знамена и пушки; он посылал разные распоряжения на Дон, где князь Долгорукий добивал булавинцев, и на север, где Апраксин расправлялся с шведским генералом Либекером, а 20 октября выехал из Смоленска к войску в Украину.

Надобно было предупредить приезд царя и провести как-нибудь царских министров до тех пор, пока Карл подойдет поближе. Царь требовал во что бы то ни стало, чтобы Мазепа ехал к русским военачальникам на совет: Мазепа отвечал, что исполнит царский указ, хотя бы его

постигла в пути смерть; он поплывет на судне из Салтыковой Девицы вверх по Десне, а потом по Борзне до города Борзны; сухопутьем же, во время осенней колоти, ему ехать невозможно по причине его хирагрических и подагрических припадков. В это время собрал он старшин и сказал:

<Меня зовут в царское войско. Но там у меня есть искренние приятели; они предостерегли моего канцеляриста Болбота, чтобы я не ездил к царскому двору, а паче старался бы охранять и себя, и весь малороссийский народ; пусть бы всяк зарывал в землю все. что есть дорогого, потому что царь, не надеясь от Украины постоянства в случае неприятельского вторжения, хочет устроить что-то недоброе над гетманом и над всем народом». Это сообщалось под большим секретом.

Все это, как впоследствии оказалось, был вымысел, противоположный тому, что происходило на самом деле, — канцеляристу Болботу, напротив, говорили. что царь милостивее к гетману, чем к Меншикову, и не станет слушать никого, кто бы о нем дурно ни говорил. Относительно же совета зарывать в землю все дорогое — совет этот, как мы уже видели, давался и прежде гетманом в предостережение от шведов.

Действительно, царь и его министры показывали заботливость о здоровье гетмана. К нему послали Семена Протасьева с указом, позволяющим ради болезни оставаться при обозе на левой стороне Десны, а за Десну послать по своему рассмотрению легкое войско компанейцев и сердюков. Протасьев увидел гетмана в Борзне, куда он прибыл водою из Салтыковой Девицы.[268] Мазепа лежал в достели, едва говорил и казался уже при смерти, однако он изъявлял готовность идти далее, хотя бы пришлось гроб за собою везти, хвалил министров за то, что указали Голицыну оберегать Украину от народного возмущения. Протасьев, воротившись, говорил Головкину, что гетман, можно сказать, совсем при смерти.

В Борзну, по приглашению умирающего Мазепы, приехал киевский митрополит Иоасаф Кроковский, возвращавшийся из Москвы с своего посвящения, и совершил над ним обряд елеосвящения. Министры и после посещения Протасьева продолжали посылать к нему письма и торопить скорейшим выступлением, а Мазепа в своем письме к Головкину жаловался, что как будто не доверяют его недугу, тогда как на самом деле здоровье его и жизнь в безнадежном состоянии. Головкин в своем ответе уверял гетмана, что он ему вполне верит и сожалеет о его болезни; никакой клеветник не посмеет говорить о гетмане дурно, потому что ему не поверят.

Между тем из письма Орлика мы узнаем, что у гетмана в Борзне происходило вот что.

Уже несколько дней Ломиковский и полковники настаивали, чтобы Мазепа посылал к шведскому королю, Мазепа все откладывал, представляя разные неудобства. Наконец в Борзне, вечером, зовет к себе гетман Орлика и говорит: «Иди к Ломиковскому и к полковникам, пусть решительно скажут, посылать ли к королю или оставить эту посылку». «Я думаю, — говорит в своем письме Орлик, — тогда Мазепа, говоря это, нас испытывал».

Ломиковский и полковники, выслушавши этот запрос, говорили с досадою: «Мы видим у Мазепы „оспалость“ и умедление; сколько раз мы предлагали и просили его об этом; надобно было посылать к королю еще тогда, когда он только доходил до границы, а Мазепа все медлил и через то навел великороссийские войска в Украину на разорение и всенародное кровопролитие; и теперь, когда уже шведы у нас под носом, он неведомо зачем медлит».

Таким образом, гетман довел старшин до того, что они заговорили таким тоном, как будто гневаются на гетмана, зачем он, сообразно их общей воле, не пристает к шведскому королю. Услышавши такие речи от Орлика, он позвал к себе Ломиковского и других соумышленников. «Все это лысый черт Ломиковский мутит», — сказал он.

Когда явились соумышленники, Мазепа принял гневный вид и говорил: «Что это? Вы не советуетесь, а только меня судите! Ах, черт вас побери! Я вот возьму с собою Орлика и поеду ко двору царского величества, а вы себе тут хоть пропадайте!»

Но спустя немного времени он успокоился и уже без гнева спрашивал; «Ну, что же, посылать к королю?» Ему отвечали: «Как же не посылать! Давно бы это надлежало сделать и теперь не надобно откладывать».

---

[268] Ныне местечко Черниговского уезда при р. Десне и Девице.

Тогда Мазепа, как бы соображаясь с тем, что услышал от старшин, приказал позвать Быстрицкого. Это был поляк, управитель у Мазепы в его гетманской Шептаковской волости. Он, как говорят, состоял в каком-то родстве или свойстве с гетманом. Прежде всего Мазепа велел ему перед всеми присягнуть, что он будет хранить в секрете то, что ему поручится. Быстрицкий исполнил это. Тогда Мазепа велел Орлику составить инструкцию к графу Пиперу по-латыни, а своему аптекарю перевести ее на немецкий язык и вместе с латинским подлинником вручил Быстрицкому. Не было ни печати, ни подписи на этой инструкции. От себя лично Мазепа также не посылал никакого письма ни к королю, ни к графу Пиперу. Содержание этой инструкции было таково: гетман поручал Быстрицкому передать свою радость по поводу вступления шведского короля в Украину, просил Карла оказать протекцию гетману войска запорожского и всему народу малороссийскому в деле освобождения от тяжелого московского ига. Он предлагал шведским войскам безопасность и просил скорее прислать к нему наперед вспомогательный отряд для обороны, которому обещал устроить паромы для переправы на Десне у Макошинской пристани.[269]

Мазепа, отправляя Быстрицкого с неподписанною и неприпечатанною инструкцией), не присоединивши к ней собственноручного письма, подвергал Быстрицкого опасности: попавшись в руки русским, быть признанным за одно из тех орудий, какими, по уверению Мазепы, его тайные и явные недоброжелатели много раз старались набросить подозрение на верность гетмана своему государю. Конечно, на это рассчитывал Мазепа, отпуская Быстрицкого с таким недоделанным письменным видом. В истории, писанной Феофаном Прокоповичем, приводится письмо, посланное будто бы гетманом к шведскому королю; но свидетельство Орлика о том, что Мазепа отправил Быстрицкого с неподписанною инструкцией, вероятнее, как известие лица, ближе тогда стоявшего к этому делу. Быть может, однако, письмо, приводимое Феофаном в переводе, составляло смысл инструкции, данной Быстрицкому, т. е. сущность того, что он должен был сказать графу Пиперу от имени своего гетмана.

Отправивши, таким образом, Быстрицкого к шведам, Мазепа в тот же день послал Головкину письмо, в котором извещал, что он уже более десяти дней не ест и не спит и едва жив, только надеется чудотворного облегчения от елеосвящения.

Шведское войско шло по направлению к Стародубу. Главная квартира русской армии была в Погаре. Высланный против неприятеля генерал Инфлянт принужден был отступить. Русские думали, что неприятель попытается овладеть Стародубом, но шведы прошли Стародуб мимо и пошли вправо двумя колоннами, из которых одна была под личным предводительством короля. В ночь с 20 на 21 октября они были в Семеновке[270]; очевидно было, что они направлялись на Новгород-Северск. Русская главная квартира перешла в Гримяч.[271] Русские военачальники решили идти за неприятелем. Меншиков с кавалерией находился между тем на другой стороне — между Стародубом и Черниговом, следил за движением неприятеля и, узнавши, что неприятель поворотил от Стародуба, писал государю, что шведы, вероятно, намереваются удалиться на Волынь, потому что наступающая зима не дозволит им идти далее в Украину. Меншиков послал к Мазепе и просил приехать для совещания, а сам 20 октября остановился со своею кавалерией в Горске.[272] Но вместо Мазепы приехал к Меншикову племянник гетмана Войнаровский и привез от дяди письмо. Мазепа извещал Меншикова, что он при последнем издыхании: от подагры и хирагры приключилась ему эпилепсия; извещая об этом государя, Меншиков изъявлял сожаление о болезни гетмана. Но вместе с тем Меншиков

---

[269] Макошин — село на р. Десне Сосницкого уезда Черниговской губернии.

[270] Ныне село Глуховского уезда при р. Есмани.

[271] Село Стародубского уезда на р. Судости.

[272] Ныне местечко Городненского уезда при р. Снове.

отзывался вообще неодобрительно о козаках, которых гетман по царскому приказанию отправил на службу против шведов.

Действительно, отправленные гетманом впоход полковники, бывшие в соумышлении с гетманом, докладывали ему рапортом. что козаки миргородские, прилуцкие и других полковзаволновались и просят, чтоб их не посылали за Десну, потому что великороссияне причиняют их братии всякого рода обиды и утеснения. Подобное настроение Козаков, показывавшее неприязненные отношения к великороссийскому войску, было тогда на руку Мазепе и могло подавать ему надежды, что Карл найдет себе на Украине союзников.

Быстрицкий, отправившись вместе с шведским пленником, представился шведскому королю в селении Паноровке[273] на пути от Стародуба к Десне. Отпущенный немедленно назад, он не привозил Мазепе ничего писанного, ни устно сообщал, что король обещал быть к Десне 22 числа в пятницу, когда воротился и Быстрицкпй. 23 числа приехал второпях в Борзну Войнаровскнй и объявил, что вслед за ним едет в Борзну сам Меншиков и прибудет к обеденному времени в воскресение. Сам Войнаровский говорил, что убежал от Меншикова тайно, покинувши и свои возы и прислугу, потому что услыхал, как один офицер немецкого проис-хождения говорил другому офицеру: «Помилуй, Господи, этих людей! Завтра они будут в кандалах». «Я не знаю до сих пор, — говорит передающий события тех дней Орлик, — точно ли слышал это Войнаровский пли Мазепа научил его так говорить, чтоб нас всех оболыцать». Но из письма Меншнкова к царю видно, что Меншиков действительно имел тогда намерение посетить Мазепу.

Гетман, получивши известие, что приедет к нему Меншиков. тотчас «порвался как вихорь», по выражению современника, и поспешил в свой Батурин. За ним поехали бывшие при нем старшины. В Батурин прибыл он в субботу уже поздно, последняя ночь, проведенная Мазепою в своей резиденции, пришла в распоряжениях. Нужно было спустить царского полковника Анненкова, и гетман отправил его к Меншикову с письмом, в котором просил прощения своему племяннику Войнаровскому, ускользнувшему тайно от Меншикова, и называл его поступок легкомысленным. Так-то благовидным образом гетман успел удалить из Батурина царского наблюдателя за своими поступками, не смевшего, разумеется, подозревать ничего дурного за Мазепой.

После того гетман поручил Батурин сердюцкому полковнику Чечелу, арматному[274] асаулу Кенигсену, немцу по происхождению, и батуринскому сотнику, по имени Димитрию. С ними военной силы оставлено было в Батурине четыре сердюцких полка (Чечелов, Покотилов, Денисов и Максимов) и часть городовых полков Лубенского, Миргородского и Прилуцкого, которых другая часть уведена была гетманом с собою. Начальные лица, оставляемые в Батурине, уже настроены были к замыслу Мазепы. Гетман наказывал им не сдавать города, если придут русские, отбиваться от них и дождаться шведской помощи; он обнадеживал, что возвратится к ним на выручку скоро и приведет с собою самого шведского короля с его храбрым войском.Утром в воскресенье гетман простился навеки с своим Батурином, переправился через Сейм и в тот же день к вечеру прибыл в Короп[275], переночевал там с 24 на 25 октября и в понедельник 25 числа переправился через Десну у Оболонья.[276] Козаки были уверены, что гетман по царскому указу ведет их против неприятеля. С Мазепою переправилось войско от четырех до пяти тысяч. Другая часть, от пяти до шести тысяч, оставлена была на левом берегу Десны. Так как иные козацкие полки заранее были разосланы на царскую службу в разные места, то вместо тысяч двадцати готовых и вооруженных, как надеялся Карл по

---

[273] Ныне местечко Стародубского уезда при р. Ревке в 26 верстах от Стародуба.

[274] Т. е. пушечному, артиллерийскому.

[275] Ныне заштатный город Кролевецкого уезда при р. Короле.

[276] Ныне местечко Кролевецкого уезда на р. Десне в 38 верстах от Кролевца.

обещаниям от Мазепы, его новый союзник едва мог привесть и четверть обещанного числа. Но и с теми нужно было еще объясняться. Кроме немногих единомышленников, никто ни из старшин, ни из рядовиков не воображал узнать внезапно от своего предводителя, что он ведет их вовсе не на бой с царским неприятелем. После переправы через Десну, двинувшись немного вперед, гетман приказал козакам построиться и начал говорить речь. Тут только гетман объявил своему козачеству, что он ведет его не против короля, а против царя — утеснителя козацкой вольности. Гетман исчислял разные утеснения, которые творил царь на Украине, и как на главное указывал, что он хочет Козаков повернуть в солдаты. Такие слухи давно уже ходили между козаками. Гетман уверял, что, часто беседуя с царем, он выведал все его тайные намерения: хочет он потоптать все вольности и права Украины и ввести московское правительство в крае. Метко было задумано Мазепою затронуть козацкое сердце: боязнь московского правительства и начальствующих лиц великороссийского происхождения вместо туземцев тревожила малороссиян при прежних гетманах и передавалась в поколения.

«Я, — говорил Мазепа, — много раз старался отвратить царя от намерений погибельных для всего народа малороссийского. Но из того не вышло ничего доброго: только я сам подпал его гневу и злобе и не нашел иного способа спасения себе, как обратиться к великодушию шведского короля. Он обязывается уважать наши права и вольности и защищать их против всех тех, которые на них посягают и вперед станут посягать. Братия! Пришла наша пора; воспользуемся представившимся случаем: отомстим москалям за их долговременное насилие над нами, за все совершенные ими жестокости и несправедливости, охраним на будущие времена нашу свободу и права козацкие от их посягательств! Вот когда пришло время свергнуть с себя ненавистное ярмо и сделать нашу Украину страною свободною и ни от кого независимою. Вот к какой будущности я вас всех призываю. Вы, братия, верно достигнете этой цели при вашем мужестве и при содействии шведского короля, который предлагает вам воевать против москалей вместе со шведами».

Речь гетмана прослушана была без ответа. Каждый из не посвященных заранее в замыслы гетмана не смел ему противоречить:каждый думал, что, вероятно, у гетмана есть уже много желающих поступать по его воле, следовательно, открытое противоречие не остановит предприятия, а только может повредить тому, кто станет говорить наперекор предводителю. Поэтому многие, сразу не пожелавшие идти по пути, указываемому гетманом, предпочли, не сопротивляясь ему, улизнуть от него, когда придет удобное время.

Гетман послал обозного Ломиковского и писаря Орлика к начальникам передового шведского поста, состоявшего из двух драгунских полков. Они квартировали в деревне за Орловкою.[277] Командирами были Гьельм и Гилленстиерна. Они были изумлены таким неожиданным появлением. Полковник Гьельм решительно не поверил и подозревал неприятельскую уловку. У него в полку служил капитаном один итальянец, который был прежде в русской службе и знал Мазепу лично. Гьельм послал его к козакам узнать наверное, что это значит. Недолго исполнял свое поручение итальянец; он вернулся быстро и донес полковнику, что сам гетман прибыл с ним.

Гьельм принял Мазепу с честью, подобающею высокому званию главы народа и войска, и гетман оставался у шведских полковников до 28 октября. Между тем полковники немедленно дали знать о всем своему королю, которого главная квартира находилась в Горках[278], над самою Десною.

Король должен был уже ожидать прихода козацкого гетмана, так как о том предварил его Быстрицкий. Но король еще не доверял искренности человека, так долго и верно служившего своему государю, тем более что королю делались известными универсалы гетмана к малороссийскому народу, писанные напоказ русским и потому не выражавшие расположения к шведам. Это-то и было причиной, что король не торопился переходить Десну, тогда как у Мазепы было желание, чтобы король перешел эту реку прежде, чем гетман объявит себя во

[277] Ныне местечко Новгородсеверского уезда при р. Убеди в 37 верстах от Новгород-Северска.

[278] Ныне местечко Новгородсеверского уезда в 10 верстах от Новгород-Северска по дороге в Сосницу.

всеуслышание на его стороне. Вероятно, гетман рассчитывал, что край, лежащий по левую сторону Десны, ему будет более послушен: жители его в этнографическом смысле были коренные малороссияне, и притом этот край присоединен был с остальною Малороссией к московской державе только при Богдане Хмельницком, тогда как правая сторона Десны в давние времена, еще в XV и в XVI веках, составляла достояние Москвы, и жители ее образовывали переходную народность между великороссийскою и малороссийскою. Очень может быть, что такие соображения побуждали гетмана желать, чтобы шведский король скорее перешел Десну, и тогда уже гетман мог прямо открыться с своим замыслом. Карл, по замечанию современников, сомневался, и потому, достигши Десны, заложил свой стан на ее правом берегу.

Пока извещали шведского короля, Мазепа опять созвал своих Козаков и велел им присягнуть, что вступают в союз со шведами для освобождения Украины от московского ига. Но тут только увидал Мазепа, как мало военной силы приходилось ему представить своему союзнику. Осталось у него, по одним известиям, полторы тысячи человек, по другим — несколько сот, — много до тысячи. Все остальные дали тягу, раскусивши в чем дело и что с ними замышляют творить, не спросивши у них предварительно о желании.

Вечером 28 октября Мазепа приехал к шведскому королю. Гетман представился ему на другой день, 29 октября. Около короля находились тогда знатнейшие вельможи и военачальники; между ними были: канцлер граф Пипер, генерал-квартирмейстер Гилленкрок, верховный судья, два генерал-адъютанта и несколько полковников. С Мазепою внесли два знамени его гетманского достоинства — бунчук и булаву. Мазепа произнес перед королем короткую, но складно составленную речь на латинском языке. В этой речи он просил короля оказать козакам покровительство и благодарил Бога за то, что посылает им избавление от царского рабства. В уважение к летам и к подагрическим страданиям гетмана его пригласили сесть. Король беседовал с ним стоя.

Так велась беседа шведского короля с гетманом до полудня. Шведы с любопытством смотрели на Мазепу и слушали его речи. По известию секретаря Карла XII, перед ними был старик 66 лет от роду, среднего телосложения, худощавый, без бороды, но с усами по польскому обычаю. Вообще, он имел вид важный, но временами проявлял проблески веселого и живого нрава, шутил с очень метким остроумием и развеселял слушателей; в речах его замечали большой такт и много ума. Видно было, что он был человек образованный и превосходно владел латинским языком. Карлу он сразу понравился и был приглашен к королевскому столу вместе с ближайшими к нему особами из генеральных старшин. Для прочих Козаков накрыто было два больших стола и, кроме того, некоторых из них пригласили еще обедать к себе граф Пипер и генерал Реншильд.

После обеда король отошел в свои покои, а за ним Мазепа с бунчуком и булавой; в знак своей покорности королевской воле он положил эти знаки к ногам шведского короля. Наконец гетман простился с королем и сел на коня при звуке труб, на которых заиграли его люди.

Пришло известие, что партия царского войска была выслана схватить Мазепу, не допустив его до переправы через Десну, и овладела несколькими экипажами из его обоза, не успевшими переправиться. Король послал в тот же вечер полковника Дельдорфа с шведскою кавалерией и козаками вниз Десны к Оболонью следить за движениями неприятеля и прикрывать левое крыло войска. От 25 до 30 октября шведская главная квартира продолжала находиться в Горках.

29 числа совершился переход царского войска через Десну. Русские, следуя позади шведов, спешили предупредить переход через Десну своих неприятелей, приказавши задним частям войск жечь на покидаемом берегу жилые местности, в том числе Почеп[279] и Погар[280]. Русский главнокомандующий Шереметев долго не подозревал Мазепы и в день своего перехода через Десну писал к нему, убеждая послать универсалы по всей Малороссии, чтобы народ не

[279] Ныне местечко Мглинского уезда при р. Судости.

[280] Ныне заштатный город Стародубского уезда при той же реке.

склонялся на «прелестные» шведские универсалы, распущенные по краю.

Между тем в воскресенье, 24 октября, Меншиков, как обещал посетить лично гетмана, отправился в путь; но доехавши до Мены[281], встретил едущего к нему полковника Анненкова. Тот подал Меншикову письмо от Мазепы и известил, что Мазепа приехал в Батурин. Меншикову не приходилось уже ехать в Борзну, и он сказал Анненкову: «Пошли же скорей нарочного к гетману известить, что я к нему еду». Но вдруг приезжает киевский губернатор, князь Дм. Мих. Голицын, должно быть, он находился где-нибудь вблизи, так как на него возложена была обязанность наблюдать за спокойствием народа в Малороссии Оба военачальника стали догадываться, что происходит что-то недоброе: последние поступки Мазепы заставляли всех, и даже самого царя, призадумываться и приглядываться, хотя ни царь, ни вельможи не решались оскорблять гетмана явными сомнениями.

Меншиков и Голицын переправились в ночь с 24 на 25 число через Десну и быстро покатили в Батурин. В селе Обмачеве, близ Батурина, явился к Меншикову некто Соболевский и объявил за собою слово и дело государево. Его позвали на свидание с Меншиковым в одну сельскую хату.

Он сказал: «Мазепа уехал к шведскому королю, а в Батурине дал приказание, не впускать русских, пока он сам не придет со шведскими силами, если русские придут в большом числе, если же в небольшом, то впустить, но задержать военачальников».

Поразительна была такая весть. Меншиков обошелся ласково с Соболевским, но вполне ему еще не поверил. Оба военачальника поехали далее в Батурин и приехали туда к полудню.

В батуринском подворке оставались русские офицеры и солдаты полка Анненкова. Они объявили, что гетман вчера, в воскресенье, уехал в Короп. Сердюки и батуринские обыватели ушли в замок и заперлись в нем. На стенах стояли вооруженные люди, наведены были пушки. Меншиков отправил Анненкова объясниться с запершимися в осаду.

«Что это значит? — спрашивал Анненков, подъехавши к стенам. — Зачем вы укрепились, будто против неприятеля? Отворите ворота, впустите в город князей и с ними царских ратных людей».

Ему отвечали со стен: «Гетман не велел впускать никого из великороссийских людей, потому что от них делается великое разорение малороссийским людям, и уже немало городов и сел совсем от них пропали».

«Но где же гетман?» — спрашивает Анненков.

Ему отвечали: «Он уехал в Короп, оттуда отправится к царскому войску».

«Злой у них поступок!» — сказали военачальники и отправились в Короп, где надеялись, быть может, застать гетмана.

Доехали они до местечка Новые Млины[282]. Там получили они известие, что Мазепа переправился через Десну под Оболонью.

«Теперь, — сказал Меншиков, — уже ясно, что он отъехал к неприятелю! Вот зачем Войнаровский в прошлую пятницу ночью, не простясь со мною, уехал от меня и с тех пор гетман ко мне не отзывался! Вот зачем, уезжая из Батурина, он никого из русских с собою не взял, а заранее их по сторонам разослал. Иначе нельзя рассуждать о том, как только, что совершенно изменил».

Меншиков отправился в Макошин[283]. Там к нему стали являться сотники и разные козаки из ближних мест, подтверждали известие об отъезде Мазепы к неприятелю, порицали ею поступок и просили ходатайствовать за себя перед царем, так как они вовсе не причастны измене гетмана. Меншиков отправил к царю курьера, извещал о случившемся и подавал совет поскорее «утвердить» простой народ чрез публичное извещение, выставивши на вид все

---

281 Ныне местечко Сосницкого уезда на р. Мене в 21 версте от Сосницы и в 65 — от Чернигова.

282 Ныне местечко Сосницкого уезда при р. Сейме в 15 верстах от Сосницы.

283 Ныне село Сосницкого уезда при р. Десне в 13 верстах от Сосницы.

озлобления и тягости, какие чинились народу во время гетманскогоуправления Мазепы, чтобы таким образом народ не склонялся к его «прелестям». Впрочем, ни между полковыми старшинами, ни в простонародья Меншиков не замечал пока ничего дурного.

Понятно, как была должна поразить царя такая новость; ни для кого она не была так неожиданна, как для него, потому что никто, как он, не был так твердо убежден в прямоте и верности к себе Мазепы. Но никакая неожиданность не могла поразить и потрясти царя Петра; он всегда и везде умел найтись и сообразить, что ему в данное время делать. Он получил письмо утром 27 числа в Погребках, а в следующую ночь послал Меншикову такой ответ:

«Мы получили письмо ваше о не чаянном никогда злом случае измены гетманской с великим удивлением. Надлежит трудиться, как бы тому злу забежать и не допустить войску козацкому переправляться через реку Десну по прелести гетманской: немедленно пошли к тем местам, где они, несколько полков драгун, которые бы им помешали. А полковников и старшину вели сколько возможно ласково призывать и говорить им, чтоб они тотчас ехали сюда для избрания нового гетмана. А буде полковник миргородский где поблизости обретается, то прикажи его, сыскав, к нам прислать, обнадежа его милостию нашею, потому что он великий был неприятель Мазепе. И вы немедленно приезжайте».

Ни царь, ни его близкие советники не знали еще, как отзовется отступление гетмана к шведам на малороссийский народ, и потому первое, за что тогда ухватились, было обращаться с малороссиянами ласково, чтобы расположить их к себе и отвратить от гетмана. Царю малобыли известны внутренние отношения в Гетманщине и оттого в письме к Меншнкову, писанном, так сказать, сгоряча, обращается внимание на миргородского полковника, считавшегося врагом гетмана. Никто не подозревал, что этот мнимый враг был одним из первейших участников замысла Мазепы.

В тот же день написан был манифест: царь извещал все войско козацкое, стоявшее у Десны и по иным местам, а равно и все духовные и мирские чины в Малой России, что гетман Мазепа куда-то безвестно пропал и возникает сомнение, нет ли тут неприятельских «факций». Поэтому вменялось в обязанность всем генеральным старшинам и полковникам ч прочим немедленно ехать в царский обоз для совета, а если бы оказалось, что гетман изменил, то и для выбора нового гетмана. Видно было, что царь до такой степени доверял гетману, что и теперь еще сомневался и нс решался заявить, что гетман изменил. Этот манифест разослан был во многих списках по всем полкам с собственноручною царскою подписью, а на обертке было означено приказание рассылать его от сотни до сотни как можно скорее («пилно, пилно»).

На следующий день явился к царю убежавший из Батурина канцелярист Андрей Кандыба и принес царю несомненное известие: гетман с некоторыми генеральными старшинами и полковниками ушел к шведам, а для защиты и Батурине оставил сердюков и Козаков.

Тогда издан был другой манифест, где уже прямо заявлялось, как вполне известное государю: гетман Мазепа, забыв страх Божий и свое крестное целование, отъехал к неприятелю, шведскому королю, по договору, заключенному прежде с ним и с Лещинским, Дабы при их содействии поработить малороссийский край по-прежнему под польское владение и отдать в унию церкви Божия и славные монастыри. Приглашались все старшины генеральные и полковые съезжаться в город Глухов для выбора нового гетмана вольными голосами, сообразно старинным козацким правам.

29 числа октября царь разослал пригласительные письма к полковникам обеих сторон Днепра и к кошевому атаману в Сечу. Царь убеждал всех их отвращаться от «прелестей» изменника, который имеет замысел поработить малороссийский народ полякам и ввести унию, каждого приглашал в Глухов для выбора гетмана, а тех, которые за отступлением настоящих полковников были наказными, заранее давал обещание произвести в настоящие. Тогда же было послано письмо полковнику Чечелу, начальствовавшему в Батурине. Нимало не показывая тени сомнения в верности Чечела, царь указывал впустить в замок один полк великороссийской пехоты для безопасности от неприятеля и обещал скоро сам лично приехать в Батурин.

Тогда же царь написал об отступлении Мазепы к своим любимцам генералам, находившимся в разных сторонах: к Толстому, к Апраксиным, Шереметеву, Долгоруким и другим. В одном из таких писем, к графу Фед. Матв. Апраксину, царь выражался: «Нужда повелевает явити, что учинил новый Иуда Мазепа, ибо 21 год быв в верности, ныне при гробе

стал изменник и предатель своего народа. Однако ж Бог правосуден, который таким злым никогда исполнить не допускает своего намерения. Понеже как слышим, что житие его кроме Бога было, то надежда в Боге, что себе вящее зло исходатайствует (чему пособит и кровь Самуйлова) нежели тому, кому зла хотел». Так в первый раз вспомнил русский царь о несчастном Самойловиче, тогда как последний уже успел умереть в ссылке и нищете, а его семейство и родные гибли в угоду ласкаемого царем Мазепы, который только теперь показал себя, чем он был на самом деле.

30 октября приехал в Погребки[284] Меншиков, и тогда состоялся военный совет, положивший взять Батурин и, в случае сопротивления, истребить его как главный притон силы, неприязненной царю Малороссии. Ранее Меншикова приехал к Батурину князь Дм. Мих. Голицын и послал в замок царский указ. Бывшие там старшины и товарищи дали такой ответ: «Без нового гетмана мы не пустим в замок москалей, а гетмана выбратьнадлежит общими вольными голосами; теперь же, когда неприятель швед стоит в нашей земле, невозможно выбирать гетмана».

К полудню 31 октября прибыл к Батурину Меншиков с великорусскими силами и послал в замок сотника Андрея Марковича. Замок был отовсюду заперт, ворота засыпаны землею, но сотнику дали возможность туда проникнуть, втащивши его по стене. Сперва Маркович подвергся трепке от мятежной толпы и не без труда добился, чтоб его провели к сердюцкому полковнику Чечелу. Кроме Чечела и Фридриха Кенигсена, арматного асаула, которым Мазепа поручил охрану Батурина, там были в те дни влиятельными лицами: Левон Герцик, бывший полтавский полковник, генеральный асаул Гамалея, реент (делопроизводитель) Мазепиной канцелярии, батуринский сотник и батуринский городничий, Маркович от княжеского имени убеждал отворить ворота и впустить царское войско в Батурин. Ему отвечали: «Этого мы не смеем сделать, потому что гетман не приказал».

«Но гетман ваш изменил, переехал к неприятелю, — представлял им Маркович, — Вы же верные подданные люди государя, а князь Меншиков министр нашего государя, так как же можно вам перед ним затворяться?» Ему отвечали: «Мы не смеем без региментарского приказания, а чтоб наш гетман изменил и отъехал к неприятелю, тому поверить мы никак не можем».

Напрасно сотник уговаривал их не прикидываться незнайками, напрасно представлял им доводы, что в царском войске уже все довольно об этом знают, — все убеждения остались безуспешны.

После полудня царские полководцы стали готовить полки к переправе через реку Сейм: там уже прежде были мосты, но перед приходом царских сил осажденные их разметали. Надобно было наводить is исправлять их, как вдруг из замка выставлено было шесть пушек и направлено на царское войско.

Полки двинуты были по берег ниже и поставлены в строй: неизвестно, находили ли там удобнее строить мосты или переходить реку вброд. Но, увидя движение русского войска, из замка выехали пять человек мазепинцев и кричали через реку: «Не ходите, а если пойдете силою, то станем вас бить».

Из царского войска им закричали: «Пусть придут к нам человека два-три на разговор». Но из Батурина отвечали ругательными криками.

Тогда в двух лодках предводители переправили 50 гренадеров на другой берег, и тотчас те батуринцы, которые были высланы из замка с пушками, «с великою тревогою» побежали в город, а русские свободно стали направлять мосты, с тем чтобы перебраться через реку ночью. «Ни малейшей склонности к добру у них не является, и все говорят, что хотят до последнего человека все держаться», — писал Меншиков в донесении своем царю вечером 31 октября.

Наступила ночь. Меншиков помещался в хате, в поселке, находившемся за рекою. Тут явились к нему депутаты из Батурина: они уверяли, что если бы в самом деле гетман изменил государю, то они остаются в прежней верности и готовы впустить царские военные силы в батуринский замок, только просили дать им на размышление три дня сроку. Меншиков понял,

---

284 Ныне село Новгородсеверского уезда при р. Десне.

что это говорилось «с звычайною политикою» и батуринцы думают выиграть время, пока успеют шведы явиться к ним на выручку. «Довольно с вас времени намыслиться одной ночи до утра», — сказал им Ментиков. Депутаты ушли, дожидаясь, впрочем, письменного ответа.

Наступило утро. Не получивши письменного ответа, батуринцы стали палить из пушек, и в это время вспыхнул пожар на подворке. иначе на посаде. Это показывало, что, собираясь защищаться и согнавши жителей в замок, мазепинцы готовы стоять до последней капли крови и истребляют жилища около замка, чтобы не дать своим неприятелям там пристанища. Ментиков в виде ответа на их письмо, принесенное ночью, послал к ним письменное предложение. Письмо послано было с каким-то Зажарским. Батуринцы впустили его в замок, собрали раду и хотели читать письмо Меншикова, но тут раздались резкие крики: «Некогда чинить нам отповеди». Против самого Зажарского возбудилась такая злоба. что его чуть-чуть не растерзали в куски, однако удержались от убийства и только выгнали с таким единогласным решительным ответом: «Все здесь помрем, а президиума не пустим».

В ночь на 2 ноября все изменилось. В батуринском замке между козаками была часть Прилуцкого полка; один из полковых старшин, Иван Нос, явился к Меншикову и указал ему тайный способ добыть Батурин. По преданию. Нос указал в батуринской стене незаметную ни для кого калитку, через которую возможно было во время ночи гуськом царским людям проникнуть в замок. Меншиков отрядил туда солдат. Тайный вход был открыт; за первыми, туда вошедшими, последовали другие, а с другой стороны был начат приступ, и батуринцы, отбивавшись в продолжение двух часов, наконец сдались. Осталось еще предание, что когда в Батурине услыхали, что тайный вход открыт, туда поспешила горсть осажденных, предводительствуемая диаконом, с которым неразлучно находилась сто дочь-девица. И отец и дочь погибли в сече.

Петр получил известие о взятии Батурина, находясь уже в Воронеже[285]. Он был чрезвычайно доволен, немедленно благодарил письменно Меншикова и отдавал судьбу взятого города на волю и благоусмотрение победителя: если найдет, что Батурин может отстояться от неприятеля, то оставить в нем гарнизон, в противном случае сжечь его и всю артиллерию постараться скорее увезти оттуда, а также взять с собою булаву, знамена и всю гетманскую канцелярию.

Тогда Батурин был сожжен. Жители от мала до велика подверглись поголовному истреблению, исключая начальных лиц, которых пощадили для казни. Впрочем, многие успели уйти заранее и остаться целыми. Это видно из того, что впоследствии возвращались в Батурин многие обыватели на свои места. Кенигсен, тяжело раненный, думал скрыться, но был схвачен. Чечел успел убежать, но в одном ближайшем селении его узнали козаки и выдали Меншикову. Общие свидетельства единогласно говорят, что над жителями Батурина совершено было самое варварское истребление. Сам Меншиков не писал о том к царю, предоставляя сообщить ему обо всем изустно.

Весть о судьбе гетманской столицы произвела страшный переполох в малороссийском крае. Жители окрестных городков и сел покидали свои жилища, бежали без цели, сами не зная куда, раздавались отчаянные крики: «Москва неистовствует, Москва весь Батурин разорила, всех тамошних людей перебила и малых деток не пожалела!», «Ой, не зарекаймось, братце, в московской крови по колена бродить!» — восклицали в запальчивости слышавшие об этом козаки, а когда кто-нибудь, подслушавши подобные речи, и замечал, что так говорить непристойно, на того накидывались, как на изменника, били, трепали, даже связывали и запирали в погреба. Один из таких, ушедши из рук ревностных патриотов, доносил о том Меншикову, но тот, кого обвиняли, указывал на доносчика, что его сажали в тюрьму за пьянство и буйство, и он теперь в отместку вздумал доносить на других. Впрочем, такие порывы народного негодования скоро улеглись и не принесли большой пользы делу Мазепы.

Отправляясь после своего военного подвига к царю в Глухов, Меншиков, уничтоживши прежде несколько тяжелых пушек, вез с собою часть артиллерии, знаки гетманского

---

[285] Ныне большое местечко Глуховского уезда при р. Осаке, в 34 верстах от Глухова, на дороге в Новгород-Северск.

достоинства и скованных старшин, из которых один Кенигсен не был довезен до Глухова и умер в Конотопе, где над его трупом совершена была казнь колесования, ожидавшая его живым в Глухове.

После присоединения Мазепы к шведам главная квартира шведская переведена была в Дехтеревку[286], за четыре версты ниже Горок, по течению Десны. Оттуда Мазепа отправил письмо к стародубскому полковнику Скоропадскому. Гетман выставлял причины, побудившие его сделать настоящий шаг: издавна враждебная власть московская в последнее время возымела намерение отобрать в свою область малороссийские города, ограбить и выгнать из них обывателей и наполнить их своими войсками. Так поступали москали не только в полках Стародубском, Черниговском и Нежинском, под лживым предлогом будто делают так ради наступления шведов, но и в других, более отдаленных полках, где шведов никак не ожидали. «Нас предостерегли по секрету приятели, что москали хотят прибрать в свои руки гетмана, генеральных старшин, полковников и запровадить в тиранскую неволю, затем всех коза-ков обратить в драгуны, изгладить совершенно со света имя запорожское и поработить навеки весь малороссийский народ». С этой целью Меншиков и Голицын заманивали гетмана в московский обоз. Но гетман, с согласия генеральных особ, полковников и всех старшин войска запорожского, прибегнул к покровительству шведского короля в надежде, что он оборонит малороссийскую их отчизну от тиранского московского ига и не только возвратит козакам отнятые права и вольности, но еще умножит и расширит их, и в этом король дал свое слово и письменное удостоверение. Гетман убеждал Скоропадского в согласии с полковниками переяславским и нежинским искоренить московский гарнизон в Стародубе, а если у него к тому не хватит сил и способа, то убегать в Батурин, стараясь не попасться к московскую неволю. Шведские историки говорят, что стародубский полковник прежде был единомышленником Мазепы в замысле отступить к шведам, но потом отстал от замысла после неудач, понесенных генералом Либекером под Петербургом и стал соображать, что счастие может изменить шведам. В официальных источниках того времени нет черт, которые бы подтверждали шведское известие, но обращение Мазепы к Скоропадскому показывает возможную до некоторой степени справедливость такого известия. Какие побуждения ни руководили бы Скоропадским, но он не сделал никакого шага по желанию гетмана да едва ли бы и мог сделать, если бы на то покусился, будучи со всех сторон окружен великорусскими военными силами.

31 октября шведский король подвинулся еще ниже по Десне к селу Игнатовке[287] и в сопровождении генералов, принца Виртембергского. своего родственника, Аксель-Спарре и своей гвардии наметил место, удобное для переправы через Десну близ села Мезина[288]. Переправа совершилась 4 и 5 ноября, и притом с большим трудом. Русское войско берегло противоположный берег и устроило батареи, с которых палили на готовившихся переходить реку. Это побудило шведов начать переправу там, где русские никак не могли ожидать ее, в месте неудобном. Берег был крут; солдаты и офицеры должны были сползать, а лошадей стаскивать веревками. У подошвы берега, близ реки, шведы наскоро нарубили деревьев, наделали колод, связывали их веревками и на таких плотах переправлялись на другой берег. Первым очутился там отряд генерал-майора Стакельберга, пробиваясь сквозь ряды русских и холодным, и огнестрельным оружием. Установленные на крутом берегу 12 шведских орудий между тем осыпали русских картечью. Это заставило русских отступить, и тогда шведы построили два моста, через которые уже свободно переправилось все их войско. Во время этой переправы Мазепа находился близ короля. 5 ноября день был холодный. Король Карл XII, по своему всегдашнему обычаю, был одет очень легко. Гетман заметил ему: «Вы, государь, надеетесь на свою молодость. Я понимаю, в молодости есть огонь, который греет, но он с

---

286 Ныне село Новгородсеверского уезда в 14 верстах от Новгород-Северска.

287 Ныне село Кролевецкого уезда при р. Десне.

288 Ныне село Кролевецкого уезда при р. Десне.

летами проходит. И мне когда-то холод был нипочем, а теперь вот, как пришла старость, так нелишнею оказывается и шуба. Ваше величество вынесли уже долговременную войну, от которой немало потерпело и ваше государство, и ваши подданные. Настоящая война может еще затянуться на многие годы. Вашему величеству необходимо сохранять свое здоровье, чтоб вы могли жить еще долгое время для счастия ваших подданных, тогда как Бог пошлет мир».

Карл отвечал: «Не привык я к мехам и никогда их не носил». Однако Мазепа на другой день представил королю в дар несколько черных лисиц дорогой цены. Король, думая, что это подносится от искреннего сердца, принял дар и приказал подбить себе мехами сюртук. Но скоро до короля дошел слух, что в его войске какой-то весельчак сказал: «С чего это наш король так потолстел?» Карл сбросил с себя обновку и уже никогда не надевал меховых одежд.

Главная квартира русского главнокомандующего находилась в Чартории[289]. К Шереметеву приехал тогда князь Федор Юрьевич Ромодановский — страшный человек своего времени, начальствовавший Преображенским приказом, где, как известно, производились ужасающие пытки. Он был так поражен новостью об измене Мазепы, что впал в бесчувственное состояние и потом разразился ругательствами.

Глава четырнадцатая

Нерасположение малороссийского народа к замыслу Мазепы. — Избрание в гетманы Скоропадского. — Проклятие Мазепы. — Царский манифест к малороссийскому народу. — Царские милости. — Движения шведского войска после перехода через Десну. — Мазепа в Бахмаче. — Универсал Мазепы к народу. — Универсал Скоропадского к народу. — Стан шведского короля в Ромнах. — Поход Мазепы к Гадячу. — Универсалы Карла XII к малороссиянам. — Верность малороссиян к царю. — Миргородский полковник Апостол. — Кгалаган. — Ответ Мазепе от канцлера Головкина. — Коварство Мазепы. — Перехваченное письмо к Лещинскому. — Недоверие шведов к казакам. — Поход короля Карла и Мазепы к Веприку. — Жестокая стуже. — Взятие Ромен русскими. — Взятие Веприка шведами. — Занятие шведами Зенькова. — Поход Карла и Мазепы, в Слободскую Украину. — Сражение под Красным Кутом. — Возвращение. — Внезапная распутица. — Успехи русских в Прилуках и в Рашевке. — Изгнание шведов из Лохвицы. — Главная квартира шведов в Великих Будищах. — Царские милости семейству Кочубея и другим.

Отступление Мазепы от царя ни в каком случае не могло увлечь но тому же пути малороссийского народа, в особенности когда великороссийское войско, с самим царем во главе, находилось в пределах Гетманщины. Правда, малороссияне показывали часто недовольство царскими служилыми людьми, тем более в военное тяжелое время, когда последние, иногда и сами того не хотя, обращались с туземцами сурово по этому поводу во всем малороссийском крае раздавались резкие и враждебные крики против «московского панованя». Но тут очень ошибся бы, кто по этим крикам заключал бы, что народ пристанет ко всякой иноземной силе, которая станет разжигать его против московской власти. Факты, возбуждавшие в народе нерасположение к. москалям, не были еще ни столько многочисленны, ни столько сами по себе сильны, чтобы образовать в народе такую вражду, какая могла бы сплотить его ко всеобщему восстанию, а руководители к такому восстанию не имели в народе столько любви, чтоб увлечь его. Гетман Мазепа до сих пор главным образом держался только могуществом московской власти; для малороссиян это был польский пан, передавшийся на московскую сторону, но оставшийся навсегда с польскими панскими приемами: всегда было огромное число таких, которые были бы рады, если бы только узнали, что царь его сменяет. Великорусские ратные люди с полковником Анненковым постоянно берегли его особу, и гости, посещавшие Гетманщину, замечали, что если бы не эти охранители, то малороссияне скоро бы избавились от своего гетмана. Если в народе малороссийском, как доносил постоянно Мазепа, и

[289] Ныне село Глуховского уезда при р. Сливке в 15 верстах от Глухова.

была наклонность к мятежам и переворотам, то уж никак не в духе Мазепы. Народ при удобном случае мог до некоторой степени поддаться подущениям запорожцев и неразлучных с ними «гультаев», т. е. непосидячих бродяг, искавших сами не зная чего, — мог печать истреблять панов и орандарей с неясными и неосмысленными желаниями всеобщего окозачения; но это стремление, легко притом укротимое, как показало дело Петрика, никак не могло подготовить народ к тому, чтобы теперь идти за Мазепой. Против такого стремления до сих пор постоянно вооружался Мазепа и в этом случае действовал в согласии с московскою властью. Если бы теперь он и стал вторить народным инстинктам, то ему бы меньше, чем кому-нибудь иному, поверили. Но уж никак не должен был надеяться на народное сочувствие гетман, опиравшийся на вступившую в пределы Гетманщины иноземную шведскую силу, которой народ почти вовсе не знал, и на поляков, которых народ из поколения в поколение привык ненавидеть.

При таком настроении народных умов и чувствований неудивительно, что как только стало известным, что Мазепа отступил к шведской стороне, неприязненной царю, так тотчас же последовали челобитные, заявлявшие о преданности малороссиян московскому престолу, и притом не только из того края, где уже находились великороссийские ратные силы, но и из таких полков, где их еще не было, — следовательно, нельзя признавать их только действием страха. 5 ноября пришли к царю челобитные из Прилук, Лубен, городов — Лохвицы, Новгород-Северска, из сотен полков Прилуцкого (Варвинской, Сребненской, Иченской), Лубенского и Миргородского, — тех полков, откуда полковники ушли с Мазепою, — все в одном духе, с обещанием верной службы царю.

1 ноября в Богдановке[290] явились по призыву царской грамоты к государю полковники: стародубский — Скоропадский, черниговский — Полуботок и наказные: переяславский — Тамара и нежинский — Жураховский. Каждый приходил с кружком сотников и войсковых товарищей своего полка. Петр местом выбора назначил Глухов и поручил открыть избирательную раду ближнему царскому боярину, князю Григ. Фед. Долгорукому, при котором должен был находиться дьяк Посольского приказа Родостамов с двумя подьячими. Царь для безопасности в пути придал им белозерский драгунский полк. Все делалось по старым обычаям, с теми приемами, какие всегда соблюдались при выборе гетмана.

3 ноября все прибыли в Глухов. Сотник Туранский встречал их как хозяин места, куда они прибывали. Вечером в этот же день полковники и прочие начальные лица были у князя Долгорукого и обменялись с ним взаимными предположениями о выборе. На другой день, 4 ноября, прибыл туда и сам государь.

Князь Долгорукий, поговоривши таким образом с полковниками. сообщил царю, что достойнейшими получить гетманский сан козаки считают двух полковников: черниговского и стародубского. «Полуботок очень хитр, — сказал Петр, — с него может выйти другой Мазепа. Лучше пусть выберут Скоропадского». Обстоятельства были таковы, что при малочисленности участников выбор вольными голосами мог считаться только для вида, а на самом деле гетманом должен стать тот, на кого укажет государь.

5 ноября совершено было отрешение Мазепы от гетманства. Оно совершилось театральным способом. Устроен был эшафот, на нем воздвигнута виселица; взнесли на эшафот куклу, изображавшую Мазепу в андреевской ленте. Затем взошли на возвышение Меншиков и Головкин и разодрали патент на звание кавалера. Потом прочитано было длинное писание, где излагались благодеяния Петра, долговременная доверенность государя к гетману и неблагодарность последнего. Вслед за тем сорвали с куклы андреевскую ленту, палач зацепил куклу веревкою и повесил на виселице. Такая казнь над отсутствующим врагом была в духе того времени. Почти около того же времени, по поводу политической вражды между Францией и Англией, во Франции подобным способом творили поругание над изображением английского короля Вильгельма III, а в Лондоне над изображением Людовика XIV.

Ввечеру 5 числа полковники, призванные один по одному к Долгорукому, объявили, что во всем будут поступать по произволению царскому.

Рада совершилась 6 ноября. После литургии и молебна в церкви Св. Троицы все вышли на

---

[290] Ныне село Новгородсеверского уезда при р. Шостке в 15 верстах от Новгород-Северска и в 3 — от Десны.

улицу, где уже стояла толпа Козаков и посполитых. Князь Григорий Федорович проговорил к ним вступительную речь, а посольский дьяк Родостамов, взошедши на стол, прочитал с этого возвышения царскую грамоту.

«Теперь, — сказал князь Долгорукий, — по древнему вашему обыкновению пусть все войско малороссийское и народ, съехавшийся на избрание гетмана, подают голоса, кому быть гетманом».

Он отошел. Должно было произойти совещание. Но все уже было решено заранее.

«Быть гетманом стародубскому полковнику Ивану Ильичу Скоропадскому! — провозгласили начальные люди. — Понеже он человек есть царскому величеству верный и в войске малороссийском заслуженный и в делах искусный».

«Я стар, — отвечал Скоропадский. — Я не могу снести такого тягостного уряда. Гетманом быть следует человеку молодому и заслуженному. Изберите черниговского полковника Полуботка».

Большинство Козаков действительно расположено было тогда избрать Полуботка. Его все любили. Полуботок притом был всегда верен царю, не приставал к замыслу Мазепы, да и сам Мазепа не решился бы открывать ему своего замысла: прежние отношения гетмана к нему, а еще более к его родителю Леонтию, никак не могли подготовить в нем друга Мазепе. Но царь, заранее предуведомленный, что найдутся желающие избрать в гетманы Павла Полуботка, уже заявил, что его не желает. Старшины, зная это. предупредили дальнейшие толки, еще раз провозгласили имя Скоропадского, схватили его под руки и поставили на стол, с которого перед тем посольский дьяк читал царскую грамоту. Скоропадский еще раз кланялся, говорил, что недостоин такой чести. «Нет, нет, — кричали старшины, — ты достоин! Ты — старый и верный слуга царского пресветлого величества». Затем все ему кланялись и поздравляли с возведением в гетманское достоинство.

Тогда князь Долгорукий по принятому уже прежде обычаю вручил новоизбранному гетману один за другим клейноты: бунчук, знамя, булаву, царскую грамоту и печать малороссийского края, сделанную по образцу печати, употреблявшейся прежними гетманами. По окончании этого обряда все пошли в церковь. Там после эктении, в которой за именем царя помянули имя нового гетмана, Скоропадский присягал по присяжному листу, выданному из посольского приказа. В этой присяге, кроме обычного обещания верности, гетман обязывался не водить пересылки и сообщения с царскими неприятелями, особливо с бывшим гетманом Мазепою, и доносить царю о всякой шатости и склонности к сношениям с неприятелями в малороссийском народе. Произнесением присяги руководил глуховский протопоп Борзаковский. Полковники с своими полковыми старшинами стояли тут же, но сами присягнули уже после, 9 ноября, когда к ним присоединился приехавший на избирательную раду наказной лубенский полковник Василий Савич с своими полковыми старшинами.

Во время рады царь находился в помещении Меншикова. С царем были фельдмаршал Шереметев и канцлер Головкин Новоизбранный гетман с полковниками и полковыми старшинами явился к царю на поклон. Царь поздравил его, а за царем поздравили и вельможи. Гетман отправился от царя с почетом, в карете, запряженной шестью лошадьми, в сопровождении князя Долгорукого. В тот день был у гетмана обед и к столу его приглашены были полковники и полковые старшины. Целый день происходила стрельба, а народу разбрасывались от новоизбранного гетмана деньги в бумажных свертках от семи алтын до гривны в каждом свертке. Едва уехал от царя новоизбранный гетман, как явился приехавший на избрание черниговский архиепископ Иоанн Максимович, поднес государю образ Пресвятой Богородицы Черниговской и был со всеми своими духовными допущен к руке государевой, а потом отправился к себе на подворье.

Царь, ближние вельможи и походная канцелярия оставались в Глухове несколько дней. 11 ноября приехали туда с своим духовенством киевский митрополит Иоасаф Кроковский и переяславский епископ Захария Корнилович. 12 ноября в той же Троицкой церкви, где происходила присяга гетмана, после литургии в присутствии царя, вельмож и малороссийских чинов служился молебен, а после молебна духовными властями провозглашена была анафема и вечное проклятие вору и изменнику Мазепе. Новгородсеверский протопоп Афанасий Заруцкпй говорил проповедь, о которой пространно вспоминал прежде бывших изменников и оправдывал

проклятие, наложенное на Мазепу. Малороссийские архиереи, черниговский и переяславский, издали от себя пастырское послание к народу о предании Мазепы проклятию и увещевали повиноваться новоизбранному гетману Скоропадскому. В тот же самый день, по заранее сообщенному царскому распоряжению. в московском Успенском соборе после литургии в присутствии царевича Алексея Петровича и царских вельмож духовные власти произнесли анафему над Мазепою. Митрополит рязанский, блюститель патриаршего престола, Стефан Яворский произнес поучение, сообразное настоящему событию, помянул с похвалою прежние доблести и добродетели Мазепы, потом порицал его измену и, заканчивая свою речь, сказал: «Нам, собранным во имя Господа Бога Иисуса Христа и святых апостолов, дано от самого Бога вязати и решити, и аще что свяжем на земли, будет связано и на небеси! Изменник Иван Мазепа, за клятвопреступление и за измену великому государю, анафема!» Он провозгласил эти слова три раза. Все остальные архиереи за ним возгласили трижды: «Анафема, анафема, анафема, буди проклят».

Во время пребывания своего в Глухове царь издал два манифеста к малороссийскому народу. В одном, от 9 ноября, он увещевал всех малороссиян не верить «прелестным» универсалам врагов, старающихся уверить народ, будто московская власть нарушает права и вольности. «Можем непостыдно сказать, что нет ни одного народа под солнцем, который бы похвалился такою свободою и льготами, как малороссийский, так как во всем малороссийском крае мы не берем ни единого пенязя в казну». Объявлялась денежная награда за каждого пойманного и приведенного шведского пленника, сообразно чину его: за генерала — 2000 рублей, за полковника — тысячу, за прочих офицеров — менее, по их чинам, а за рядового — по пяти рублей; за убиение же каждого неприятельского воина — по три рубля. Под страхом смертной казни запрещалось привозить неприятелю па продажу всякие припасы. Царь убеждал народ из сел и деревень скрывать свои семьи и пожитки. Списки с этого манифеста приказано прибить по городским ратушам и по приходским церквам и, сверх того, прочитывать их народу. Другим манифестом, от 10 ноября, царь убеждал всех тех, которые «изменою вора Мазепы заведены были и неприятельские руки», отлучиться от него и вернуться к верной службе своего государя. Объявлялось прощение тем, которые знали о злом намерении Мазепы, «но не доносили, опасаясь его власти, и потому были с ним в согласии». Им давалось срока один месяц со дня 10 ноября. Если в течение этого срока они явятся, то им обещалось сохранение чинов и маетностей их без всякого умаления, в противном случае они будут объявлены царскими изменниками, лишатся чинов, урядов и маетностей, которые отдадутся другим лицам, верным государю, жены и дети изменников будут посланы в ссылку, а всякий из таких изменников, когда будет пойман, подвергнется смертной казни.

Пребывая в Глухове, царь оказал милости тем, которые показали свою верность во время измены Мазепы. 14 ноября наказные полковники получили звание настоящих полковников и жалованные грамоты на разные села и маетности; Ивану Носу, получившему прилуцкое полковничество, дана похвальная грамота за содействие при взятии Батурина. Щедрее всех был тогда наделен черниговский полковник Полуботок; ему пожалованы маетности шурина его, бывшего гадяцкого полковника Михаила Василевича, которого когда-то так настойчиво преследовал Мазепа, и, кроме того, богатые маетности в Черниговском полку, — все это за верность к царю, как выражено в жалованной грамоте.

Переправившись через Десну, шведы сразу увидали, что народ не расположен принимать их как своих избавителей; напротив, все сельские жители разбегались при появлении незваных гостей. Исключение было, неизвестно почему, в одной Атюше[291], где их встретили с хлебом-солью. 12 ноября переправились шведы через Сейм близ Батурина. Страшное зрелище представила им тогда гетманская резиденция, где Мазепа еще недавно надеялся принимать своих союзников и благодетелей. Все превратилось в безобразную кучу угля и щебня; воздух был испорчен испарениями от гниющих и полуобгорелых человеческих и скотских трупов, так что от смрада дышать было невозможно. Король остановился на несколько дней в

[291] Село Кролевецкого уезда в 30 верстах от Кролевца.

Городище[292]. На Мазепу вид Батурина произвел потрясающее впечатление. Он стал жалеть, что ударился в такой замысел, который, как ему теперь стало казаться, не будет иметь успеха. «О, злые и несчастные наши початки, — говорил он своему писарю. — Вижу, что Бог не благословил мое намерение! Но Бог мне свидетель, не желал я христианского кровопролития, а замышлял так: прибуду в Батурин с королем шведским и оттуда напишу к царскому величеству благодарственное письмо за его протекцию, да в нем же пропишу все наши прежние и теперешние обиды, отнятие прав и вольностей, крайнее разорение и приготовленную пагубу всему нашему народу, а на конец приложу, что мы, как добровольно ради единого восточного православия отдались под царскую руку, так и теперь, будучи свободным народом, добровольно отходим, благодарствуем царскому величеству за протекцию, не хотим рук наших простирать на кровопролитие и будем ожидать под протекциею шведского короля совершенного нашего освобождения. Я надеялся получить свободу не войною, а миром, через трактат; я думал всякими способами склонить шведского короля к такому миру с царским величеством. Но теперь все пойдет иначе: Украина, устрашенная судьбою Батурина, будет бояться держаться с нами заодно». Конечно, не одно разорение Батурина растревожило Мазепу: он слышал отовсюду, и ему самому в значительной степени стало ясно, что народ не туда обращается, куда он думал обратить его. Даже и между единомышленниками, приставшими разом с ним к шведам, он стал замечать колебание, особенно после манифеста Петра, где царь обещал прощение и сохранение чинов и маетностей всем тем, кто захочет обратиться от неприятеля к законному государю. Это побудило Мазепу пригласить всех их в свою Поросючку под Бахмачем, где уцелел его дворец от разорения, постигшего Гончаровку под Батурином. Там Мазепа устроил с ними совет и взаимную присягу на Евангелии. Мазепа клялся, что не ради своих «приватных выгод, а в виду добра отчизны — Украины и всего Войска Запорожского» он принял протекцию шведского короля. Бывшие тогда с ним старшины, полковники, сотники и знатные войсковые товарищи присягнули оставаться верными гетману и надеяться на протекцию шведского короля. С их совета Мазепа разослал по разным сторонам универсалы, где излагал причины, побудившие его отступить от царя и искать покровительства шведского короля. Причины к такому поступку нам известны по опровержениям, написанным против них в универсале Скоропадского от 8 декабря. Мазепа писал, что Москва, издавна ненавистная малороссийскому народу, постоянно замышляла приводить его к погибели, а в последнее время хотела, опустошивши города, села, выгонять малороссиян на селитьбу в Московщину: благоприятели, бывшие при царском дворе, предостерегли гетмана о таких намерениях, иначе его взяли бы в неволю со всеми генеральными старшинами, Козаков обратили бы в драгуны, все поспольство перевели за Волгу, а малороссийский край заселили бы своими великороссийскими людьми. Мазепа выставлял вступление в Украину Меншикова и Голицына дурным замыслом над малороссиянами, хотя всем генеральным старшинам и полковникам хорошо было известно, что такое вступление великороссийских войск совершилось по его же ходатайству, для предотвращения бунтов, о которых он доносил правительству ложно, как выражается в своем универсале Скоропадский. Вдобавок в числе причин приводил Мазепа и то, что шведы одерживали успехи над царскими войсками, а последние бежали. Собственно говоря, это последнее, т. е. вера в могущество шведского короля и в слабость московской державы пред победоносным северным героем и было настоящею и единственною причиною измены: Мазепа привык всю жизнь соразмерять свои поступки с тем, что казалось ему выгодно в данную минуту, и здесь остался верен самому себе. Нетрудно было Скоропадскому опровергнуть обвинения против царя и великороссиян вообще: самые близкие к Мазепе люди не верили в правдивость того, что он тогда выдумывал.

Не ограничиваясь общими универсалами, рассылаемыми через своих агентов повсюду, Мазепа посылал особые письма к начальствующим лицам. Полковник полтавский Левенец, которого долго подозревали в склонности к замыслам Мазепы, отвечая канцлеру Головкину на его приглашение прибыть в Глухов, препроводил к нему Мазепины письма, но не успел схватить того, кто их привозил. В письме, посланном к запорожцам, Мазепа уверял, что пере

[292] Село Конотопского уезда при р. Дочи в 28 верстах от Конотопа.

дался шведскому королю ради защиты Украины от Московской тирании, и убеждал запорожцев пристать к нему и постараться искоренить построенные близ Сечи Московские городки.

Нежин находился во власти великорусского войска; крепость нежинская была пунктом власти царской над окрестным краем, и Головкин туда велел отправить жену Мазепина управителя Быстрицкого, схваченную на дороге. Нежинский полковник Жураховский был на царской стороне. Желая удержать за собою Нежинский полк, Мазепа писал к веркеевскому[293] сотнику, побуждая его и Козаков не слушаться московских указов и обещая скорую помощь от шведов.

И полковники, шедшие со шведским войском, рассылали от себя универсалы, возбуждая к принятию Мазепина замысла. Так, миргородский полковник Апостол 16 ноября из Красного Колядина[294] писал к своего полка обозному Онисимовичу, извещал, что шведские войска расставляются от Борзны до Ромна, сам король будет иметь пребывание в Ромне, а обозный с полковым судьею и со всеми сотниками должен спешить на поклон к гетману; тех же, которые будут шататься с грамотами царя и нового гетмана Скоропадского, велено ловить и приводить в шведский стан.

16 ноября шведский король выступил из Городищ на Голенки, откуда послал генерала Лимрота к шедшим позади своим войскам, но козаки напали на него на дороге и убили, вдобавок поиздевавшись над ним и над сопровождавшими его шведами, так что один только шведский воин, сам раненный смертельно, был в состоянии сообщить королю об этом весть. Это было, так сказать, первое заявление тех чувствований, с какими готовились малороссияне принимать своих освободителей шведов.

17 ноября король был в Дмитровке[295], а 18 — в Ромне[296]. На другой день, 19 ноября, Мазепа отправился к Гадячу с отрядом шведов под командой полковника Дальдорфа. Они овладели городом беспрепятственно. Мазепа оставил при Дальдорфе часть своих Козаков, сделал некоторые необходимые распоряжения об укреплении городка и отправился снова в Ромен, чтобы находиться при короле.

Шведская армия расположилась от Ромна и Гадяча до Лохвицы и Прилук на расстоянии десяти и двенадцати миль вокруг. Край этот был довольно заселен, сел и хуторов было много, и вначале все обещало шведам большое изобилие; только малороссияне на первых же порах стали относиться к ним так, что шведы начали сомневаться, едва ли в этом крае будут они желанными гостьми. Так, в городке Смелом[297] жители ни за что не хотели впустить шведов, которым отводились там квартиры, и в виду их впустили отряд русского войска генерала Рена. После сражения, которое было довольно кровопролитно, и два шведских полка потерпели поражение, Рен скоро удалился, а король послал жечь Смелое. Русские войска расположены были на рубеже Гетманщины и Слободской Украины. Царь был в Лебедине. Меншиков — в Хоружевке[298]. В средине Гетманщины оставалось два отряда царских войск: один — в Миргороде, другой — в Нежине.

Король распускал по Украине свои универсалы, в которых уверял, что пришел избавить малороссиян от московского владычества, и убеждал народ повиноваться гетману Мазепе, так

---

[293] Веркеевка — ныне большое местечко Нежинского уезда в 12 верстах от Нежина на почтовой дороге в Чернигов.

[294] Ныне село Конотопского уезда в 29 верстах от Конотопа при р. Зарукавной.

[295] Ныне село Конотопского уезда при р. Ромне, в 44 верстах от Конотопа, на Либаво-Роменской железной дороге.

[296] Ромен, иначе Ромны, — город Полтавской губернии.

[297] Ныне большое местечко Роменского уезда при р. Бышкине в 25 верстах от Ромна.

[298] Ныне село Роменского уезда при р. Гусе в 35 верстах от Ромна.

как он вступил в союз со шведами не по легкомыслию и не ради собственной корысти, а из желания освободить свое отечество, и притом по настоятельному прошению и желанию первенствующих в народе лиц. Такой универсал, составленный в подлиннике по-латыни Гермелином и переведенный по-малорусски каким-нибудь мазепинцем (вероятно. Орликом), повторялся дважды и возбудил с противной стороны царскийманифест, в котором опровергались обвинения, взводимые царским соперником. Так между двумя воюющими сторонами возникла в некотором роде полемика манифестами, обращенными к малороссийскому народу. И та и другая сторона хотела оправдать себя перед этим народом и взвалить вины на противную сторону. Но, по признанию самих шведов, универсалы Карла и Мазепы со всеми уверениями в желании восстановить права и вольности народные, попранные московскою властью, действовали на малороссийский народ менее, чем царские манифесты и универсалы гетмана Скоропадского, потому что последние лучше сумели подействовать на дух народа, особенно увериви народ, что в делах, найденных у Мазепы во дворце после взятия Батурина, оказался договор бывшего гетмана со Станиславом, по которому гетман отдавал Украину Польше. Только тотчас за прибытием Мазепы с королем в Ромен явились к бывшему гетману по его зову сотники: лохвицкий, лукомский, чигирин-дубровский, пирятинский, чернукский и сенецкий — и Мазепа приказал им собрать на шведов с Лубенского полка провианта 24 000 волов, 40 000 свиней, 60 000 «осмачек» ржаной и 40 000 «осмачек» пшеничной муки. Но собрать этого было невозможно, потому что народ бежал, а шведы, не дожидаясь, что им дадут, сами стали по-неприятельски брать себе все, в чем нуждались, и тем еще более озлобляли против себя малороссиян. Лохвицкий сотник Яков Еременко, по приказанию шведского генерала Мейерфельда, стоявшего в Лохвице с четырьмя тысячами шведов, поехал для сбора запасов в Сенчи[299], а тамошний атаман препроводил его в Сорочинцы[300] к русскому генералу Волконскому, который отправил сотника в Лебедин в главную квартиру на расправу. Немногие, однако, сотники под гнетом шведских войск заявляли готовность повиноваться Мазепе; многие сотники с первого раза отвергли его требования, как, например, в Опошне, Груне, Котельве, и за то получили от Головкина похвалу за свою верность. Полтавский полковник остался верен царю, хотя на него, как уже было выше сказано, и бросалось подозрение. Сосед его по полку, ахтырский полковник Осипов, уже признанный верным человеком еще по кочубеевскому делу, писал Головкину, что полтавский полковник Левенец не хочет повиноваться царской воле, не едет в Глухов и даже приказывает молиться в церквах не за царя, а за шведского короля.

Однако, хотя Левенец и не поехал в Глухов по зову Головкина, но ему за то не было преследования, так как он отговорился необходимостью находиться в Полтаве, ввиду опасности от шведов, и охотно, по приказанию генерала Волконского, впустил военных великороссийских людей в Полтаву, а вслед за тем возбуждал универсалами свой полк служить верно царю и сам привез в Харьков заложниками своей верности семью свою, отдавши своих сыновей в тамошнее училище. Самые запорожцы, впоследствии горячо предавшиеся Мазепе, на первых порах не доверялись его подущениям и допрашивались от него, какую судьбу готовит им гетман, отводя их от русского царя. Правобережная Украина еще хуже отнеслась к гетману. Белоцерковский полковник Михайло Омельченко, несмотря на то, что Мазепа прежде ему покровительствовал, заявлял царю, что на правой стороне Днепра все козаки верны законным властям и ненавидят имя Мазепы, тем паче что Мазепа в этой стороне обращал Козаков в мужиков и заставлял их исполнять разные панщины. В Чигирине, в Корсуне, в Богуславе жители похватали мазепиных агентов, приезжавших туда с возмутительными посланиями, и доставили их в Киев. Тогда в белоцерковской крепости была забрана казна, которую туда заранее отправил для хранения Мазепа; другую немалую казну, принадлежавшую Мазепе, взял князь Голицын в Киево-Печерском монастыре. Царь издал манифест, которым повелевал отыскивать повсюду пожитки Мазепы, и всем объявлял, где найдется что-либо

[299] Ныне Сенча, местечко Лохвицкого уезда при р. Сулице.

[300] Большое местечко Миргородского уезда при р. Пеле в 24 верстах от Миргорода.

принадлежавшее изменнику — половина указанного обещалась указателю, «понеже изменник раздает свои пожитки едномышленникам для возмущения народа».

Мужики, возбуждаемые универсалами гетмана Скоропадского, стали составлять шайки и нападать на шведов; и мы, замечает Адлерфельд, неожиданно очутились в необходимости постоянно драться как с неприятелями с жителями того края, куда мы вошли. Это сильно огорчало старика Мазепу, который пришел в неописанную скорбь. когда услышал, что русские овладели в Белой Церкви его сокровищами, а он на них возлагал надежды.

Из перешедших уже на сторону шведов и находившихся в стане шведского короля малороссиян стали являться охотники воспользоваться обещаниями прощения и милости со стороны царя. 21 ноября из шведского стана ушли миргородский полковник Апостол и генеральный хоружий Иван Сулима. За ними последовали некоторые другие лица, увлеченные прежде надеждою на шведского короля. Адлерфельд говорит, что Мазепа приказал привезти их семьи в Ромен, и это было поводом к побегу. Но по некоторым данным оказывается, что они ушли с тайного ведома самого Мазепы, который, уже разуверившись в силе своего союзника, подумывал, как бы улизнуть от него и найти средства примириться с царем. Он видел ясно, что обманулся в расчете и нет возможности привлечь к своему замыслу малороссийский народ. 21 ноября Апостол приехал в свою маетность Сорочинцы и тотчас написал к Скоропадскому: просил ходатайствовать перед царем о смягчении царского гнева, уверял, что был завлечен Мазепою по собственному незнанию и должен был поневоле повиноваться ему, пока не предстал случай освободиться.

Царь потребовал Апостола в Лебедин, допустил его лично к себе, принял чрезвычайно ласково, объявил ему, что за ним остаются его прежний чин и маетности, и обещал на будущее время царские милости. Тогда Апостол сообщил государю тайное предложение Мазепы. Государь принял эту весть с веселым тоном, но заметил, что это сомнительно, так как Мазепа не прислал с Апостолом ничего письменного; впрочем, царь предоставил Головкину рассмотреть это предложение Мазепы. Канцлер позвал к себе миргородского полковника и прежде всего приказал ему самому от себя присягнуть в верности, потом подверг секретному допросу и объяснению. Апостол сообщил, что, бывши с Мазепою, видел у него привилегию Станислава Лещинского, в которой обещались Украине по окончании войны все те вольности, какими славились польская корона и Великое княжество Литовское; Мазепа показывал ему и письма, полученные от великого канцлера коронного Яблоновского и Щуки, подканцлера литовского, уверяющие в том, что привилегия Станислава будет утверждена сеймом,но ни с привилегии, ни. с писем Апостол не мог составить списков. Вместе с тем Апостол сообщил, что из Бахмача Мазепа посылал к королю Станиславу какого-то Нахимовича с письмами от себя и от шведского короля, просил поспешить в Украину и обещал для его польского войска помещение в трех полках: Киевском, Нежинском и Переяславском. Он, Апостол, слышал, что у неприятеля такой план: король шведский пойдет на Москву, но подлинно неизвестно, через какие города, а Станислав — на слободские полки. Наконец, что важнее всего, миргородский полковник сообщил, что Мазепа обещает предать в руки царя шведского короля с знатнейшими генералами, но просил непременно, чтобы договор с ним о его безопасности гарантировали иностранные, дворы, им указанные. Головкин несколько затруднился относительно вопроса о гарантии; но Апостол сразу сказал, со слов Мазепы, что без этого условия ничего быть не может. Тогда Головкин объявил, что согласны будут и на гарантию, но все еще не показывал к этому делу полного доверия и не позволял Апостолу давать письменный ответ Мазепе.

Через несколько дней явился к Апостолу с письмами от Мазепы цирульник, служивший у Войнаровского, и тогда Апостол писал Мазепе — впрочем, в неопределенных выражениях — о принятии его предложения. Спустя мало времени явился новый перебежчик из шведского стана, охотный полковник Игнат Кгалаган, и принес от Мазепы повторение прежнего предложения. Тогда уже Головкин написал Мазепе, что государь изъявляет полное согласие на его предложение с тем, чтоб он постарался «добыть главнейшую особу», или, по крайней мере, других знатных особ.

Апостол был обдарен очень щедро. Ему, через гетманский универсал, не только возвратили все прежние маетности, но придали еще новые, во внимание к ущербу, понесенному от неприятельского вторжения. И Апостол, и его товарищи, возвратившиеся из шведского

стана, подписались на «выборе» гетмана Скоропадского зауряд с участвовавшими при избрании.

В какой степени давалась вера не только предложению Мазепы, но даже искренности самых тех лиц, которые словесно передавали это предложение, — мы не знаем, но политика царя, сообразно тогдашним нравам, не пренебрегала никакими случайностями, когда они являлись и могли отнять у неприятеля надежду на дальнейший успех. Предположение о примирении с Мазепою не состоялось. Понятно, что со стороны Мазепы оно никак не могло быть искренним: оно делалось человеком, способным всех и каждого обманывать и обращаться на всякую сторону, когда того требовать будут обстоятельства. Затевая сношения с царем и показывая готовность предать своего нового союзника, Мазепа, однако, не знал, как посмотрят русские на его предложение, и продолжал действовать в пользу Карла, так точно, как он прежде работал и действовал в пользу Петра, когда исподтишка вел во вред Петру сношения с Карлом. Еще не получая никакого известия от миргородского полковника, 5 декабря Мазепа отправил роменского жителя Феська Хлюса с письмом к Станиславу Лещинскому, в котором вторично убеждал его поспешить с войском для взаимного действия оружием против «Москвы», которая своими грамотами возбуждает простой народ в Украине. Но посланец Мазепы был задержан в Лисянке и препровожден в Киев; там у него вынули собственноручное письмо Мазепы с его печатью и отправили к Петру, а Петр приказал передать его Скоропадскому, для того чтоб обнародовать в переводе, в обличение лживости Мазепы, который уверял соотечественников, будто отступил от царя затем, чтобы малороссийский край был независим и не находился ни под царскою, ни под польскою властью, на самом же деле в своем письме обличает себя, именуя себя подданным Лещинского, а Украину называет его наследием и тем показывает, что у него было намерение предать малороссийский народ под польское иго. Кроме того, был схвачен в селе Корейце, близ Глухова, посланный Мазепою козак Грицько Пархоменко. Он показал, что послан Мазепою с письмами к черниговскому архиепископу и к князю Четвертинскому и отдал им эти письма. Когда его подвергли пытке, то он сознался, что ходил волновать народ, а писем никаких с ним не было, только Мазепа приказал ему разглашать о таких письмах, чтобы лиц, не сочувствующих его замыслам, привести в подозрение и немилость у государя. И это событие, вместе с известием о перехваченном письме Мазепы к Станиславу, царь огласил в своем манифесте, чтобы внушить в народе омерзение к злобе и коварству бывшего гетмана.

Станислав Лещинский, конечно, не получил письма Мазепы, доставшегося Петру, но верил ему и заохочивал своих поляков, указывая на пример Мазепы, как на доблестный подвиг, достойный подражания.

Итак, затевая устроить путь к примирению с царем, Мазепа сам себе испортил этот путь. Само собою разумеется, царь, получивши в руки доказательство, что Мазепа не оставляет своей измены, не хотел более вести с ним сношения. Но и шведы после побега миргородского полковника стали не доверять малороссиянам: так показывали лица, одно за другим появлявшиеся в русском стане и бывшие перед тем в Ромне. За Апостолом хотел было уйти лубенский полковник Зеленский, но шведы проведали о его замысле и поставили во дворе его караул в 50 человек: одни стояли у ворот, другие в сенях, а третьи в доме. В такой тесноте держали Зеленского, пока прибыла в Ромен его жена, и только тогда ему стало льготное. Генеральный асаул Максимович также находился под стражей за то что хотел, как говорили, писать письмо к царю. И за другими старшинами устроен был караул по два человека шведских солдат за каждым. Более доверия стали оказывать старшинам только тогда, когда их жены приехали к ним, но все-таки и после того шведы наблюдали над теми и другими и не дозволяли разом выходить из дома мужьям с женами. У Мазепы стоял всегда неотступно почетный караул, как будто ради чести, а в сущности, за ним присматривали. Главную силу Мазепы составляли компанейцы, которых у полковника Кожуховского было 500, а у полковника Андриаша — 150 человек. Из старшин близки были тогда к Мазепе — Орлик, Чуйкевич, Ломиковский и Горленко; прочие держались с ним на благородной дистанции. Сам Мазепа, воротившись из похода к Гадячу, постоянно болел и лежал в постели, обложившись пластырями. Недоверие шведов к козацким старшинам прекратилось только тогда, когда окончился срок, положенный царем для амнистии, но и то несовершенно. Таким образом, если

бы царь имел повод возобновить начавшиеся было переговоры с Мазепою, то уже сам Мазепа мало имел возможности не только оказать царю обещанную услугу, но даже и вести дальнейшие секретные переговоры с Головкиным.

С половины декабря открылись постоянно и надолго военные действия между русскими и шведами. В Лебедине, в главной царской квартире, собирался военный совет и составил план выгнать шведского короля из Ромна. Для этого прежде положили сделать нападение на Гадяч — передовой пункт шведов; надеялись выманить туда короля, рассчитывая, что с своим горячим характером он не утерпит, чтобы не пойти на выручку своим, а тем временем, как он выйдет из Ромна, отправить туда другой русский отряд и занять этот город. Уже вблизи от Гадяча и прежде стояло русское войско. В 12 верстах от Гадяча есть местечко Веприк; в оное время оно было укрепленным городом. После занятия Гадяча шведами и мазепинцами вооруженные малороссийские мужики, не желая повиноваться Мазепе и предпочитая служить царю, просили себе помощи от русских. К ним пришел туда русский гарнизон из 1500 солдат. По окрестным селам и хуторам расположился отряд генерала Рена. Этому генералу поручено было взять Гадяч, занятый неприятелем. Шведы, как только услышали, что русские собираются напасть на Гадяч, бросились туда из Ромна, и как только подошли к Гадячу, русские, стоявшие под ним, ушли, успевши, однако, зажечь предместье, и это не осталось без большого вреда для шведов: они потеряли возможность иметь там помещение в домах, а в это время наступали жестокие морозы.

Между тем, пользуясь удалением шведов, русский генерал Аларт пошел на Ромен. План, составленный заранее в Лебедине, удался; шведского войска в Ромне не было, и ночью на 18 декабря русские беспрепятственно вошли в Ромен. Мазепа за два часа до прихода русских убежал из Ромна и едва было не попался в плен. Роменские жители, говорит современник, обрадовались, но их радость тотчас же обратилась в печаль: солдаты стали грабить и бесчинствовать, а их командиры недостаточно укрощали их и допустили без нужды сжечь местечко и пригородные села. Впоследствии Петр по поводу этого события посылал туда нарочно производить следствие и наказать виновных.

Между тем, потерявши Ромен, Карл уже не воротился туда, но решился оставить часть войска в Гадяче, а с другою идти далее. Едва он дошел до селения Красная Лука[301], как настала такая ужасная стужа, что невозможно было следовать далее. Часть войска воротилась в Гадяч, но там недоставало помещения. Город был сам по себе невелик, а туг еще русские недавно сожгли целую треть его, и многие шведы принуждены были проводить ночи на снегу на открытом воздухе за недостатком хат.

По общему свидетельству современников, в эту зиму по всей Европе была ужасная стужа. В Швеции снежные сугробы до такой степени были высоки, что захватили в себя деревья до самых вершин; все Балтийское море стояло покрытое льдом; в озерах вода замерзла до самого дна. В средней Европе погибли все плодовые деревья; даже в Италии и Испании, где обыватели никогда не видывали льда на реках, теперь замерзли реки и болота, и земля очень глубоко промерзла. В открытых украинских равнинах морозы были тем нестерпимее, что там свирепствовали бури и вьюги. Птицы падали на лету; повсюду валялось множество замерзших диких животных. Снега нападало так изобильно, что за непроездными сугробами прекращались сообщения между жилыми местностями. Тогда от трех до четырех тысяч шведских воинов погибло от невыносимой стужи. Конные окоченевали, сидя верхом на лошадях, пехотинцы примерзали к деревьям или повозкам, на которые облокачивались в последние минуты борьбы со смертью. Сам король приморозил себе нос и должен был долго тереть его, пока не возбудил правильного кровообращения. Иные шведские солдаты думали согреться водкою, которой было большое изобилие в малорусском крае, но водка им не помогала: при ее содействии они только скорее делались добычею смерти. Город Гадяч обратился в лазарет, так как туда при возможности тащили полуживых от холода; из домов слышались раздирающие крики больных, которым хирурги отпиливали отмороженные члены, а перед домами валялись куски отрубленных человеческих членов и между ними ползали еще живые, но обезумевшие от боли

[301] Ныне село Гадячского уезда при р. Груни в 7 верстах от Гадяча.

и отчаяния калеки. Но неутомимый шведский король не хотел терять времени: 27 декабря он двинулся к Веприку и хотел во что бы то ни стало взять его. Осажденные стали обороняться отчаянно. Комендант Веприка не хотел сдаваться, несмотря ни на какие убеждения и угрозы; между тем мороз не ослабевал, мерзли волы и лошади, погибали бедные солдаты, оставаясь на открытом воздухе, так как не всем удалось поделать себе из соломы шалаши, где можно было спрятаться, хотя, собственно, и такая защита представляла мало надежды на спасение. Раздосадованные упорством коменданта, шведские генералы кричали, что, взявши городок, непременно следует коменданта повесить. Король принял сторону своего генерал-квартирмейстера Гилленкрока, который доказывал своим товарищам, что, напротив, этот комендант достоин уважения, потому что свято исполняет долг присяги своему государю. 30 декабря шведы отступили и пошли к Зенькову. Там засели вооруженные мужики, не хотевшие впускать к себе ни шведов, ни русских: они были постоянно пьяны и горячились. Но городок Зеньков был укреплен худо: вал был невысок, ров неглубок. Вся городская стена состояла из деревянного частокола. Шведы зажгли село и бросились разбивать городские ворота. Тогда осажденные сдались на милость победителя.

В Зенькове Карл встретил новый 1709 год. Мороз по-прежнему был жесток, но Веприк не выходил из ума у короля. Когда, наконец, мороз стал ослабевать, 6 января король снова явился под Веприком и опять послал к коменданту убеждение сдаться, а в случае сопротивления грозил всех истребить без пощады. Комендант отвечал в почтительном тоне, что он, сообразно воле своего государя, будет защищаться до последних сил, но надеется, что король, уважающий мужество своих воинов, оценит это качество и у врагов, если возьмет крепость после упорного сопротивления. Пользуясь ослаблением мороза, комендант приказал полить городские валы водою, так что они покрылись ледяною корою; ворота были завалены.

7 января, в полдень, шведы начали приступ. Они приставляли лестницы, думая взобраться до гребня вала, окаймлявшего Веприк, но осажденные поражали их и выстрелами, и камнями, и лили на них кипяток; шведские ядра отскакивали от оледеневшего вала и наносили вред самим шведам. Вечером король приказал прекратить приступ, еще раз послал коменданту предложение сдаться, обещал оставить пленным все их имущество, но замечал, что крепость не может быть невзятою, когда придет более войска и тогда, во время нового приступа, никого не оставит в живых. Комендант согласился сдаться. Отворили ворота. Вошли шведы и взяли в плен 1400 русских и 400 малороссиян; у них были только четыре пушки. Коменданта, родом шотландца. Карл принял ласково и оставил ему шпагу. Пленный гарнизон был отправлен в Зеньков, много пленных погибло от мороза, а прибывшие в Зеньков получали хорошее содержание и ходили почти на свободе. Каждому из них король выдал по десять злотых польских. Веприк по королевскому приказанию был сожжен майором Вильдемеером. Все малороссияне обоего пола были пущены на свободу по настоянию Мазепы.

С этих пор король, лишившись Ромна, которым овладели русские, заложил свою главную квартиру в Зенькове. Войско разместилось по окрестностям; генерал Спарре с шестью пехотными полками стоял в Лютенке[302]; весь обоз с канцеляриею находился в Гадяче. С ним вместе был и Мазепа. 13 января они перешли в Зеньков. Побывавшие в шведском стане говорили, что неизвестно почему Мазепу и в Зенькове постоянно сопровождал шведский караул, тогда как взятым в плен русским в Веприке дозволялось ходить всюду без караула. Была надежда прибытия короля Станислава с поляками своей партии; уже русское войско, под начальством генерала Гольца, выслано было препятствовать королю Станиславу соединиться со шведами. Но против Гольца стоял в Лохвице шведский генерал Крейц; Прилуки также были еще заняты шведами.

Карл, не дождавшись Станислава, считал важнейшим делом выгнать русские войска из Гетманщины и перенести войну за ее пределы. Граф Пипер, всегда рассудительный и осторожный, а потому часто расходившийся в планах с пылким и задорным королем, советовал, напротив, удалиться за Днепр и открыть сообщение с поляками Станиславовой партии. «Через это, — говорил он, — король умножил бы свои силы, тогда как теперь в чужой стране,

[302] Ныне большое местечко Гадячского уезда при р. Лютенке в 24 верстах от Гадяча.

отрезанные от Швеции, они беспрестанно умаляются и отнюдь не пополняются». «Нет, — отвечал Карл, — отступление за Днепр походило бы на бегство; неприятель станет упорнее и высокомернее. Мы прежде выгоним из козацкой земли русских, укрепим за собою Полтаву, а между тем наступит лето и тогда оно покажет нам, куда направляться». Мазепа со всех сил старался удерживать короля в Гетманщине и отклонить от совета переходить за Днепр. Это было естественно: переход на правую сторону Днепра показывал бы совершенное оставление той цели, с какой Мазепа затянул короля в Гетманщину, и его-то влиянию, главным образом, приписывали современники возникшее у короля желание во что бы то ни стало выгнать русских из Гетманщины и овладеть Полтавою.

В ночь с 27 на 28 января король с двумя тысячами конницы отправился лесом к Опошне[303], где стоял русский генерал Шаумбург с шестью драгунскими полками, с 600 гренадеров и с 2000 козаков. Шведы получили успех, овладели городком Опошнею, взяли у русских много багажа, захватили даже обед, приготовленный Шаумбургом для Меншикова, который прибыл туда, выехавши из Ахтырки для обозрения Полтавы; оба русские генерала едва успели уйти. Но из письма Меншикова к царю от 29 января видно, что успех шведов был непродолжителен, и русские тотчас же овладели Опошнею.

Карл из Опошни двинулся к Котельве[304]. Русские отступили в Ахтырку. Карл вступил в Слободскую Украину с своими драбантами, с семью или восемью кавалерийскими полками и с полевою артиллерией. Русские ждали, что король пойдет на Ахтырку, укрепили ахтырский замок и сожгли предместья, чтобы не дать неприятелю в них установиться. Но король двинулся на Красный Кут 11 февраля. Там стоял генерал Шаумбург с семью драгунскими полками. После первого нападения русские отступили к Городне[305]. Шведские историки говорят, что русские убегали тогда в галоп, а сподвижник Мазепы, Герцик, отличился перед всеми храбростью, убивши собственноручно до тридцати неприятельских воинов. Полковник Дукерт вогнал бегущих русских в город: сделалась давка, суматоха, резня; лошади, оставленные павшими воинами, метались и увеличивали беспорядок; русские падали на землю, притворяясь мертвыми, чтобы снова встать на ноги, когда минет опасность. Между тем, следуя за Дукертом, король, увлеченный погонею, сошел с высоты на плотину с тем, чтоб опять взойти на другую высоту, но тут появился русский генерал Рен с шестью драгунскими эскадронами и двумя батальонами царской гвардии, и так ударил на шведов, что они попятились назад на высоту, с которой сходили, и увлекли за собою короля. Русские заняли плотину; у русских силы было больше, чем у шведов, и воины короля были сильно истомлены. Оставалось отбиваться, дожидаясь подкрепления. По русскому известию, король ретировался тогда в мельницу, которая была окружена русскими драгунами, и только наступившая ночная темнота спасла короля от плена. По шведским известиям, полковник Дукерт, прогнавши русских в Городню, ворочался назад и наткнулся на русскую засаду, установившуюся возле болота, за плетнями и кустарниками. Шведы обратились в бегство: сначала бежала прислуга, а за нею драгуны. Шведский генерал Крузе встретил их, остановил, привел в порядок и повел туда, где находился король. Генерал Рен не стал более вести битвы и удалился к Богодухову. Шведы признавали эту стычку для себя победою; русские приписывали победу себе. Известия об этом деле неясны; достоверно только то, что это сражение, совершенно бесполезное для шведов, как и весь поход их в Слободской край, обессилило шведскую армию.

12 февраля Карл пошел на Мурахву[306] и оттуда дал приказание сжечь городки Красный Кут и Городню, а жителей вывести прочь. Генерал Гамильтон опустошил и сжег несколько

---

303 Ныне местечко Зеньковского уезда при р. Ташани в 30 верстах от Зенькова.

304 Ныне местечко Ахтырского уезда.

305 Ныне Городное, слобода Богодуховского уезда при р. Мерле и Мерчике.

306 Ныне слобода Богодуховского уезда при р. Мерчике в 24 верстах от Богодуховна.

городков и слобод, лежавших в стороне, и, между прочим, городок Олешну[307]: там шведы встретили сопротивление; несколько сот русских, составлявших гарнизон, были истреблены, воевода взят в плен.

У русских уже возникало опасение, как бы отважный король, для которого, как говорится, было и море по колена, не вздумал прорваться до Воронежа, чтоб истребить там царские корабли; у шведов же были до такой степени слабы географические сведения о южнорусском крае, что они, слыша, что царь строит суда в Воронеже, думали, что этот город лежит у Черного моря.

Но всякие отважные затеи разбивала природа. После ужаснейших морозов, каких не помнили старожилы в крае, наступила оттепель, а 13 февраля произошло странное явление: полился сильный дождь с громом и молнией. В это время король ехал рядом с Мазепою, который получил тогда облегчение от своей болезни и отважился пуститься в путь с королем. Приближались к Коломаку[308]. Мазепа, по своему обычаю, любивший говорить любезности, сказал: «Война для вашего величества идет очень счастливо: мы уже дошли только за восемь миль от рубежей Азии!» Король отвечал: «sed geographi non conveniunt (с этим не согласятся географы)». «Это, — замечает современный историк, — заставило покраснеть доброго старика». Зная, что король часто толковал о подвигах Александра Македонского и во всем ставил себе за образец этого древнего героя, Мазепа, в угоду королю, сочинил тогда, будто в этих странах недавно отыскан «александрийский» камень, воздвигнутый Александром Македонским.

Когда войско остановилось на отдых, король сообщил своему генерал-квартирмейстеру Гилленкроку, что Мазепа сказал ему, будто отсюда недалеко до Азии. «Ваше величество шутите, — сказал Гилленкрок. — Не по этому направлению можно достигнуть пределов Азии». «Я никогда не шучу, — отвечал король. — Ступайте и узнайте от Мазепы путь в Азию точнее». Гилленкрок отправился к Мазепе. Тот встревожился, узнавши, какое действие произвела на короля его болтовня, и сознался, что говорил королю только из любезности. «С нашим королем опасно говорить пустяки о таких предметах, — сказал Гилленкрок. — Этот государь любит более всего славу и легко поддастся желанию двинуться туда, куда нет необходимости идти для его целей».

Началась полнейшая распутица; нельзя было идти в неведомый путь. Короля убедили отложить свое намерение и воротиться в Гетманщину. Но и обратный путь не обошелся без затруднений и потерь. Берега Коломака уже походили на большое озеро. Река Мерла в полсутки покрылась водою. Мелкие речонки разливались с неимоверною быстротою. Снегу в предшествовавшую зиму было чрезвычайно изобилие, и теперь от быстрого таяния полились водные потоки. Пехота в продолжение целых дней шла в воде по косточки, и если не было возможности добраться к вечеру до сухого места, то приходилось всю ночь оставаться в воде. Воды везде было так много, что впереди невозможно было заметить, где находятся реки и протоки, а на речках, покрывшихся водою, лед стал так хрупок, что многие шведские солдаты потонули с лошадьми, наткнувшись нечаянно на реку, которой не могли заранее распознать в пространстве, обнятом водою. От Коломака до Будищ было на пути несколько плотин длинных и высоких; на таких-то плотинах приключалась беда с людьми и лошадьми, особенно в темные ночи; кто только на такой плотине споткнулся, тот и погибал. На реке Мерле прежде, когда шли шведы в Слободскую Украину, была большая плотина: теперь от нее ни малейшего следа не оставалось, кавалерия переходила реку вплавь; лошади плыли, положивши головы на задние части лошадей передних; много тогда пропало и лошадей, и повозок. Переправа на Мерле шла полтора дня. На Ворскле шведские полки переправлялись вплавь в течение четырех суток и еще с большими затруднениями. Ворскла была наполнена маленькими островками, которых вершины едва можно было заметить в воде, а между островками река была особенно глубока; многие, попавши в такие места, потонули. Король благополучно переехал Ворсклу на лошади

---

[307] Ныне слобода Лебединского уезда при р. Олешни в 35 верстах от Лебедина.

[308] Ныне слобода Валковского уезда при р. Коломаке в 25 верстах от Валок.

вплавь в числе первых; его примеру следовали многие офицеры. По прибытии в Опошню король приказал строить на Ворскле мосты для переправы остального войска и всего обоза. Много погибло шведов в этом походе, но те, которые вернулись целыми, восхваляли своего короля за то, что он разделял все неудобства наравне с простыми солдатами.

В то время, когда король совершал свой бесполезный поход в Слободскую Украину, позади него, в Гетманщине, русская сторона брала верх. Еще в январе князь Григорий Долгорукий, находившийся в Нежине, послал генерал-майора Гинтера взять Прилуки. Шведы, занимавшие этот город с конца ноября, ушли оттуда, не дождавшись прихода русских, а с ними вместе уехали находившиеся там некоторые семейства лиц, перешедших к Мазепе. Гинтер занял Прилуки, поставил там коменданта и прислал к царю составленную им опись этого города. Из этой описи мы узнаем, что в Прилуках был тогда довольно обширный замок или город с высоким валом и рвом около него, но вал требовал в некоторых местах починки. Прилуки страдали недостатком воды, так что в замке не было ни одного колодца, и генерал Гинтер приказал туда навозить льду, «дабы в самой последней нужде можно оный вместо воды употреблять». Вслед за Гинтером явился новопоставленный царем прилуцкий полковник Нос, был встречен подначальными с покорностью, и тотчас распорядился о сборе и доставлении в Прилуки провианта. 22 января князь Долгорукий из Нежина послал туда солдатский Ямбургский полк с пушками, приказавши командиру этого полка, Вестову, держаться в Прилуках до последнего. Ревностным деятелем в пользу царя явился тогда миргородский полковник, еще недавний соумышленник Мазепы. Он деятельно трудился против неприятеля, отбивал шведские и Мазепины возы, взял Гамалею и зятя своего с женами их, которых везли шведы, укрощал и искоренял своевольных разбойников, которые бесчинствовали, пользуясь военным временем и суматохою. Мазепа много полагал надежды на правобережных Козаков, но обманулся в своих надеждах. Не говоря уже о том, что белоцерковский полковник в числе первых объявил себя на стороне царя, в других городах то и дело что ловили и доставляли русскому генералу Инфлянту Мазепиных комиссаров, то под видом чумаков, то под другими видами являвшихся для возмущения народа против царя.

В феврале фельдмаршал Шереметев отправил бригадира Бема с четырьмя драгунскими полками и с двумя батальонами лейб-гвардии, в числе которых были преображенцы, выгнать из Рашевки[309] там стоявших шведов. В Рашевке находился шведский полковник Албедиль с 325 драгунами, а к нему из Гадяча отправлены были еще 130 пехотинцев с артиллерийскими лошадьми и значительным количеством скота под прикрытием капитана Дидрона. Албедиль вышел к ним навстречу с своими драгунами и наткнулся на русских. Произошла схватка, Албедиль был взят в плен, Дидрон убит, а те, которые пустились в бегство, были переловлены и истреблены мужиками. Тогда Шереметев покусился взять Лохвицу, где стоял шведский генерал-поручик Крейц и куда для безопасности Мазепа отправил свою текущую гетманскую казну. В Лохвицу пришли тогда шведы, ушедшие из Прилук; там же были козацкие госпожи из семейств соучастников Мазепы, последовавшие за шведами из Прилук. Генерал Крейц понимал, как важно было охранить гетманские богатства и не выпускать из шведских рук малороссийских госпож, заложниц верности шведскому королю своих мужьев. Крейц снялся из Лохвицы, перешел Хорол, йотом Псел в Савинцах[310]. Русские пытались помешать их переправе и захватили несколько возов, где, между прочим, были и пожитки Мазепы. Здесь-то с русскими отличился и миргородский полковник, захвативши в плен, как уже было выше сказано, двух соумышленников Мазепы — генерального асаула Гамалея и своего зятя Андрея Горленка, сына прилуцкого полковника: оба уверяли, что следовали за шведами с намерением уйти от них и отдаться русским. Крейц стал в Решетиловке[311]. За Крейцом оставили свои

---

[309] Ныне местечко Гадячского уезда при р. Псле.

[310] Ныне село Миргородского уезда при р. Пеле.

[311] Ныне местечко Полтавского уезда при р. Голтве в 36 верстах от Полтавы.

позиции шведы, стоявшие в Камышне[312], в Зуеве[313], в Лютенке[314], — и все пошли к главному войску, которое расположилось вдоль правого берега Ворсклы, а главная квартира перенесена была в Великие Будищи[315]. Шереметев стоял в Голтве[316]. Таково было расположение враждебных войск в марте 1709 года. Скорой тревоги не ожидалось до окончания половодья, которое в этом крае прекращается только в июне, и в это время не могло быть больших столкновений между войсками. Тогда обыкновенно низменные места заливались водою и даже прерывалось сообщение между жителями различных местностей.

Время это можно считать завершением первого периода военных действий Карла против русских в Малороссии. Начинается второй период, завершившийся Полтавским боем, эпоха самая значительная в нашей истории.

В предшествовавшую зиму последовало несколько царских милостей малороссиянам, оказавшим верность своему государю. Первое место между ними занимает семейство Кочубея. Вдова несчастного Василия Леонтьевича, как мы уже говорили, ограбленная, увезена была в Батурин и содержалась там под строгим караулом. В самое критическое время, когда Батурину угрожало разорение, въехала в Батурин какая-то черница в повозке, крытой будкою. Содержавшиеся в Батурине вдовы казненных Кочубея и Искры были кем-то предуведомлены об этом, вышли переодетые вместе с меньшим сыном Кочубея, Федором, сели в повозку под видом черниц и выехали из города, а дочь Кочубея Прасковия с прислугою, переодевшись в платье простолюдинки, вышла пешком и соединилась с остальными за городом. Так освободились они и уехали в село Шишаки[317], маетность пана Кулябки, женатого на одной из дочерей миргородского полковника Апостола. Оттуда пробрались они в Сорочинцы, маетность Апостола. Там уже находился старший сын Кочубея, Василий, с женою; туда съехались и другие родственники. Пробывши в родном кругу несколько дней, они разъехались: Василий Кочубей с женою, тещею и своею сестрою, Анною Обидовской, уехал в Крылов, а вдова Кочубея и сестра ее, Искрина, с давним приятелем дома Кочубеев, Захаржевским, поехали в Слободскую Украину и остановились в Ровненском хуторе[318] на Коломаке, принадлежавшем Искре. Туда приехал родственник их, Жученко, и привез письмо от Меншикова, писанное из Конотопа к сыну казненного Кочубея, такого содержания: «Господин Кочубей! Кой час сие писмо получишь, той час поезжай до царского величества в Глухов и возьми матку свою и жену Искрину и детей, понеже великая милость государева на вас обращается». Мать немедленно послала в Кременчуг звать сына, а сама, в ожидании, отправилась с Искри-ной к старому родителю их, войсковому товарищу пану Жученку, жившему в Жуках, в 10 верстах от Полтавы. Но на дороге ей случилось препятствие, как она потом жаловалась, будто от полковника полтавского Левенца, находившегося в неприязненных отношениях к Кочубеям. Вдова опасалась даже, что он отошлет их к Мазепе, и в таком опасении они снова ушли в Слободскую Украину, чуть было не попавшись в руки пьяных мужиков в селе Петровке[319], которые их сначала не узнали, но, узнавши, тотчас отпустили. Обе сестры из Жуков уехали в Харьков, а

---

312 Ныне местечко Миргородского уезда в 30 верстах от Миргорода.

313 Ныне село Зуевцы Миргородского уезда на р. Хороли в 35 верстах от Миргорода.

314 Ныне большое местечко Гадячского уезда при р. Лютенке.

315 Ныне местечко Зеньковского уезда в 47 верстах от Зенькова.

316 Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Псле у впадения Голтвы.

317 Ныне село Хорольского уезда на р. Хороли в 8 верстах от гор. Хорола.

318 Ныне хутор Полтавского уезда на р. Коломаке.

319 Ныне село Полтавского уезда в 14 верстах от Полтавы.

оттуда пробрались в Лебедин, в главную царскую квартиру, узнавши, что царь уже находится в этом городе. В своем письме к киевскому митрополиту Иоасафу Кроковскому они описывали свои приключения.

К сожалению, нам неизвестно свидание царя со вдовами несчастных верных слуг, осужденных им на смерть по ошибке, из доверия к Мазепе. Но по царскому повелению гетман Скоропадский дал универсал, которым возвращались вдове Кочубея с детьми и ее сестре, вдове Искры, оставшейся бездетною, все маетности покойных мужьев с некоторою прибавкою новых. Около того же времени, 16 декабря, пожалованы были маетности разным войсковым товарищам: Андрею Лизогубу, Ивану Бутовичу и другим. Затем царь издал грамотуоб охранении малороссийских обывателей от бесчинств и самовольств великороссийских солдат, которые без офицеров, малыми партиями самовольно вторгались в местечки и селения, брали насильно у жителей хлеб, всякую живность, лошадей, резали скот, врывались даже в клети и выбирали оттуда платье, принадлежавшее хозяевам. Чтобы сколько-нибудь изгладить впечатление, произведенное в малороссийском народе разрушением Батурина и истреблением его обывателей, Скоропадский по царской воле издал универсал, дозволявший разогнанным остаткам батуринского населения водворяться вновь на прежних местах.

Тогда вспомнили об одной из прежних жертв Мазепы — о Палее, томившемся в сибирских пустынях. Первый, подавший мысль об его освобождении, был князь Григорий Долгорукий, который, находясь в Нежине, имел возможность прислушаться к народному голосу и узнать, что память о Палее оставалась в уважении у всех его соотечественников, а это казалось особенно важным, когда Скоропадский и миргородский полковник старались склонить к верности царю запорожцев.

Царь дал указ о возвращении Палея.

Глава пятнадцатая

Запорожцы. — Попытки русских удержать их в покорности. — Кошевой Гордеенко у Мазепы. — Колебание запорожцев. — Малороссийское поспольство и запорожцы. — Запорожцы присягают Карлу. — Взаимные посольства царя и Карла. — Деятельность полковника Яковлева. — Шведы приступают к Полтаве. — Разорение Сечи Яковлевым и Кгалаганом. — Русское войско под Полтавою. — Прибытие фельдмаршала Шереметева. — Прибытие царя Петра к армии. — Сношения между Полтавою и армиею. — Стеснительное положение шведов. — Взятие русскими Старого Санжарова. — Рана, полученная шведским королем.

В половине февраля царь уехал в Воронеж, где постоянно устроивался его флот. По отношению к войне с Карлом Петр намеревался пустить несколько кораблей в Азовское и Черное море, чтобы внушить туркам уважение к своим силам в случае, если бы с турецкой стороны оказалось поползновение к нарушению мира. В то же время царский посланник в Константинополе Толстой всеми средствами старался вооружить Диван против Карла XII и его союзников; он представлял, что предприимчивый Карл, если удастся ему победить Россию. оборотит свои завоевательные замыслы на Турцию.

В Украине военными делами распоряжался главным образом князь Меншиков, состоявший в постоянной переписке с царем. С 1 апреля его постоянное пребывание было в Харькове, откуда он делал недолговременные разъезды для осмотра войск и для наблюдения над театром военных действий. Важнейшею задачею было удержать запорожцев в покорности государю и отклонить от соединения с Мазепою. Для усовещения запорожцев был послан в Сечу архимандрит межигорский Иродион Жураховский. С ним царские стольники и гетманский посланец повезли царское денежное жалованье и, сверх того, особые денежные подарки кошевому, старшинам и всем товарищам. По известию малорусского летописца, задорная толпа «гультаев» оскорбляла присланного к ним духовного сановника и гетманского посланца: их грозили сжечь или утопить. Но такого рода обращение с лицами, которых запорожцы должны были уважать, было не редкостью в грубом запорожском обществе и составляло обычную выходку, часто не имевшую последствий. И в эту пору на некоторое время

в Сече взяла было верх партия старых Козаков, всегда стоявшая на стороне спокойствия и покорности царю. Расположение к законности до того проявилось у сечевиков, что они послали к Мазепе письмо, а котором, именуя себя царским войском, извещали, что вместе с царскими ратями будут стараться об освобождении Украины от вторжения иноплеменников. Петр писал, что надобно всеми силами утвердить в верности к царю кошевого атамана, как главного начальника и руководителя запорожцев. Но этим кошевым атаманом был тогда Костя Гордеенко — непримиримейший враг московской власти, и этот-то именно человек снова свел братию на противный путь. Мазепа послал к запорожцам воззвание, но Костя предупредил приезд мазепиных посланных в Сечу, собрал до тысячи единомышленников, взял с собою девять пушек и пошел к Переволочне, которую Запорожская Сечь считала своею собственностью и держала там начальника, называемого полковником. В это время запорожским полковником в Переволочне был Нестулей. По зову Гордеенка он выехал к нему с 500 запорожцев, находившихся в Переволочне при полковнике; туда уже прибыли ехавшие в Сечу мазепины посланцы — генеральный судья Чуйкевич, киевский полковник Мокиевский и бунчуковый товарищ Федор Мирович, сын переяславского полковника.

12 марта в субботу собрали раду. Прочли длинное послание Мазепы. В нем излагались разные тягости, которые терпела Украина от московского ига, а для Запорожья эти тягости выставлялись еще чувствительнее. Мазепа уверял, что сам слышал. как царь говорил: «Надобно искоренить этих воров и злодеев запорожцев». У шведского короля, объяснял Мазепа, нет вовсе злых умыслов ни против Украины, ни против Запорожья. Король только преследует своих неприятелей — москалей, которые сами раздражили шведов, а теперь не в силах противостоять им и бросились на Украину, где. поступают хуже, чем шведы, которых выставляют чужими неприятелями. Запорожцы вместе с малороссиянами должны радоваться прибытию шведского государя, потому что оно подает всем возможность свергнуть с себя московское ярмо и стать свободным, счастливым народом. Затем в послании Мазепы приводилась прежняя сказка о намерении царя перевести малороссиян за Волгу.

Мазепины посланцы привезли кошевому деньги. Костя Гордеенко тотчас же стал раздавать их товарищам, и те, выслушавши письмо Мазепы, кричали: «За Мазепою, за Мазепою!» «Правда, — рассуждали тогда на этой раде, — царь прислал в Сечу деньги, но за это мы не должны служить царю против шведского короля и Мазепы: деньги, присланные к нам, были прежде отняты москалями у наших же братьев Козаков». Вероятно, они разумели тут удержание назначаемого в Сечь жалованья по поводу бывшей жалобы турецкого паши за грабеж греческих купцов. Много подействовало на запорожцев и полученное письмо крымского хана: он подавал совет держаться гетмана Мазепы и обещал помогать запорожцам в нужде. Нестулей с своими товарищами, бывшими в Переволочне, несколько было поупрямился, но потом склонился на сторону Мазепы. Костя Гордеенко написал к шведскому королю, что все запорожцы на его стороне, испрашивают его покровительства, готовы на всякие усилия для восстановления своей свободы и молят Бога об успехах шведского короля. По настоянию кошевого, с письмом в таком смысле отправлена была депутация из запорожцев к шведскому королю. Депутаты прибыли в Будища[320] 19 марта и были допущены к королевской руке. Им устроили угощение, но фельдмаршал Реншильд заметил, что запорожцы безобразно пьянствуют, и постановил с ними условие, чтобы десять из них, которые представятся королю при последней аудиенции, не напивались ранее обеда, потому что король пьяных не терпит. Запорожцы сдержали свое обещание, но с трудом.

В то время, когда эти запорожские депутаты находились в шведском стане, другие их братия, возбужденные Костею Гордеенком и Нестулеем, начали неприязненные действия против русских. Сперва в Кобыляках напали они врасплох на 60 человек сонных и 40 из них изрубили, а на другой день в Цариченке[321] напали на бригадира Кампеля, стоявшего там с тремя полками. и задали такой переполох, что Кампель едва убежал с 400 своих солдат; 115

[320] Ныне большое местечко Зеньковского уезда.

[321] Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Орели.

человек было взято запорожцами в плен. Этот успех сразу ободрил низовскую удаль: набралось тысяч до пятнадцати сечевиков и гультаев; они овладевали городками по Орели и по Ворскле, прогоняли великороссийские гарнизоны, а жители того края, которые перед тем из боязни, не зная к кому приставать, скрывались в лесах, теперь возвращались в свои жилища, и, повинуясь запорожцам, доставляли запасы шведам.

26 марта прибыл к Будищам сам Костя Гордеенко с своими товарищами. Не допуская их за полмили до Будищ, Мазепа послал к ним навстречу каких-то двух полковников с отрядом в 2000 человек, чтобы их провести в Диканьку, куда приглашал Костю на свидание. Костя Гордеенко вступил в дом, где уже находился Мазепа (вероятно, то был дом Кочубея, которого хозяйка находилась тогда в Слободской Украине). Запорожских гостей встретили мазепины старшины — и Костя Гордеенко, в знак уважения, склонил перед ними свой бунчук. В другой комнате стоял Мазепа перед столом, на котором лежали знаки его гетманского достоинства. Гордеенко поклонился ему, склонил перед ним свой бунчук и говорил: «Мы, Войско Запорожское низовое, благодарим вашу милость за то, что вы, как и подобало главному вождю украинскому, приняли близко к сердцу судьбу, постигшую наш край, и предприняли освободить его от московского рабства. Мы уверены, что с этой целью, а не для ваших собственных выгод, не из каких-нибудь приватных видов решились вы прибегнуть к протекции шведского короля. Мы хотим верно вам содействовать, мы разом с вами будем жертвовать и кровию, и жизнию своею, будем во всем повиноваться вам, лишь бы достигнуть желанной цели. Умоляем вашу милость понести на себе эту тяготу, а мы, по возможности, станем помогать вам нести ее. Благодарим вас равно и за то, что известили нас о намерениях и о благосклонности к нам шведского короля. Мы за тем сюда прибыли, чтобы испросить у его величества протекцию себе и надеемся получить ее при содействии вашей вельможности. Готовы пред Богом принести присягу в верности и повиновении вашей милости, но желаем, чтоб и ваша вельможность обязали себя присягою действовать в согласии с нами и оказывать нам содействие в деле спасения отечества».

Мазепа отвечал: «Благодарю вас, запорожцы, за доверие ко мне. Славлю ваше ревностное желание добра отчизне. Бог мне свидетель, что, отдаваясь в руки шведского короля, я поступал не по легкомыслию и не из приватных видов для себя, а из любви к отчизне. У меня нет ни жены, ни детей: я мог бы удалиться в Польшу или куда-нибудь и спокойно провести там остаток дней моей жизни; но, управлявши столько времени Украиною с заботливостью и верностью, насколько доставало у меня способностей, я по долгу чести и сердечной любви не могу сложа руки оставлять этот край на произвол неправедного угнетателя. Мне слишком известно, что царь намеревался переселить нас всех в иной край, а вас, запорожцы, всех повернуть в драгуны и ваши жилища разорить дотла. Если вы, запорожцы, еще сохранили вашу свободу,то этим обязаны вы только мне, Мазепе. Если бы замысел царский осуществился, вы все были бы перевязаны, перекованы и отправлены в Сибирь. Уже Меншиков двигался с ужасающею силою войска, и нужно признать особое руководительство Провидения над нами, что в эту самую пору шведский король вступил в наш край и подал всем доброжелательным людям надежду на освобождение от угнетателей. Я счел своим долгом обратиться к шведскому королю и надеюсь, что Бог, избавивший нас недавно от опасности, поможет нам свергнуть с себя постыдное иго. Будемте заодно, запорожцы! Я обяжусь вам присягою, а вы с своей стороны присягните мне в неизменной верности и дружбе».

Все бывшие с Гордеенком слушали этот разговор. Запорожцы не позволили бы своему кошевому говорить с гетманом наедине без свидетелей. Ничто так не поддерживало независимости в запорожском товариществе, как обычай, всегда соблюдаемый, чтобы вождь не говорил ничего иначе, как от имени своих товарищей и в их присутствии. От этого — счастливый ли исход получали их предприятия или несчастливый — никто за то единично не отвечал, потому что все принимали участие на совещании и каждый мог там свободно высказать свое мнение.

Нелегко было воздержаться запорожцам от своих обычных приемов грубости и дикости. После представления гетману запорожцев пригласили к обеду; кошевой и старшины за одним столом с гетманом; всех равно угощали изобильно. В течение обеда они все хвалились своею привязанностью к гетману и готовностью во всем повиноваться ему; но когда опьянели и стали

уходить из гетманского покоя в отведенное им помещение, то стали хватать и уносить с собою разную утварь. Дворецкий дома хотел не допустить такого бесчинства и обратился к запорожцам с жесткими замечаниями, хотя за обедом пил с ними вместе не меньше прочих. «Вы, — говорил он запорожцам, — рады были бы ограбить этот дом; такой у вас обычай — делать подобное, куда вы только заберетесь». Запорожцы не стерпели таких замечаний от человека, которого происхождение считали низким, и пожаловались своему кошевому. Гордеенко вообразил, что обида была сделана умышленно ему лично и что сам Мазепа напустил дворецкого. В досаде Гордеенко приказал всем запорожцам седлать лошадей и хотел с ними уезжать, не простившись с гетманом. Но Мазепа узнал об этом в пору и послал к Гордеенку сказать, что сожалеет о случившемся беспорядке, а чтобы доказать свою невиновность в этом деле, готов им отдать дворецкого на расправу. Такая снисходительность утишила Гордеенка и его товарищей. Дворецкий был им выдан головою. Запорожцы повалили его на землю, топтали ногами, перебрасывали его между собою от одного к другому, наконец один из них ударил дворецкого ножом в живот, и дворецкий умер под этим ударом.

На другой день после того Гордеенко с 50 товарищами представлялся королю в Будищах. Все были допущены к королевской руке. Представили королю приведенных с собою 115 русских пленных, взятых в Цариченке. Гордеенко произнес речь, выражал благодарность королю за обещание покровительствовать им и всей Украине против общего врага. Государственный секретарь Гермелин от имени короля произнес им ответ на латинском языке, а комиссар Сольдан перевел его. В этом ответе уверяли запорожцев в неизменной благосклонности к ним короля и поставляли им на вид, как много хорошего могут они получить, если воспользуются представившимися обстоятельствами, чтоб утвердить свою старинную вольность; воздали, наконец, запорожцам хвалу за их храбрость, оказанную в Цариченке. «Мы, — сказал Гордеенко, — уже послали с сотню москалей крымскому хану напоказ и надеемся, что когда их увидят татары, то станут с ними заодно».

В продолжение нескольких дней по королевскому приказанию угощали запорожцев; те, которые воевали в цариченской битве, получили 1000 золотых в разделе между собою. Гордеенко и старшины получили еще особо суммы от короля при открытом письме, которое надлежало прочитать в Сече на раде: иначе сечевики стали бы домогаться, что и эти суммы следует разделить между всеми поровну, как обыкновенно у них делилась добыча. Мазепа от себя подарил запорожцам 50 000 золотых в раздел, а сечевым старшинам особо каждому немалые суммы. Запорожцы и украинские козаки заключали между собою обязательство действовать взаимно, и Мазепа, как гетман козацкий, за все украинское козачество присягнул на Евангелии и на распятии, в котором вложены были частицы святых мощей. Мазепа сделался опять нездоров, не выходил из покоев и произнес присягу у себя. Запорожцы присягали в будищанской церкви.

Тогда составлен был проект договора со шведами в четырех пунктах, и Мазепа представил его на утверждение королю. Король шведский обещал не заключать с царем мира иначе, как с тем условием, чтоб Украина и Запорожье навсегда были изъяты от московского владычества со своими древними правами и привилегиями, какими пользовались с незапамятных времен. Король обещал во все время пребывания шведов в пределах Украины размещать свои военные силы так, чтоб они занятием квартир не причиняли обывателям вреда. Король обещал прощение сельским жителям, покидавшим свои жилища и показывавшим вражду к шведам, если они возвратятся в места своего жительства и станут доставлять шведам продовольствие. Король даст своим войскам приказание по отношению ко всем малороссиянам соблюдать строгую дисциплину. Все это подписал король шведский.

Тогда запорожцы заявили перед королем желание: как бы открыть поскорее генеральный бой с неприятелем. На это от короля дан был им в таком смысле ответ: военные операции зависят от времени и от намерений неприятеля, заранее невозможно определять времени и места для битвы; но король похваляет запорожцев за их воинственные побуждения и будет по возможности им содействовать. Запорожцы были довольны таким ответом и в знак удовольствия махали шапками и саблями. В последний день запорожцы были допущены к целованию королевской руки и приглашены к королевскому обеду на два стола. После того они. уехали.

Гордеенко толковал с Мазепою и присягал в будищанской церкви с 50 человеками, как говорят шведские историки: то были, вероятно, куренные атаманы, но с ними приходил в королевскую квартиру немалый отряд сечевиков. По отходе от короля проезжали они мимо Полтавы. Русские, завидя их со стен, начали по ним палить. Тогда, по приказанию Гордеенка, сотня запорожцев подскочила к городским стенам, дала залп и повалила нескольких человек на стенах. Один запорожец ловко попал пулею в стоявшего на башне офицера царского войска в расшитом золотом мундире, и Гордеенко заметил провожавшим его шведам, что у них наберется 600 молодцов, умеющих так метко попадать из ружья. Запорожцы взялись провезти служившего в шведской армии волоха Сандула с письмами от Мазепы к сераскиру. Мазепа извещал последнего, что теперь самая удобная пора атаковать москалей. Король шведский был тогда очень недоволен медлительностью турецкого двора и говорил: «Турки ослепли: не видят случая воротить себе отнятые у них московитами провинции».

То обстоятельство, что запорожцы объявили себя за Мазепу, отчасти могло поднять его дело хоть на короткое время. Малороссийское поспольство не любило гетмана Мазепу, издавна привыкши считать его ляхом, перекинувшимся в козачество, но могло поддаться обаянию запорожцев, на которых издавна смотрело как на борцов за простой народ, и недаром князь Григорий Долгорукий писал царю от 3 апреля: «Вор кошевой яд свой злой продолжает и непрестанно за Днепр пишет, чтоб побивали свою старшину и к нему через Днепр переходили, и уже такая каналья за Днепром собирается и разбивает пасеки».

Наказным атаманом в Сече, за отсутствием Гордеенка, был Яков Симонченко. Неутомимый миргородский полковник прислал в Сечь Козаков с письменным увещанием не слушать Гордеенка и пребывать в верности государю. Симонченко приказал прочитать письмо Апостола в «раде» и спрашивал совета — что делать. Запорожцы закричали: послать кошевому «лист» миргородского полковника, а тех, что привезли этот лист, приковать за ноги к пушке. Немногие стали говорить, что не нужно поступать таким образом, но голоса их оказались в меньшинстве. Перекричали сторонники Гордеенка, приковали к пушке Козаков и послали письмо Апостола к Гордеенку, совершенно отдаваясь на волю последнего. Через пять дней воротился в Сечу асаул, ездивший к Гордеенку, и тогда Козаков миргородских приковали к пушкам за шеи, а не за ноги, и сказали им, что наказной кошевой Симонченко хочет их расстрелять. Но ловкие козаки ночью разломали друг у друга оковы и ушли из Сечи к своему полковнику. Они сообщали, что в Сече осталось запорожцев не более тысячи; из них козаки старые не хотят изменять царю, но верный товарищ Гордеенка, Симонченко, и с ним вся «сирома» склонны к бунту против царя и ненавидят москалей.

Вообще, однако, запорожское братство стояло на такой тряской нравственной почве, что нельзя было поручиться за долговременность ни такого, ни иного направления: сегодня в Сече возьмет верх одна партия, на другой день пересилит ее противная. Не могли слишком полагаться и шведы на обещанные Гордеенком единодушие и горячую готовность запорожцев идти в бой против москалей. Сам Гордеенко, ворочаясь от короля и Мазепы в Сечу, говорил на пути жителям: «Разглядел я этих шведов, — полно при них служить! Мне теперь кажется, лучше нам по-прежнему служить царскому величеству». У него то было обычное запорожское «вередование» (капризничанье): часто запорожец говорил вслух совсем противное тому, что думал. Но действительно в Сече не совсем еще бессильна была партия старых Козаков, не расположенных вообще к крутым переменам. Еще не успел вернуться Гордеенко в Сечу, как к нему прибыло 17 человек с письмом, в котором запорожцы писали своему кошевому: «Как ты делал, так и отвечай; ты без нас вымышлял, а мы, верные слуги царского величества, выберем себе вместо тебя другого кошевого». Об этом известился 5 апреля Меншиков, находившийся в Харькове, а 12 апреля в Харьков пришло известие, что в Сече «рада» отрешила Гордеенка и выбрала в кошевые атаманы Петра Сорочинского. Этот человек правительственными лицами считался благонамеренным, и когда известили царя Петра о таком выборе, он отвечал Меншикову: «Сорочинский человек добрый, я его сам знаю». Сначала этот новый кошевой таким действительно и показал себя: он отправил универсал к запорожцам, находившимся при Гордеенке, и своею властью приказывал им покинуть отрешенного кошевого, воротиться в Сечу и оставаться в верности государю. Но в Сече затем собирались рады за радою и на этих радах происходили междоусобные драки; подробностей мы не знаем, но изо всего вышло то.

что хваленый Петро Сорочинский передался на сторону Мазепы и по его поручению отправился лично в Крым просить у хана помощи против москалей.

Еще в феврале царь послал к шведскому королю генерал-аудитора предлагать размен пленных. Русским особенно хотелось освободить из плена русского резидента в Швеции Хилкова, арестованного при самом начале войны в Стокгольме, тем более что царь уже отпустил на свободу шведского резидента в России Клипперкрона. Карл не согласился отпускать Хилкова, представляя, что Клипперкрон несколько лет сряду прежде был резидентом в Москве, а Хилков приехал и задержан тогда, когда уже царь начал войну. Царский посланник привез письмо от Головкина к Пиперу с предложением съезда уполномоченных для заключения мира с тем условием, чтобы России уступлена была часть Карелии, издавна составлявшая часть Русской державы, и часть завоеванной в Ингрии полосы, где находился Петербург: за это, однако, изъявлялось желание дать Швеции вознаграждение деньгами. Сверх того, царь хотел, чтобы обе стороны обязались не вмешиваться в дела Польши, предоставив ей самой устроиться. Но такие предложения были не новы для короля, и Карл сказал: «Это предложение делается нам только для того, чтобы раздуть огонь войны. Пусть царь заплатит нам все убытки, нанесенные Швеции войною, которую он поднял». Такие убытки ценили тогда шведы до миллиона рублей. После того в марте приехал к царю в Воронеж, по делу о размене пленных, посланник от короля шведского и между прочим просил у царя от имени Карла позволение купить лекарств и вина для шведского войска. Петр не только дозволил, но велел отпустить то и другое безденежно.

Между тем шведы, занявши Украину, нашли там своих единоземцев, взятых в плен, между которыми были женщины и дети. Иные с радостью обращались к соотечественникам и просили их взять с собою, но были и такие, что, живучи долгое время в чужой земле, приняли православную веру, завели семейные связи, а некоторые, будучи невольниками, полюбили своих господ и не хотели с ними разлучаться. Не зная, что такое шведы, ненавидя Мазепу, приставшего к ним, и возбуждаемые царскою стороною, малороссияне с первого раза относились к ним враждебно: но когда с ними ознакомливались, то начинали относиться к ним иначе. И это было заметно по окраинам Полтавского полка в соседстве с запорожцами, которые всегда имели на жителей этого края нравственное влияние. С своей стороны, русские военачальники не слишком мягко относились к тем малороссиянам, которые приставали к шведам. Генерал Рен, русской службы немец и лютеранин, посылал народу универсал, угрожая бедою тем, которые будут оказывать расположение шведам, и честил последних неверными. Другой русский военачальник, также немец, Кампель, взял городки Маячку[322] и Нехворощу[323] и в обоих городках истребил всех жителей. За то запорожцы овладели Новым Санжаровым[324] и другими городками вдоль Ворсклы до ее устья у Переволочны и просили шведов выгнать москалей из полтавской территории, чтобы открыть сообщение с Запорожьем. Король, в содействие запорожцам, послал туда с отрядом генерала Крузе. Шведы и козаки перешли Ворсклу у Соколки[325] вплавь и 12 апреля нанесли поражение генералу Рену.

Но этот успех был недолговременен. Шереметев отправил полковника Яковлева с двумя тысячами солдат на Келеберду[326]. Приплывши к этому местечку 16 апреля, Яковлев послал требование, чтобы жители покорились царю. Келебердинцы, поджигаемые запорожцами, «учинились противны». Тогда Яковлев приказал идти на приступ. Келебердинский сотник

---

322 Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Орели.

323 Ныне местечко Константиноградского уезда при р. Орели.

324 Большое местечко Кобылякского уезда при р. Ворскле.

325 Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Ворскле.

326 Ныне местечко Кременчугского уезда при р. Днепре.

предлагал покорность, но она показалась Яковлеву неискреннею, и он приказал солдатам продолжать приступ. Сотник и жители успели уйти; сотник убежал в Переволочну. Яковлев сжег Келеберду, пощадивши только церковь. Это сделано было в отместку за то, что прежде келебердинцы доставляли провиант Мазепе и запорожцам, а свои семьи отправили под защиту запорожцев. 18 апреля Яковлев прибыл к Переволочне. Там находился запорожский полковник Зинец с тысячью сечевиков. Ему повиновались тамошние обыватели и набежавшие в Переволочну люди из окрестных селений в числе двух тысяч. В местечке Переволочне был замок с гарнизоном из 600 запорожцев и достаточно запасов, так что можно было держаться несколько дней. Яковлев, по данному ему наказу, прежде всего послал предложение сдаться и признать власть царя; запорожцы отвечали выстрелами из пушек и ружьев. Запорожцы считали себя искуснее москалей в военном деле, но ошиблись. Русские военные люди были многочисленнее и искуснее защитников Переволочны: они ворвались в местечко, рассеяли защищавших его Козаков и стали метать в замок ядра и бомбы; защитники отстреливались, но ничего не могли сделать. После двухчасового дела замок был взят, запорожцы в числе 1000 человек побиты, иные засели обороняться в избах и сараях и были там сожжены вместе с их убежищами; прочие все бросились спасаться бегством, но попали в Ворсклу и в Днепр и потонули. Взято было в плен только 12 человек; солдаты в погоне за беглецами без разбора всех убивали, не щадили ни женщин, ни детей. В Переволочне была самая удобная переправа через Днепр, и потому там находился большой запас судов, на которых сразу можно было переправить через реку до 3000 человек. Полковник Яковлев приказал все эти суда сжечь, также велел истребить огнем в местечке мельницы и все хоромное строение, которого там было немало, потому что Переволочна считалась в Украине городом богатым, торговым, где существовала и таможня, с которой доход шел в войсковый скарб Запорожской Сечи. Неудача в Переволочне до такой степени навела уныние на запорожцев, что они стали покидать городки на Ворскле, где уже разместили свои гарнизоны.

Исключительно только там, где находились запорожцы, продлялось до некоторой степени и народе расположение к шведской стороне. Во всех других местах Украины народ продолжал оказывать вражду к шведам. В апреле, как только началась теплая погода, мужики, составляя шайки, уходили в только что развившиеся леса и оттуда выскакивали на партии шведских солдат, ездивших за фуражом, а самые смелые даже беспокоили шведов в их квартирах; как только офицеры и солдаты выйдут за чем-нибудь из своих помещений, так внезапно и нападут на них мужики; не было возможности помешать таким набегам после того, как из Гадяча и Зенькова удалились шведские войска. Напрасно Мазепа рассылал свои универсалы и в них убеждал собиравшихсяв леса мужиков возвратиться в свои дворы, уверял. что шведы люди добрые, за каждую малую услугу щедро вознаграждают, что, наконец, напрасно хозяева прячутся в лесных трущобах, потому что шведы там могут удобнее их истребить и «владеть всем, что они туда сносят, тогда как во дворах шведы с хозяевами ничего дурного не делают. Малороссийские мужики выходили из своих лесных берлог только за тем, чтобы красть шведских лошадей или убивать шведских солдат. Некоторые были пойманы шведами и казнены. В Решетиловке[327], где стоял генерал Крейц, схватили двух мужиков, которые подкладывали огонь под избу; им отрезали уши и носы и в таком виде отправили к Шереметеву. Но эти примеры не прекратили повсеместной партизанской войны малороссиян против шведов. В самой главной квартире короля и Мазепы. Будищах, делалось опасно, ожидали точных нападений, а смелый король, презирая всякие опасности, не заботился учреждать караулы.

Шведское войско, не пополняемое свежими силами, умалялось и начинало деморализоваться. Хотя короля своего все уважали, но повиновение генералам ослаблялось. Возникали сомнения в счастливом исходе войны, а служившие в шведском войске чужеземцы стали мало-помалу переходить к русским. В военном совете генералов происходила рознь. Некоторые по-прежнему советовали отступить за Днепр, в польскую территорию. Пипер был того же мнения, представляя, что тогда король может соединиться с Станиславом и с корпусом

[327] Ныне большое местечко Полтавского уезда при р. Голтве.

генерала Крассова, стоявшим в Польше. Мазепа более всех противился этому и добивался прежде овладеть Полтавою, дабы иметь опору в Украине и находиться в постоянном сношении с Запорожьем. Карлу казалось, что Полтаву взять легко, потому что она укреплена не особенно искусно, а работы осадные предоставлялись запорожцам. Тогда генерал-квартирмейстер Гилленкрок, вообще не расположенный оставаться в Украине и постоянный противник Мазепы, иронически сказал своему королю: «Если с нами не станется какое-нибудь чудо, то ни один из нас не выйдет из Украины; потеряет король и свое войско и свое государство и будет несчастнейший из государей в истории».

Еще 17 апреля Карл отправил часть своего войска держать в блокаде Полтаву. Копанье траншей возложено было на запорожцев и на малороссийских мужиков, которых согнали туда поневоле. 24 апреля по приказанию короля вышел из Решетиловки генерал Крейц, счастливо избегнул преследования от Шереметева и примкнул к королевскому войску. 1 мая Меншиков из Харькова прибыл с частью царского войска к Полтаве и установился по левому берегу Ворсклы, против Опошни, до Котельвы. Шереметев 19 апреля стал между Сорочинцами и Голтвою и находился в постоянной коммуникации с Меншиковым, для чего учреждена была почта: письма передавались через мужиков генералу Рену, стоявшему с кавалерией на берегу Ворсклы, ниже Полтавы. Несколько времени не было никаких действий между неприязненными военными силами, которых разделяла река Ворскла. Но у самой Полтавы происходила деятельная работа: копались траншеи, насыпались шанцы, в Полтаву бросались понемногу бомбы. По временам посылались партии для ловления языков.

Между тем из шведского стана и из мазепинского кружка приходили перебежчики. Так, к миргородскому полковнику пришли два ротмистра с двумя волоскими хоругвями и Мазепин конюший, а потом от Мазепы ушел какой-то полковник с 80 козаками — человек, в котором Мазепа так был уверен, что сказал: теперь не знаю, кому верить.

1 мая шведский король переехал в Жуки поближе к Полтаве. Мазепа с обозом оставался в Будищах. Король наблюдал над ходом осады.

7 мая, когда шведская артиллерия действовала против Полтавы сильнее, чем прежде, Меншиков созвал генералов на военный совет. Порешили: для отвлечения неприятеля от Полтавы отправить вниз по течению Ворсклы сильный отряд под начальством генерала Беллинга, перейти Ворсклу, обойти Полтаву и направляться к Опошне, а другой отряд, под начальством генерал-квартирмейстера Гольца, послать вверх по течению Ворсклы, переправиться через мост против Опошнн и из этого отряда послать к Будищу часть кавалерии под командою генерала Шаумбурга я полковника Кропотова. Переход через Ворсклу в обоих пунктах совершило! ночью с большими трудностями: конница принуждена была переходить через безмерные болота и вплавь через глубокие воды. Посланные вверх по течению Ворсклы, по переходе ее, встречены были сперва огнем из ретраншамента, устроенного на берегу, а потом натиском трех конных и двух пеших шведских полков, выдвинувшихся из Опошни на выручку сидевшим в ретраншаменте; но русские отбились, заставили неприятеля уйти в Опошню и зажгли предместье за ним. Неприятель заперся в замке. Если бы генерал Беллинг мог подоспеть, замечал в своем донесении Ментиков, то ни одного бы человека не ушло тогда от русского оружия; но Беллинг не мог поспеть в пору и действовать на неприятеля с тыла, потому что ему приходилось совершить большой обход ночью.Тем не менее русские успели взять в плен 750 шведов и освободить несколько сот малороссийских мужиков, согнанных шведами из разных селений на работы к Полтаве. Между тем из Будищ поднималось шведское войско; сам король шел на помощь к своим с графом Реншильдом. Русские благополучно отступили через мост, разрушивши его за собою. Цель была достигнута. Неприятель встревожился, стал отступать от Полтавы. Комендант Келин сделал вылазку; изрубили многих шведов, оторвали часть шведского обоза, а на другой день перекопали неприятельский подкоп, веденный под часть полтавских укреплений, называемых Мазуровским валом, и выбрали подложенный шведами порох.

После этого шведы оставили Будища и разрушенную Опошню, — и все шведское войско приблизилось к Полтаве. Главная квартира короля и Мазепы заложена была в Жуках.

Русское войско перешло реку Мерлу и стало прямо против Полтавы. Почва, где оно расположилось, была болотиста; русские устроили себе род мостовой из фашин и возвели

несколько батарей; против них король приказал устроить два редута с четырьмя орудиями.

Полтавский гарнизон умалялся. Надобно было впустить в город свежие силы. Меншиков приказал в разных местах насыпать новые редуты и строить мосты, показывая вид, будто намерен переправлять войско. Но то были сложные атаки, предпринимаемые и вверх и вниз по течению Ворсклы, чтобы привлечь туда внимание шведов. Между тем при помощи малороссийских поселян, знавших хорошо местность, насыпана была в ином месте плотина, и ночью с 15 на 16 мая по этой плотине благополучно проведен был бригадир Головин с 1200 солдат (а по иным известиям с 900) и со всею потребною амуницией в Полтаву. Но за этим удачным событием, по оплошности того же Головина, произошло другое событие, неприятное для русских. 18 мая, когда между шведскими и русскими редутами шла горячая перестрелка, Головин из Полтавы сделал вылазку с 400 человек, но так неудачно, что шведы две роты положили на месте, а сам бригадир Головин был взят в плен с сорока солдатами; остальные, «приведенные в великую конфузию», ушли в Полтаву.

В то же время совершилась окончательная расправа с Запорожьем. Полковник Яковлев 28 апреля получил из Харькова, от Меншикова царский указ и поплыл по Днепру в Старый Кодак. Запорожский полковник, начальствовавший в этом городке, не сопротивлялся с большинством товарищества и принес повинную, но некоторые удалые убежали на острова. Яковлев всех покорившихся законной власти отправил в Новобогородск, а против убежавших на острова послал погоню. Спасаясь от погони, многие из бежавших ушли из островов в степь. Русские успели нескольких побить и взяли в плен 11 человек, из которых трое оказались великороссийскими беглыми солдатами из Киева; были там и бабы с детьми — остатки жителей, убегавших из Украины в Запорожский край.

30 апреля Яковлев переплыл через Кодацкий порог; разбило у него два судна, но людей на них не погибло никого. Причиною такой потери было то, что лоцманов, умевших проводить суда через пороги, не было: все кодацкие жители разбежались, а место их на судах занимали новобогородские стрельцы. Тут стали приходить к Яковлеву запорожцы с повинною, но Яковлев заметил, что это делается неискренно: взятые в плен на островах показали, что приезжавшие к ним запорожцы уговаривали их. чтоб они не склонялись на царскую сторону, а шли бы в Сечу чинить отпор царскому войску. Полковник Яковлев приказал сжечь Старый и Новый Кодак с их предместьями с той целью, чтобы там уже не было более пристанища «ворам». Он отправил в обе стороны от Днепра в степи отряды, в одну сторону — царского войска подполковника Барина и козацкого полковника Кандыбу, в другую — царского войска подполковника Башмакова, и приказал истреблять без остатка бежавших мятежников. Скоро затем подоспела конница, отправившаяся по берегу Днепра, в то время как пехота села на суда. Тогда полковник Яковлев сообразил, что теперь плывущие по Днепру будут обезопасены от внезапного нападения противников с берега, и плыл далее.

7 мая приплыл Яковлев с своим отрядом к Каменному Затону, к городку, построенному близ самой Сечи. Вступать в городок было небезопасно: слышно было, что там есть люди, хворающие заразительною болезнью. Яковлев расположился близко городка и послал в Сечу козака Сметану с увещательным письмом князя Меншикова к запорожцам. Сметана не возвратился. Пойманный запорожский козак сказал, что посланца, привезшего письмо, вместо ответа бросили в воду. Яковлев попытался послать в Сечу другое письмо, уже лично от себя, применяясь к прежде посланному письму князя Меншикова. Пришел от запорожцев ответ — неизвестно, словесный или письменный — в таком смысле, что запорожцы не бунтовщики, держатся стороны царского величества, но царских посланных близко не допускают. Между тем один запорожец, подвергнутый допросу, сообщил, что кошевой Петро Сорочинский и Кирик Менько ездили в Крым, и потом хан прислал из Крыма в Сечу 15 татар, которых запорожцы отправили к Мазепе, а сами с часу на час ожидают вспомогательной татарской силы. Яковлев послал сделать осмотр, как бы ему проникнуть в Сечу. Оказалось, что по случаю сильного половодья вся Сечь была окружена водою и многие курени затоплены. Невозможно было пристать к Сече судами, а по степи, где обыкновенно в другие времена года был сухой путь, глубокая вода захватила пространство сажен на тридцать. Яковлев послал офицеров, переодетых в козацкое платье, рассмотреть, откуда бы можно было приступить к Сече. Они сообщили, что вода нигде не допускает проходить. Посланная на лодках партия солдат напала

на запорожский отъезжий караул; русские перебили и потопили многих запорожцев, привели живьем одного пленника, и тот показал, что все запорожцы, как один человек, не хотят склоняться к царскому величеству. «Замерзело воровство во всех», — выражался Яковлев в своем донесении Меншикову.

Яковлев приказал насыпать шанцы и поставить на них орудия, но стрелять приходилось трудно на далекое пространство через воду, а сухопутьем никак нельзя было приблизиться к Сечи. Приступ начали на лодках: он пошел неудачно для царских сил. У Яковлева было убито от 200 до 300 человек, а раненых было еще больше, и в том числе офицеров: те, которые попадались запорожцам в плен, были подвергаемы бесстыдным истязаниям и мучительой смерти.

Но вдруг поворотилось дело иначе. Явился присланный от генерал-майора Волконского компанейский полковник Игнат Кгалаган с своим полком и с драгунами, поверенными ему от генерала Волконского. Кгалаган не был незнаком с запорожцами. Он провел молодость в Сече, отличался много раз в удалых козацких подвигах; его избирали даже в кошевые. Воротившись от Мазепы, он получил царское прощение и милость, стал верно служить своему государю и теперь, исполняя царскую волю, шел громить Сечу, ему когда-то близкую и, так сказать, родную. Он знал все входы и исходы этой Сечи; все козацкие «звычаи» сечевой братии ему были известны. Сначала запорожцы, увидя идущую к ним новую ратную силу, думали: не татары ли это, которых обещал хан прислать. Но потом, когда узнали, что за гости прибыли к ним, пришли в смятение. Русские ворвались в город и начали избиение. Кгалаган кричал: «Положите оружие и сдавайтесь, будет вам пощада!» Запорожцы впоследствии говорили, что Кгалаган дал тогда присягу, и только доверившись такой присяге, запорожцы покорились. 300 человек было взято в плен; в числе их были старшины запорожского коша. Яковлев приказал знатнейших из пленников заковать, а прочих казнить на месте «по достоинству». Запорожцы впоследствии говорили, что казни эти сопровождались страшною свирепостью. Все пушки, военные принадлежности и войсковые клейноты были описаны и взяты. Яковлев, исполняя царский указ, сжег все курени и всякое строение в Сече, «чтоб оное измен ничье гнездо весьма искоренить», а Кгалаган, в ревности к исполнению царской воли, не остановился только на этом, но отправился в погоню за разбежавшимися запорожцами, ловил их и отдавал на расправу войсковому русскому начальству.

Петр, получивши известие о разорении Сечи, был чрезвычайно доволен, потому что считал Запорожье важнейшим корнем измены и всякой смуты в Украине. Он издал манифест ко всем малороссиянам, излагал в нем вины запорожцев, их коварство, с каким они в последнее время старались обмануть русское правительство, прикидываясь покорными, и в то же время вели вредные для России сношения с неприятелями. Царь оповещал, что запорожцы сами виновны в своей погибели, приказывал ловить убежавших из Сечи и доставлять полковникам и сотникам для отсылки на расправу. Но тем из них, которые сами явятся с повинною и принесут раскаяние, обещалась пощада.

27 мая к войску, стоявшему напротив Полтавы, прибыл Шереметев, а 1 июня приехал туда же давно ожидаемый царь и привел с собою свежие военные силы.

С этих пор сторона шведская заметно стала оказываться слабейшею в сравнении с русскою. У русских беспрестанно прибывали силы и скоро у них было, как говорили, до 80 000; шведы между тем беспрестанно теряли свои силы от большого числа побитых в боях и умерших по причине болезней и всякого рода лишений. Все чаще и чаще становились случаи перебега к русским. Добывание Полтавы не удавалось так легко, как думал вначале король, поддаваясь советам Мазепы и своего фельдмаршала Реншильда, который надеялся, что русские, неучи и варвары, не сумеют вести правильной защиты и скоро сдадутся. Осада затянулась. Попытки небольших приступов были отражены. Шведам удавалось иногда взобраться на крепостной вал: тогда из Полтавыбежали отбивать их не только царские воины, но и жители со всяким оружием, даже старики, женщины и полувзрослые ребята. Шведы подводили под крепостной вал мины, но один унтер-офицер из шведского войска, похитивший ротные деньги и страшившийся за то кары, убежал к русским и открыл им, куда ведется мина, а русские, по его указанию, устроили контрмину и выбрали порох, подложенный к шведской мине. Король с своею обычною отвагою и стойкостью употреблял всякие усилия, чтобы воодушевить воинов

собственным примером. Он приказал устроить помещение для себя близко полтавского вала, так что до стен домика, построенного для короля, долетали неприятельские пули. Все это поддерживало высокое уважение в шведах к своему государю, но делу не могло помочь настолько, чтобы дать шведам перевес в войне. У шведов уже чувствовался недостаток пороха и боевых запасов, и шведские солдаты подбирали на поле неприятельские пули, чтобы снова заряжать ими свои ружья. Почти все инженерные офицеры были у них побиты, и их заменяли офицерами из строевых полков, мало сведущими в инженерном искусстве. Запорожцы, работавшие в траншеях, после нескольких поражений, нанесенных им вылазками осажденных, стали покидать свои земляные работы и кричали, что копаться в земле — дело мужицкое, недостойное их рыцарского звания. Уже в шведском стане чувствовался и недостаток в съестных припасах; истощился небольшой округ окрестностей Полтавы, где размещалось шведское войско; солдаты питались кониною и плохим хлебом, а кружка водки у маркитантов продавалась от семи до десяти талеров. Бедные голодные солдаты вопили: или смерти, или хлеба!

Петр на другой стороне Ворсклы ошанцевал свой стан и устроил на берегу редуты, откуда беспрестанно палили на шведское войско, стоявшее вдоль другого берега Ворсклы, а между русским войском на левой стороне реки и осажденною на правом берегу Полтавою не прерывались сношения. Русские передавали между собою известия посредством писем, заложенных в пустых ядрах и картечах. Вскоре после своего прибытия к войску, 4 июня, Петр послал в пустой бомбе к полтавскому коменданту письмо, извещал о своем приезде, благодарил весь гарнизон за стойкость и утешал его скорым освобождением. Таким способом переброшено было в Полтаву несколько списков и к солдатам, и к горожанам. Это возбудило в Полтаве такую бодрость, что по прочтении царского письма дали в соборной церкви присягу защищаться до последней капли крови и заранее объявляли изменником всякого, кто захочет поступать противно этой присяге. Один благоразумный обыватель на сходке стал толковать, что, ввиду ослабления сил и недостатка средств для осажденных, не лучше ли будет сдать Полтаву, выговорив у неприятеля льготные условия. Полтавцы, услышавши такое слово от своего земляка, пришли в неистовство, тотчас позвали протопопа, приказали ему напутствовать оратора причащением Св. Тайн, а когда дело духовное было исполнено, вывели из храма и побили камнями и дубинами. В русскую армию слались из Полтавы таким же способом письма с извещениями о положении гарнизона. Кроме того, малороссияне справой стороны Ворсклы бесстрашно переплывали реку и приносили русским известия о том, что делается у шведов, так что русским известны были все движения их неприятелей.

14 июня шведы потеряли городок Старый Санжаров, лежавший вниз по Ворскле, покоренный ими еще в апреле и с тех пор служивший пунктом опоры шведской линии и связи с запорожцами, которых притон с кошевым Гордеенком находился несколько ниже по течению Ворсклы в городке Новом Санжарове. В Старом Санжарове поставлен был немногочисленный шведский отряд, но туда отправлены были, в качестве военнопленных, русские, составлявшие веприкский гарнизон, сдавшийся шведам. В числе пленных был там подполковник Юрлов. Он чрез шпиона дал знать в русский стан, что шведов, охраняющих Старый Санжаров, немного; стоит только послать поскорее войско — и можно будет овладеть им. потому что содержащиеся там пленные русские тотчас помогут соотечественникам. По этому сообщению Петр отрядил туда генерал-поручика Гейкинга с семью полками, который прежде прогнал шведского генерал-майора Крузе, потом 14 числа напал на Старый Санжаров. Русские пленные перебили своих караульных и способствовали Гейкингу овладеть городом. Шведы, однако, оборонялись упорно; 800 пало в битве, а остальные сдались в числе 300 человек. Освобождено было 1200 русских пленных. Эта победа стоила русским убитыми и ранеными до двухсот с лишком человек.

В половине июня, к довершению неудобств для шведов, стоявших под Полтавою, наступили чрезвычайные жары, которые усиливали болезненные страдания раненых. Король собрал военный совет затем, чтобы подумать, как далее вести дело. Шведские генералы находили, что всего лучше оставить осаду Полтавы и уйти за Днепр, в польские владения. Но теперь это не так-то легко было: позади стоял гетман Скоропадский с малороссийским войском в Сорочинцах, а к нему примкнул князь Григорий Долгорукий с шестью полками и с 4000

калмыков и волохов. Далее фельдмаршал-лейтенант Гольц вступил на правый берег Днепра, двинулся на Волынь и соединился с польским войском Огинского, противника Станислава. Они в половине мая одержали победу над сторонником Станислава, старостой бобруйским Сапегою, при реке Стыри, недалеко Берестечка. Поэтому возвращение Карла назад, в виду большого русского войска, стоявшего за Ворсклой, было предприятием слишком отважным и небезопасным.

В таком положении Карл начал сходиться с генералом Левенгауптом, на которого косился за неудачную битву под Лесным. 16 июня вечером, когда Левенгаупт не раздеваясь лег на постель, неожиданно вошел к нему король, много дней уже не говоривший с ним, и стал спрашивать совета — что делать. Левенгаупт отвечал, что не может дать никакого ответа. Король стал ходить взад и вперед и потом снова стал его спрашивать с особенно ласковым видом. Левенгаупт сказал: «Остается оставить осаду Полтавы и ударить всеми силами на неприятельский стан». Но генерал тогда же заметил, что королю этот совет не понравился. Ударило 11 часов. «Я слышал, — сказал король, — что русские хотят переходить через реку; поедем вместе верхом к реке».

Поехали. Король стал ездить взад и вперед по берегу неизвестно зачем, и так прошла ночь. Стало рассветать. Наступил день 17 июня — день рождения короля. Тут король спустился еще ниже к реке; из-за реки засвистали пули русских, увидавших неприятелей, совершающих рекогносцировку. Карлу такая прогулка под неприятельскими пулями составляла приятнейшее удовольствие. Это у него носило название: amusement a la moutarde[328], и он нередко любил таким образом проезжаться с своими генералами, чтобы показать врагам удальство и отвагу шведов. «Ваше величество, — сказал ему Левенгаупт, — не оставайтесь здесь так долго. Безо всякой причины нельзя выставлять на убой простого солдата, не то что королевскую особу». Вдруг в это время неприятельская пуля убила под Левенгауптом лошадь. «Ваше величество! — закричал падающий Левенгаупт, — ради самого Бога оставьте это место!» «Bagatelle!»[329] — воскликнул Карл, — вы получите другую лошадь».

После этих слов Карл спустился еще ниже к реке и стал ездить взад и вперед, явно издеваясь над опасностью. Левенгаупту привели другую лошадь. Его беспокоила безрассудная дерзость короля, он подъехал к нему, пытался еще раз отвлечь его и сказал ему в дружеском тоне: «Ваше величество! Нельзя бесполезно губить и солдат, не то что генералов. Я поеду своей дорогой». И с этими словами он повернул свою лошадь. Королю стало неловко: выходило, что он подвергает опасности без всякой цели не только себя, но и своих верных генералов. Он поехал за Левенгауптом, но ехал медленно. Вдруг король завидел или услышал, что неприятель пытается переходить Ворсклу. Встретились ему свои воины, и он приказал им ехать с ним отгонять русских. Русских не было: быть может, королю неверно показалось, что они переходили, или, быть может, они уже отступили, сделавши ложное движение. Король снова стал ездить по берегу то взад, то вперед; наконец, когда он повертывал свою лошадь, чтоб удалиться от реки, вдруг неприятельская пуля задела ему пятку левой ноги, прошла вдоль подошвы и застряла между ножными пальцами. Карл держал себя так, как будто с ним ничего не произошло. Служитель, провожавший его верхом, заметил, что у него из сапога выступает кровь. Карл не тревожился, но стал ослабевать и бледнел. Подогнали его лошадь, чтобы скорее он мог достигнуть стана. На пути встречает его Левенгаупт. «Ах, ваше величество! — произнес он, — сталось-таки то, чего я так боялся и что предрекал». «Ничего, — отвечал король, — это только в ногу; пуля в ноге застряла, но я велю ее вырезать». Несмотря на свое ослабление, он поехал не к себе, а к траншеям, раздавал приказания своим генералам Спарре и Гилленкроку и не раньше как через час вернулся в свое помещение. Рана между тем произвела воспаление, так что нога разбухла и нельзя было снять сапога, пришлось его разрезать, — и это причинило королю жестокую боль. Много костей в ступне оказалось раздробленными. Хирург производил глубокие взрезы и вынимал осколки костей. Карл не кричал от боли, но ободрял хирурга,

---

[328] Забавляться пустяками (франц.)

[329] Пустяк (франц.)

говоря: «Режьте живее, — это ничего». Он даже не допустил никого из присутствующих помогать себе и собственными руками поддерживал изуродованную ногу. Когда после того явились к нему генералы Реншильд и граф Пипер, Карл увидел в их чертах соболезнование и стал их утешать. «Не беспокойтесь за меня, — говорил он, — рана вовсе не опасна; я через несколько дней опять буду ездить верхом».

Однако, как ни бодрился отважный король, а рана заставила, против его воли, пролежать несколько дней в постели. После первой операции появилось дикое мясо; хирург боялся употреблять в дело инструмент и хотел выжигать больное место ляписом. Король не допустил его, взял у него из рук ножницы и собственноручно, по указанию хирурга, обрезывал себе дикое мясо. Была сильная жара, все боялись, что образуется гангрена и придется королю отнимать ногу. Медики оставляли уже ему какие-нибудь сутки жизни. Это состояние постигло короля на пятый день после получения раны. Только тогда уговорили его принимать предписываемые врачами лекарства, так как он всегда не терпел лечиться. Когда его, наконец, принудили принять медикамент, он заснул и после того ему становилось лучше. В продолжение того времени, когда раненый должен был оставаться в постели, его «тафельдекер» Гутман потешал больного короля рассказами о старых скандинавских битвах героических времен; особенно королю понравилась сага о Рольфе Гетрегсоне, который одолел русского волшебника на острове Ретузари, покорил своей власти русскую и датскую земли и через то приобрел себе славу на всем свете. Очевидно, Карлу хотелось тогда сделаться таким сказочным богатырем.

Глава шестнадцатая

Переход русского войска на правый берег Ворсклы. — Приготовления шведов к сражению. — Ночь накануне битвы. — Утро. — Нападение шведов на русские редуты. — Неудача у русских. — Выступление Меншикова на поле битвы. — Плен шведских генералов Шлиппенбаха и Рооса. — Принятие Петром главной команды над армиею. — Носилки шведского короля. — Плен Реншильда. — Совет Левенгаупта. — Карл в своем обозе. — Совершенное поражение шведов. — Мужество Карла и Петра. — Плен Пипера и шведских генералов. — Пир царя Петра. — Тост за Карла и за учителей. — Погоня за разбитым неприятелем. — Погребение убитых. — Вступление Петра в Полтаву. — Мирные предложения Карла. — Ответ Петра. — Царские именины. — Вторичный пир на поле битвы. — Шведские пленники. — Мазепинцы.

Для обеих враждующих сторон стало одинаково несносно стоять долгое время на двух берегах реки и не предпринимать ничего решительного. Обе стороны желали скорее чем-нибудь кончить. Шведы в чужой земле оставались без свежих сил, им грозило оскудение средств к жизни, но и русских не могли не беспокоить известия из Полтавы, что жизненных средств могло там стать не более, как на две недели. Сначала Петр думал освободить Полтаву от осады, не вдаваясь в генеральное сражение, но 18 июня пришел к иному убеждению. На военном совете вечером этого дня решено перевести всю армию на правый берег Ворсклы. 19 июня русские начали переход под селом Петровкою[330] по устроенному там мосту, а 20 числа все войско уже было переправлено. 25 июня русские подвинулись к Полтаве и выстроились версты за полторы от шведского войска. С чрезвычайною быстротою русские вывели в одну ночь ретраншемент, по правую сторону от него расположили свою кавалерию между лесом, а впереди кавалерии устроили 10 редутов.

Ни в русском военном совете, ни в шведском стратеги не пришли окончательно к решению — начинать ли атаку или ожидать ее от противников. Этот вопрос решил Карл с своей обычною отвагой и горячностью. В шведский стан явился из русского перебежчик немец и сообщил, что русские ожидают прибытия многих тысяч калмыков. Таким образом русские силы должны будут умножиться. Король решил, что надобно предупредить усиление

[330] Ныне село Полтавского уезда при р. Ворскле в 14 верстах от Полтавы.

неприятеля и вызвать русских на бой ранее, чем успеют присоединиться к ним калмыки. Русские силы в их настоящем размере несравненно превосходили количеством шведские, но король не верил ни в храбрость, ни в искусство русских и потому при малочисленности своих войск не устрашился еще и разъединить их. Две тысячи человек послал он охранять траншеи, прорытые около полтавского вала, так как не оставлял желания во что бы то ни стало овладеть упрямою Полтавою. 2400 человек посланы были для охранения багажа, где находился Мазепа, который от старости и тревог видимо уже день ото дня угасал. 1200 человек посланы были караулить Ворсклу ниже Полтавы, чтобы не дать русским в этих местах переправиться и окружить шведов с тыла. Сверх того, шведы расставлены были в городках: Новом Санжарове, Беликах[331], Соколках и Кобыляках, что составляло вместе 1200 человек. У Карла оставалось в деле, по шведским источникам, в строю только 13000, кроме запорожцев. По русским источникам, шведов было около сорока тысяч. Нет сомнения, что шведские сведения о такой малочисленности войска, бывшего в деле на полтавском поле, не выдерживают никакой критики, как показывает известное нам число убитых и взятых в плен.

В воскресенье, 26 июня, после вечерней молитвы, которую Карл XII, как благочестивый лютеранин, всегда слушал в походах, было объявлено в шведском стане, что завтра будет генеральное сражение. Карл объявил, что будет принимать участие в битве, но по причине раны не может командовать войском лично: он назначил вместо себя на время битвы главнокомандующего фельдмаршала графа Реншильда. Король был в самом бодром настроении духа и говорил своим генералам: «Завтра мы будем обедать в шатрах у московского царя. Нет нужды заботиться о продовольствии солдат, — в московском обозе всего много припасено для нас».

И в русском войске готовились к генеральному сражению. Петр объезжал свои войска, и, остановившись перед дивизией Аларта, произнес такую ободрительную речь:

«Король шведский и самозванец Лещинский привели к своей воле изменника Мазепу и клятвенно утвердились отторгнуть Малую Россию, учинить из оной независимое княжество под властью того изменника, присоединив к оному Волынь и подчиняя ему же, Мазепе, Козаков запорожских и донских. Такою надеждою льстяся, изменник уповал собрать войска козацкого до двухсот тысяч, подкупил Порту, крымского хана и орды на нас, и для исполнения сего злоумышления призвал в Малороссию короля шведского со всеми его силами и Лещинского, поспешавшего уже в соединении с ним с 25 000 польских войск. Но помощью Божиею козацкие и малороссийские народы вразумлены, остались нам верными, шведского войска через разные победы и лютость прешедшей зимы истребилось до половины, войска Лещинского побиты и разогнаны, султан мир с нами подтвердил и от помощных войск им отказал, хану и ордам соединяться с ними строго воспретил; и ныне неприятельского войска против нас осталось только 34 полка и те неполные, изнуренные, оробевшие. Остается над сими оставшими довершить вам победу. Порадейте же, товарищи! Вера, церковь и отечество сего от вас требуют».

В сумерки вся шведская пехота была выведена в поле. Приказано было всем каждоминутно быть готовыми к бою. Кавалеристам дан был приказ, чтоб у всех лошади были оседланы. Наступила ночь темная; луна была в ущербе. Карл велел обвязать себе больную ногу свежею повязкою, другую ногу обул в сапог и сел в носилки, держа обнаженную шпагу в руке. Его главный министр Пипер, генералы Реншильд и Левенгаупт легли на земле около королевских носилок. Некоторые из шведов на короткое время уснули, другие не хотели заснуть и развлекали себя разговорами, толковали, как на этих самых полях, по их представлению, Тамерлан покорил себе западные народы. С полуночи, когда взошла луна и стало виднеться, шведы стали двигаться вперед различными колоннами. Занялась заря; шведы заметили. что и в русском стане уже копошатся. Стало всходить солнце, и шведам представилась русская кавалерия: она уже стояла в строю, прикрытая только что выведенными редутами, из которых три не были еще вполне оконченными.

Через два часа после солнечного восхода Реншильд приказал сделать атаку на русские

---

[331] Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Ворскле.

редуты. Начальство над этою пехотою поручено было генералам — Акселю Спарре и Роосу; первый должен был овладеть тремя редутами влево, а Роос — другими четырьмя вправо. Первый удачно исполнил свое дело. Русская кавалерия была смята, пехота покинула редуты. Впоследствии Петр сознавался пленным шведским генералам, что в это мгновение в русском стане произошел большой переполох; русские собирались уже запрягать багажные телеги и отступать. Увидя замешательство русских, Пипер испросил у короля дозволение двинуть генерала Крейца, командовавшего левым крылом, всодействии со Спарре и вместе с ним преследовать русских, покинувших свои редуты, и не допустить их придти в себя после поражения; но Реншильд оскорбился: как смеют другие без его ведома вмешиваться в распоряжения, когда король назначил его одного главнокомандующим. Прибежавши к Пиперу, Реншильд, в присутствии короля, стал выговаривать министру. Король остановил порыв своего фельдмаршала, но в угоду ему тотчас послал приказание Крейцу оставить преследование русских и занять лесное возвышение, находившееся на западной стороне, вне действия русских орудий.

Эта ошибка внезапно поправила дело русской армии, начинавшей уже расстраиваться. Кавалерия, порученная генералу Боуэру, за раною командовавшего прежде генерала Рена, пришла в порядок, а тем временем царь приказал Меншикову. командовавшему левым крылом русской армии, ударить на неприятеля с десятью полками, составлявшими 10 000 воинов. Тут судьба всей битвы повернулась иначе. Меншиков ударил на часть корпуса Рооса, находившуюся под командою Шлиппенбаха, и нанес ему такое поражение, что сам Шлиппенбах со всем своим штабом был взят в плен. Генерал Роос обратился в бегство, но Меншиков отправил за ним в погоню генерала Ренцеля: тот загнал Рооса до шанцев, воздвигнутых шведами под самою Полтавою, и принудил его сдаться в плен со всем отрядом.

Был девятый час утра. Между шведскими военачальниками не было никакого ладу. Когда генералу Спарре был дан приказ спешить на выручку Рооса, он, воротившись без успеха, говорил, что у Рооса достаточно войска, и если Роос с ним не сможет обороняться, то пусть идет к черту. Левенгаупту король дал приказание соединиться с Крейцем, но Реншильд, уже прежде не ладивший с Левенгауптом, раздражился за то, что это делается без его ведома, и начал браниться с Левенгауптом, а король заперся в том, что сам дал Левенгаупту приказ. Отделы шведского войска двигались с места на место, не зная сами, что делают. Это заметил царь Петр, двинул на них все свое войско и принял над ним сам верховное начальство.

Тогда наступило полное замешательство. Короля повезли в носилках лошадьми; 12 драбантов и 24 гвардейца окружали его. Карл велел вести себя в самый огонь битвы. Под его носилками убита была лошадь; гвардейцы выпрягли из-под носилок остальную лошадь и понесли носилки на руках. Но близ короля пало трое драбантов, побиты были носильщики, и наконец самые носилки раздроблены пулями. Тафельдекер Гутман кое-как связал их уздами с павших лошадей. Пользуясь минутным перерывом битвы, Карл выпил воды, приказал перевязать себе раненую ногу и нести себя далее в разгар битвы, чтобы собственным примером отваги возбуждать своих воинов. Генералы Левенгаупт, Спарре, Герд употребляли все усилия, чтобы привести в порядок войско, но все было напрасно. Вдруг под королем опять раздробило носилки, и он упал на землю. Солдаты, издали увидев эту сцену, думали, что король уже убит, и это увеличило смятение. Король, лежа на земле, думал еще как-нибудь остановить потерянных воинов и кричал: «Шведы! шведы!..», но его отчаянный крик терялся в суматохе. Подбежал к королю Реншильд и, обращаясь во все стороны, громко вопил: «Наша пехота пропала, — ребята, спасайте короля!» Затем сам Реншильд бросился в омут битвы и тотчас был взят в плен.

Подобно кораблю, разбитому бурею, метался остаток разбитой шведской армии, говорит шведский историк. Офицеры были побиты или взяты в плен; солдаты без команды метались то в ту, то в другую сторону, сами не зная, что им нужно делать. Левенгаупт, увидя, что делается с королем, кричал: «Ради самого Христа, не оставляйте короля в беде!» Кучка солдат подняла короля. к ним пристали конные. Драбант Брадке посадил короля на свою лошадь. Положивши больную ногу на шею лошади, Карл отдался другим спасать его от опасности быть убитым или полоненным. «Что теперь делать?» — спрашивал он, встретивши Левенгаупта. «Отступать к багажу», — говорил Левенгаупт. Но отступление было уже немыслимо. Происходило полное беспорядочное бегство разбитого в пух и прах войска. Командиры кричали на подчиненных:

«Стой», подчиненные кричали один к другому: «Стой!» — и все бежали. Вдруг неприятельская пуля поразила лошадь, на которую посадили Карла, и в это время настигали его русские; шведский король неизбежно попал бы в плен, но капрал Гиерта поспешно дал ему свою лошадь. Не без труда Карл, при помощи других, сел нанее и ускакал во всю прыть, все-таки каждую минуту ожидая, что его или убьют выстрелом, или нагонят и возьмут в плен. Капрал Гиерта, отдавши королю свою лошадь и сам будучи ранен, дотащился под плетень, чтобы там умереть, но увидел его королевский конюх, который вел одну из королевских лошадей, посадил на лошадь, и таким образом капрал Гиерта догнал короля, скакавшего к тому месту, где находился обоз.

Если Карл в этот день показал редкий пример храбрости, отваги и неустрашимости, то не менее его доблестным оказался и соперник его Петр. На нем была прострелена пулею шляпа, другая пуля попала в пуговицу на седле, на котором он сидел, третья ударила его в грудь, но наткнулась на длинный крест (тельник), — и это спасло царя.

Граф Пипер, постоянно находившийся при своем государе, когда увидал, что все уже пропало, поворотил к обозу вслед за Карлом. Пипера сопровождало несколько особ, и в числе их был историк Карла XII, Нордберг, которого сочинение служило нам в числе источников. Он описывает, что когда они, следуя за бежавшим королем, переходили небольшую долину, заросшую кустарником, и уже выходили на ровное место, вдруг появились калмыки и татары. Идти далее казалось невозможным, чтобы не попасться в руки этим азиатским варварам, от которых европейцы шведы не ждали пощады. Они повернули к Полтаве и сами отдались в плен. Их привели в русский стан к Шереметеву. Фельдмаршал принял графа Пипера очень любезно и почетно. Ему приготовили богато убранный шатер. Шереметев беседовал с ним о тогдашнем положении дел, и шведам речь его показалась очень умною.

Много шведских генералов попалось тогда в плен. Из них знатнейшие были: Реншильд, Стакельберг, Шлиппенбах, Гамильтон, Роос, принц Максимилиан Виртембергский. Когда их представили царю, Петр принял последнего за короля и, узнавши свою ошибку, воскликнул: «Неужели-таки я не увижу сегодня брата Карла?» Но тут царю принесли разбитые носилки короля, до сих пор показываемые в сокровищнице московской Оружейной палаты. Несколько времени Петр думал, что Карл убит; вскоре, однако, принесли ему известие, что король успел убежать к обозу, и Петр, узнавши, что Карл жив, был этим очень доволен. Он питал большое уважение к своему врагу.

После полудня всему русскому войску приказано было выстроиться. Царь выехал без шляпы, благодарил всех за храбрость. дал приказание перевязывать раны и лечить раненых, показывал к ним сострадание. Между тем на поле приготовлена была походная церковь. В час пополудни там отслужили благодарственный молебен, и во время пения «Тебе Бога хвалим» дано было три пушечных залпа. По окончании молебна царь позвал сподвижников на пир, устроенный в шатрах. Царь с генералитетом пировал в особом царском шатре, которого полы были подобраны, а перед шатром на карауле стояла гренадерская рота Преображенского полка. К этому пиру приглашены были знатные шведские пленники — генералы и полковники. Во время пира привели Пипера; и его усадили также за стол. Царь ласково обращался со всеми пленниками, собственноручно вручил фельдмаршалу Реншильду шпагу и похвалил его за храбрость и верное исполнение своего долга. У прочих пленников хотя шпаги были отобраны, но тут же милостиво возвращены царем. «Господа! — сказал, обратившись к пленникам, Петр, — брат мой Карл приглашал вас на сегодня к обеду в шатрах моих, но не сдержал королевского слова; мы за него исполним и приглашаем вас с нами откушать». Поднявши налитой вином заздравный кубок, Петр воскликнул: «Пью за здоровье моего брата Карла!» Потом, при громе пушечных выстрелов, Петр провозгласил тост за здоровье своих учителей. «Кто эти учителя?» — осмелился спросить Реншильд. «Вы, шведы», — отвечал царь. «Хорошо же ваше величество отблагодарили своих учителей», — сказал Реншильд.

Если бы русские, говорит шведский историк, неустанно преследовали шведское войско, то, без сомнения, не выпустили бы с полтавского поля ни короля, ни всего остатка его армии, но Петр увлекся пиром на радости о победе, одержанной в такой степени, в какой, быть может, он даже и не ожидал, и не прежде, как уже вечером спохватился отправить в погоню за отступившим с поля неприятелем генерал-поручиков: князя Мих. Голицына и Боуэра. Они не

застали уже неприятеля, и действительно, это была большая ошибка со стороны Петра: вся цель Северной войны была бы уже достигнута в этот день, и Россия без дальнейших потерь приобрела бы все то, что получила по Ништадтскому миру.

На другой день утром по приказанию царя с 4 часов начали копать могилы для погребения убитых. Все войско было выстроено на этом месте. Две могилы были готовы, и в 6 часов прибыл туда государь. В одну могилу положили тела офицеров, в другую — унтер-офицеров и рядовых солдат; всех их клали в мундирах, в которых они пали на поле битвы. Отслужили над ними обычное последование погребения. Царь, обращаясь к убитым, произнес пред всеми такую речь: «Храбрые воины, за благочестие, отечество и род свой души свои положившие! Вем, яко страдальческими венцами вы увенчалися и у праведного подвигоположника Господа дерзновение имати: споспешествуйте мне в праведном оружии моем против врагов отечества и благочестия, молитвами вашими да возможем в мире прославлять Бога и ваши подвиги». Затем царь положил перед убитыми три земных поклона и первый собственноручно стал засыпать могилы землею. Другие командиры последовали ему, и так совершилось погребение при громе пушек, беглой ружейной пальбе и звуках полковой музыки. Образовался высокий курган: на его вершине Петр собственноручно водрузил крест с надписью: «Воины благочестивии за благочестие кровию венчавшиеся, лета от воплощения Бога Слова 1709 июня 27 дня».

После отправления всего обряда над убитыми русскими Петр приказал похоронить неприятельские тела, поручивши совершать над ними погребальный обряд пленным протестантским священникам. Дано было приказание жителям везде отыскивать и хоронить человеческие и конские трупы.

Наконец, после всего этого, в тот же день, Петр, вообще любивший торжественные въезды и выходы, в сопровождении своих генералов въехал в Полтаву, принимал поздравления от освободившихся из осады солдат своих и всех полтавских жителей, хвалил их за храбрость и стойкость и при всех, в знак своей милости. поцеловал в голову коменданта Келина. В Полтаве царь слушал в церкви благодарственное молебствие при пушечных и ружейных выстрелах, посещал раненых, объявлял награды и в заключение стал обедать у коменданта «чем Бог послал». Во время этого обеда явился к царю в Полтаву шведский генерал Мейерфельд. Карл послал его из-под Старого Санжарова без всякого письменного вида, но с словесным заявлением согласия заключить мир на таких условиях, на каких сам царь предлагал прежде. Петр сказал: «Поздно король принимается за мир; прежде предложенные нами кондиции уже не соответствуют настоящему положению дел. Впрочем, я не отрицаюсь от мира, но только на условиях приличных и сходных со справедливостью». Он послал такой ответ с трубачом, приехавшим с Мейерфельдом, а самого генерала Мейерфельда на время задержал под тем предлогом, что он явился без письменного вида. Вслед за тем царь отправил Меншикова с целым корпусом преследовать шведов, давши приказание, если поймают в плен Карла, то возвратить ему шпагу и провожать его не стесняя, с подобающим уважением, а изменника Мазепу везти заковавши, под строгим караулом и наблюдать, чтобы он над собою чего-нибудь не учинил. Вероятно, эта отправка происходила уже не рано, после всех описанных церемоний, и это было причиною, что Ментиков уже не мог поймать ни Карла, ни Мазепы. как этого желал государь.

29 июня был день царских именин. Устроен был в шатрах другой такой же пир, как и в день победы, и опять были приглашены к нему шведские пленные военачальники. На этом втором пире был между прочим и шведский историк Нордберг. По его известиям, шатры, в которых происходил этот пир, были каждый более чем в 50 аршин длиною. Шведских пленных было там много. Когда уже вставали из-за стола, вошел царь, заговорил ласково с некоторыми из пленников и провозгласил тост за здравие шведского короля. Нордберг при этом замечает, что хотя писали и разглашали. будто Петр ласково говорил с Пипером, но он. Нордберг, как очевидец может удостоверить, что Петр не сказал ни единого слова шведскому министру. После пира в тот же день пленные шведские военачальники розданы были под наблюдение русским вельможам: Меншикову поручен был принц Виртембергский, Головкину — Пипер, Шереметеву — Реншильд, все другие были розданы русским офицерам, сообразно чинам, какие носили шведские пленники, до самых унтер-офицеров и рядовых. Всех отправили в Россию

через несколько дней. Худшая участь постигла малороссиян — мазепинцев, которые взяты были в плен и большею частью сами сдались, увидя шведское дело проигранным. Нордберг, в качестве очевидца, говорит, что их подвергали ужаснейшим истязаниям, ломали им руки и ноги и выставляли на колесах изуродованные тела их; других вешали и на кол сажали. Шведский историк, сообщая эти известия, тут же счел уместным опровергать какого-то другого историка, которого имени он не называет и который утверждал, будто Петр оказал козакам милость. Нордберг положительно заявляет, что такой милости не было. Мы не можем, безусловно, отвергать известия Нордберга, так как свирепые казни над мятежниками и царскими изменниками были в обычае у Петра; но есть несомненные официальные сведения, что некоторые, самые крупные из Мазепиных соумышленников еще до полтавского сражения добровольно явились с повинною в русский стан. То были бывшие генеральный судья Чуйкевич, генеральный асаул Максимович, лубенский полковник Зеленский, компанейский полковник Кожуховский, сердюцкий полковник Яков Покотило, Антон Гамалея, Семен Лизогуб, канцелярист Григорий Григорович и писарь Яков Гречаный. Им не было прощения, как они того просили, — напротив, их подвергли аресту как преступников и уже после 8 августа сняли с них допросы, которые сохранялись в делах архива Коллегии иностранных дел. Все они уверяли, что не были заранее в соумышлении с гетманом, прикидывались завлеченными посредством обмана. Но срок, объявленный для тех, которые отстанут от Мазепы, давно прошел, и ясно было, что эти малороссияне явились уже только тогда, когда увидали, что затеи освободиться от московской власти никак удасться не могут. Их увертки не были приняты во внимание. Царь указал, что хотя они за измену достойны смертной казни, но он их милует и дарует им жизнь, заменяя смертную казнь ссылкою — одних в отдаленные места Сибири, других — в город Архангельск. После этого приговора следовало их отправить в Москву, но они оставались на Украине за караулом до апреля 1711 года. Предлогом к такой отсрочке служило появившееся в крае моровое поветрие. Из этого видно, что все-таки смертная казнь не постигла их. Если известие Нордберга о жестоких казнях, совершенных над малороссийскими изменниками, не вовсе ложно, то оно может относиться к каким-нибудь запорожцам, взятым в плен в Полтавском сражении.

Глава семнадцатая

Карл после поражения. — Ужас Мазепы. — Отступление шведов. — Карл в Новом Санжарове. — Кобыляки. — Переволочна. — Толки о переправе. — Упорство Карла. — Король соглашается на переправу. — Переправа Мазепы. — Последние распоряжения Карла. — Помощь, оказанная запорожцами. — Переправа короля и шведов. — Прибытие Меншикова с войском. — Упадок духа в шведском войске. — Капитуляция шведского войска. — Отчаяние запорожцев. — Бегство шведов и мазепинцев за Днепром в степи. — Недостаток съестного. — Погоня за беглецами. — Прибытие к Бугу. — Толки с турецким пашою. — Переправа через Буг. — Русские берут в плен шведов, не успевших переправиться. — Прибытие в Бендеры. — Прием, оказанный сераскиром. — Смерть и погребение Мазепы. — Новый гетман. — Историческое значение личности Мазепы.

Карл XII, убегая от погони с поля битвы, достиг своего обоза в первом часу пополудни и увидел там раненых генерала Мейерфельда и полковника Гиерта. Верховая езда, и притом быстрая, разбередила рану короля и причинила ему страдание. Он кричал: «Снимите меня с лошади и посадите в коляску!» Карла сняли и внесли в шатер. Он съел холодного жаркого и спрашивал про своих генералов, которых не видал близ себя. «Где Реншильд?» «В плену», — отвечали ему. «Где тот, где другой генерал, где Пипер?» «В плену», — был один ответ. «В плену у русских! — воскликнул король — Да это хуже, чем у турок… Вперед!» Он думал сначала, что с русскими придется еще схватиться. Но тут один за другим возвращались с поля битвы растрепанные отряды пораженного войска. Явился к королю и Мазепа, во все время битвы находившийся в своем шатре в обозе.

Нам теперь трудно вообразить себе те ужасные минуты, которые переживал тогда украинский гетман. Все надежды его разбились, все рушилось, все пропало. Жизнь его

кончалась. Ни на что не пригодился ему весь ряд коварств и козней, которыми так богат был пройденный им путь. Уже скоро после своей измены стал он предчувствовать неудачу. Уже не раз сожалел он, что ступил на скользкую дорогу, и пробовал сойти с нее, но ему не удалось. Тоска и раскаяние мучили его уже не один день. И вот ударил решительный, страшный час. Медлить было невозможно. Никто в побежденном стане не имел такого повода страшиться, как Мазепа. Русские с минуты на минуту могли появиться, взять его и повезти — куда? — к царю! Что там ожидало его — от одного воображения должна была останавливаться в жилах кровь у слабого старика. Он принялся просить, умолять Карла немедленно бежать с остатками сил своих в турецкие владения. Не было иного притона. В Польшу невозможно было пробраться. Одни русские силы преследовали бы бегущих сзади, а за Днепром стоял Гольц с другими. Бежать степью в Турцию казалось тогда самым подходящим делом. Запорожцы брались перевезти короля через Днепр.

«Позвать Левенгаупта!» — закричал король.

Прибыл Левенгаупт.

«Ну что теперь нам делать?» — спрашивал Карл.

Левенгаупт сходился в мнении с Мазепою.

«Ваше величество! — отвечал он. — Остается поступить так, как сделано было под Лесным: бросить все тяжести, артиллерию, провиант, амуницию, лошадей распределить между воинами, сколько кто может взять, а остальное все сжечь и уходить как можно скорее. Русские скоро здесь будут».

Воспоминание о Лесном не понравилось Карлу. Он никак не мог забыть этой неудачи своего лучшего генерала. Карл услал Левенгаупта по какому-то незначительному поводу. Тогда Мазепа опять стал настаивать, чтоб уходить как можно скорее. К нему присоединили свой голос некоторые шведские военачальники: все хором умоляли Карла не терять времени и уходить. Карл все еще храбрился, кричал, что бегство постыдно, что лучше биться с врагом до последней капли крови, когда он наступит, но потом, наконец, склонился на усиленные моления Мазепы и своих генералов. Впрочем, он дал приказ отступления совершенно противный тому, что советовал Левенгаупт: он приказал забирать с собою весь багаж и артиллерию с 31 пушкою и двигаться вдоль Ворсклы по направлению к ее устью. В виду у него было присоединить к себе отряды шведского войска, расставленные в городах: Новом Санжарове, Беликах, Кобыляках, Соколках. Карл вместе с Мазепою сел в коляску генерала Мейерфельда. Вечером шведы двинулись с распущенными знаменами. Они надеялись переправиться через Днепр у Переволочны, как обещали им запорожцы. Но русские успели уже заранее истребить там суда и паромы.

Шведские войска шли довольно медленно и спокойно, так что отступление их на первых порах не походило на бегство. Кроме военной силы, при шведском обозе было множество рабочих малороссиян; были там, сверх того, и поселяне, привозившие в шведский стан живность на продажу. Карл не хотел, чтоб эти люди попались в руки великороссиян, и приказал не спешить, чтобы дать им время уйти.

Перед светом на другой день Карл был в Новом Санжарове. Хирург перевязал ему раненую ногу; Карл уснул глубоким сном. Но едва стал заниматься день, как короля разбудили.

«Русские гонятся за нами, ваше величество, — сказали ему. — Прикажете следовать далее?»

«Делайте, что хотите!» — отвечал Карл.

Тогда генерал Крейц, взявши на себя ответственность, стал поступать так, как советовал прежде Левенгаупт. Зажгли тяжелый багажемент, а лошадей раздали пехоте. С этой поры поход стал совершаться так быстро, что русские не успевали гнаться за шведами. В погоню за ними шли еще только генералы Голицын и Боуэр; Меншиков с корпусом выступил только после полудня 28 числа. С Карлом в этот день случилось приключение: коляска его повредилась, и он принужден был приказать посадить себя снова на лошадь, а с наступлением ночи с 28 на 29 число король заблудил в лесу, и это, разумеется, замедлило еще более бегство шведов. К счастью шведов, Меншиков с своим корпусом был еще неблизко. На рассвете беглецы добрались до Кобыляк. К восьми часам утра прибыл туда Меншиков. Но шведов там уже не было: только при переходе через речку Кобылячку шведский арьергард задерживал переправу

русских с целью дать время уйти далее своему войску с королем.

К вечеру 29 числа беглецы достигли Переволочны. Она была расположена в углу, образуемом Днепром и устьем впадающей в него Ворсклы. Пространство между этими реками было невелико, покрыто болотистыми топями и открыто для неприятельских выстрелов, если они начнутся с возвышенностей. Не было ни судов, ни паромов, не было и людей в Переволочне; торчали только груды развалин после посещения ее русскими. Шведы успели отыскать запас строевого дерева, годного для постройки паромов, но им недоставало ни цепей, ни веревок, а главное — недоставало времени: неприятеля могли ожидать каждую минуту. Нельзя было помышлять об отпоре: мало было у шведов пушек, ядер не было, порох был подмочен, и войско упало духом. Господствовал беспорядок; незаметно было ни заботливости о спасении армии, ни дисциплины. Король, всегда отважный и самонадеянный, все еще верил в стойкость своих шведов и в волшебную силу своих речей.

«Пусть только увидят меня солдаты верхом на лошади, — станут они сражаться так же храбро, как и прежде», — говорил он.

«Нет, ваше величество, — отвечал ему Гилленкрок, — если неприятель явится, то многие наши солдаты или положат оружие, или бросятся в воду, чтобы спасти свою честь».

Тотчас стало оказываться, что король заблуждался насчет воинственной стойкости свои воинов. Многие самовольно стали овладевать паромами, приготовленными их товарищами для себя, а не для них. Тогда Мазепа стал умолять короля переправиться как можно скорее через Днепр и уходить в турецкие владения. Стали рассуждать, каким путем уходить, потому что представлялось два пути: в Крым к хану — подручнику турецкого султана, или в Бендеры — к сераскиру-паше. Многие склонялись к тому, чтоб уходить в Крым, полагая, что там за них станет готовая воинственная сила орды. Случившийся здесь какой-то татарский мурза обещал Левенгаупту сам проводить войско через степь. На пути в Крым, представлял он, после Днепра не будет уже больших рек, через которые трудно было бы переправиться. Но Мазепа советовал избрать путь на Бендеры. «Следуя в Крым, — говорил он, — нам придется проходить слишком большое степное пространство и русские, погнавшись за нами с большою сплои, могут нагнать нас, тогда как много-много на пятый день мы уже достигнем границы и будем безопасны». Король не решался ни на то, ни на другое; он никак не мог победить в себе чувство стыда при мысли, что он побежит от неприятеля.

Тогда Левенгаупт, уговаривая короля, стал перед ним на колени и говорил:

«Всемилостивейший государь! дозвольте спасти вашу особу. пока еще возможно. Если неприятель сюда явится, то всех нас истребит или в плен заберет».

«Нет, нет, ни за что, — говорил с жаром король, — не покину своих солдат. Вместе будем обороняться, вместе погибнем!»

«Невозможно, — говорил Левенгаупт, — солдаты, видимо, упали духом; местоположение здесь неудобно для обороны. Повторяю: нас непременно или истребят, или в плен заберут. Бог поставил ваше величество правителем народа, и вы должны будете отдать Богу отчет за него. Если спасете вашу особу, то найдете еще способ спасти отечество и всех нас, своих несчастных подданных. Если же попадете в неприятельские руки, тогда все пропало».

«Я, — сказал решительно король, — согласен скорее попасть в неприятельские руки, чем умышленно покинуть войско».

Пришел Гилленкрок и пристал к совету Левенгаупта.

«А что будет со мною, если русские возьмут меня в плен?» — спрашивал король.

Гилленкрок отвечал:

«Сохрани нас Бог от этого!.. Но если бы такая беда нас постигла, то русские влачили бы вашу особу с триумфом по своей земле и вынудили бы от вас унизительные для Швеции условия».

На это Карл сказал:

«Шведы не будут обязаны соблюдать условия, вынужденные от меня насилием».

«Вы сами, — сказал Гилленкрок, — не предадите себя такому бесчестию и нс подумаете о своих верных подданных, чтоб они нарушили обещания, данные их королем хотя бы вследствие насилия».

Карл вдруг опомнился и сказал:

«Господа! Не верьте тому, что я сейчас говорил».

Но когда генералы принялись снова его уговаривать, Карл уже не возражал им, а порывисто произнес:

«Господа, оставьте меня в покое!»

Все в тихой скорби от него удалились. Но вошел к королю генерал Крейц, и неизвестно, одумался ли король, или речи Крейца подействовали на него более, чем речи Левенгаупта и Гилленкрока, только Крейц, вышедши от короля, сказал генералам:

«Король решается оставить свою армию и переправиться через Днепр».

Мазепа, видя упорство короля, которое могло довести до того, что появятся русские, стал заботиться о собственном спасении и, не дожидаясь более, чем кончатся толки у короля с его генералами, поспешил воспользоваться стоявшими судами и часов в шесть вечера переправился через Днепр с своими единомышленниками и с несколькими козацкими госпожами. Он успел захватить с собою два бочонка с золотыми монетами. Мазепа заторопился бежать именно тогда, когда у короля с генералами шла речь о том, что станется с королем, если его возьмут в плен; он знал, что как ни тяжел был бы такой плен для шведского короля и для шведского войска, но о том, чтосталось бы с ним, приходилось уже думать только ему самому, а не его союзникам. Говорят, что в это время Карл выказал Мазепе свое неудовольствие и назвал его своим обольстителем, и хотя шведский историк, сообщая это сведение, отвергает его, но оно не лишено правдоподобия, тем более что сам этот историк не находился тогда уже при короле.

После отплытия Мазепы король назначил Левенгаупта главнокомандующим оставляемой на берегу Днепра армии, а с собою переправляться через Днепр определял генералам Акселю Спарре, Лагеркроне, генерал-квартирмейстеру Гилленкроку, полковникам Герду, Гиерте, Дальдорфу и Гротгузену, статс-секретарю Мюллерну, нескольким писцам и служителям. Для прикрытия взял он из войск, не участвовавших в полтавском сражении, 1100 человек и, сверх того, оставшихся целыми драбантов и так называемых одноупряжных (einspanner). Некоторые офицеры и солдаты заранее успели уйти за Днепр и могли пристать к королю в степи, так что всей военной силы, сопровождавшей короля в Турцию, могло набраться от двух до трех тысяч.

Гилленкрок успел отыскать на берегу Ворсклы несколько паромов и пустить их до Переволочны. На эти паромы посадили избранное войско. Запорожцы проводили через Днепр шведских лошадей и приводили в изумление своих иноплеменных союзников ловкостью, с какою они переправлялись вплавь, держась за гривы лошадей. Когда королю приближалось время переправляться, то кроме тех, которых король назначил для переправы с собой, на берегу стали толпиться шведские солдаты, пытаясь и сами, вслед за прочими,каким-нибудь способом перебраться за реку.

Ломали багажные телеги, усаживались на них, и на таких, наскоро сработанных плотах пускались в волны, а вместо весел употребляли тележные колеса. Однако сравнительно немного нашлось тогда шведов, которые таким способом перебрались на противоположный берег. Некоторые тут же утонули. Запорожцы переправляли войско, отобранное королем и посаженное на паромах. Они приготовляли веревки, один конец вправляли в паром, а другой держали в руках, и даже брали в зубы, и таким образом, плывя верхом на своих лошадях, перетащили союзников на другой берег. Переправа окончилась в одиннадцать часов ночи. В это время понесли и короля на берег реки, чтобы посадить его лля отплытия Успели взять его серебряный сервиз и немалые денежные суммы, доставшиеся ему с контрибуции, наложенной на Саксонию. Короля посадили в коляску, самую же коляску поставили на двух суднах, так что передние колеса стояли на одном, а задние на другом.

У берега подошел к нему Левенгаупт и сказал: «Ваше величество, всемилостивейший государь! Я человек небогатый. Если со мною что-нибудь случится, не оставьте моей жены и детей, чтобы им не пришлось нищенствовать».

«Ваша просьба будет исполнена. — отвечал король, — только и вы исполните в точности мои приказания, — сохранить в целости войско и перейти в татарскую степь».

Левенгаупт поцеловал королю руку.

В полночь отчалили от берега. 12 драбантов служили королю гребцами.

Отправивши своего короля, утомленное до крайности войско легло спать, а для безопасности оставлены были караулы.

Утром Левенгаупт и Крейц стали приводить в известность и порядок свои военные силы. Тут Крейц первый провозгласил зловещую новость: «Мы опоздали, — Меньшиков уже за высотами». Вслед за тем на возвышении появилось 9000 русской кавалерии с прибавкою пехоты. Русские от одного пойманного шведского полкового квартирмейстера узнали уже о бегстве короля за Днепр.

Таким образом, главная цель — взятие в плен короля и Мазепы — достигнута быть не могла. Оставалось русским разделаться с оставшимся шведским войском.

Но русское войско было тогда чрезвычайно истомлено быстрым маршем. Меншиков приказал бить в барабаны, чтобы шведам показалось, что на них идет большая сила, а князь Михаиле Голицын позади войска, вдали поставил несколько сот лошадей с солдатами при них, чтоб издали они могли показаться шведам еще одним наступающим корпусом русских войск. В шведском войске сразу наступило уныние, и Левенгаупт сообразил, что нечего и думать бороться с неприятелем. Он послал к Меншикову генерала Крейца, полковника Дукера, подполковника Траутфетера и капитана Дугласа узнать, не расположен ли русский военачальник, не вступая в бой, заключить какие-либо условия. Меншиков от имени царя объявил им, что они должны сдаться на капитуляцию как военнопленные и выдать победителям все запасы и оружие. Шведы, чтобы дать время своему королю уехать подалее, думали тянуть переговоры о сдаче и просили у Меншикова дозволения снестись о таком важном деле с Левенгауптом. Меншиков дозволил Дукеру ехать к Левенгаупту, а Крейца с другими его товарищами задержал. Тогда Крейц, находясь у русских в стане, видел неприятную для него сцену; козаки приводили пленными к Меншикову шведов, бежавших из шведского лагеря, а другие шведы кучками сами являлись в русский стан, заранее избегая возможности сражения, которого не надеялись выиграть. Левенгаупт, получив через полковника Дукера требование Меншикова, собрал военный совет. Шведов было от тринадцати до четырнадцати тысяч, но из них тысяч до пяти было нездоровых и раненых, так что годных к бою могло набраться не более как от восьми до девяти тысяч. Левенгаупт сказал полковникам: «Проезжайте по своим полкам и спросите солдат, будут ли они драться».

Когда сделаны были полковниками такие запросы, три полка объявили, что готовы биться на жизнь и на смерть. Мужественнее всех заявила себя рота Альбедиля, состоявшая из самых опытных солдат. Когда подошли к ним, они лежали на земле и читали молитвенники. Им сделали запрос. «Зачем это нас спрашивают? — сказали они, поднявши головы. — Нас прежде не спрашивали; скажут, бывало, только: вперед! — и мы идем». Но иные не с такою охотой отзывались, хотя и не противились из чувства стыда, чтобы не показаться трусами; некоторые же не дали никакого ответа. Обо всем этом принес Дукер известие Левенгаупту, заметивши тогда же, что те, которые больше обещают и храбрятся, первые убегают. Дисциплины в войске совсем не стало. Солдаты самовольно расхищали багаж.

Между тем Меншиков, вслед за Дукером, прислал парламентера к Левенгаупту и торопил шведского военачальника скорейшим ответом. Левенгаупт выпросил еще один час и поехал сам лично обозревать свое войско. Он узнал, что во многих полках недостает уже половины солдат, а многие сдались уже русским, не дождавшись команды. Ясно было, что Меншиков не станет уже ждать более, и надобно было на что-нибудь решаться. В полдень Левенгаупт, соображая, что король уже отъехал далеко, послал сказать Меншикову, что сдается на капитуляцию. Запорожцы умышленно были изъяты от капитуляции Меншиковым. Узнавши это, они бросались в реку, предпочитая добровольную смерть мукам, которые ожидали бы их, если б они сдались русским. Их примеру последовали некоторые раненые шведы; они не хотели идти в плен к русским, которых считали лютыми варварами. Они срывали сами с себя повязки и бросались в Днепр. Два шведских офицера прокололи друг друга шпагами. Но большинство вообще было довольно. Сдались в качестве военнопленных: три генерала, 11 полковников, 14 подполковников, 20 майоров, 250 капитанов, 300 поручиков, 320 корнетов и фендрихов и от тринадцати до четырнадцати тысяч рядовых. По русским известиям, число пленных — по одному — простиралось до 16 275 человек, по другому — 15 753, по третьему всех взятых в Полтавском бою и в Переволочне — 16 947.

Все запорожцы лишены были всякой надежды на сколько-нибудь милостивое и человеколюбивое снисхождение к себе, но не у всех достало отчаянной решимости утопиться в

Днепре. Со шведским войском взято было их в плен русскими 220 человек. Вслед за Меншиковым приехал в Переволочну сам государь. Тогда бывшие с Мазепою малороссияне, не успевшие с ним переправиться, терпя голод, решились отдаться на милосердие государя. По известию Голикова, царь оказал всем им пощаду, ограничивши кару над ними только тем, что приказал их обратить из козаков в поспольство, т. е. в мужиков, и запретил им носить оружие. Это, вероятно, были прежние мужики, только недавно поступившие в козаки по приглашению Мазепы, увлекшись давно уже господствовавшею в поспольстве страстью окозачиться. Таких было тогда 2700 человек. Не так милостиво относился царь к запорожцам, которые с своею Сечею были уже обречены царем на истребление в видах государственной безопасности и спокойствия. Их заковали и более виновных отправили на казнь, а других — на вечные времена в Сибирь. Государь принял очень ласково пленного Левенгаупта и всех его офицеров. Узнавши от них, что шведский король побежал в Турцию, Петр отправил в погоню за ним бригадира Кропотова и генерал-майора Волконского с четырьмя конными полками.

Шведский король с остатком своей армии и Мазепа с кучкою соумышленников бежали по дикой степи в совершенном бездорожьи. Сначала за Днепром почва была болотиста, покрыта кое-где камышом и осокою, но потом беглецы очутились в необозримой степной равнине, в которой однообразие нарушалось кое-где выдававшимися из степного уровня возвышениями. По всем сторонам не мог увидеть глаз ни человеческого жилья, ни людей, ни домашних животных; беглецы увидали только множество дичи в высокой траве, никогда не кошенной и не сожигаемой. Не было ни малейшего признака леса. Туда шел путь в Брацлавское воеводство, путь, по которому ходили чумаки: там была проложенная последними дорога; там были еще развалины прежнего жительства, уничтоженного эпохою «Руины». Беглецы не пошли по этому пути, потому что их там могли удобнее нагнать русские. Они свернули влево и пошли не по проложенной дороге, а по такой девственной степи, что, казалось, нога человеческая не ходила там с сотворения мира. Идучи по степи, шведы охотились за дичью и за одичалыми овцами, которых встречали там во множестве. У некоторых шведов сохранилась провизия, взятая с собою. По замечанию очевидцев, нужда заставила всех делаться бережливыми и скупыми; все припрятывали полученную добычу. Сам король ел овсянку. Все войско было разделено на две половины: одна шла за королем, другая за Мазепою и его козаками. Конные ехали верхом; у редких не было вначале лошадей; пастбища были превосходные; дикая степь для лошадей представляла более удобств, чем для людей. Сам Мазепа ехал в коляске с какою-то козацкою госпожою, которая, как видно, ухаживала тогда за дряхлым стариком. Потрясенный последним поражением, он, видимо, приближался к своему концу: постоянно лежал в подушках, едва в состоянии был привстать на ноги, и притом находился в ужасающей душевной тревоге, ожидая с минуты на минуту русской погони, от которой отбиться было уже невозможно. Тем не менее злосчастный изменник приносил еще своим союзникам большую пользу. Ему были известны все пути по этой дикой степи; он ходил по ней много раз и в молодости, и во время своего гетманства, когда воевал турецкие городки. Впрочем, не один Мазепа, а и другие бывшие с ним козаки обладали также знанием примет в безграничной степи и тем приводили в изумление шведов. Первый день беглецы проколесили по степи под томительным зноем в беспрестанном страхе появления погони, а к вечеру, руководимые Мазепою, добрались до какого-то болота. Тогда они обрадовались, думали, что после знойного дня могли, наконец, прохладиться и напиться воды. Но вода оказалась дурная, хотя солдаты все-таки набирали ее себе во фляги, так как вожди предупреждали их, что на другой день долго не увидят воды. Тут беглецы постояли не более двух часов, и притом не выпуская из рук лошадей в опасности заснуть и потерять их, а некоторые, не в силах будучи преодолеть усталости, задремали, и лошади ушли от них искать пастбища. Проснувшись, они должны были пешком ловить их, и было несколько таких несчастных, что не поспели за отходившими товарищами и остались в степи на произвол диких зверей или русской погони. В два часа пополуночи беглецы двинулись далее, не выспавшись и не поевши как бы следовало. На рассвете они стали жаловаться на холод, который, к их удивлению, казался для них почти так же несносным, как дневной зной. С восходом солнца продолжали беглецы спешить, а часам к восьми началась такая же томительная жара, как и прежде, и еще хуже, потому что не утолялась даже и маленьким ветерком. К полудню увидали беглецы воду и сделали привал. Вода здесь была чистая, гораздо лучше той, какою

довольствовались на ночлеге, но голод беспокоил многих. Козаки, привыкшие к татарским обычаям, резали лошадей, отставших и неспособных к дальнейшему пути, сушили на солнце мясо или клали под седло, чтобы оно там помякло и согрелось; шведы отвращались от такой ествы. На беду здесь не видно было дичи. Простоявши три часа, беглецы отправились снова и продолжали свой путь до полуночи.

В следующий, в третий день своего пути (14 июля нов. ст.) голодные беглецы увидали по сторонам зайцев, диких овец, дроф и стрепетов. Они занялись охотою. Травы были так высоки, что овцы бродили в них как в лесу, а птицы не могли летать высоко, и козаки не только их стреляли, но даже ловили руками. Набрали они немало такой добычи, но у них недоставало дерева развести огонь. Тогда козаки показали шведам туземный, степной способ топлива: они набрали конского навоза, скоро высушили его благодаря необычному солнечному жару, и, смешавши с сухою травой и камышом, сделали кизяк, развели огонь и приготовили себе жареную баранину и дичь. Шведы научались от них такому неизвестному для них способу. Другие козаки в густой траве нашли кустарники диких вишен, на которых, сообразно времени года, поспевали ягоды. Хотя они были кислы, но зной и жажда мучили всех пуще голода, и эта находка показалась очень пригодною. Следуя далее в путь, шведы, по указанию Козаков, беспрестанно бегали в сторону рвать ягоды на вишневых кустах.

На следующий затем день (15 июля нов. ст.) наткнулись беглецы на дорогу, которая вела из Брацлавского воеводства в Украину. По ней ехали чумаки с солью. Козаки отняли у них соль, чтобы не давать этого необходимого материала неприятелю, которому соль должна была достаться. Они отняли также и лошадей, которых также, по татарскому обычаю, употребили в пищу. Так повествует современник, хотя для нас странно, что чумаки везли соль на лошадях, а не на волах, как это обыкновенно водилось.

Вот уже проходил четвертый день, а погоня, которой все так боялись, не показывалась. Русский отряд Волконского и Кропотова, посланный царем за Днепр, пустился в степь, не зная хорошо ее примет, и напал на след, оставленный повозкою. Ехал какой-то больной шведский офицер; он отстал от своих и заблудился. Хотя Волконский, как говорили, над этим офицером выместил свой собственный промах, но уже не мог догнать короля;

самый швед, которого русские принуждали быть их вождем, не мог указать им пути. Это-то неожиданное событие спасло беглецов в эти опасные дни.

Мазепа, следивший за движением этого похода, объявил, что уже пройдена большая половина расстояния между Днепром и Бугом; по его совету Карл отправил польского генерала Понятовского и своего секретаря Клинковстрема к турецкому коменданту очаковской крепости просить сообщить Дивану о прибытии шведов и распорядиться приготовлением судов для переправы через Буг. «Паша, — говорил Мазепа, — мой давний приятель и все для меня сделает». Понятовский отправился, взявши с собой Козаков в путеводители. Доехавши до Буга, он не увидал там никаких признаков переправы и нашел там только пять рыбаков, показавшихся ему по наружному их виду разбойниками. Они за деньги перевезли его на лодке на другой, противоположный берег: это были уже турецкие владения. Там он нашел турецких рабов, из которых один оказался понимавшим по-французски; с ним мог Понятовский объясниться, не зная турецкого языка. Турецкий раб дал ему лошадь, и Понятовский на ней доскакал до Очакова. Остановившись в городском предместье, Понятовский просил караульных доложить о нем паше, но паша заставил прождать его до 9 часов следующего утра. Когда, наконец, его допустили к паше и он изложил ему просьбу короля дать суда для перевозки, то паша оказался вовсе не таким любезным, каким описывал его Мазепа. Он не прежде согласился, как после предложения ему 2000 дукатов. Тогда паша сказал, что пришлет пять суден с запасами для продажи шведам, и на этих судах может переправиться король. Понятовский обратным путем принес известие королю. Между тем паша очаковский послал дать знать сераскиру в Бендеры.

Тем временем шведы, отправивши вперед Понятовского, шли за ним и вступили в край несколько отличный от той степи, которую проходили прежде. Они дошли до Великого Ингула — первой реки, встретившейся им после Днепра. Почва была песчана и бестравна. Они перешли Ингул и достигали до Буга. Нс доходя за милю от этой реки, пришлось им спать на ночлеге. И людям, и лошадям стало тяжело. Вместо превосходной травы, на солонцеватой

степи росло плохое зелье. И воды хорошей не было. К счастью, козаки отыскали маленький родник, и когда разнесся об этом слух, все шведы бросились туда, и в одну минуту родник мог быть исчерпан, так что к роднику приставили караул, чтобы сохранить свежей воды, по крайней мере, для короля. На этом ночлеге явилась близ шведского стана стая волков, и своим страшным воем произвела большой переполох. Шведы долго не могли сообразить, что это значит.

Утром 6 июля (17 нов. ст.) после двухчасового пути беглецы приблизились к Бугу, который в этом месте, уже за несколько миль от своего устья, был шириною около двух верст. У берега стояли турецкие суда с присланными турецкими запасами. Голодные шведы с жадностью бросались покупать их, но, не зная по-турецки, только пальцами указывали на то, что желали купить, а сами развязывали свои кошельки, и продавцы брали из них, что хотели: шведы заметили, что турки с особенною жадностью хватались за червонцы. Всего привезли в изобилии: баранины, говядины, кур, хлеба, сухарей, разных пряностей, крымского и греческого вина, преимущественно красного, смокв, которые, по турецкому обычаю, продавались нанизанными на нитках. Баранина оказалась превосходного достоинства, хлебы были свежи и вкусны, вино приятное и крепкое. Сам король накупал всего этого для своих солдат, а один турецкий купец представил ему в дар барана, несколько кур и хлеба, за что король отблагодарил его 12 червонцами. Увидя это, другие турки стали подносить Карлу дары, чтоб и себе получить что-нибудь от его щедрот.

Но королю сообщили, что присылают судно только одно, для переправы его лично с несколькими господами, а для переправы всего войска нужно подождать разрешения из Константинополя. Ждать было невозможно. Козаки, рыскавшие по сторонам, принесли известие, что уже русская погоня приближается. Волконский, проблудивши в степи, исправил свою ошибку: он потерял время, чтобы нагнать беглецов в степи между Днепром и Бугом, но потом напал на след бегущих и шел к Бугу. Король послал к паше снова, ссылался на то, что сераскир уже прежде обещал ему приют в Турции с его войском. Паша остался непреклонен. Он дозволял переправиться только королю с приближенными особами, а прочим шведам запретил давать суда. Некоторые тогда же толковали, что очаковский паша потому именно не пускает шведов, что с ними находится Мазепа и козаки: турки мстят теперь козакам за то, что они делали нападение на Очаков. Другие подозревали даже, что турки нарочно хотят задержать шведов и Козаков, чтоб их выдать русским и за то получить от царя награду. Тогда шведы и козаки обратились к купцам, приехавшим с товарами, и обещали им немало денег, лишь бы они дали суда переправиться на другую сторону. Купцы артачились, хотели сорвать с них побольше и отговаривались тем, что не смеют этого сделать без дозволения паши. Так прошел целый день, прошла за ним ночь. Утром 7 июля (18 нов. ст.) шведы самовольно начали хватать суда, бросая, однако, за них деньги хозяевам, и поплыли. В одном судне сел король с Мазепою, генералы и козацкие старшины: запорожцы были у них гребцами. Хозяин судна, увидя, что королевские офицеры и драбанты хотят взять другое судно, поднял крик и требовал, чтобы шведы вернулись назад. Шведы не слушали. Турок кричал: «Стрелять!» Шведы стали показывать ему карабины и сабли. Однако все ограничилось взаимною перебранкою. Турки успокоились и даже помогали шведам и козакам в переправе, потому что им заплатили по два червонца за каждого человека. Козаки переправлялись вплавь, держась за хвосты своих лошадей. За полмили вверх они увидали отмель, поплыли туда и оттуда тем же способом удобнее добрались до противоположного берега.

По вине упрямого очаковского паши, продержавшего беглецов понапрасну на левом берегу Буга, не все шведы и козаки успели благополучно перебраться на турецкий берег. Наскочила русская кавалерия с Волконским, когда еще от 800 до 900 человек шведов не успели отчалить от берега. Часть их была загнана в реку и утонула; другие, числом до пяти сот, были взяты в плен и принуждены были совершать обратно пройденный уже ими путь по дикой степи; некоторые из таких не вынесли утомления и умерли. Были такие, что, завидя русских, бросались в реку, но не утопились подобно своим отчаянным товарищам, а запрятавшись в тростниках, просидели там до тех пор, пока русские не отошли; потом благополучно перешли через реку вплавь и соединились со своими. Удачно избежали беды и козаки, которые не успели прежде переправиться: они, как только завидели русских, тотчас пустились бежать в

широкую бесприметную степь; она многим из них была известна, а русские не осмеливались искать их там, как в море.

Переправившись через Буг, следовало идти в Бендеры. Путь лежал вблизи Черного моря вдоль Днестра. «Мы думали,» говорит шведский описатель этого последнего путешествия Карла с Мазепой, — что теперь наши неудобства кончились, мы будем проходить через жилые места, находить везде приют и средства содержания. Но еще не пришел конец всем нашим печалям. Опять пустыня, зной, томительная жажда, бессонница». Теперь, правда, беглецам было что есть, потому что за ними из Очакова ехали торгаши с съестными припасами; они хотя были невысокого достоинства и продавались по высоким ценам, но все-таки и то было хорошо, что шведы могли что-нибудь достать, а не терпеть голод, как прежде. Некоторые закупили себе в Очакове крытые войлоком повозки в одну лошадь, и такие повозки служили им для спасения от зноя, а ночью для спанья. В них сберегали они себе и дорожные запасы.

Два дня простояли шведы близ Очакова. В это время Карл отправил в Константинополь немца Нейгебауэра, который служил некогда в Московском государстве, был в приближении у царя, учил его сына, а потом перешел к шведам. Король вручил ему письмо к падишаху. В этом письме король сообщал о своем несчастии, просил дать ему убежище в султанских владениях и оказать содействие к возвращению в отечество через Польшу. О полтавском поражении и о бегстве шведов падишах уже знал от аги, бывшего недавно у шведского короля и скоро побежавшего домой, чтоб известить своего государя о том, что сталось под Полтавою.

На другой день после отправки Нейгебауэра (23 июля нов. ст.) приехал к Карлу от сераскира посланец из Бендер. Сераскир писал королю разные мудрые утешения и приглашал в Бендеры. Он присылал королю в дар разные турецкие товары и между прочим превосходный шатер, в чем действительно король нуждался. Крымский хан прислал Карлу в подарок коляску, запряженную четырьмя лошадьми. Король подарил обоим посланцам — и ханскому и сераскирову — по тысяче червонцев.

После продолжительного и спокойного пути по знойной аккерманской степи полтавские недобитки достигли, наконец, Бендер 1 августа (12 нов. ст.). Там королю сообщили, что царь посылал просить падишаха не принимать под свое покровительство изменника Мазепу, а выдать его царю. Падишах отверг такое домогательство. У мугамедан считалось противным Корану выдавать тех, которые, будучи гонимы судьбою, прибегают под их покровительство. Царский посол Толстой напрасно предлагал великому муфтию 300 000 талеров за содействие к выдаче Мазепы. Два раза сряду была повторена царем такая просьба к падишаху (июля 10-го и 27-го стар. ст.). Подобное предложение царь сделал и своему сопернику. Пока была надежда поймать бежавшего из-под Полтавы шведского короля, Петр задержал присланного к нему генерала Мардефельда; но узнавши, что соперник перебрался в турецкие владения, царь отпустил Мардефельда и бывшего в плену королевского секретаря Цедергельма и поручил им словесно сообщить шведскому королю, что он, царь, готов заключить мир, если Карл уступит ему всю Ингрию, Карелию с городом Выборгом, Эстляндию с городом Ревелем и Лифляндию, признает Августа польским королем и выдаст царю изменника Мазепу. Такие условия были сообщены Карлу в Бендерах. Король отверг их, и особенно раздражился за требование выдать Мазепу. В таком смысле он послал протест свой графу Пиперу, находившемуся в плену. Когда Петру сообщили этот протест, он заметил, что его требование относительно выдачи Мазепы таково, каково было требование Карла от Августа выдать ему Паткуля. Это настойчивое желание гневного царя во что бы то ни стало добыть в свои руки павшего изменника окончательно потрясло старика. Его жизненные силы и без того уже были так надорваны последовательными ударами судьбы, что нужна была необыкновенно твердая, закаленная в бедах козацкая натура, чтоб эти силы еще держались. Теперь они окончательно исчезли. Сераскир принял Мазепу ласково, сообщил ему, что падишах приказывал беречь его; но Мазепа хорошо знал нравы и обычаи мусульманского Востока. Он знал, что при оттоманском дворе червонцы пользуются громадным могуществом. Если Петр, которого Мазепа знал всегда бережливым, не щадил уже больших сумм единственно из-за того только, чтобы добыть хилого старика в свои руки, то Мазепа мог опасаться, что еще два-три таких настойчивых домогательства, сопровождаемых подарками, и Диван прикажет его выдать. Этот страх ускорил разрушение одряхлевшего организма. С прибытия своего в Бендеры Мазепа уже не покидал

постели и с каждым днем угасал все более и более. Он умер 22 августа. Распространяли слух, будто он, от страха быть выданным Петру, отравил себя ядом, но это известие не имеет за собою никакой исторической достоверности. Тело его было, по распоряжению Войнаровского, отвезено Григорием Герциком в Галац и там опущено в землю, вероятно, в тамошнем монастыре. По шведским источникам, спустя немного времени перевезли гроб его в Яссы и там совершили торжественные похороны. Карл присутствовал при отдаче последнего долга своему союзнику. Впереди погребального поезда играли королевские трубачи; гроб, обитый красным бархатом с широкими золотыми позументами, везли на повозке, запряженной шестью белыми лошадьми. По обеим сторонам его шли рядами козаки с обнаженными саблями. Перед гробом гетманский бунчужный нес гетманскую булаву, блиставшую жемчугом и драгоценными камнями. За гробом шла толпа малороссиянок, последовавших за мужьями и родными, приставшими к гетману; по народному обычаю они голосили и кричали. Сзади за ними ехали верхом два тогдашние претендента на гетманство: неизменный товарищ и доверенный Мазепы Орлик и более всех родственно любимый покойником его племянник Войнаровский. За ними следовали все старшины. Козаки шли с опущенными вниз знаменами и оружием; гроб малороссийского гетмана опустили в могилу, приготовленную в церкви, находившейся за городом, и козаки, в знак почести, в эту минуту дали залп из своих мушкетов.

В Малороссии составилось предание, сохранившееся до сих пор, будто Мазепа не умер и не был погребен в Молдавии, а для вида устроили там фиктивные похороны; сам же бывший гетман тайком пробрался в Киев, принял иночество, а потом и схиму в Печерской лавре под чужим именем и там окончил дни свои в покаянии. Эта легенда, переходившая из уст в уста, не подтверждается никакими фактами и соображениями, так же точно, как и анекдот, сообщенный фальшивою историей Кониского, будто Мазепа перед смертью приказал принести к себе свои бумаги и сжег их с тем, чтобы не открылось участие в его замысле таких лиц, о которых никому и в голову не приходило. «Пусть, — говорит он, — я один буду несчастен: я хотел счастия своему отечеству, но судьба решила иначе на непредвиденный конец».

О последних минутах гетмана не осталось нам достоверных известий. Мазепа оставил после себя 160 000 червонцев, из которых король взял себе 40 000 взаймы; по другим известиям, Карл еще прежде занял у Мазепы 240 000 талеров, обещая в случае кончины Мазепы заплатить его племяннику Войнаровскому. Это подало повод к известию совершенно легендарного свойства, будто Мазепа, собираясь приставать к шведам, послал Карлу 30 возов, наполненных золотыми и серебряными монетами. Как бы то ни было, Мазепа успел увезти с собой в изгнание и оставить после своей смерти значительную по тому времени сумму. Все это были ничтожные обломки огромного богатства, которое он приобрел в Украине во время своего гетманства, благодаря щедротам искренно любившего его Петра. Все его имения — и жалованные, и купленные — были конфискованы. Множество движимого имущества и принадлежавших ему денежных сумм отнято русскими. Все нажитое им и правыми, и кривыми способами пошло прахом, как и все его планы, замыслы и затеи.

После смерти Мазепы, по воле короля, козаки должны были выбрать себе нового гетмана. Но голоса разделились. Два соперника стали один против другого: Орлик и Войнаровский. Спор между ними доходил до того, что Орлик подозревал у Войнаровского замыслы на свою жизнь. Тогда выдвинулся еще третий претендент — прилуцкий полковник Горленко, свойственник Мазепы по жене последнего. Однако избран был Филипп Орлик, так как ему покровительствовал король шведский, прежде расположенный к Войнаровскому, но потом увидавший, что Войнаровского за молодостью не хотят выбрать. Нового гетмана в его звании могли признавать только одни чужие люди — шведы да немногие козаки, которые находились с ним в изгнании, так как во владении у него не было ни одного сажня козацкой земли.

Гетман Мазепа как историческая личность не был представителем никакой национальной идеи. Это был эгоист в полном смысле этого слова. Поляк по воспитанию и приемам жизни, он перешел в Малороссию и там сделал себе карьеру, подделываясь, как мы видели, к московским властям и отнюдь не останавливаясь ни перед какими безнравственными путями. Самое верное определение этой личности будет сказать, что это была воплощенная ложь. Он лгал перед всеми, всех обманывал — и поляков, и малороссиян, и царя, и Карла, всем готов был делать зло, как только представлялась ему возможность получить себе выгоду или вывернуться из

опасности. Он воспользовался существовавшим у малороссиян желанием сохранить автономию своей страны и свою национальность и обманывал старшин, будто у него план — приобресть для Украины самостоятельность. Но на самом деле, как показывает его тайный договор с Лещинским, он думал отдать Украину под власть Польши, иначе сказать, он в старости делал то, что делал в юности, когда король Ян Казимир посылал его агентом в Украину проводить план возвращения этого отпавшего от Польши края к прежнему господству. Он и не мог добиваться перед королями шведским и польским независимости Украины: Станислав, как польский король, не мог и не должен был отрекаться от наследственных прав Речи Посполитой на Украину: притом сам Мазепа знал хорошо, что народ, ненавидевший его, не будет повиноваться новой династии, которая должна была начаться с него, Мазепы. Он благоразумно выговаривал себе владение в белорусском крае, а Малороссию отдавал на жертву междоусобной войны, которая неминуемо вспыхнула бы с поляками, если бы Украина поступила под польскую власть, — это Мазепа знал по опыту, разыгравшемуся уже в Правобережной Украине. Но ему не жаль было того народа, у которого он за 20 лет своего правления не мог приобресть любви. Что он только обманывал своих малороссийских соумышленников призраком независимости, а на самом деле собирался ввергнуть их со всею страною в рабство, — в этом не может быть сомнения, и Петр, обличавший в том Мазепу перед всем малороссийским народом, был совершенно прав; шведский историк, королевский секретарь, близко стоявший к делу и лично видевший Мазепу, сообщает о его коварном замысле без всякой задней цели чернить нового шведского союзника. Не доверять этому источнику нет никакого основания. Ясно, что Мазепа не изменил бы царю Петру, если бы не показалось ему, что, так сказать, акции царя падают, а акции Карла подымаются. Карл заставил Августа отречься от польской короны. Карл ограбил Саксонию контрибуциями; польские паны один за другим спешили признавать королем Станислава; государства европейские присылали Карлу поздравления и благожелания. Карл собирался идти расправляться с царем. Между тем в царской державе происходили внутренние смуты, а царские войска терпели от шведов и поляков поражения за поражениями. Уже царь трепетал даже за свою столицу и собирался увозить оттуда все драгоценности, чтоб они не попали в руки врагов. В таких-то обстоятельствах эгоист-гетман не задумался изменить своему благодетелю, и, конечно, думал, что он совершает акт мудрой и проницательной политики. Но не прошло и месяца, как Мазепа увидал, что ошибся. И большинство Козаков, и весь малороссийский народ — все пошло не за него, а против него. Думая оказать важную услугу царскому неприятелю, он причинил ему только зло. И что же? Не задумался Мазепа изменить и своему свежему союзнику, замышлял он, как мы видели, купить его гибелью свое примирение с оскорбленным царем. Никогда во всю свою жизнь не проявил себя этот человек во всей полноте, как в этом новом замысле. Но коварство не удалось. Нить, которую он начал вести так осторожно, оборвалась прежде времени. Приходилось вместе с подведенным в беду героем отважиться на конечную гибель.

Во всей русской истории ни одно сражение не имело таких важных последствий, как Полтавское, и ни одно, исключая разве Куликовской битвы, не отпечатлелось до такой степени в народной памяти. Церковь русская освятила его навеки ежегодным воспоминанием. И в самом деле, счастие для Русского государства было неизмеримое. Честь Русской державы вырвана была из бездны почти неминуемой. Опасность была чрезмерно велика. Если бы, как того надеялся Карл, малороссийский народ прельстился обольщениями своего гетмана и славою северного победителя, Петру ни за что бы не сладить с своим соперником. И если кто был истинным виновником спасения Русской державы, то это — малороссийский народ, хотя эта сторона дела не выставлялась до сих пор историею в настоящем свете. В последнее время много было говорено о внутреннем смысле, какой проявляет масса народная в важные минуты своего исторического бытия. Нигде эта истина не явилась так наглядно, как в эпоху Мазепы. Нельзя сказать, чтобы в те времена народ малороссийский питал какую-то привязанность к Русской державе и к соединению с «москалями»; напротив, мы на каждом шагу натыкаемся, так сказать, на факты взаимного недружелюбия и даже вражды между двумя русскими народностями. Нельзя сказать также, чтобы народ малороссийский не сознавал своей народной личности и не желал национальной независимости. Много было условий, делавших возможным отпадение малороссиян от верности к русскому царю. И однако вышло не то. Народ

инстинктивно почуял ложь в тех призраках свободы, которые ему выставляли. Он уже и прежде лучше самого Петра и его министров раскусил своего гетмана, считал его ляхом, готовым изменить царю с тем, чтоб отдать Украину в рабство Польше. Никакие уверения изменника, никакие лживые обвинения, рассыпаемые им на московские власти, не переменили к нему народной антипатии. Народ инстинктивно видел, что его тянут в гибель, и не пошел туда. Народ остался верен царю даже не из какой-либо привязанности, не из благоговейного чувства к монарху, а просто оттого, что из двух зол надобно было выбирать меньшее. Как бы ни тяжело было ему под гнетом московских властей, но он по опыту знал, что гнет польских панов стал бы для него тяжелее. Под русскою властью, по крайней мере, оставалось для него всегда духовное утешение — вера его отцов, которую никак уже не могли бы попирать «москали», как бы ни относились они ко всем остальным народным правам. Этого одного уже было достаточно.

Между тем последующая история показала, что русская власть еще менее, чем русские историки, оценила в этом деле здравый смысл малороссийского народа и заслугу, оказанную им Русскому государству. Измена Мазепы ни в каком случае не могла падать на малороссийский народ, который в продолжение двадцати лет так не любил этого гетмана, что последний должен был охранять свою особу великороссийскими стрельцами и солдатами, присылаемыми ему по царской милости. Малороссийскому народу следовало быть совершенно изъятым от пятна, павшего на Мазепу: народ за Мазепой не пошел. Память о Мазепе не испарилась совершенно в народе, но осталась никак не в привлекательном виде. В народных песнях и преданиях — это какое-то злое и враждебное существо, это даже не человек, а какая-то лихая, проклятая сила: «Проклята Мазепа!» Более всего сохранилась в народной памяти его борьба с Палеем: Мазепа хочет сам свергнуть царя с престола и клевещет на Палея. Палея ссылают или засаживают в тюрьму, но скоро открывается злоба «проклятой Мазепы». Палей, хотя уже дряхлый старик, получает свободу и побеждает Мазепу. Самая Полтавская победа, по народному мировоззрению, приписывается Палею. Однако измена Мазепы оставила надолго, если не навеки, подозрение русских властей на малороссийскую народность. Во все остальное царствование Петра в отношении к Малороссии замечалась осторожность, переходившая неоднократно в насилие. Преемник Мазепы, Скоропадский был до того стеснен недоверчивостью верховной власти, что должен был терпеть нарушение своих прав, предоставленных ему законом. После кончины его одно только вполне справедливое и законное ходатайство о выборе нового гетмана повергло Полуботка с его товарищами в заточение и повело к устройству фальшивого отзыва будто бы от всего народа о нежелании иметь гетмана. Потом в продолжение многих лет заставляли Малороссию управляться без выборных властей при посредстве особо учрежденной Малороссийской коллегии, состоявшей главным образом из великороссиян, мало знакомых с малороссийским бытом и языком. Появление избранного гетмана в особе Апостола было только коротким промежутком. Так было до избрания в гетманы Разумовского при императрице Елисавете, которая, однако, только по особому расположению к семейству Разумовских, по-видимому, оказала уважение к старинным формам. Со вступлением на престол Екатерины II русская государственная политика нашла окончательно несообразным с своими видами удерживать отдельное гетманское устройство. Оно действительно имело рядом с хорошими сторонами и некоторые отжившие, требовавшие коренных изменений. Но предприняты ли были такие изменения в пользу народа? Если и были, то мало, напротив, из видов политики принято было известное правило: divide et impera[332]. Опасались, чтоб уничтожение порядка, к которому страна привыкла уже веками, не возбудило в ней смут, и вот создали небывалое в Малороссии дворянство, которое, как показывает история, всегда бывает язвою там, где не вырабатывается само собою из исторической жизни, а навязывается по теории. Поспольство закрепощается во власти этого новоизмышленного дворянства, и таким образом народ разбивается на два сословия, противоположные по своим интересам. Правда, зародыши такого строя существовали уже прежде в отношениях между богатыми землевладельцами и селившимися у них бедняками.

---

[332] Разделяй и властвуй (лат.)

Но то бывали злоупотребления, всегда сознаваемые как таковые, а с нового порядка вещей они узаконились, и Малороссия, наравне со всею остальною Россией, подверглась надолго всей мерзости крепостничества, от которого облегчилась только в недавнее время. Кроме того, в великорусском народе измена Мазепы, несмотря даже на царские указы, объяснявшие непричастность малороссийского народа к поступку бывшего когда-то гетмана, не забывалась, и память о ней набрасывала всячески тень на все грядущие поколения. Великороссиянин, рассердившись на малороссиянина, первым делом считает помянуть Мазепу, и выражение «хохол-Мазепа» остается во всей силе до нашего времени. Даже в последнее, близкое к нам время, чему, как не памяти о Мазепе и его измене, можно приписать гонение на «украинофилов» — подозрение, что в намерениях дать малороссийскому народу воспитание с сохранением своей речи и своей индивидуальности, в стремлении поднять путем литературной обработки родное наречие малороссийского края кроется какое-то тайное политическое измышление, вредное для государственной цельности Русской империи? Все это — прямое последствие не вполне понятого администрацией и литературой отношения малороссийского народа к самому себе и к своим соседям в эпоху Мазепы. Если в те времена, когда действительно поступки московских властей возбуждали в народе возможность стать враждебно к Русской державе, народ этот из инстинктивного чувства остался верен этой державе, то невозможно подозревать что-нибудь подобное теперь, когда эти два народа настолько сблизились и соединились, что их расторжение уже немыслимо в силу освященного опытом сознания обоюдной пользы их соединения.

Источники

При составлении настоящей монографии служили мне материалами следующие источники:

1. Современные обрабатываемой эпохе письменные памятники, хранящиеся в Московском главном архиве иностранных дел: главным образом дела бывшего Малороссийского приказа, соединенного с приказом польским. Это: а) приезды в Москву гетманских и запорожских посланцев, их расспросные речи о текущих событиях, происходивших в малороссийском крае, подведомственном гетманскому управлению, официальные донесения, привозимые ими от гетмана, а также письма гетмана к государственным особам, прилагаемые при официальных донесениях, копии с писем иноземных, которые присылались к гетману, донесения, поданные гетману от лиц, посланных им с поручениями, расспросные речи и сказки[333], отобранные от разных лиц в малороссийском крае, и всякого рода извещения, которые гетман считал нужным сообщать верховному правительству; б) приезды в Москву из малороссийского края лиц духовного звания и мещан из малороссийских городов, обыкновенно являвшихся за получением жалованных грамот и разных царских милостей; в) отписки великороссийских воевод, находившихся на царской службе в малороссийском крае; г) приезды из Москвы в Малороссию к гетману и в Запорожскую Сечу царских послов и гонцов с царскими грамотами, даваемые им из Посольского приказа наказы, и статейные списки, представляемые в тот же приказ ими по окончании поручения, с разными сведениями, полученными во время пребывания в Малороссии. Все подлинные письма и документы, принадлежавшие к этим делам, извлечены оттуда и составляют особый отдел, носящий название «Подлинники». Эти подлинники — самые драгоценные и любопытные бумаги в Главном архиве иностранных дел. Кроме собственно малороссийских дел, то есть дел бывшего Малороссийского приказа, служили мне источниками при надобности и другие дела Посольского приказа, хранящиеся в том же Московском главном архиве иностранных дел, преимущественно польские и крымские в тех случаях, когда сношения с Польшей и Крымом касались Малороссии.

2. Дела Московского архива Министерства юстиции. Они сохраняются в свитках, но

---

[333] Запись показаний очевидцев или обвиняемых и свидетелей.

значительная часть их переписана и внесена в особые рукописные книги по годам. Те, которые служили мне источниками, принадлежали также бывшему Малороссийскому приказу, а потому иные из них по своему содержанию совершенно одинаковы с теми, которые хранятся в Главном архиве иностранных дел; но зато есть громадная масса таких дел, которые сохранились исключительно в Архиве Министерства юстиции, с той разницей, что подлинников здесь несравненно меньше.

3. Дела Государственного архива, хранящиеся в Санкт-Петербурге под главным ведением канцлера. Дела, относящиеся к царствованию Петра Великого, а следовательно, к описываемой мною эпохе, составляют особое собрание под названием «Кабинета». Они внесены в особо переплетенные книги. Здесь помещены черновые отпуски исходящих бумаг, царских указов, царских писем, писем приближенных к царю особ и всяких правительственных распоряжений; здесь же помещены и входящие бумаги: донесения и извещения, посылаемые верховному правительству. Кроме занесенных в «Кабинет», письма некоторых современников Петра Великого и его сподвижников, как, например, Меншикова, Мазепы, Головина, Гольца и других, сохраняются в подлинниках в особых собраниях.

4. Гистория Свейской Войны. Это — журнал, веденный по приказанию Петра Великого во все продолжение войны со Швецией. Журнал этот под тем же названием был напечатан еще в прошлом столетии, но я пользовался им в старой рукописи, хранящейся в Государственном архиве.

5. Рукописи императорской Публичной библиотеки. Собрание польских рукописей времен Августа II. Это сборники, так называемые «Sylvae rerum», куда заносились документы, письма, речи, описания и пр., — вообще все, что в свое время могло возбуждать интерес. Такие сборники, встречаемые в изобилии как в общественных, так и в частных польских книгохранилищах и архивах, свидетельствуя о развитии у поляков интереса к делам своего края, служат драгоценными материалами для занимающихся историею Польши и стран, имевших с Польшей сношения, но собственно для избранной мною в настоящем случае эпохи польское собрание рукописей Публичной библиотеки представило не так много богатства, как при занятиях другими эпохами малороссийской истории, что надобно приписать ходу политических обстоятельств того времени.

6. «Чтения в Императорском московском обществе истории и древностей». Годы 1846—1847 (разные малорусские летописи, напечатанные тогда в этом издании). Годы 1858, № 1, и 1859, № 1 (разные официальные документы и письма, извлеченные из Московского главного архива иностранных дел, между прочим дело Кочубея и Искры).

7. «Полное собрание законов Российской империи». Тома III и IV, 1830 год (законы и распоряжения правительства с 1689 по 1712 год).

8. «Собрание государственных грамот и договоров», т. IV.

9. «Письма фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева», 4 т., 1778— 1789 гг.

10. «Древняя Русская вивлиофика», т. XVI (Сказание о взятии Азова).

11. «История Петра Великого», соч. Устрялова. Тома I-IV, 1859—1863 гг. (Сочинение драгоценное и до сих пор незаменимое по множеству материалов, помещенных в приложениях к каждому тому.)

12. Первые Русские ведомости, 1703 г. и далее.

13. «Собрание записок о Петре Великом», составленное Туманским, 8 томов. (Это, теперь уже редкое, издание заключает в себе множество современных актов и писем.)

14. Голикова, «Деяния Петра Великого», изд. 1788 г.

15. «Дополнения к Деяниям Петра Великого», Голикова же. Тома VII и VIII, изд. 1791 г., том XV, изд. 1795 г. (Здесь, особенно в XV томе. есть много современных материалов, из них некоторые встретил я в бумагах Государственного архива, но другие мне известны единственно по тексту, сообщенному в этом издании.)

16. «Памятники Киевской временной комиссии для разбора древних актов», томы 3—4, изд. 1852 г. (Здесь встречаются черты ранней деятельности Мазепы еще задолго до его гетманства.)

17. «Архив Юго-Западной России», часть II], т. II, о козаках, изд. 1852 г. (Здесь помещены документальные материалы, относящиеся к биографии знаменитого в свое время Палея и

других деятелей в Юго-Западной Руси, а равно к восстанию южно-русского народа против польских панов, происходившему на правой стороне Днепра в первых годах XVIII столетия.)

18. «Zaiuskiego Andr. Chrysost. Epistolarum historicofamiliarium». Tom. I-IV in f. (Редкая книга, где встречаются подробности, относящиеся к событиям, о которых сведения передаются в предшествовавшем источнике.)

19. «Pamietniki Chrvsostoma Paska», изд. 1877 г. (Любопытные для бытовой истории записки польского шляхтича второй половины XVII века, в которых, между прочим, сообщаются сведения о молодых летах Мазепы во время его пребывания в Польше.)

20. «Акты Западной России», изданные Археографической комиссиею, том V, изд. 1853 г. (Здесь помещено несколько актов, относящихся к истории Малороссии в первые двенадцать лет гетманства Мазепы.)

21. «Летопись событии в Юго-Западной России». Составил Самуил Величко. Издана Киевскою временною комиссиею для разбора древних актов, том III, 1864 г. (Неутомимый собиратель письменных исторических материалов и красноречивый повествователь о судьбах южно-русского края в XVII веке Самуил Величко не может быть изъят от справедливого порицания за свое суетное риторство и за крайний недостаток критического отношения к тем источникам, какие у него были под рукою. Многие считают его умышленным фальсификатором и выдумщиком.. Действительно, у него в летописи помещено немало таких документов, которых лживость очевидна. Но нельзя не обратить внимания на то, что сам автор летописи в своем предисловии к читателю заранее соглашается с тем, кто скажет, что в его летописи есть неверности, и предоставляет читателю исправить их, если читатель найдет другие, более достоверные, источники. Такая искренность побуждает нас относиться с большим доверием к изложению таких событий, которые совершались в более близкое время к написанию этой летописи, когда автор мог быть современником и очевидцем излагаемых событий, не подчиняясь слепо голосу других, на письме передававших о них сведения потомкам. В III томе «Летописи» излагается история Малороссии со вступления на гетманство Мазепы до половины 1699 года. Величко, сообразно своему обычаю, принятому при составлении первых двух томов своей «летописи», и в III томе посреди повествования вмещает письма и документы; из них некоторые известны и по другим источникам, а потому нет никаких поводов подозревать вообще неверность сообщаемых в III томе документов и думать, что они вымышлены самим автором летописи.)

22. «Летопись Самовидца по новооткрытым спискам, с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, Краткого описания Малороссии и Собрания исторического». Издана Киевскою временною комиссиею для разбора древних актов. Изд. 1878 г. (Эта драгоценная летопись, бесспорно, самая достовернейшая из всех других малороссийских летописей, была уже прежде напечатана в «Чтениях Московского общества истории и древностей» в 1846 году, а теперь вновь переиздана, во-первых, потому, что первое издание вышло из продажи, во-вторых, потому что отыскались новые списки этой летописи с некоторыми отменами против прежнего издания. Эта летопись, составленная очевидцем событий, о которых шла речь, прерывается 1702 годом. Известия о событиях дальнейших годов, внесенные в первое издание как неразрывная часть единого сочинения, взяты из другой летописи, напечатанной в приложениях к киевскому изданию под названием «Краткое описание Малороссии», и, очевидно, попадали в «Летопись Самовидца» случайно. Известия эти по отношению к эпохе Мазепы вообще не важны. Что касается до загадочной личности Самовидца, то есть вероятие предполагать, что автором этой летописи был Федор Коробка. Это выводится вот из чего. Летописец, упоминая под 1660 годом о бывшей в Борисове комиссии, сообщает, что он был там с козаками: «В Борисове на початку року починается комиссия, на которую и нас Козаков затягнено, и былисмо» («Лет. Самов.», с. 61). Но из дел этой комиссии мы узнаем, что там были: нежинский полковник Золотаренко, Федор Коробка, Роман Ракушка и 53 козака (Соловьев «Ист. Росс.», т. XI, с. 110). А так как о Василии Золотаренко и Романе Ракушке («Лет. Самов.», с. 108) тот же летописец в других местах своей летописи говорит в третьем лице, то и делается вероятным, что находившийся на Борисовской комиссии автор «Летописи Самовидца» был Федор Коробка, если, разумеется, не допускать, что автором «Летописи Самовидца» мог быть кто-нибудь не из трех чиновных, а из пятидесяти трех

простых рядовых Козаков, сопровождавших посольство. Последнее едва ли вероятно.)

23. «Летописное повествование о Малой России, о ее народе и о козаках, собрано и составлено чрез труды инженера генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана», 1785—1787 гг., изд. в «Чтениях Московского общества истории и древностей» и отдельно 1847 года. (Это сборное повествование событий малороссийского края, происходивших с XVI по XVIII век включительно, составлено трудолюбивым и добросовестным деятелем прошлого столетия, одним из тех, которые, не задаваясь ни притязаниями на ученость, ни щегольством красноречия, имели в виду только собрать и передать потомкам сведения о том, что происходило в их крае с их предками. «Повествование» составляет четыре части, разделяемые на книги. Описываемая нами эпоха излагается в III части в пятой книге. Автор включает в свое повествование некоторые письма и документы, не давая нигде повода подвергать сомнению сообщаемое им как документ, как равно и подозревать в чем бы то ни было умышленное искажение исторических сведений.)

24. «Летопись Григория Грабянки собранная и самобитных старожилов сведительстви утвержденная року 1710». Изд. Киевской Временной комиссии для разбора древних актов. Изд. 1854. (Эта летопись, одна из подробнейших, излагает эпоху Хмельницкого и события последовавшего времени, а о гетманстве Мазепы уже говорит при конце своем, сообщает, однако, любопытные сведения о войнах с бусурманами и о действиях Палея, но с 1700 года до измены Мазепы включительно ограничивается короткими и неважными известиями.)

25. «История Петра Великого от рождения его до Полтавский баталии и взятия остальных шведских войск при Переволочне включительно, сочиненная Феофаном Прокоповичем, бывшим архиепископом Великого Новгорода и Великих Лук». Изд. 1788 г. (Это сочинение, кроме известий о современных событиях, писанных человеком, близко стоявшим к Петру, любопытно и по верной характеристике личности Мазепы.)

26. «Otwinowskiego Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, od roku 1696 po rok 1728». Изд. 1849 г. (В ряду событий своего времени, совершавшихся в Польше в царствование Августа II, автор сообщает сведения, касающиеся Палея и восстания южно-русского народа на правой стороне Днепра. А также и личности Мазепы.)

27. «Летопись занятий Археографической комиссии». Выпуск VI, 1877 года (сообщение о годе рождения Мазепы).

28. «Черниговского наместничества топографическое описание», составленное Шафонским. Изд. 1851 г.

29. Бантыш-Каменского, «История Малой России», том III. От избрания Мазепы до уничтожения гетманства. Изд. 1842 г.

30. С. Соловьева, «История России с древнейших времен», тома XIV и XV. Изд. 1864—1865 годов.

31. Szujski. «Dzieje Polski», т. IV. Изд. 1866 года.

32. Ambrozy Grabowski. «Starozytnosci Polskie», 2 tomy. 1840. (В числе материалов находится несколько, касающихся положения казаков в конце XVII века.)

33. Tagebuch des Generals Patrick Gordon wahrend seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen von Jahre 1655 bis 1660 und seiner Aufenthalt in Russland von Jahre 1661 bis 1699 zum erstenmale vollstandig veroffentlichet der Furst M. A. Obolensky und Dr. Posselt». Три тома, изд. 1849 и 1859 гг. (Заключает изложение событий избрания Мазепы и многих иных, происходивших в первые годы его гетманства.)

34. «Passages from the diary ot» Patrick Gordon». Изд. 1859 г. (Извлечение из того же дневника в подлиннике.)

35. «The History of Peter the Great to which is prefixed a short general history of the country from the rise of that monarchy, by Alexandre Gordon». 1—11. 1755. (Автор был сын генерала Патрика Гордона, служивший России, один из сподвижников Петра.)

36. Сочинение Густава Адлерфельда, одного из приближенных к Карлу XII особ. Автор пробыл вместе со своим королем от начала Северной войны до Полтавской битвы, в которой был убит. Как очевидец, он по приказанию своего государя вел записки о военных событиях и, между прочим, был свидетелем, как Мазепа передался к шведскому королю и последовал за ним: он довольно обстоятельно описал это замечательное событие. Вообще, его рассказ, везде

простой и беспристрастный, составляет один из важнейших источников для истории этой эпохи. После смерти автора его сочинение продолжал племянник его, Карл-Максимилиан Адлерфельд, описавший бегство Карла XII с остатками своих сил и Мазепы с его соумышленниками через степь в Турцию. Это описание присоединено к прежнему дневнику вместе с запиской о тех же событиях, составленной Понятовским, поляком, сторонником шведского короля, вместе с последним бежавшим с Полтавского поля в Турцию, и все издано под общим именем Густава Адлерфельда. Сочинение это было еще в прошлом столетии переводимо со шведского на другие европейские языки. Не зная по-шведски, я пользовался переводами на французский и немецкий. Первый носит заглавие «Histoire militaire de Charles XII». 4 vol. Paris. 1741. Немецкий перевод называется так: «Leben Karls des Zwolften Konigs von Schweden auf desselben Befehl beschrieben von Herrn Gustav von Adierfeld, koniglichen Cam-mernerrn, mit Anmerkungen eriautert und fortgesatzt, wie auch mit nothigen Abris-sen versehen». 1—3. Изд. 1742 года.

37. Сочинение Нордберга, бывшего при короле Карле XII лютеранским пастором и придворным проповедником. Он сопровождал короля во всех походах и был близким очевидцем всех важнейших событий, совершавшихся около воинственного государя. После полтавского поражения он, вместе с некоторыми другими соотечественниками, чтоб избежать плена от калмыков, угрожавшего оставшимся на поле, добровольно отдался в плен русским. Автор составил описание деяний своего короля, которого изобразил в самом светлом образе — великодушнейшего, неустрашимого и справедливейшего героя. Он, кроме того, горячий патриот, а потому, быть может, не везде строго беспристрастен. Тем не менее это сочинение, излагая шаг за шагом все движение Карла XII, проводившего свое царствование в военных походах по чужим землям, составляет один из первоклассных источников для обрабатываемой мною эпохи. Я пользовался французским переводом этого сочинения, который носит такое заглавие: «Histoire de Charles XII». 4 volumes in 4° La Have. 1728 года.

38. Сочинение Фрикселя, шведского историка, написавшего специальную историческую монографию о Карле XII. Он пользовался приведенными выше современными записками Адлерфельда и Нордберга, но также и многими неизвестными нам сведениями, почерпнутыми из стокгольмских архивов. Сочинение это написано талантливо, добросовестно и беспристрастно. На основании архивных источников оно передает нам многое из отношений Карла к своим генералам, чего нет в других сочинениях. Автор никак не менее Нордберга патриот и любит личность Карла XII, но не увлекается этою личностью до того, чтобы не замечать ее недостатков. Я пользовался немецким переводом этого сочинения, который издан под таким названием: «Lebensgeschichte Karls XII». Th. 1—5. Braunschweig. 1861 года.

39. «Wahrhat'tige Bericht von dcr Moscowiter unchristlichen und harten 'erfah-ren gegen S. K. M. von Schweden hone und niedrige Officiere, Bediente und LJntcrt-hanen». Stockholm. 1705 года. (Эта брошюра написана была в то время, когда между воюющими сторонами начинались было переговоры о размене пленных, не приведшие, однако, к успеху. Тогда, в качестве отместки русским за суровое отношение к неприятелям, приказано было развести из Стокгольма живших там русских пленников по другим городам, подвергнув их там тюремным стеснениям. Автор брошюры изображает черными красками жестокость и бесчеловечие русских над шведами и выставляет в противоположность гуманное и снисходительное обращение шведов с русскими пленниками.)

40. Engel «Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosacken». Изд. 1796 года. (Добросовестный труд замечательного по трудолюбию и дарованию плодовитого немецкого ученого, успевшего в непродолжительное время своей жизни составить историю почти всех стран восточной Европы. По истории Украины ему знакомы были преимущественно польско-латинские источники.)

41. Русский архив, изд. Бартеневым. 1863 года. (Путешествие священника Лукьянова, сообщающего сведения о Палее.)

42. Motley «The history of the life of Peter I emperor of Russia». V. 1—3. Изд. 1739 года.

43. Катифора, «Житие Петра Великого». 4 т. Русский перевод XVIII столетия.

44. Scherer «Annales de la Petite Russie ou histoire des Cosaques-Saporogues et des Cosaques d'Ukraine». 1—2 т. Изд. 1788 года.

45. «Schreiben eines proben Polacken an seines gleichen in Warschau worin er auf grossmachtigen Czar so genannte freundliche Demonstration an die Republique Polen antwortet». 1704 года. (Протест противной Петру партии в Польше в эпоху перенесения туда военных действий.)

46. «Declaratio Sacrae Czaar. Majestatis quo jure et qua intentione exercitum suum in Poloniam introduxerit». Изд. 1705 года.

47. «Grundliche Relation desjenigen so zwischen denen Schweden und Moscowi-tern seit dem II. Dec. vorigen bis zum 31 Marz lauffenden 1709 Jahres vorgegangen». Изд. 1709 года.

48. Письма Лазаря Барановича.

49. Симоновский. «Краткое описание о козацком малороссийском народе».

50. «Словарь достопамятных людей Русской земли», Бантыш-Каменского. 8 томов. Изд. 1836—1847. (Здесь помещены биографические сведения о лицах, бывших сподвижниками Петра Великого и участниками в Северной войне, между прочим, о самом Мазепе.)

51. «Volumina Legum». 1—8 т. (Собрание польских законов, между которыми есть относящиеся к Правобережной Украине.)

52. Hermann. «Geschichte des Russischen Staats». 4 т. Изд. 1849 года.

53. «Сказание о населенных местностях Киевской губернии». Собрал Л. Пахилевич. Изд. 1864 года.

54. «Список населенных местностей России, изданный центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел». Тома: 13-й (Екатеринославская губерния), 33-й (Полтавская), 41-й (Таврическая), 46-й (Харьковская), 47-й (Херсонская), 48-й (Черниговская).

55. «Украинские народные песни», собранные М. Максимовичем. Изд. 1834 года.

56. «Малорусские предания и рассказы», собран. Драгомановым. Изд. 1876 года. Полтавское поражение шведских сил, сдача остального шведского войска под Переволочною и бегство короля в Турцию подали повод к появлению брошюр. специально описывавших эти громкие события, наделавшие в свое время величайшего шума во всей Европе. Из таких брошюр были у меня под руками:

57. «Umstandliche Bericht der ungiucklichen schwedischen Niederlage bey Pultawa den 27 Juni 1709». Изд. 1710 года.

58. «Ausfuhrliche Relation von der den 27 Juni 1709 zwischen ihre Czaar. Majestat und des Koniges von Schweden Armee ohnweit Pultawa vorgefallenen Bataille». Изд. 1709 года.

59. «Vollstandige Nachricht von den Siegreichen Treffen I. Gross. Czaar. Maj. gegen die schwedische Armee zwischen Pultawa und Potruka den 29 Juni 1709».

60. «Mars Moscowiticus oder das Moscowitische Kriegsgldck wie es endlich S. Czar. Maj. Petrum Alexiowitz statlich secundiret und nach derbey Pultawa erhal-tenen herrlichen Victorie in Moscau eingefuhrt hat». Изд. 1710 года.

61. «Stettinisch Postzeitung von 17 Oktober mitbringend was von der Koniglichen schwedischen Armee in Riissland vorgefallen». 1708.

62. «Extract-schreiben an S. Czaar. Maj. des Feldmarschal Menschikow von der Niederlage den noch ubriegen aus der Bataille bey Pultawa nach Turckey salwirten Truppen». 1709.

63. «Umstandlicher, glaubwiirdiger und ausfuhrlicher Bericht der ungiucklichen schwedischen Niederlage bey Pultawa den 27 Juni st. v. 1709, geschrieben ans Breslaii anno 1710».

64. «Specification derer schwedische Truppen so an ihre Durchlcucht dem Fursten Menschikow der 30 Juni 1709 bey Perewoloczna als Kriegsgefangene sich ergeben haben». 1709.

Долгом считаю засвидетельствовать свою глубокую признательность г. директору Московского главного архива иностранных дел, барону Ф. А. Бюлеру и вообще всем гг. начальствующим и служащим в архивах, в которых я был допущен, за доброе и обязательное внимание ко мне во время моих занятий материалами для составления настоящей монографии.